This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

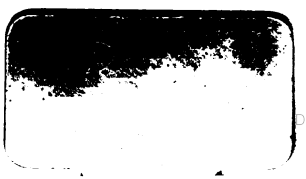
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

8546 71

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

издаваемый подъ редакціею

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВТОРОЙ. ІЮЛЬ. 1883 ГОДЪ.

Летучая библіотека № ... Михайловская № ... С. П. Б.
Летучая Библіотека Михайловская ... Дома 4

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Галлюцинатъ. Разсказъ *Я. П. Полонскаго* 3
II. Удовольствія и страданія. (Съ біологической точки зрѣнія). *Л. К. Попова* 47
III. На родинѣ. Стихотвореніе *А. В. Круглова* 65
IV. Бѣднякъ. (Изъ Сырокомли). Стих. *В. К.—К.* . . . 66
V. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Гл. VI—XI. *Ю. Г. Завистцкаго* 69
VI. Рабочій классъ въ Парижѣ. Соціальные эскизы, *Луи Поліа*. (Продолженіе). 119
VII. *** Стихотвореніе *А. Днѣпровскаго* 139
VIII. На Дону. Стих. *Н. Щедрова* . . . . —
IX. Крикетъ. Романъ *Л. Галеви*. (Продолженіе) 141
X. Два стихотворенія. *Ф. Андреева* 217
XI. Крестьянскія переселенія. (Историческій очеркъ). *Л. В—на*. 218
XII. Носить съ честью. Романъ *М. С. Б.* Переводъ съ англійскаго. 233

Современное обозрѣніе.

XIII. Храмъ Плутона. (Письмо изъ Парижа). *К. Яроша* . . . 1
XIV. Наши внутреннія дѣла. 11
Высочайшіе рескрипты.—Раскольничья реформа. — Брачный вопросъ. — Раскольничій семейный бытъ.—Улучшеніе положенія православной церкви и духовенства.
XV. Политическая хроника. . 24
Европа въ Москвѣ на коронаціи.—Общія ожиданія.—Впечатлѣнія, вынесенныя англичанами, французами и нѣмцами.
XVI. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):
1) Оселъ и Соловей. (Варіація на басню Крылова). *Горесмѣхова* 45

(См. на оборотѣ.)

Digitized by Google

№ 7-й «Наблюдателя» вышелъ 15-го Іюля 1883 года.

Стр.

— 2) Моя бабушка. Стих. *А. Д—скаго* 46
— 3) Политическому поэту. (На мотивъ изъ Гейне). *А. Д.* . . 47
— 4) Крыса въ редакціи. Современная басня. *Журнальнаго Кота* 47

XVII. Содержаніе книгъ «*Наблюдателя*» за январь — іюль 1883 г. 49

Отъ редакціи.

Со втораго полугодія, вслѣдствіе желанія, заявленнаго многими подписчиками журнала, а также и по многимъ неудобствамъ редакціоннаго свойства, соединеннымъ, особенно въ началѣ года, съ выходомъ книгъ 1-го числа, — *нумера «Наблюдателя» будутъ выпускаемы 15-го числа каждаго мѣсяца*. Считаемъ почти излишнимъ прибавлять, что новый срокъ будетъ соблюдаться нами съ такою же точностью, какъ и прежній.

Отъ конторы редакціи.

Гг. подписчикамъ, пользовавшимся разсрочкой и не сдѣлавшимъ условленныхъ взносовъ—высылка журнала прекращена, впредь до уплаты слѣдуемой суммы.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 7-й. ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1883.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.

57.36

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1883/7)

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

11 Іюня 1883 года.

Принимая въ соображеніе, что журналъ «Наблюдатель» упорно держится явно предосудительнаго направленія, доказательствомъ чего служатъ, между прочимъ, статьи подъ заглавіемъ: «Наши внутреннія дѣла» и «Современное Обозрѣніе» въ шести первыхъ книжкахъ за текущій годъ,—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 50 приложенія къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. Св. Зак. Т. XIV, по прод. 1876 г., и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Наблюдатель» *первое* предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Александра Пятковскаго.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 1971

Peace Fd

Digitized by Google

ЛЕТУЧАЯ БИБЛІОТЕКА
№
МИХАЙЛОВСКАЯ №2 С.П.Б.

ГАЛЛЮЦИНАТЪ.

I.

Это было въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ... не помню какомъ году.

У Ивана Петровича Полосатова была вечеринка;—гостей было немного: были дамы и пожилые люди, были холостяки и ни одной дѣвицы. Въ двухъ комнатахъ—въ гостинной и въ кабинетѣ—горѣли стѣнныя лампы. Горничная, тяжело ступая по коврамъ, разносила стаканы и чашки съ чаемъ; на столѣ передъ диваномъ стояла вазочка съ виноградомъ, яблоками и апельсинами. Молодая хозяйка Вѣра Ивановна была не изъ числа говорливыхъ, но при ней всѣмъ было легко и всѣ были веселы; хозяинъ курилъ сигару и глубокомысленно выслушивалъ городскія новости... Я подсѣлъ къ хозяину и спросилъ его:

— Кто такой этотъ... который ни съ того, ни съ сего заговорилъ съ вами по-французски и вышелъ въ гостинную... Никогда еще у васъ не встрѣчалъ я такой физіономіи.

— Ба!.. это я для васъ, милѣйшій, пригласилъ его, отвѣчалъ онъ, осклабившись.

— Какъ, для меня?!..

— Для васъ. Онъ премило компонируетъ, и, вообразите, на ваши слова написалъ музыку; на дняхъ онъ пѣлъ ваши стихи у Хазарова,—очень выходило хорошо... Вотъ я и пригласилъ его... зналъ, что вы у насъ будете.

— Такъ что-же онъ не поетъ?

— А вотъ, постойте, уберутъ чай—я попрошу его... Но прежде всего, полагаю, слѣдуетъ мнѣ вамъ его отрекомендовать.

Digitized by Google

— А какъ его фамилія?

— Фамилія?.. фамилія Трубинъ; если не ошибаюсь, онъ, должно быть, учитель музыки... и... талантъ!.. вотъ вы увидите... Не будь у него таланта—вы думаете, я бы пригласилъ его?

Хозяинъ при этомъ криво улыбнулся и поглядѣлъ на меня вопросительно... Иванъ Петровичъ Полосатовъ совмѣщалъ въ себѣ три качества: былъ очень исправный чиновникъ, добрякъ, и, будучи самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, любилъ все необыкновенное. Всѣ пріятели его были люди разныхъ профессій: былъ между ними отставной полковникъ, изобрѣтатель какой-то пушки, которая съ корабля, не смотря ни на какую бурю, можетъ попадать въ цѣль и разбивать непріятельское судно; былъ актеръ, прославившійся въ трехъ провинціяхъ: въ Екатеринбургѣ, въ Херсонѣ и въ Саратовѣ, и добивавшійся дебюта на императорской сценѣ; былъ грузинскій поэтъ, написавшій комедію; былъ археологъ и собиратель старыхъ крестовъ и медалей; былъ даже какой-то фокусникъ... словомъ, люди необыкновенные!

Да и жена у него, Вѣра Ивановна, была дама замѣчательная, не пропускала ни одного концерта и постоянно влюблялась, то въ Рубинштейна, то въ Венявскаго, то въ Гензельта, по крайней мѣрѣ, безъ восторга не могла говорить о нихъ, тогда какъ эти великіе люди даже и не подозрѣвали о ея существованіи. Лицо у нея было маленькое, фарфоровое, по утрамъ блѣдное и капризное, по вечерамъ, при гостяхъ,—меланхолическое, съ тонкимъ румянцемъ на щекахъ и влажными изъ-синя сѣрыми, по временамъ вспыхивающими глазками.

Мужъ повиновался ей и она была вѣрна ему; но по комъ вздыхала, кромѣ вышеупомянутыхъ артистовъ, — было покрыто мракомъ неизвѣстности. Дѣтей у нея не было.

Послѣ разговора съ Иваномъ Петровичемъ, я самъ въ гостиной подошелъ къ Трубину, не дождавшись рекомендаціи, и сказалъ ему:

— Говорятъ, вы положили на музыку какіе-то стихи мои?

Онъ моргнулъ, поднялъ черныя брови и затѣмъ, узнавъ мою фамилію, изобразилъ на лицѣ своемъ нѣчто въ родѣ торопливой

Digitized by Google

радости и проговорилъ, что давно уже искалъ случая со мной познакомиться, что... онъ много ѣздилъ по Россіи, много пѣлъ, и училъ простой народъ, въ особенности фабричныхъ, пѣть положенные на голосъ стихи мои...

Трубинъ былъ далеко не красавецъ, но и не дуренъ. Лицо у него было испитое, темное и съ какими-то свинцовыми отливами; низкій лобъ, черныя прямыя брови и масляные, по временамъ сладкіе, каріе глаза его не говорили въ пользу его ума; но ничего и глупаго не было въ его нѣсколько грубоватой физіономіи; весь же онъ,—вся его фигура, подозрительно-скромная, его услужливость—неловкая, какъ-бы натянутая и неискренняя, французскія фразы, и даже вкрадчивая улыбка,—производили непріятное, нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе. На немъ былъ потертый сюртукъ, далеко не свѣжій, черный галстухъ, и, казалось, что самъ онъ это чувствуетъ и что это его коробитъ...

Я замѣтилъ, что хозяйка поглядывала на новаго гостя съ какимъ-то безпокойствомъ, точно была предупреждена на его счетъ, прочія дамы не обращали на него никакого вниманія, какъ онъ къ нимъ ни подсаживался, какъ ни старался ихъ занять собой...

Наконецъ горничная унесла на подносѣ послѣдніе пустые стаканы. Въ кабинетѣ трое изъ числа гостей усѣлись за ломберный столъ; въ гостинную вошелъ хозяинъ и, посмѣиваясь, прямо обратился къ Трубину, который былъ очень радъ, что нашелъ во мнѣ болѣе снисходительнаго собесѣдника, и сидѣлъ со мной рядомъ у задней стѣнки.

— А что же, Аркадій Николаевичъ, вы обѣщались намъ что-то спѣть... Вотъ, кстати, и авторъ здѣсь... но вы ужь, кажется, познакомились?

— Я всегда готовъ, вставая, отвѣчалъ гость—и если позволите...

— А вотъ и пьянино раскрыто и ждетъ васъ... пожалуйста, безъ всякихъ церемоній!

Хозяйка почему-то покраснѣла,—очевидно она не ждала ничего хорошаго; трудно было угодить ушамъ ея: — до такой степени

Digitized by Google

избалованъ былъ музыкальными геніями слухъ этой милой чиновницы. На вкусъ же своего мужа она не надѣялась...

Трубинъ самъ придвинулъ круглый табуретъ къ піанино и сѣлъ... Затѣмъ потеръ себѣ руку объ руку и пальцемъ осторожно дотронулся до клавишей... Наконецъ заигралъ и сталъ пѣть. Кто-то засмѣялся, но всѣ притихли и стали слушать. Въ игрѣ его не было ничего блестящаго, ничего поражающаго—ни быстроты, ни силы, ни грома. Это было ничто иное, какъ акомпанементъ; но какіе пѣвучіе звуки раздались подъ его короткими, мягкими пальцами, какъ дрогнулъ его небольшой, нѣсколько сиповатый, комнатный баритонъ, и съ какимъ чувствомъ и вкусомъ пропѣлъ онъ, или, лучше сказать, подъ музыку проговорилъ стихи мои, какъ онъ осмыслилъ ихъ!.. Я, какъ авторъ, былъ въ восхищеніи, да и хозяинъ, если вѣрить криво улыбающемуся, полураскрытому рту его, наклоненному уху и прищуреннымъ глазкамъ, изрѣдка поглядывающимъ на неподвижное, какъ бы застывшее, фарфоровое личико своей жены,—тоже ощущалъ нѣчто похожее на пріятное сердцу щекотаніе.

— Хорошо! прошептала Вѣра Ивановна... Иванъ Петровичъ взглянулъ на жену и похлопалъ въ ладоши. Я тоже похлопалъ.

Польщенный артистъ не ограничился одной пьесой. Онъ не отходилъ отъ піанино, сгорбился, потупился, и точно прилипъ къ клавишамъ: импровизировалъ, пѣлъ и опять импровизировалъ.

Я замѣтилъ, что это многимъ уже стало надоѣдать, и поглядѣлъ на Трубина—скоро-ли онъ перестанетъ? Даже хотѣлось подойти къ нему и сказать: если вы устали, то не отдохнете ли? Вдругъ я замѣтилъ нѣчто очень странное: раздались фальшивые звуки, точно пальцы его растерянно пошли блуждать по клавишамъ; онъ поблѣднѣлъ, заморгалъ, поднялъ брови и, сморщивъ лобъ, съ ужасомъ посмотрѣлъ куда-то въ сторону. Легкая конвульсія покривила ротъ его, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, кое-какъ докончилъ пьесу и вдругъ поднялся съ мѣста.

— Извините, не могу болѣе... пробормоталъ онъ задыхающимся голосомъ.

Вѣра Ивановна поглядѣла на него съ изумленіемъ и задума-

Digitized by Google

лась. Дамы точно обрадовались, залепетали и тотчасъ принялись благодарить его за удовольствіе, которое онъ доставилъ имъ, а въ сущности за то, что онъ развязалъ имъ языки, далъ имъ полную волю немножко позлословить или посплетничать. На этотъ разъ ни одной французской фразы не соскользнуло съ языка его. Онъ перешелъ въ кабинетъ и, какъ-то съежившись, присосѣдился къ играющимъ въ карты...

Черезъ полчаса (т. е. около полуночи) я собрался домой; ни съ кѣмъ не простясь, вышелъ въ переднюю и сталъ искать свою шубу.

Не успѣлъ я надѣть ее, какъ въ ту же переднюю проскользнулъ Трубинъ.

— Вы уходите? спросилъ онъ.

— Ухожу.

— Пойдемте вмѣстѣ...

— Что такое съ вами? спросилъ я. Вы какъ будто... того... поблѣднѣли...

— Такъ, немножко нездоровится,—отвѣчалъ онъ уклончиво.— А вы куда теперь? спросилъ онъ, накинувъ на себя енотъ и вздѣвъ на ноги калоши, высокія, истоптанныя и мокрыя—русскія *мокроступы*, въ полнѣйшемъ смыслѣ слова.

— Я... домой.

— А не хотите-ли къ Палкину? закусить... водочки выпить.

— Не имѣю этого похвальнаго обычая...

— Право, пойдемте къ Палкину, самое время.

— Не могу...

— Если у васъ денегъ нѣтъ,—я угощу васъ.

Я невольно пожалъ плечами... и молча сталъ спускаться съ лѣстницы, тускло освѣщенной газовымъ рожкомъ. Но шлепая своими калошами, онъ нагналъ меня и опять сталъ звать къ Палкину.— Экій вы какой, однакожъ!—говорилъ онъ, тономъ стараго закадычнаго пріятеля.

Есть такіе добрые, простодушные люди, обращенье которыхъ, какъ бы ни было оно нецеремонно и даже наивно,—пріятно, но... что-то *Ноздревское*, какая-то слащаво-назойливая нота звучала

Digitized by Google

въ его голосѣ, въ его приставаньѣ непремѣнно идти съ нимъ въ трактиръ и водку пить.

— Ну, такъ я васъ провожу до квартиры, сказалъ онъ мнѣ, уже на улицѣ, гдѣ снѣжная мятель сразу охватила насъ, и гдѣ ближайшій фонарь тускло освѣтилъ его смуглое лицо, мѣховую баранью шапку и шубу, которую, не надѣвъ въ рукава, но прикрывая грудь, онъ прихватилъ обѣими руками.

— Проводите до перваго извощика...

— Такъ вы, поэтъ, не пойдете къ Палкину?

— Да вѣдь вамъ нездоровится, и, право, самое лучшее, что мы сдѣлаемъ, это—если мы отправимся домой и ляжемъ спать.

— Спать! Я-съ по ночамъ никогда не сплю; или сижу въ трактирѣ, или... онъ не договорилъ.

— Такъ отчего же вы ушли отъ Полосатовыхъ? Тамъ дождались бы закуски, и до трехъ часовъ ночи провели бы время въ обществѣ.

— Я не зналъ, что тамъ подаютъ закуску, да, признаться... ну, хотите, я признаюсь вамъ, отчего я пересталъ играть и ушелъ?

— Отчего?

— За піанино съ... у самой шторы окна, вдругъ появилась мнѣ тѣнь одной, давно уже умершей, женщины. До игры-ли тутъ!.. Мнѣ не хотѣлось говорить вамъ, потому что, кто же мнѣ повѣритъ?..

— Какъ это тѣнь умершей женщины? Какая тѣнь?!

— Да, чортъ возьми! та же самая, которая уже не разъ изволила безпокоить меня своимъ появленіемъ. Вообще, если я теперь не закушу и не выпью, ночь будетъ ужасная...

— Такъ вы, значитъ, подвержены галлюцинаціямъ?

— Значитъ, подверженъ.

— Что же вы не обращаетесь къ доктору?

— Къ доктору! Э! много они понимаютъ!

— Однако я знаю примѣры,—отъ галлюцинацій вылѣчивались.

— Я и кали-бромати пилъ, и всякія микстуры...

— Не помогаетъ?

Digitized by Google

— Помогаетъ на день, на два...

— И это не мѣшаетъ вамъ заниматься музыкой?

— По ночамъ иногда играю, гдѣ могу... Днемъ,—днемъ сплю вплоть до самаго вечера; иногда, какъ убитый, сплю—пушками не разбудите...

— А когда же вы даете уроки?

— Какіе уроки?

— Я слышалъ, вы даете уроки музыки?

— Это еще что за новости! я даю уроки музыки?! Да я и нотъ-то не знаю... А-ха!.. уроки музыки!!. Кто это вамъ сбрендилъ?..

— Какъ же это вы сочиняете ноты, а нотъ не знаете?..

— Да очень просто... я импровизирую... т. е. сочиняю,— другіе записываютъ. Геній музыки сидитъ во мнѣ и еслибы не обстоятельства... Эй, извощикъ! хриплымъ басомъ гаркнулъ онъ на всю улицу...

У фонаря, по ту сторону улицы, въ снѣжной мглѣ зашевелилось что-то темное... и сани подъѣхали.

— Куда вамъ? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, я сталъ нанимать извощика.

— А! намъ по дорогѣ; довезите меня до вашей квартиры, а тамъ я пѣшкомъ пойду...

Дѣлать нечего. Оба мы усѣлись въ сани и поѣхали. У воротъ дома, гдѣ я квартировалъ, мы вышли изъ саней.

— Позвольте, заговорилъ онъ, я заплачу за васъ, у меня еще есть въ карманѣ одинъ рубль и восемь гривенъ... все мое состояніе!

Мнѣ стало досадно, я заплатилъ извощику и сухо простился съ нимъ.

Уходя подъ ворота, я слышалъ, какъ онъ сѣлъ въ тѣ же сани и сказалъ извощику:

— Въ Чернышевъ переулокъ!.. двугривенный!..

Digitized by Google

II.

Какой самородный талантъ! Какое удивительное сочетаніе словъ и музыки, и какіе простые мотивы! какъ легко они запоминаются.

Такъ думалъ я о Трубинѣ и, признаюсь, за-глаза, совершенно мирился съ нимъ, даже хотѣлось опять его встрѣтить и опять услышать это мягкое сочетаніе звуковъ, этотъ нѣсколько глухой, но все же симпатичный, теплый и выразительный голосъ. Мнѣ казалось, что на слѣдующемъ вечерѣ у Полосатовыхъ я непремѣнно встрѣчусь съ нимъ.

Но я ошибся. Иванъ Петровичъ отвелъ меня въ сторону и, слегка поморщившись, сказалъ мнѣ: Этотъ *вашъ* Трубинъ (почему «мой», я не понялъ) въ воскресенье заходилъ ко мнѣ, посидѣлъ въ кабинетѣ и велѣлъ передать вамъ, что для васъ нанялъ онъ какого-то юнаго музыкантика, что на дняхъ продиктуетъ ему тѣ пѣсни, которыя вамъ особенно понравились, и эти самыя ноты, съ вашими словами, приподнесетъ вамъ.

— Да вѣдь я не играю, зачѣмъ же мнѣ ноты?

— Хочетъ презентъ вамъ сдѣлать.

— Спасибо.

— Потомъ занялъ у меня пять рублей и ушелъ. Послушайте, ужь не пьянчуга-ли онъ? Губы у него такія... Сильно я побаиваюсь; войдетъ пьяный и наскандалитъ. Признаться вамъ, я раскаиваюсь, что пригласилъ его. А въ понедѣльникъ утромъ, около двухъ часовъ, онъ зашелъ къ женѣ моей, игралъ ей и пѣлъ до самыхъ сумерекъ.

— Что же говоритъ ваша жена?

— Жена говоритъ, что онъ ее разстроилъ и что ей ужасно жаль его.

— Гм! Ужь не разсказалъ-ли онъ ей о своихъ галлюцинаціяхъ?

— О какихъ галлюцинаціяхъ?

Я передалъ ему все то, что̀ слышалъ отъ самаго Трубина, и отчасти удивилъ, отчасти огорчилъ его.

Digitized by Google

Ивану Петровичу несомнѣнно было досадно, что жена его ни слова не сказала ему объ этихъ галлюцинаціяхъ...

— А чѣмъ-же инымъ и могъ онъ ее разстроить?

— Гм... да... пробормоталъ онъ, очень я раскаиваюсь, что пригласилъ его.

«Еще-бы не раскаиваться! подумалъ я.—Ей разстраиваетъ нервы, а у него разстраиваетъ финансы, молодецъ!..»

На этотъ разъ, вечеръ у Полосатовыхъ былъ не многолюденъ, съ чаемъ, фруктами, карточнымъ столомъ, но уже безъ музыки; изъ дамъ была только одна—въ атласномъ платьѣ и кружевахъ,—но и та скоро уѣхала.

Я остался одинъ, если не считать играющихъ въ карты, подошелъ къ хозяйкѣ и въ самомъ веселомъ настроеніи духа заговорилъ съ нею о Трубинѣ.

— Я слышалъ, сказалъ я,—что этотъ артистъ былъ у васъ и просидѣлъ все утро. То-то, я думаю, надоѣлъ?

— Почему вы это думаете? Напротивъ, онъ человѣкъ до того интересный, что вы и представить себѣ не можете, отвѣчала она серьезно.

— Не тѣмъ-ли, что ему являются духи или привидѣнія?

— Нѣтъ, онъ разсказалъ мнѣ жизнь свою и... это такое что-то ужасное, что не мудрено, если у него разстроены нервы, и если галлюцинаціи покоя не даютъ ему.

— Не знаю, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ жизнь его была ужасная! но вотъ вопросъ, почему именно вамъ, а не кому нибудь другому, онъ вздумалъ это разсказывать? Почему вы вдругъ, ни съ того ни съ сего, попали въ друзья его?

Фарфоровое личико Вѣры Ивановны слегка зарумянилось: съ минуту или двѣ она молчала, какъ-бы соображая, что бы такое отвѣтить мнѣ.

— Что-же тутъ такого удивительнаго! пролепетала она, протягивая руку къ вазочкѣ съ нетронутыми фруктами и поправляя свѣсившуюся виноградную кисть,—вольно вамъ понимать это по своему. Я же такъ это понимаю: человѣкъ, обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, въ высшей степени даровитый и безъ всякаго

Digitized by Google

состоянія, часто безъ копѣйки въ карманѣ,—человѣкъ, даже друзьями оклеветанный, если и можетъ быть откровененъ, то только съ тѣми, которые относятся къ нему безразлично, какъ я, напримѣръ. Ему могло показаться, что я не злоупотреблю его довѣріемъ,—и этого было достаточно, чтобы онъ разговорился; къ тому-же, я любопытна, и сама стала его разспрашивать. Вотъ вы писатель, а васъ нисколько не интересуетъ, какъ могъ развиться у человѣка такой музыкальный творческій талантъ, и какъ онъ могъ дойти до галлюцинацій? а меня это заинтересовало...

— А вы знаете, что наканунѣ того дня, какъ онъ былъ у васъ, онъ былъ у вашего мужа и произвелъ на него очень тяжелое и невыгодное впечатлѣніе?

— Знаю, отвѣчала она, какъ-бы разсердясь, и затѣмъ потупилась.—Мужъ мой далъ ему 5 рублей, когда узналъ, что этотъ человѣкъ по цѣлымъ днямъ голодаетъ. Такъ знайте-же, что Трубинъ очень обидѣлся такой подачкой. Онъ принесъ мнѣ эти 5 руб. и просилъ меня вернуть ихъ моему супругу... и... умолялъ меня... извинить его...

«Что-же это значитъ? подумалъ я.—Что за подлая комедія! Самъ выпрашиваетъ 5 рублей и самъ-же обижается!.. Фу!»

Я чувствовалъ, что все мое веселое настроеніе духа улетаетъ къ чорту, но я ничѣмъ не обнаружилъ моего негодованія.

— И вы передали Ивану Петровичу эти 5 рублей?

— Нѣтъ... Только, послушайте, я васъ прошу,—не сплетничать! я знаю, что это мужа моего огорчитъ. Вы его мало знаете: онъ человѣкъ честный, добрый, но мнительный и щепетильный. Онъ-же самъ какъ-бы жаловался мнѣ, что Трубинъ *выпросилъ* у него 5 рублей, но онъ не понялъ, что такъ помогать можно только какой нибудь салопницѣ или писарю на водку дать, а вовсе не такому воспитанному человѣку, какъ Трубинъ. А вамъ, вмѣсто того, чтобы осуждать его, не лучше-ли похлопотать, дать ему какое нибудь занятіе, которое могло-бы хоть сколько нибудь его обезпечить.

— Но, позвольте, милѣйшая Вѣра Ивановна, позвольте... Почему вы знаете, что я его осуждаю? Я никому ни единаго сло-

Digitized by Google

ва не говорилъ о немъ;—но теперь скажу. Онъ приходилъ къ вамъ въ два часа, у мужа вашего былъ и того еще раньше, а мнѣ сказалъ, что онъ постоянно днемъ спитъ до самаго вечера, потому что ночью спать не можетъ, а шляется по трактирамъ. Значитъ, онъ мнѣ совралъ, и я вправѣ ему не вѣрить и вправѣ ко всякимъ его галлюцинаціямъ относиться съ полнѣйшимъ недовѣріемъ. А что онъ тогда вдругъ поблѣднѣлъ и вы это, можетъ быть, замѣтили, то... мало-ли отчего можно поблѣднѣть! можетъ быть, колика съ нимъ приключилась! Да и со мной случись при дамахъ такая исторія, и я бы поблѣднѣлъ!

Но Вѣра Ивановна обнаружила полнѣйшее желаніе не слушать дальнѣйшихъ рѣчей моихъ. Она встала, прошла сначала въ кабинетъ, постояла тамъ у ломбернаго стола и затѣмъ прошла назадъ въ свою спальню.

Все это, конечно, пустыя, житейскія мелочи; но есть мелочи, которыя кипятятъ, волнуютъ, бѣсятъ или повергаютъ въ какое-то тупое недоумѣніе.

И я остался въ гостинной сидѣть на диванчикѣ именно въ состояніи такого тупаго недоумѣнія.

III.

Человѣкъ, у котораго сотни знакомыхъ, по неволѣ человѣкъ вѣтряный. Что-же мудренаго, что Трубинъ очень скоро вышелъ у меня изъ памяти? Будь я влюбленъ или ухаживай я за Вѣрой Ивановной, я бы нашелъ время наблюдать за нимъ, какъ за своимъ соперникомъ.

Но я любилъ Вѣру Ивановну болѣе потому, что любилъ ея мужа—своего стараго товарища по университету—любилъ ее, какъ пріятель любитъ добраго пріятеля, отъ нечего дѣлать, или ради пріятнаго препровожденія времени.

Словомъ Трубинъ скоро пересталъ интересовать меня, хотя я разъ и нашелъ у себя его визитную карточку, очень шикарную—съ загнутымъ уголкомъ.

Digitized by Google

Это значило, что сей артистъ не засталъ меня—и слава Богу!

Прошло недѣли двѣ или около. У меня было срочное занятіе; не мало и писемъ лежало у меня на совѣсти—надо было отвѣчать. Прескучная вещь простуда, но мнѣ вздумалось употребить ее въ свою пользу: я надѣлъ халатъ и остался дома.

Былъ поздній вечеръ; кухарка легла уже спать за перегородкой въ кухнѣ; отставной солдатъ Герасимовъ чистилъ мой самоваръ—онъ исполнялъ двойную роль: роль мужа при моей чухонкѣ, и расторопнаго, дароваго слуги.

Онъ служилъ мнѣ только потому, что я не мѣшалъ ему. Тишина была такая, что я слышалъ, какъ скрыпитъ мое собственное перо и какъ въ кухнѣ трутъ и чистятъ мой самоваръ, точно онъ мѣдная пушка или солдатскій киверъ. Я былъ одинъ у письменнаго стола и мнѣ было пріятно, что никто не мѣшаетъ мнѣ бесѣдовать съ самимъ собою. Никуда не ѣхать и ни откуда не спѣшить домой,—это-ли не удовольствіе для человѣка, у котораго сотни знакомыхъ, а изъ ихъ числа, навѣрное, три четверти недоброжелателей.

Вдругъ кто-то позвонилъ, и такъ сильно, что солдатъ мой бросился босикомъ въ переднюю.

— Не телеграмма-ли? подумалъ я.

Но это была не телеграмма: это былъ поздній гость, а этотъ поздній, нежданный гость—былъ никто иной, какъ Трубинъ.

— Скажи... что я на одну минуту, только на одну минуту... говорилъ онъ полушепотомъ, точно боясь разбудить меня...

— Эй! кто тамъ? крикнулъ я изъ-за своей перегородки.

— Только на одну минутку!.. извините... уже ближе и громче раздался сиповатый голосъ,—и темная стриженая голова выглянула изъ-за двери. Наконецъ гость протянулъ мнѣ руку, и я взялъ ее... Судя по выраженію глазъ, онъ сильно былъ недоволенъ мной.—«Что за церемонія? Я прихожу—и меня не пускаютъ!» говорили глаза его.

— Я очень занятъ и.., несовсѣмъ здоровъ, процѣдилъ я сквозь зубы... но... садитесь!

Digitized by Google

— Я къ вамъ на нѣсколько минутъ... на самое короткое время... Что дѣлать: до сихъ поръ еще московскій студентъ сидитъ во мнѣ,—продолжалъ онъ, замѣтивъ, что я нахмурился.

— Очень, очень обязанъ, что вы позволили мнѣ къ вамъ забѣжать, говорилъ онъ, уже глядя мнѣ въ глаза и улыбаясь.—Извините, что до сихъ поръ еще не могъ переписать для васъ ноты. На дняхъ онѣ будутъ переписаны, и я... надѣюсь, вы мнѣ позволите...

— Мнѣ пріятно слушать, когда вы поете, но я не пою: зачѣмъ мнѣ ноты?

Онъ опустился въ кресло, направо отъ письменнаго стола, и искоса сталъ его оглядывать. Я спросилъ его, давно-ли онъ былъ у Ивана Петровича?

— У какого Ивана Петровича?

— У Полосатова...

— Э! былъ какъ-то на дняхъ... А вы съ нимъ не поссорились?

— И не думалъ...

— А жена его, Вѣра Ивановна, очень миленькая куколка.

— Почему же куколка? спросилъ я.

— А знакомы вы съ Рубинштейномъ? помолчавъ, спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— Ну, да... знакомъ—а что?

— Вы, говорятъ, большой другъ его?

— Врутъ: мы не друзья, но другъ друга любимъ и уважаемъ.

— Не можете-ли вы попросить его—а мнѣ вы сдѣлаете большое одолженіе, если попросите,—назначить время, когда мнѣ прійти къ нему, и въ его присутствіи спѣть кое-что изъ моихъ романсовъ и пѣсенъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы знать его мнѣніе—такъ-ли дѣйствительно хороши и оригинальны мои сочиненія, какъ это говорятъ. Собственно за этимъ я и зашелъ къ вамъ.

— И напрасно... Ваши ноты, если вы мнѣ пришлете ихъ, я могу ему передать на просмотръ; но просить его васъ выслушивать—не могу: я знаю, какъ у него мало времени... да и зачѣмъ просить, когда знаешь навѣрное, что онъ отвѣтитъ мнѣ?

Digitized by Google

Трубинъ прищурился.

— А что-же такое онъ можетъ на это отвѣтить вамъ?

Я подумалъ:—«Онъ непремѣнно отвѣтитъ: убирайся ты къ чорту, любезный! есть мнѣ когда?..» Но я этого не сказалъ моему гостю. Помню только, что наотрѣзъ отказался выполнить его желаніе.

— Кто же вамъ сказалъ, что я будто-бы такой другъ съ Рубинштейномъ?

— Вѣра Ивановна...

— Ужь не за это-ли вы и назвали ее куколкой?

— Э, нѣтъ! По моему, всѣ барыни ничто иное, какъ куколки.—Всѣ на одну стать: съ каждой изъ нихъ, во имя амура, можно взятку взять.

— Только, надѣюсь, не съ Вѣры Павловны, произнесъ я съ досадой на такую наглую самоувѣренность.

— А вы не влюблены въ нее?

— Ни на волосъ!

— А мнѣ такъ, признаюсь, она очень нравится. Надо вамъ сказать—хоть я и демократъ, плебей и пролетарій, но воспитаніе получилъ аристократическое, выросъ, понимаете, среди роскоши, и вкусъ у меня тоже аристократическій—утонченный—люблю все субтильное, нѣжное, фарфоровое. Удивляюсь, какъ это вы ни разу не пріударили за такой дамочкой, какъ эта Вѣра Ивановна! И какъ вы совѣтуете мнѣ поступить?

— Что?

— Воспользоваться или пренебречь?

— Чѣмъ?

— Какъ «чѣмъ»? вы точно ребенокъ!.. я просто спрашиваю васъ... воспользоваться-ли мнѣ той страстишкой, какую я возбудилъ въ ней, или пренебречь. Какъ вы думаете? Рискованно это или не рискованно!?

— Милостивый государь! вспыхнулъ я, взбѣшенный тою насмѣшливой, подлой улыбкой, какая появилась на его темномъ лицѣ.—Не я ребенокъ—а вы; я въ такомъ случаѣ ни у кого не сталъ бы просить совѣта, но думаю, что вы жестоко ошибаетесь...

Digitized by Google

Онъ хотѣлъ что-то возражать—но на него точно столбнякъ нашелъ. Черныя брови его поднялись на лобъ; онъ поблѣднѣлъ и сталъ глядѣть—не на меня, а въ пустое пространство той тѣни, которая ложилась за спинкой моего стула, отъ лампы, освѣщавшей книги, бумаги, сигарный ящикъ, пресъ-папье и помертвѣвшее лицо его.

— Опять онъ играетъ комедію, подумалъ я, не переставая злиться.—Ну, что вы смотрите? опять галлюцинація?

Онъ тяжело дышалъ;—я видѣлъ, какъ капли пота выступили на лбу его...

— Вы не видите? забормоталъ онъ:—стоитъ за вашимъ стуломъ... старикъ...

Я невольно повернулъ назадъ голову.

— Видите... пудреный парикъ... зеленый кафтанъ... большія блестящія пуговицы... бѣлый камзолъ, позументы... я не боюсь... но...

— Полноте, пожалуйста, не морочьте! Какой-такой старикъ? Все это ваша фантазія! сыграть роль человѣка, пришедшаго въ ужасъ.—Пустое дѣло! я не вѣрю вамъ. Слышите? Очнитесь! Я не вѣрю вамъ, не вѣрю.

Трубинъ перевелъ на меня свой взглядъ, тупой и металлическій, закрылъ лицо руками и—представьте мое положеніе!—зарыдалъ!! Слезы крупными каплями потекли по щекамъ его. Его плечи, весь онъ, при этомъ вздрагивали. Вся злость моя, вся досада на этого человѣка прошла мгновенно. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать—взять-ли его за руку и извиниться, или побѣжать за холодной водой...

— Вы мнѣ не вѣрите... не вѣрите... Вы—поэтъ—и не вѣрите!! Кто же повѣритъ? Чѣмъ же я виноватъ, что я такъ несчастенъ... Такъ страшно, такъ не... во... о... о... бразимо несчастенъ! Такъ наказанъ! бормоталъ онъ сквозь слезы...

Когда плачетъ ребенокъ или обиженный отрокъ, это нисколько не возмутительно; можетъ трогать, но не поражаетъ, не разстраиваетъ; но... видѣть плачущимъ пожилаго мужчину, у котораго давно бы могли быть свои дѣти, невыносимо!.. Будь гость

Digitized by Google

мой актеръ—способный изображать мускулами лица такое слезливое отчаянье, и въ этомъ случаѣ, на такомъ близкомъ разстояніи, онъ былъ бы не въ силахъ своимъ притворствомъ или искусствомъ обмануть меня.

Я сидѣлъ и думалъ: «Вотъ странность! Второй разъ я вижу человѣка... и уже грублю ему; а по какому праву?..Но... я ли виноватъ?.. Когда онъ поетъ и играетъ,—человѣкъ въ немъ слышенъ, а затѣмъ, чортъ знаетъ, какъ и почему, возбуждаетъ онъ въ душѣ моей нѣчто болѣе противное, чѣмъ брезгливое чувство при видѣ гада или собаки, выкарабкавшейся изъ помойной ямы. Слишкомъ ужь скоро онъ изобличилъ себя! И неужели Вѣра Ивановна находитъ удовольствіе съ нимъ кокетничать, и неужели она до такой степени заинтересовалась имъ!

Такъ я сидѣлъ, думалъ, поглядывалъ на него и ждалъ, скоро-ли онъ успокоится.

Наконецъ увидалъ я, какъ изподлобья, подозрительно и пугливо, выглянули темные глаза его, какъ устремилъ онъ взглядъ свой на то мѣсто, гдѣ за моимъ стуломъ лежала тѣнь, и какъ замѣтно тотчасъ же успокоился.

— Теперь ушелъ... теперь... нѣтъ его...

— А развѣ онъ такъ страшенъ?..

— Нѣтъ, не страшенъ... лицо самое обыкновенное... голубые, водянистые глаза, носъ немножко утиный... складомъ лица на Екатерину Вторую немножко смахиваетъ; но, что хотите,—паническій ужасъ... Не могу привыкнуть... потому что... всегда неожиданно... И знаете... я думаю, хорошо, что я заплакалъ... даже голова стала свѣжѣе... Все лѣто со мною ничего такого не было... и вотъ, въ вашемъ присутствіи, второй разъ! Я предполагаю, что есть люди, которые... какъ бы способствуютъ такого рода появленію призраковъ....

— Значитъ, вы не должны были со мною знакомиться.

— А меня вотъ тянетъ къ вамъ! А почему тянетъ?—Потому что я самъ поэтъ... Вы думаете, я не пишу стиховъ? пишу-съ, пишу... Когда нибудь позвольте мнѣ дать вамъ кое-что прочесть... и если вы рекомендуете меня въ «Отечественныя Записки», буду

Digitized by Google

очень вамъ благодаренъ... Право-съ!.. Мнѣ бы даже очень хотѣлось описать вамъ жизнь мою и спросить васъ, какъ вы думаете, можно-ли мнѣ выступить въ свѣтъ, описавши мое дѣтство и юношество?.. мое поэтическое дѣтство!.. когда всѣ думали, что я молоденькій князекъ, когда мнѣ даже и въ голову не приходило, что я былъ такъ обманутъ и кѣмъ же?—моей матерью... моей собственной матерью, добавилъ онъ, слегка ударивъ въ грудь сжатыми въ кулакъ пальцами. Да-съ!... во мнѣ княжеская кровь,—но я плебей.... Теперь мнѣ это все равно—плевать!.. но тогда... Недаромъ юность моя, бурная и мятежная, довела меня до такого отчаянья, что я пилъ ромъ и водку, какъ простую воду, и все таки не могъ сдѣлаться пьяницей, потому что никакой спиртъ на меня не дѣйствовалъ... да и теперь не дѣйствуетъ....

Я невольно поглядѣлъ на его губы.—Почему это, подумалъ я, Иванъ Петровичъ по его губамъ вообразилъ себѣ, что онъ пьяница. Губы у него были крупныя и влажно безцвѣтныя. Но развѣ это что нибудь доказываетъ?

Высказавшись, онъ замолчалъ... и уже оказался не только спокойнымъ, но совершенно—какъ бы это сказать—совершенно какъ бы у себя дома, развлегся, вытянулъ ноги и пошевеливалъ губами, точно потихоньку самъ съ собой разговаривалъ. Казалось, онъ предается пріятнымъ мечтамъ, сидитъ въ своемъ собственномъ кабинетѣ, на своемъ креслѣ, и не замѣчаетъ моего присутствія.

— Гм! началъ онъ, нѣтъ-ли у васъ рояля,—или хоть піанино!

— Нѣтъ.

— И гитары нѣтъ?

— Нѣтъ и гитары...

— Жаль... Сейчасъ хорошенькій мотивъ пришелъ мнѣ въ голову.

— Вотъ и мнѣ кой-что приходитъ въ голову. Надо бы писать,—а какъ писать!?

— Пишите, я буду молчать.

— Не могу...

Digitized by Google

— Вдохновляйтесь... и пишите; а я возьму какую нибудь книгу и буду читать.

Тутъ сталъ онъ разсматривать мои книги, лежавшія на столѣ, и затѣмъ—перетрогалъ все, что попадалось ему подъ руку—разсмотрѣлъ, какая у меня печать... повертѣлъ въ рукахъ мой пресъ-папье, сигарочницу, коробочку со стальными перьями—взялъ въ руку раздвижной серебряный карандашъ и сталъ играть имъ...

Такъ и хотѣлось сказать ему: «какое вамъ дѣло до вещей моихъ?» но продолговатое, фатальное лицо его было серьезно, даже нѣсколько мрачно... Черныя широкія брови были слегка сдвинуты... только глаза разсѣянно и безпокойно перебѣгали съ одного предмета на другой,—пока не успокоились на серебряномъ карандашикѣ.

— Позвольте еще спросить васъ,—началъ я, продолжая наблюдать за нимъ.—Вы вѣрите въ ваши привидѣнія, или относитесь къ нимъ, какъ къ признакамъ вашей болѣзненности или физическаго разстройства?

— О! отозвался онъ брезгливо, точно ему стало досадно, зачѣмъ я не вдохновляюсь и не пишу стиховъ, а опять начинаю съ нимъ разговаривать: Какое-кому до этого дѣло! Вѣрю, когда вижу, и—пока вижу,—не могу не вѣрить...

— Вотъ у меня теперь въ ухѣ звенитъ; слѣдуетъ-ли мнѣ думать, что это звенитъ въ комнатѣ или на улицѣ?

— Э!. это я уже не разъ слыхалъ... Въ ухѣ звенитъ... вы вѣдь это и слышите, что въ ухѣ, а не въ воздухѣ; не въ комнатѣ и не на дворѣ; потомъ, какъ вы ни поворачивайте головой, все будетъ звенѣть въ ухѣ, пока само собой не пройдетъ;—такъ и тутъ—будь это у меня въ мозгу или въ глазу,—я, куда бы ни повернулъ голову, все видѣлъ бы то же самое, но этого-то и нѣтъ. Если, примѣрно, я вижу фигуру у окна, то, повернувшись въ уголъ, или, глядя въ другую сторону, я уже не вижу ничего; а погляжу опять на прежнее мѣсто, опять вижу: кто-то, никѣмъ невидимый, стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, а иногда и шаги и шорохъ слышу... Какъ же тутъ не вѣрить!.. Ничего вы въ

Digitized by Google

этомъ не понимаете, и доктора не понимаютъ, и я не понимаю... Но нѣтъ-ли у васъ чего нибудь закусить или хоть рюмки водки?

— Кухарка спитъ... а водки нѣтъ.

— Кухарку-то я разбужу. А вотъ, что у васъ, у поэта, водки нѣтъ—это нехорошо-съ. А играете вы въ карты?

— Не играю.

— Какъ это... развѣ это возможно!

— А вы? спросилъ я, зѣвая во весь ротъ.

— Иногда случается. Разъ я у одного лошадинаго заводчика, въ одинъ вечеръ, 2000 рублей выигралъ.

— То-то, чай, рады были! произнесъ я, смыкая глаза.

— Да... на другой же день уѣхалъ въ Москву. Тамъ великолѣпную турецкую шаль купилъ и... разумѣется, подарилъ ее Стешѣ... Чай, слыхали... въ цыганскомъ хорѣ.... она великолѣпно ваши стишки поетъ: «Подойди ко мнѣ, старушка!».. и проч.

— Ну, а потомъ что? продирая глаза, спросилъ я.

— Потомъ была цѣлая исторія; поѣхалъ въ баню и тамъ меня обокрали...

— Нехорошо...

— Что дѣлать!.. я поэтъ въ душѣ, и на жизнь смотрю съ поэтической точки зрѣнія.

— То есть, съ пошлой... Извините, пожалуйста... такъ спать вдругъ захотѣлъ, что едва слышу, что вы говорите, да вонъ ужь и лампа догораетъ... сейчасъ пойду спать... къ тому же, право, мнѣ нездоровится.

— Хотите, я помогу вамъ раздѣться и самъ уложу васъ.

— Нѣтъ ужь,—я самъ... Помилуйте! Да и какъ я лягу! Придется мнѣ самому отпереть вамъ дверь и проводить на лѣстницу.

Тутъ я всталъ и зажегъ свѣчу. Былъ уже третій часъ ночи. Лампа моя догорѣла. Но гость мой продолжалъ сидѣть, и, казалось, вовсе не намѣренъ былъ уходить.

— Пойдемте, я провожу васъ.

— Погодите...

— Да уже три часа...

Digitized by Google

— Э! что значитъ три часа!

— Вы же сами сказали, что мое присутствіе вредно вамъ:— еще, чего добраго, опять что нибудь увидите...

— Не говорите! глухо вскрикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста.

— Право, опять что нибудь вамъ вдругъ покажется... и меня еще напугаете....

И не успѣлъ я кончить словъ моихъ, какъ гость мой дрогнулъ и закричалъ...

— Опять... опять! Вотъ онъ! вотъ онъ!... О! о!..

На этотъ разъ, при тускломъ свѣтѣ еще неразгорѣвшейся свѣчки и въ легкомъ чаду только что потушенной лампы, я нешутя испугался...

Трубинъ дрожалъ,—глаза его были мутны, и въ то же время пронзительны—волосы стояли дыбомъ, и кричалъ онъ такъ страшно и такъ громко, что изъ кухни, босикомъ, и въ одномъ бѣльѣ выбѣжалъ солдатъ, а кухарка завозилась у себя въ кухнѣ, въ одной рубашкѣ, чиркая спичками и зажигая огарокъ.

— Уходите, и Богъ съ вами! уходите!.. Эй! Герасимъ! это ты?... Нѣтъ-ли холодной воды? Трубинъ, хотите воды? Герасимъ, проводи его, пожалуйста, на лѣстницу... или я съ ума сойду!

Трубинъ отъ воды отказался и, не простясь со мной, послушно пошелъ въ переднюю; онъ шелъ, ухватясь за виски и страшно сгорбившись...

Я схватилъ со стула забытую имъ шапку, и, пока накидывали на него шубу, сунулъ ему въ руку... Сонъ съ меня соскочилъ совершенно, нервы мои были сильно возбуждены.

До самаго утра не могъ я заснуть, точно онъ заразилъ меня: безпрестанно въ потемкахъ мнѣ чудилось, что я не одинъ... что у меня кто-то присутствуетъ въ темной комнатѣ; малѣйшій шорохъ пугалъ меня.... мебель же и полы, какъ нарочно, то и дѣло трещали; въ самомъ стукѣ маятника стѣнныхъ часовъ слышалось мнѣ что-то зловѣщее... чье-то мѣрно-шаркающее приближеніе... Тяжелымъ сномъ забылся я только подъ утро. Кухарка тоже плохо спала и на другой день говорила мнѣ, будто-бы и ей безпрестанно чудилось, что кто-то кричитъ: «Ай, батюшки, рѣжутъ»!

Digitized by Google

IV.

Иногда у людей самыхъ безхарактерныхъ крайняя степень безцеремонной безсовѣстности дѣйствуетъ, какъ сила воли.

Такъ, еслибы Трубинъ не испугался какого-то духа, появившагося за спиной моей, кончилось бы тѣмъ, что онъ непремѣнно ночевалъ бы у меня въ квартирѣ. Выгнать его у меня не хватило бы духу, и я всю ночь, а можетъ быть и все слѣдующее утро, былъ бы жертвой своей собственной доброты и деликатности. Зато досталось же ему отъ меня на орѣхи, когда я обѣдалъ у Полосатовыхъ, спустя два или три дня послѣ нашего ночнаго свиданья. Расписалъ же я его на обѣ корки! И чѣмъ больше заступалась за него Вѣра Ивановна, тѣмъ злѣе и неблагодарнѣе былъ я къ поклоннику и распространителю стиховъ моихъ!

— Да помилуйте, наконецъ, милѣйшая Вѣра Ивановна! Вы приняли въ немъ участіе, вы были такъ добры къ нему и внимательны, и онъ же называетъ васъ куклой! какъ же вы хотите, чтобы я снисходилъ къ нему!..

— А, можетъ быть, онъ и правъ, не безъ грусти возразила Вѣра Ивановна... Что мы такое, какъ не свѣтскія куклы?.. Будь у меня дѣти, я была-бы далеко не такъ пуста... Впрочемъ, почемъ я знаю, можетъ быть, вы на него клевещете. Что вы преувеличиваете—это ясно... Вообще, я давно замѣтила въ васъ эту черту—вы любите преувеличивать... Человѣкъ, которому не удалось спасти отъ голодной смерти мать свою, обрекаетъ всю свою жизнь на скитаніе и такъ страдаетъ, такъ разстроенъ нервами, что... тѣнь матери безпрестанно его преслѣдуетъ:—это-ли не жалкій человѣкъ!.. По моему—это человѣкъ геніальный, который до того забитъ судьбой и обстоятельствами, что безпрестанно теряется и на каждомъ шагу дѣлаетъ непростительные промахи... Желаю знать, чѣмъ бы вы были, еслибъ и у васъ были такія же галлюцинаціи?.. я бы, кажется, давно съ ума сошла! закончила она тяжелымъ вздохомъ, и выпила цѣлую рюмку портвейна, предписаннаго ей докторомъ.

Что прикажете на это возражать?!

Digitized by Google

Иванъ Петровичъ былъ на моей сторонѣ и горячо спорилъ съ женой своей.

Вѣрѣ Ивановнѣ замѣтно было не по себѣ. Она была изъ тѣхъ, которыя ни въ чемъ не любятъ разочаровываться, у которыхъ сердце и фантазія живутъ между собой въ такомъ ладу, что никакіе доводы разсудка не поссорятъ ихъ; словомъ, это была женщина; спорить было напрасно, сердить—невѣжливо, и я постарался къ концу обѣда перемѣнить разговоръ.

— Положительно прикажу людямъ не принимать его, проходя въ кабинетъ свой, шепнулъ мнѣ на ухо Иванъ Петровичъ.

Я промолчалъ. Ужь и въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, не преувеличиваю-ли я недостатки этого артиста, г. Трубина!

Затѣмъ, на письменномъ столѣ моемъ не оказалось серебрянаго выдвижнаго карандаша, съ краснымъ камешкомъ, вставленнымъ въ рукоять его, въ родѣ печатки (вещь хоть и не очень дорогая, но завѣтная, присланная мнѣ на память одною дѣвушкой, умершей за границею въ чахоткѣ). Всѣ поиски мои остались тщетными—точно въ воду канулъ. Невольно думалось, что карандашъ этотъ унесъ съ собой Трубинъ.

Я вспомнилъ, какъ онъ вертѣлъ его въ рукахъ, и если по разсѣянности засунулъ въ свой карманъ, то почему же не вернулъ его?

Мысль эта невольно приходила мнѣ въ голову. — Терпѣть не могу, даже мысленно, клеветать на людей; но... невольная клевета—невольный грѣхъ; что прикажете дѣлать!

Съ тѣхъ поръ Трубинъ ко мнѣ уже не заходилъ, ни къ Ивану Петровичу, и память о немъ скоро потонула въ массѣ столичныхъ впечатлѣній, новыхъ встрѣчъ и всяческихъ житейскихъ суетъ, невзгодъ, страстей и разочарованій.

V.

Прошло лѣтъ десять (немалое количество лѣтъ въ жизни человѣческой); я уже былъ женатъ; Иванъ Петровичъ получилъ звѣзду и самъ сталъ одною изъ замѣтныхъ звѣздъ на горизонтѣ

нашего столичнаго бюрократизма, — словомъ, сталъ человѣкомъ вліятельнымъ. Даже на меня простиралось это вліяніе: я рѣже сталъ посѣщать его, и уже не по прежнему любилъ его. Жена его, Вѣра Ивановна, похудѣла, пожелтѣла, подурнѣла, но все также любила музыку и была членомъ с.-петербургскаго благотворительнаго общества. Я никогда не внушалъ ей особенной симпатіи; но это не мѣшало ей иногда заѣзжать къ женѣ моей и жаловаться на свои безконечныя заботы и хлопоты.

Въ эти десять лѣтъ, только однажды вспомнилъ я ту ночь, которую провелъ съ г. Трубинымъ, и только одинъ разъ говорилъ о немъ.

Это было въ деревнѣ у родныхъ моихъ. Случайно, по дорогѣ на родину, я какъ-то заѣхалъ къ нимъ. У нихъ въ усадьбѣ я нашелъ не только новое, еще младенчествующее поколѣніе, но и старыхъ моихъ знакомцевъ, свидѣтелей моего ранняго дѣтства,— портреты моей бабушки, дѣда и прадѣда.—И, вообразите, на портретѣ, прадѣдъ мой былъ въ зеленомъ кафтанѣ, съ большими пуговицами, осыпанными брилліантами (или стразами), въ бѣломъ камзолѣ, въ пудреномъ парикѣ, и окладъ дебелаго лица его дѣйствительно смахивалъ на портреты Екатерины Второй, писанныя съ нея въ старости, т. е. прадѣдъ мой былъ въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ явился онъ когда-то очамъ моего знакомца, несчастнаго Трубина. Что это: случайность или необъяснимый фактъ!?

Что касается до меня, мнѣ было очень пріятно думать, что почтенный предокъ мой соблаговолилъ вмѣшаться въ мои отношенія къ г. Трубину, и такъ кстати въ то время напугалъ его. Какъ усталый путникъ, попавшій въ родное теплое гнѣздо на отдыхъ, я былъ въ хорошемъ настроеніи духа, и за обѣдомъ всѣмъ разсказывалъ о галлюцинаціяхъ Трубина, а тутъ же за обѣдомъ одинъ изъ сосѣдей—степной помѣщикъ, уже съ брюшкомъ, и лысиной,—сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Не знаю, тотъ-ли это Трубинъ, о которомъ вы упоминаете... я зналъ когда-то одного студентика Трубина, очень даровитаго и способнаго молодаго человѣка; но былъ-ли онъ исклю-

Digitized by Google

ченъ, или самъ не кончилъ курса въ московскомъ университетѣ— этого доподлинно я не знаю: мы были не на одномъ курсѣ, и всего только недѣли съ три или эдакъ съ мѣсяцъ жили съ нимъ въ одномъ и томъ же коридорѣ, въ дешевыхъ меблированныхъ комнаткахъ. Вмѣстѣ по утрамъ чаевали,—и показался онъ мнѣ такимъ джентьменомъ, знаете, такимъ пылкимъ и откровеннымъ малымъ, что я чуть было не сошелся съ нимъ; но меня предупредили. Почему-то наши товарищи терпѣть его не могли, и не потому, что онъ былъ пороченъ,—есть пороки которымъ подражаютъ, которые нравятся,—а потому, что пороки-то его были какіе-то грошевые, ничего не стоющіе. Онъ былъ страшно самолюбивъ и, какъ бы это вамъ сказать, не умѣлъ любить себя... не уважалъ въ себѣ человѣка; потомъ, слухи носились, будто-бы онъ поступилъ на содержанье къ какой-то барынѣ.

— А не слыхали, былъ-ли онъ тогда подверженъ какимъ нибудь галлюцинаціямъ?

— Этого не слыхалъ-съ, а что онъ хорошо игралъ на фортепьянахъ всякіе танцы, и даже пѣлъ, это точно-съ... Въ этомъ, надо отдать справедливость, были у него большія способности.

Вотъ и все, что невольно заставило меня подумать о Трубинѣ, и вызвало на разговоръ человѣка, фамиліи котораго я даже и не спросилъ, такъ какъ въ усадьбѣ, у моихъ родныхъ, болѣе двухъ дней оставаться я никакъ не могъ.

Однажды подъ осень, вернувшись съ дачи, я нашелъ у себѣ въ кабинетѣ письмо, писанное незнакомымъ мнѣ почеркомъ. Сталъ читать, и долго не могъ понять, отъ кого оно.

Сверху былъ подчеркнутый адресъ (такой-то госпиталь и такое-то отдѣленіе). Поглядѣлъ на подпись: «Вашъ всею душою. А. Трубинъ». Какой Трубинъ!?. Неужели тотъ самый. Слишкомъ десять лѣтъ не встрѣчалъ человѣка, и вдругъ такое письмо!

«Пишу вамъ полуживой... изнеможенный. Вотъ уже два года, какъ я въ больницѣ, куда прибылъ я чуть не ползкомъ, спотыкаясь и падая... нѣсколько дней тому назадъ принялъ, конечно,

Digitized by Google

не намѣренно, отраву вмѣсто лѣкарства (вмѣсто внутреннаго—наружное) и цѣлыя сутки былъ на волоскѣ отъ смерти... Еле отходили... но разбиты силы мои и физическія и нравственныя... Точно надъ всей моей несчастной судьбой тяготѣетъ какая-то страшная рука.

«Очень еще мнѣ трудно писать (тѣмъ болѣе, при такомъ печальномъ, взволнованномъ состояніи). Ничего и не выскажешь—даже того, что̀ всего нужнѣе. Никто все это время ни разу не навѣстилъ меня. Всѣ мои пріятели умѣютъ только обвинять да порицать меня; но въ кого они (сравнительно вполнѣ счастливые) бросаютъ свои обвиненія и порицанія? въ человѣка, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, не выписывающагося изъ больницы, страдающаго одною изъ самыхъ мучительныхъ болѣзней. Хотѣлось ѣхать лѣчиться на югъ; но одна редакція обсчитала меня на 150 рублей, вслѣдствіе чего я и не могъ двинуться.—А хотѣлось мнѣ на югъ вовсе не ради сохраненія моей жизни (Богъ съ ней, сытъ по горло), а ради того, чтобы хоть нѣсколько успокоиться, оставить послѣ смерти моей хоть что нибудь капитальное, осуществить хоть одну мечту—хоть романсы-то наконецъ всѣ свои записать (болѣе 80) да окончить мою повѣсть, которую сейчасъ, со слезами на глазахъ (отъ боли), дописываю... Когда допишу, помогите куда нибудь пристроить. Когда-то просилъ я фондъ помочь мнѣ, и онъ мнѣ, точно въ насмѣшку, прислалъ 25 рублей! Помните, у Тургенева Лежневъ говоритъ Рудину: что и у мысли, и у искусства должны быть свои ветераны, имѣющіе право на покой и вниманіе... Должно быть, такъ было только прежде, а не теперь. Вонъ, къ мастеровымъ, къ мужичкамъ, въ загородной больницѣ, и къ солдатикамъ ходятъ друзья, навѣщаютъ товарищи, а былъ-ли у меня хоть кто нибудь за все это время? Навѣстила-ли хоть одна душа?! Не могу писать—голова кругомъ идетъ,—очумѣлъ отъ вѣчнаго одиночества. Подѣлитесь, чѣмъ можете, пришлите съ посыльнымъ моимъ, что̀ въ силахъ».

Письмо это сильно меня тронуло; сильно пожалѣлъ я, что его посланный не нашелъ меня; я написалъ ему по городской почтѣ, чтобъ онъ указалъ мнѣ на литературные труды свои въ журна-

Digitized by Google

лахъ, что я готовъ въ литературномъ фондѣ за него похлопотать, и проч. и проч.

Я же и не зналъ и не подозрѣвалъ, что онъ былъ писателемъ.

Зимой, въ январѣ, получилъ я отъ него другое посланье, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что ему гораздо легче, что мудрено ему указать на статьи, которыя онъ печаталъ, но указываетъ на тѣ газеты и журналы, гдѣ онъ участвовалъ, и затѣмъ посылаетъ мнѣ свою еще неоконченную рукопись, съ просьбою прочесть ее. Рукопись эта меня удивила. Во-первыхъ, это была тетрадка очень старая и уже пожелтѣвшая отъ времени,—видно было, что немало уже пространствовала она по свѣту божьему, и потерлась въ чемоданѣ съ грязнымъ бѣльемъ; значитъ, давно, очень давно была написана и недописана. Во-вторыхъ (когда я сталъ читать ее) она удивила меня. Такимъ красивымъ, поэтическимъ языкомъ могъ писать только человѣкъ несомнѣнно талантливый; въ особенности деревенская природа и первыя впечатлѣнія дѣтства были описаны рукой замѣчательнаго мастера.—Но такъ было только въ началѣ, потомъ разсказъ пошелъ скачками, небрежно и непослѣдовательно, и былъ уже писанъ другими чернилами.

Содержаніе тетрадки тоже было знаменательно.

VI.

Можетъ быть, знаменательно только для меня, какъ разсказчика:—я понялъ, что прилагаемая тетрадка, очевидно изъ лѣни недописанная, есть ничто иное, какъ автобіографія, задуманная несчастнымъ Трубинымъ, и если не вездѣ говоритъ правду, все-же въ нѣкоторой степени объясняетъ мнѣ, что это за личность и откуда начались его галлюцинаціи. Тетрадка эта была мной ему возвращена и гдѣ она теперь—покрыто мракомъ неизвѣстности. Но все, что я прочелъ въ ней и запомнилъ, не было-ли простою выдумкою?—Не думаю... Кому охота въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ выставлять себя!

Правда, авторъ замѣтно тщеславится своими недостатками, и всѣ невзгоды свои взваливаетъ на судьбу, несправедливость обще-

Digitized by Google

ства и на скверныя обстоятельства... и при этомъ нигдѣ, ни однимъ словомъ, не проговаривается: вѣритъ-ли онъ въ самого себя, въ свои силы, какія таитъ надежды, и намѣренъ-ли бороться съ этой судьбой, съ этими скверными обстоятельствами...

Ясно, что этотъ герой—самъ Трубинъ.

Опишу жизнь его, такъ какъ онъ самъ нарисовалъ ее и какъ она рисуется моему воображенію.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ Петербургѣ жила была княгиня Г... Княгинь, которыя носятъ ту же фамилію, на Руси такое множество, что всего лучше намъ ограничиться одной буквой «Г.»; ибо, какъ знать,—можетъ быть, и теперь еще найдется одна изъ ея родственницъ, какая нибудь племянница или старая кузина, а, можетъ, и просто однофамилица, которая, чего добраго, заподозритъ меня въ покушеніи на честь ея рода и племени.

Княгиня Г...: несомнѣнно принадлежала къ высшему петербургскому обществу, нравы котораго, въ тѣ пресловутыя времена, по мнѣнію очевидцевъ, изобличали замѣчательную степень распущенности.

Въ то время, когда мужья—люди вліятельные по богатству и своему положенію,—равнодушно смотрѣли на любовныя причуды великосвѣтскихъ жонъ своихъ, думала-ли княгиня, что мужъ ея окажется непростительнымъ исключеніемъ. Она была добра и неглупа; но безхарактерна и влюбчива, увлекалась модой и, быть можетъ, не безъ нѣкоторой борьбы съ своею совѣстью, наставила мужу рога. Почему-бы, кажется, среди цѣлой толпы рогоносцевъ, обижаться этимъ, всѣми признаннымъ и какъ бы неизбѣжнымъ украшеніемъ?

И, вообразите, этотъ чудакъ, этотъ несносный князь до того вспылилъ и озлился, что не сталъ пускать къ себѣ на глаза такую милую жену, такую прелестную женщину... Развѣ это не варварство! подумала огорченная супруга,—развѣ не ему отдала я первые годы моей цвѣтущей молодости, развѣ мало еще наслаждался онъ красотой моей, развѣ не довольно того, что я цѣлыхъ пять лѣтъ была вѣрна ему? и что-же? какая неблагодарность! какое варварство!!

Digitized by Google

Съ негодованіемъ уѣхала она въ Москву и поселилась тамъ. Съ небольшимъ черезъ годъ, родился у ней мальчикъ.

Но князь Г... не дремалъ и тотчасъ-же далъ знать, кому слѣдуетъ, что онъ не признаетъ сыновнихъ правъ за новорожденнымъ, и требуетъ по закону, какъ незаконнорожденнаго, приписать его къ податному сословію. Княгиня еще была больна, и ни во что не входила, когда ея маленькій ангелъ былъ уже (негласно) записанъ въ цехъ московскихъ мѣщанъ и названъ по фамиліи крестнаго отца его—рязанскаго помѣщика Трубина.

—.И все-таки, и все-таки я буду воспитывать его, какъ князя! И все-таки онъ будетъ принадлежать къ самому высшему обществу, и все-таки, когда нибудь *онъ* (т. е. князь, мужъ ея) самъ пожелаетъ признать въ немъ своего наслѣдника... такъ (полагаю я) мечтала княгиня.

И дѣйствительно, маленькій ангелочекъ Аркаша... росъ и воспитывался, какъ богатый баричъ. Его одѣвали въ шелкъ и бархатъ, завивали, вывозили въ гости къ дѣтямъ богатыхъ родителей, и вся прислуга, и всѣ, куда онъ ѣздилъ, называли его князькомъ, говорили ему: «ваше сіятельство», и этотъ князекъ былъ никто иной, какъ нашъ Аркадій Николаевичъ Трубинъ.

До осьмилѣтняго возраста онъ жилъ у своей матери, зимой—въ городѣ, лѣтомъ—на дачѣ или въ ея подмосковной. Мальчикъ онъ былъ красивый, хоть и капризный, какъ маленькая принцесса, избалованная придворными. Это была лучшая пора его жизни. Недаромъ о своемъ младенчествѣ Трубинъ написалъ въ своей тетрадкѣ нѣчто въ родѣ поэтической идилліи. Онъ самъ признавался, что былъ лѣнивъ, но выказывалъ иногда несовсѣмъ обыкновенныя способности, умѣлъ угождать и всѣмъ нравился. Но пришло время, когда по какому-то разсчету матери онъ долженъ былъ разстаться съ ней; она отдала его не въ пансіонъ, и не въ какое нибудь казенное заведеніе, а помѣстила въ богатомъ домѣ, у его крестной матери, графини Р...

Графиня Р..., какъ образованная дама, готовила сыновей своихъ въ университетъ и не жалѣла денегъ на ихъ воспитаніе.

Digitized by Google

Иностранцы и учителя изъ гимназій приглашались давать уроки имъ.

Графиня охотно согласилась взять къ себѣ своего крестника Аркашу, такъ какъ онъ былъ мальчикъ услужливый, а ей содержать его ровно ничего не стоило. Графъ Р..., мужъ ея, тоже почему-то благоволилъ къ доброй княгинѣ, и самъ сказалъ ей: присылайте къ намъ вашего сынишку, мои балбесы будутъ съ нимъ сонерничать и ученье пойдетъ, какъ по маслу. Аркаша учился не дурно, но и не хорошо; все больше бренчалъ на фортепьяно и модничалъ: ему казалось, что мать его очень богата, что у него будетъ много денегъ, и не жалѣлъ ихъ, когда онѣ попадали въ карманъ его. Лакомиться и всѣхъ лакомить составляло не малое для него удовольствіе. Въ 11 лѣтъ онъ умѣлъ танцовать и пѣть французскія шансонетки. Въ 12 лѣтъ удивлялъ своимъ слухомъ и музыкальной памятью; но оказался такимъ упрямымъ и невнимательнымъ къ учителю музыки, что тотъ на седьмомъ урокѣ отказался учить его. Въ 13-ть онъ уже волочился за молоденькими дѣвочками и даже цѣловалъ ихъ, потихоньку отъ гувернантокъ, въ темныхъ коридорахъ или за ширмами. Къ семнадцати годамъ кое-какъ выучился онъ латыни и математикѣ, и поступилъ студентомъ въ московскій университетъ.

Съ этихъ поръ начинается та страшная душевная драма, которая черезъ десятки лѣтъ привела его въ больницу.

Для поступленія въ университетъ, онъ долженъ былъ представить свои документы, метрическое свидѣтельство и проч... И тутъ только узналъ онъ, что онъ вовсе не князь — а какой то мѣщанинъ, по фамиліи Трубинъ. — Тутъ только понялъ онъ, что этого уже нельзя ему скрыть ни отъ начальства, ни отъ своихъ товарищей. Это былъ ударъ, невыносимый для его рано развившагося тщеславія! Страшными, ядовитыми упреками осыпалъ онъ мать свою, довелъ ее до истерики, и уѣхалъ отъ нея блѣдный, позеленѣлый отъ злости и тѣхъ терзаній, которыя закрались въ грудь его. Кличка «Трубинъ» была ему ненавистна, кличка «князь» казалась ему насмѣшкою. Онъ сталъ раздражителенъ, подозрителенъ и грубъ съ тѣми, въ комъ замѣчалъ малѣйшую пе-

Digitized by Google

ремёну въ обращеніи. Все это мѣшало ему слѣдить за лекціями и сближаться съ студентами. Онъ сталъ шляться по Москвѣ, какъ бы ища разсѣянья,—и якшался съ цыганами.

При переходѣ на второй курсъ, куда переползъ онъ съ большимъ трудомъ, благодаря своей памяти, въ домѣ графа Р... онъ поссорился съ его сыновьями, и затѣмъ вышла наружу какая-то его продѣлка, должно быть, настолько неблаговидная, что графиня попросила крестника оставить домъ ея. И, разумѣется, онъ долженъ былъ выѣхать, но куда?

Нанять квартиру у него не было денегъ, и онъ по неволѣ переѣхалъ въ квартиру своей матери. Княгиня съ распростертыми объятіями приняла своего единственнаго сынка, сама убрала его комнату и стала за нимъ ухаживать, стала по прежнему баловать его... Увы! она уже была не молода, не хороша, не богата и всѣми покинута. Юноша тотчасъ же замѣтилъ, что дѣла матери плохи, что никто уже по прежнему не присылаетъ ей приглашеній на пикники, на вечера, балы и свадебные обѣды. Онъ узналъ, что имѣніе матушки давно уже продано за долги; что нѣтъ дома, гдѣ бы она не была должна, и что нерѣдко не только на туалетъ,—на обѣды, на чай и кофе у ней денегъ нѣтъ.—«Она страдала, и я почему-то нисколько не жалѣлъ ея,—писалъ Трубинъ въ своей автобіографіи.—Мнѣ казалось, что я ей въ тягость, и я удивлялся только мягкости ея характера и ея изумительному терпѣнію. Я никакъ не могъ понять, за что она меня любитъ и почему вдругъ вздумалось ей надѣть на себя трауръ, когда пришло извѣстіе, что мужъ ея, князь Г., виновникъ ея и моихъ страданій, простудился гдѣ-то на охотѣ, и преблагополучно умеръ, не завѣщавши ей ни одной даже стаметовой юбки!!»

Разъ юноша Трубинъ выѣхалъ изъ дому и не вернулся ночевать. Мать его не спала всю ночь, молилась и тревожилась... Аркаша, вернувшись на другой день домой, прочелъ ей слѣдующую нотацію:

— Маменька! ваше сіятельство! пожалуйста, не глупите, не волнуйтесь и не тревожьтесь; я уже не ребенокъ и могу ночевать, гдѣ мнѣ вздумается.

Digitized by Google

«Тогда еще былъ у меня характеръ», замѣчаетъ Трубинъ въ своей автобіографіи.

На третій курсъ онъ не выдержалъ экзаменовъ, остался на другой годъ и, выѣзжая по вечерамъ отъ своей матери, уже ночевалъ не тамъ, гдѣ ему вздумается, а у какой-то богатой вдовы, дебелой и высокогрудой купчихи за Москворѣчьемъ, недалеко отъ Донскаго монастыря, гдѣ на широкомъ дворѣ, за желѣзной рѣшеткою, красовался двухъэтажный, съ маленькими окнами, зеленоватой краскою выкрашенный, собственный домъ ея.

Кто-то говорилъ, что у этой купчихи были спускаемы на ночь такія злыя собаки, что тотъ, кто у нея засиживался по вечерамъ, никогда не рѣшался переходить двора безъ проводниковъ, и что будто бы нашъ юноша въ первый вечеръ, когда онъ пилъ у нея чай, послѣ всенощной, по неволѣ долженъ былъ остаться ночевать, такъ какъ влюбленная въ него вдовушка сама напугала его своими собаками и не дала ему ни одного проводника, подъ предлогомъ, что всѣ ея люди подвыпили и спятъ, какъ убитые.

Этого я не нашелъ въ рукописи; напротивъ, Трубинъ писалъ, что къ этой женщинѣ влекла его сильная неодолимая страсть и что онъ ничѣмъ не обязанъ ей; но затѣмъ говоритъ, что у нея въ домѣ нашлись для него двѣ комнаты, что эти комнаты были великолѣпно убраны, что скоро завелись у него свои сани и свои лошади; словомъ, самъ намекаетъ, что къ этой купчихѣ онъ поступилъ на содержаніе... Что же мудренаго, что тогдашніе студенты стали чуждаться его общества.

«Я не разъ,—пишетъ онъ,—былъ таперомъ на ихъ вечеринкахъ, сочинялъ имъ студенческія пѣсни и самъ клалъ ихъ на голосъ; не разъ угощалъ ихъ шампанскимъ у Яра и шеколадомъ у Люкэ въ кондитерской, и все же не нашелъ въ нихъ ни истинной дружбы, ни даже доброжелательства;—я былъ Трубинъ, просто Трубинъ; и—одни все еще считали меня аристократомъ, и не вѣрили ни моей простотѣ, ни моимъ демократическимъ мыслямъ, которыя волей-неволей стали моимъ достояніемъ,—другіе считали меня плебеемъ и какимъ-то выскочкой; я былъ недостаточно для нихъ аристократиченъ.

Digitized by Google

Затѣмъ я не помню, чтобъ въ своей тетрадкѣ Трубинъ говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ матери, съ тѣхъ поръ какъ онъ ее бросилъ, и я полагаю, что онъ просто-на-просто пересталъ навѣщать ее...

Но драма развивалась: наступилъ конецъ третьяго дѣйствія.

То, о чемъ Трубинъ упоминаетъ какъ-бы мимоходомъ, съ увлеченіемъ вдаваясь въ анализъ души своей, мы вызовемъ на божій свѣтъ и опишемъ подробнѣе.

Княгиня Г..., всѣми покинутая, больная и слабая, дошла до того, что и прислуга начала покидать ее, хозяинъ гналъ изъ квартиры, часть мебели была продана, все серебро заложено, и она очутилась одна, въ холодныхъ, нетопленыхъ комнатахъ. Какую-то дѣвочку упросила она сходить къ своему сыну и дать ему знать, что она больна и умираетъ съ голоду; этой дѣвочкѣ на извощика она отдала свой послѣдній двугривенный. Дѣвочка застала молодаго барина въ ту минуту, когда онъ собирался куда-то выѣхать, и этотъ баринъ на ея сюсюканье не обратилъ почти никакого вниманія.

— Если она больна, сказалъ онъ,—я пришлю къ ней доктора, я же не докторъ и могу только на дняхъ навѣстить ее.—Скажи, что пріѣду.

И онъ дѣйствительно дней черезъ пять заѣхалъ къ своей матери, съ парадная крыльца никого не дозвонился и прошелъ къ ней черезъ заднюю лѣстницу. Мать свою нашелъ онъ въ постели, но она не шевельнулась, не раскрыла глазъ и не отозвалась ему. Онъ взялъ ее за руку и затрясся всѣмъ тѣломъ: передъ нимъ лежалъ непростывшій еще трупъ ея. На ея столѣ нашелъ онъ письмо на свое имя для передачи одному изъ московскихъ тузовъ, извѣстному богачу, остроумцу и покровителю искусствъ. Машинально сунулъ онъ это письмо въ боковой карманъ и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ потерянный; тутъ пришла какая-то старушка въ черномъ салопѣ и въ бѣломъ чепчикѣ. Это была его старая няня, но онъ не узналъ ея.

Затѣмъ, позванная полиція пригласила врача, опечатала ящики, а о жестокости хозяина, который, какъ оказалось, не только не

Digitized by Google

давалъ дровъ, но и грозился выставить рамы въ квартирѣ ея сіятельства, составила протоколъ и нарядила слѣдствіе.

Съ ужасомъ въ душѣ, съ невѣроятною тоскою и болью на сердцѣ, Трубинъ сѣлъ въ свои сани и крикнулъ кучеру: «пошелъ»!

«Признаться сказать, писалъ онъ,—меня мучила совѣсть; я никакъ не могъ даже и представить себѣ такой катастрофы. Безпорядокъ, пустота и холодный трупъ, закутанный въ ваточное, теплое одѣяло, потрясли меня. Я тотчасъ же выдалъ деньги на погребеніе, я хотѣлъ какъ можно приличнѣе похоронить мать мою. Проклятая дѣвчонка! я не понялъ, что она сюсюкала; она сказала мнѣ только, что мать моя больна, и ни слова не сказала о томъ, что она нуждается въ деньгахъ—ни слова!!»

Я же думаю, что Трубинъ былъ такъ разсѣянъ, что и не слыхалъ всего, что говорила ему какая-то дѣвочка, ради которой вызвали его въ дѣвичью, въ ту минуту, когда онъ душилъ свой платокъ или любовался на себя въ дорогое зеркало.

Въ квартирѣ княгини начались панихиды, Трубинъ плакалъ. Кое-кто изъ дамъ, старыхъ пріятельницъ покойницы, пріѣхали на ея похороны въ траурѣ и съ цвѣтами для гроба. Графиня Р... была больна и прислала сыновей своихъ.

Аркаша Трубинъ хотѣлъ съ ними примириться, даже прощенья просилъ у нихъ; но они обошлись съ нимъ холодно. Это были очень неглупые, и тоже страшно самолюбивые молодые люди: высокіе, худощавые брюнеты, въ голубыхъ студенческихъ воротникахъ, съ треуголками по формѣ и застегнутые на всѣ пуговицы.

Мѣсяца три спустя, послѣ смерти своей матери, Трубинъ уже нанималъ на Тверской меблированную комнату, игралъ въ картишки и страшно бѣдствовалъ. Полагаю, что своей богатой вдовушкѣ онъ тоже пришелся солоно. Какъ ни была она влюблена въ своего амура,—амуръ на свои земныя отношенія къ ней сталъ глядѣть съ такой точки зрѣнія, что не только она, но и ея домъ и ея брилліанты суть ни что иное какъ его собственность; но не такъ, должно быть, разсуждала замоскворѣцкая красавица: «лю-

Digitized by Google

бовь—любовью, а брилліанты—брилліантами; обладай тѣмъ, что даютъ тебѣ и за то благодаренъ будь; но вещей моихъ не замай! Ты еще и цѣны-то имъ не знаешь, ибо тебѣ все трынъ-трава!.. Пой пѣсни и искушай меня, сколько душѣ твоей угодно, но не серди меня»!

Разумѣется, Трубинъ только намекнулъ въ своей автобіографіи на ссору съ возлюбленной, назвалъ ее женщиной скупой, ревнивой и страшно притязательной.

— «Я не могъ ужиться въ этомъ поганомъ гнѣздѣ, вырвался на свободу и опять зажилъ по своему».

Но въ томъ-то и была вся бѣда его:—онъ не могъ, да и не умѣлъ жить по своему. Онъ жилъ, какъ птица, которая не жнетъ и не сѣетъ. Орелъ въ счастіи,—въ несчастіи онъ велъ себя, какъ мокрая курица... Ко всѣмъ лѣзъ въ дружбу, всѣмъ надоѣдалъ, нылъ, и когда не хватало денегъ, любилъ покутить на счетъ богатаго, и такъ, постепенно, утрачивалъ въ себѣ всякую совѣсть, всякое сознаніе своего человѣческаго достоинства.

Прошло лѣто. Трубинъ опять не перешелъ на третій курсъ и вышелъ изъ университета.

— «Это какой-то пошлякъ»! говорилъ про него одинъ изъ профессоровъ. «Сколько даровъ божьихъ зарыто въ немъ! говорилъ одинъ изъ умнѣйшихъ идеалистовъ того времени:—Это золото, покрытое такимъ слоемъ грязи, что только разъ въ недѣлю можно какъ нибудь случайно разглядѣть его».

Уже наступила осень, когда Трубинъ вспомнилъ про письмо своей матери.

— Чортъ возьми! подумалъ онъ,—какъ это я забылъ!

И вотъ, приблизительно, какими словами разсказываетъ онъ, какъ отнесъ это письмо:

«Я вычистилъ свой сюртукъ, разгладилъ галстукъ и причесался, вообще привелъ въ нѣкоторый порядокъ свой несчастный туалетъ и свою несчастную физіономію... Позвонилъ у подъѣзда большаго дома съ палисадникомъ передъ балкономъ. Швейцаръ спросилъ меня «кого вамъ нужно»? и съ ногъ до головы подозрительно осмотрѣлъ меня.

Digitized by Google

— Вашего барина, сказалъ я... дома-ли онъ?

— Дома-то дома только едва ли они примутъ; они заняты...

— Поди, отнеси мою карточку.

«Швейцаръ дернулъ за шнурокъ и на верхней площадкѣ лѣстницы появился лакей въ ливрейномъ фракѣ.

«Я былъ убѣжденъ, что мнѣ предстоитъ увидаться съ виновникомъ моего существованія, и едва-ли ошибся я въ своемъ предположеніи.

«Карточка моя пошла предупредить его о моемъ появленіи;—я былъ блѣденъ... и гордо расхаживалъ въ нарядныхъ мраморныхъ сѣняхъ и ждалъ.

«Съ добрыхъ полчаса прошло, прежде чѣмъ тотъ же лакей, нагнувшись сверху, прокричалъ:—Просятъ!

«Я встрепенулся и пошелъ. Ни статуи, ни вазы, ни картины на стѣнахъ, ничто меня не удивляло, ничто не поражало глазъ моихъ. Съ дѣтства привыкъ я къ роскоши. Богатое убранство домовъ было для меня нисколько не ново и нисколько не удивительно.

«Вошелъ я въ кабинетъ:—вижу, задомъ къ столу стоитъ высокій, лысый человѣкъ съ темными баками на отвислыхъ щекахъ, въ широкихъ шароварахъ и въ черномъ бархатномъ однобортномъ сюртукѣ, застегнутомъ на одну верхнюю пуговицу. Золотые брелоки отъ часовъ выглядываютъ снизу, лицо важное, но не суровое, глаза большіе, меланхолическіе. Больше всего сразу бросились мнѣ въ глаза его брови—это были мои брови... Я подалъ ему письмо и извинился, что такъ долго не могъ исполнить послѣдней воли моей покойной матушки... Молча онъ взялъ его, надорвалъ пакетъ и сталъ читать.

«Никакого сыновняго чувства, никакого трепета я не ощущалъ въ себѣ; я стоялъ передъ нимъ, какъ Аполлонъ Бельведерскій, отставивъ ногу и заложа одну руку за пазуху.

«Прочтя письмо, онъ поглядѣлъ на меня; казалось, вздохнулъ и спросилъ меня:

— Вы кончили ваше ученье въ университетѣ?

— Нѣтъ, я долженъ былъ выйти, потому что мое самолюбіе

Digitized by Google

было затронуто... я учился не хуже другихъ... Но онъ перебилъ меня.

— Добрая, хорошая женщина была ваша матушка; но жаль, что не съумѣла направить васъ... не пріучила васъ ни къ какому труду, ни къ какимъ занятіямъ.

— Я воспитывался въ домѣ у графини Р... сказалъ я:

— Знаю, гдѣ вы воспитывались; я совѣтовалъ ей отдать васъ въ константиновское училище. Вы были-бы теперь землемѣромъ и могли-бы много заработывать, но она предпочла отдать васъ къ графинѣ—и что изъ васъ вышло?

— Я займусь музыкой и, быть можетъ, напишу оперу.

— Знаю, что вы музыкантъ, но далеко вамъ до оперы. Отчего не учились вы музыкѣ вмѣстѣ съ дѣтьми графини?

— Да оттого, что я теперь играю лучше ихъ.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Бѣдствую! и я разсказалъ ему о своемъ положеніи, не скупясь на самыя мрачныя краски, и до того договорился, что самъ чуть было не заплакалъ.

— Вы будете получать отъ меня 500 рублей въ годъ; но съ тѣмъ, чтобъ вы лично меня никогда не безпокоили. Я настолько знаю васъ, что не желаю съ вами знакомиться. Прощайте!

«Я поклонился и вышелъ.

— Эй! услыхалъ я за собой его голосъ, не забудьте сообщить швейцару адресъ вашъ»...

Вотъ еще отрывокъ, который тоже передаю по памяти:

«Что значило для меня это нищенское подаянье? эти 500 рублей! Разъ, получа деньги, я сильно закутилъ—мнѣ хотѣлось напиться до чортиковъ. Аполошка, пріятель мой, могъ пить до зеленаго змія, и разъ, только одинъ разъ, нализался до адской дѣвы, а я, не смотря на все свое отчаянье, даже до чортиковъ ни разу не могъ накатить себя. Однажды, поздно вечеромъ, я сидѣлъ въ трактирѣ, въ отдѣльной комнатѣ, и ждалъ Аполошку. Онъ собирался жениться, и вотъ, вмѣстѣ со мной, да еще съ какимъ-то Хлюцкинымъ, намѣренъ былъ, какъ слѣдуетъ, проводить холостую жизнь свою.

Digitized by Google

«Я сидѣлъ одинъ передъ откупоренной бутылкой и стаканами; на столѣ горѣли двѣ свѣчи. Я разлегся на диванъ и думалъ: А что если я отомщу моему батюшкѣ, отомщу за то, что онъ бросилъ мать мою, за то, что принялъ меня, какъ свинью, и даже не посадилъ меня! Говорятъ, онъ теперь за границей, а жена и дѣти его у себя въ деревнѣ; что если я проберусь къ нимъ въ деревню и познакомлюсь съ семьей его. Говорятъ, одна дочь у него, 16 лѣтъ, писаная красавица... Что если я?.. Но въ эту минуту изъ стѣны вышла покойная моя мать, подошла къ столу и съ мертвенной грустью на лицѣ погрозила мнѣ.

«Меня нашли въ обморокѣ подъ столомъ, и нескоро привели въ чувство».

Такъ кончились признанія Трубина и такъ начались его галлюцинаціи.

И я узналъ, что сначала таинственное появленіе матери—тогда, когда онъ и не помышлялъ объ ней,—сильно подѣйствовало на его нравственное отрезвленіе.

Долго онъ не пилъ, смирился и шлялся по Россіи, т. е. переѣзжалъ отъ помѣщика къ помѣщику, собиралъ пѣсни и выучился пѣть такъ точно, какъ мужики поютъ, со всѣми особенностями и оттѣнками деревенскаго напѣва ихъ...

Наши скучавшіе степняки встрѣчали его съ хохотомъ, забавлялись имъ, поили, кормили, играли съ нимъ въ карты, иногда ругали, называли шулеромъ, затѣмъ приказывали запрягать лошадей, и съ Богомъ отправляли его. Ѣхалъ онъ куда глаза глядятъ, самъ не зная, гдѣ ночуетъ, или кто пріютитъ его. Трубинъ отличался особенной способностью надоѣдать до тошноты своей безтактностью, самохвальствомъ и, въ то же время, какою-то приниженностью, льстивой и неискренней. Словомъ, онъ не уважалъ себя и никто не уважалъ его.

VII.

На первый день Свѣтлой недѣли, въ полдень, изъ больницы пришла ко мнѣ женщина и принесла письмо его. Въ этомъ

Digitized by Google

письмѣ онъ поздравлялъ меня съ праздникомъ; благодарилъ за хлопоты, увѣрялъ, что какъ только получитъ деньги, тотчасъ же отправится въ Петрозаводскъ, гдѣ предлагаютъ ему очень выгодное мѣсто въ какой-то купеческой конторѣ; что онъ надѣется на будущіе труды свои и проситъ прислать ему красныхъ яицъ, да еще чего нибудь покурить, если только это не затруднитъ меня.

Жена моя уложила для него въ корзинку большой кусокъ кулича, кусокъ ветчины, сыру, пасхи, десятокъ крашеныхъ яицъ, полфунта пряниковъ и коробку съ папиросами.

Послѣ прочтенія его недоконченной исповѣди, я, хоть и не перемѣнилъ о немъ своего мнѣнія, но помирился съ нимъ; думалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ его видѣлъ, утекло не мало воды, а вода, когда течетъ, уноситъ многое; что нужда, страданія и долгая болѣзнь, если не разрушили, то, чего добраго, могли закалить его; къ тому-же изъ его писаній я не могъ не замѣтить той поэтической струнки, которая билась въ душѣ его.

На Ѳоминой недѣлѣ я получилъ пригласительную записку отъ Вѣры Ивановны.

«Вотъ, кстати, подумалъ я, скажу ей, что Трубинъ отыскался и на дняхъ выйдетъ изъ больницы; что литературный фондъ опредѣлилъ выдать ему 75 рублей и что на эти деньги онъ уѣзжаетъ въ Петрозаводскъ, гдѣ получаетъ мѣсто». Такъ я все это и сообщилъ ея превосходительству, когда заѣхалъ къ ней. И мнѣ показалось, что сообщеніе мое нисколько ее не заинтересовало; она даже перебила меня и сказала:

— Ну, объ этомъ послѣ... а теперь вотъ что: Пожалуйста, участвуйте въ одномъ музыкально-литературномъ вечерѣ... въ пользу тоже одного бѣднаго.

— Гдѣ и когда? спросилъ я.

— У меня, и не позднѣе, какъ завтра...

— Никакъ не могу, я отозванъ.

— Пустяки, что за бѣда, что отозваны. Пріѣзжайте въ 8 часовъ, мы поставимъ ваше имя въ первомъ отдѣленіи нашей небольшой программы. Можете что нибудь прочесть, а потомъ уѣзжайте съ Богомъ... А какая пѣвица будетъ у насъ пѣть! А—а!!?

Digitized by Google

— Ну, это мнѣ все равно... Извольте, только для васъ, Вѣра Ивановна...

— Ну и прекрасно! значитъ, вы согласны.

Она протянула мнѣ руку, поглядѣла въ глаза и двусмысленно улыбнулась.

На другой день, я нашелъ ея залу заставленной рядами стульевъ и чѣмъ-то въ родѣ импровизированной каѳедры. Общество было смѣшанное: въ переднемъ ряду сидѣли генералы, фрачники съ орденскими ленточками въ петлицѣ и пожилыя барыни. Въ среднемъ ряду чиновники въ сюртукахъ, офицеры и худенькія молоденькія дамочки; въ заднемъ—лица безъ всякаго званія и между ними длинноволосые юноши и стриженыя дѣвицы. Признаюсь, я не ожидалъ такого собранія; нашелъ знакомыхъ, поговорилъ съ ними и прошелъ въ гостинную.

— Неужели за деньги? спросилъ я Вѣру Ивановну.

— Разумѣется, а то какъ-же, и даже не дешево: первые ряды 6 рублей, послѣдніе—50 копѣекъ.

— Удивляюсь, какъ это вы успѣли.

Не знаю, какъ прошелъ весь этотъ вечеръ; я уѣхалъ раньше другихъ участвовавшихъ, и уѣхалъ съ новымъ, неожиданнымъ для меня открытіемъ... Оказалось, что Трубинъ не съ однимъ мною велъ свою переписку, что Вѣра Ивановна получала точно такія-же жалкія письма, и была сама у него въ больницѣ съ куличемъ и пасхальными яицами. Наконецъ, оказалось, что я читалъ въ его пользу, и что этотъ вечеръ далъ сбору 180 рублей, или около.

Я былъ очень радъ за Трубина; но опять таки что-то нехорошее завозилось у меня на сердцѣ... «Да, подумалъ я, что ни говори, а человѣкъ этотъ не умретъ съ голоду. Кажется, чего-же лучше? но, Боже мой! сколько тружениковъ, сколько людей, обремененныхъ семействами, никогда не съумѣютъ, да и не захотятъ обратить на себя покровительственнаго вниманія. Тѣ больные мужички и солдатики, которымъ онъ завидуетъ въ письмѣ своемъ, никогда не найдутъ себѣ такой помощи.

Digitized by Google

Я узналъ, что Трубинъ, получивъ деньги, тотчасъ-же выписался изъ госпиталя, и ожидалъ его появленія.

Прошла недѣля, другая, и я уже пересталъ ждать его; вдругъ, однажды вечеромъ, безъ доклада вошелъ Трубинъ. Ко мнѣ въ кабинетъ прошелъ онъ черезъ гостинную, гдѣ съ работой на рукахъ сидѣли жена моя, сестра жены, и, ужь не помню, еще какая-то знакомая намъ дѣвушка.

Я всталъ и тотчасъ-же узналъ моего посѣтителя; хотѣлъ обнять его, но онъ протянулъ руку, и, мямля нескладно, сталъ благодарить меня за хлопоты. Я узналъ его только потому, что ожидалъ, и не узналъ бы, еслибъ нечаянно встрѣтилъ на улицѣ. Онъ похудѣлъ, обросъ волосами и посѣдѣлъ. Смятая манишка виднѣлась у него на груди. Суконный сюртукъ былъ точно съ чужаго плеча, смятъ и... мѣстами подозрительно лоснился. Вмѣсто спокойнаго, добраго лица, какое бываетъ у выздоравливающихъ, я увидѣлъ лицо мрачное, испитое и пугливое. Точно его сейчасъ избили, или онъ кого нибудь избилъ и боится полиціи: глаза глядѣли изподлобья, мутно и недовѣрчиво.

Когда мы сѣли другъ противъ друга, съ минуту оба мы молчали... Я молчалъ, пораженный его видомъ; онъ, быть можетъ, удручаемый своею совѣстью.

— Были вы въ Петрозаводскѣ? спросилъ я.

— Э! махнувъ рукой, отвѣчалъ онъ, и потупился.

Я уже хотѣлъ задать ему другой вопросъ, но онъ заговорилъ:

— Не поѣхалъ... Ну его! охота вамъ спрашивать?

— Вы писали, что...

— Ну, да... да... писалъ... ну, что-жъ изъ этого?..

— Какъ же вы теперь устроитесь? будете работать?

— Ничего не знаю...

— Кому же объ этомъ и знать, какъ не вамъ.

— Э!

Это брезгливое «э!» было просто и грубо и глупо. Зачѣмъ же этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ, если онъ не хочетъ со мной даже разговаривать... Невольно думалось, что онъ пропилъ всѣ

Digitized by Google

деньги, которыя получилъ въ свое вспомоществованіе, или это старая спиртная закваска бродитъ у него въ мозгу?

Я помолчалъ и, наконецъ, чтобы о чемъ нибудь заговорить, спросилъ, какъ идетъ его музыка и есть-ли въ продажѣ тѣ пьесы, которыя когда-то онъ пѣлъ и которыя всѣмъ такъ нравились.

— Давно я не игралъ... А что есть у васъ рояль или піанино?

Онъ поднялъ голову и ждалъ отвѣта.

— Есть, пойдемте, я васъ представлю женѣ и вы что нибудь сыграете...

Мы вошли въ гостинную, онъ молча и неловко поклонился. Жена моя посмотрѣла на него съ участіемъ.

«Такъ вотъ каковъ *этотъ*, которому я послала папиросы и пряники!» выразили глаза ея.

Я раскрылъ рояль, посадилъ его и отошелъ къ дамамъ.

Онъ долго думалъ, понуривъ голову, потомъ принялся что-то наигрывать и безпрестанно путалъ... что-то налаживалъ и никакъ не могъ наладить... точно ребенка посадили за клавиши, и онъ сталъ разбирать ноты и не понимаетъ, чего эти ноты отъ него хотятъ. Долго выходила какая-то музыкальная нескладица. Мы всѣ, сидѣвшіе за спиной его, только пожимали плечами, да другъ на друга поглядывали. Наконецъ, что-то такое онъ наладилъ и запѣлъ; но это былъ уже не голосъ; это было какое-то обрывающееся завываніе,—завываніе, которое угнетаетъ слухъ и тянетъ за душу. На всѣхъ лицахъ изобразилось не то что изумленіе, а просто какой-то испугъ... Что если онъ просидитъ такъ весь вечеръ, будетъ такъ играть и такъ выть! да и наконецъ, что это за человѣкъ, который самъ не чувствуетъ, что это и не музыка и не пѣніе. Но... какъ кажется, Трубинъ самъ это почувствовалъ, разсердился, ударилъ кулакомъ по клавишамъ, всталъ и опять прошелъ въ кабинетъ мой покурить.

— Должно быть, опять простудился — охрипъ, сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь.

— А скажите? началъ было я... но вопросъ такъ и завязъ у меня на языкѣ: я хотѣлъ спросить его, вылѣчился ли онъ, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, отъ своихъ галлюцинацій. Понялъ ли онъ, отчего я вдругъ пріостановился, или это было случайно; только онъ самъ заговорилъ о галлюцинаціяхъ.

— Э! я уже теперь,—сказалъ онъ, — ко всему привыкъ: и къ неправдѣ людской, и къ неправдѣ небесной, ко всѣмъ ужасамъ. Вы думаете... я никого, кромѣ васъ, не вижу въ этой комнатѣ... ошибаетесь, тутъ и кромѣ васъ много всякой сволочи.

Онъ повелъ глазами по всей комнатѣ.

— А какъ я шелъ къ вамъ... тысячи... сотни тысячъ... духовъ... а я все-таки шелъ... все-таки... спотыкался, а шелъ.

— Что же они дѣлаютъ эти тысячи духовъ?

— Все, что хотите: кружатся, какъ вихрь, сыплятся, какъ осенніе листья,—падаютъ подъ ноги, точно за ноги хватаютъ, прячутся въ шубу, путаются, шапку норовятъ сорвать—ужасъ!.. но я уже привыкъ...

— Ну, вотъ, вы хотѣли до чортиковъ-то допиться,—хотѣлъ было я сказать, но опять таки промолчалъ... Слишкомъ было бы явно, что я о немъ въ эту минуту думаю...

Онъ, можетъ быть, и не былъ пьянъ въ этотъ вечеръ; но старая, пожалуй, вчерашняя закваска спирта сидѣла въ немъ и еще туманила мозги его. Тяжело мнѣ было съ нимъ, я не зналъ, что говорить, его присутствіе связывало языкъ мой: ни разспрашивать его я не могъ, ни вслухъ сожалѣть, ни совѣтовать, ни просить его уйти или остаться. Помню, что вечеръ этотъ кончился тѣмъ, что онъ попросилъ у меня рубль, и тотчасъ же ушелъ, пожавъ мнѣ руку,—ушелъ такимъ же мрачнымъ и подозрительнымъ, какимъ вошелъ.

Это былъ послѣдній его визитъ ко мнѣ. Слышалъ я, что на другой день онъ приходилъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ, — вѣроятно, съ намѣреньемъ также лично поблагодарить ее; но швейцаръ спросилъ у него визитную карточку.

Онъ долго шарилъ у себя по всѣмъ карманамъ и не нашелъ ни одной. Тогда швейцаръ грубо сказалъ ему: «уходите, никого дома нѣтъ»!..

Затѣмъ, куда онъ дѣвался и что съ нимъ! не вѣдаю.

Digitized by Google

Прошло еще лѣтъ десять; тяжелымъ бременемъ ложатся эти годы... Время, которое обозначаютъ они чередомъ своимъ—не пустое время: оно полно страстей, отъ которыхъ не осталось ничего, кромѣ горечи, воспоминаній, отъ которыхъ вѣетъ тоской о невозвратномъ и навѣки утраченномъ,—надеждъ, которыя обманули, стремленій, которыя осмѣяны толпой и невѣждами.

Разъ проѣзжалъ я черезъ большое фабричное село и... пока перепрягали лошадей, сѣлъ у какой-то избы на завалинку.

Вечерѣло. Отъ избъ, скирдовъ и ветелъ ложились длинныя-длинныя тѣни; по ту сторону дороги былъ огородъ, обнесенный плетнемъ. За огородами сквозила темная роща; грачи усаживались на гнѣзда, и до меня доносились скрыпучіе голоса ихъ: точно они переговаривались, какъ удобнѣе на ночь размѣститься имъ.

Улица была пуста; вдругъ со стороны фабрики раздался свистъ паровъ, затѣмъ звонъ небольшаго колокола, и не прошло четверти часа, какъ мимо меня прошло чуть не все населеніе села — фабричные мужики, дѣвки, дѣвчонки, бабы. Кто шелъ, медленно покачиваясь, точно размышлялъ о чемъ-то и на меня не обращалъ никакого вниманія; кто торопился,—шелъ, проворно шлепая по пыльной тропинкѣ голыми пятками, и на быстромъ ходу быстро меня оглядывалъ; кто шелъ, заломя шапку, и грызъ орѣхи.

Было немного и такихъ, которые внимательно, какъ бы изучая, что я за человѣкъ, устремляли на меня глаза пристальные и недовѣрчиво-суровые; были и такіе, которые обнаруживали явное желанье заговорить со мной; кто хохоталъ и тутъ-же ругалъ бабъ, называя ихъ прозвищами, очень меткими, но для печати неудобными. И все это прошло, прошумѣло мимо меня, все это разсыпалось по всему селу, и въ потемнѣвшемъ воздухѣ замелькали огоньки по низменнымъ окнамъ. Прошелъ день труда, мнѣ невѣдомый, и началась новая, вечерняя, тоже невѣдомая мнѣ, чужая жизнь. Фабрика также зажигала огни и ожидала ночной смѣны.

Бываютъ минуты, когда природа, чѣмъ она прекраснѣе, шире и величавѣе, тѣмъ грустнѣе на сердцѣ... когда некому даже сказать: посмотри, какой хорошій вечеръ! Закуривъ сигару, я велѣлъ

Digitized by Google

ямщику, когда запрягутъ лошадей, догнать меня, и пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ виднѣлось поле и гдѣ... кричали чибисы.

Вдругъ я остановился у самой послѣдней избы; около часовни раздался чей-то заунывный, но свѣжій и звучный голосъ.

Кто-то шелъ, пріостанавливался и пѣлъ,—очевидно, молодой парень, судя по голосу: я видѣлъ только, какъ въ пыльномъ сумракѣ двигалась бѣлесоватая тѣнь его.

Напѣвъ пѣсни показался мнѣ знакомымъ; давно-давно у кого-то я слышалъ этотъ напѣвъ,—но гдѣ? Я сталъ прислушиваться, и вдругъ слухъ мой уловилъ стихи мои, стихи, когда-то продиктованные мнѣ молодымъ, еще горячимъ, еще непростывшимъ сердцемъ...

. . . . . .

И разомъ вспомнился мнѣ мой галлюцинатъ, несчастный Трубинъ, и тотъ вечеръ, когда у Полосатовыхъ онъ впервые пѣлъ эту самую, имъ на голосъ уже положенную, пѣсенку... и какъ Вѣра Ивановна сказала: хорошо! и задумалась. Такъ вотъ куда зашла она—эта романическая, вовсе не народная пѣсня? Такъ вотъ куда этотъ несчастный, безпутный человѣкъ съумѣлъ занести ее! И неужели въ этомъ было все его призваніе! Какое ничтожное, маленькое, никѣмъ не признаваемое призваніе! Придумать 80 мотивовъ для 80 стихотвореній и по народу разнести ихъ—какъ могъ онъ это совершить, не зная музыки, тогда какъ созданія геніальныхъ музыкантовъ иногда не идутъ дальше театральныхъ залъ и салоновъ?

Не самолюбіе мое было польщено въ этотъ вечеръ; нѣтъ,—въ этотъ вечеръ мысли мои были выше моего самолюбія. Онѣ раскрывали мнѣ тайну едва замѣтнаго, медленнаго общенья между народомъ и писателемъ, и какъ бы намекали мнѣ, какія ничтожныя орудія выбираетъ Богъ исторіи, для того чтобы рано или поздно всѣ сословія заговорили однимъ языкомъ и другъ друга поняли...

Я. П. Полонскій.

Digitized by Google

УДОВОЛЬСТВІЯ И СТРАДАНІЯ.

(Съ біологической точки зрѣнія).

I.

Отчего ребенокъ радуется, когда его угощаютъ «бомбошкой» и плачетъ, если его заставляютъ проглотить горькую микстуру? Оттого, конечно, что въ первомъ случаѣ онъ предвкушаетъ удовольствіе, которое доставитъ ему вкусовое ощущеніе, а во второмъ испытываетъ непріятное чувство, подъ вліяніемъ вкусоваго ощущенія противоположнаго характера. Но почему же одно ощущеніе пріятно, а другое непріятно; одно доставляетъ удовольствіе, тогда какъ другое, напротивъ, причиняетъ страданіе? Мало того, чѣмъ объяснить тотъ общеизвѣстный фактъ, что не только разнородныя, но совершенно однородныя ощущенія въ иныхъ случаяхъ вызываютъ чувство довольства, въ другихъ—чувство противоположнаго характера? Отчего прохладный воздухъ такъ пріятенъ лѣтнимъ зноемъ и горсѣмъ непріятенъ зимою? Почему капля раствора поваренной соли причиняетъ боль, если она попадаетъ въ порѣзанную часть тѣла—и не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на неповрежденныя части кожи? Обращаясь отъ вкусовыхъ, термическихъ и осязательныхъ ощущеній къ зрительнымъ, слуховымъ, мышечнымъ, обонятельнымъ—мы увидимъ, что и здѣсь всѣ эти ощущенія въ совокупности и каждое порознь, съ точки зрѣнія *субъективной оцѣнки* ихъ, могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: на доставляющія *удовольствіе* и на причиняющія *страданіе*.

Такимъ образомъ, въ указанномъ отношеніи самыя разнородныя ощущенія становятся тождественными, поскольку продуктомъ субъективной оцѣнки ихъ является одно и то же чувствованіе—*пріятное* или *непріятное*. И наоборотъ: однородныя ощущенія представляются нашему сознанію различными, если продуктомъ субъективной оцѣнки ихъ является въ одномъ случаѣ чувствованіе *удовольствія*, въ другомъ—*страданія*.

Digitized by Google

Гдѣ-же причины данныхъ явленій; чѣмъ обусловливается эта субъективная оцѣнка ощущеній и что именно выражаетъ она собою? Всѣ эти вопросы сводятся, конечно, къ одному вопросу,—о природѣ тѣхъ психическихъ явленій или состояній, которыя извѣстны, въ своей совокупности, подъ именемъ *удовольствій* и *страданій*.

Очевидно, для того чтобы точно выяснить этотъ вопросъ, необходимо *прежде всего* опредѣлить отношеніе данныхъ психическихъ явленій къ явленіямъ жизни вообще; необходимо показать: какое мѣсто занимаютъ они среди процессовъ, извѣстныхъ въ своей цѣлокупности подъ именемъ жизни, какую роль играютъ они въ этихъ процессахъ, и какое значеніе имѣютъ въ общей экономіи жизни. Словомъ, для подлежащей характеристики упомянутыхъ психическихъ состояній, прежде всего слѣдуетъ выяснить—*что такое удовольствія и страданія съ біологической точки зрѣнія*; чѣмъ опредѣляется *біологическая* необходимость, *біологическое* значеніе данныхъ психическихъ состояній?—Этими вопросами, главнымъ образомъ, мы и займемся въ настоящемъ очеркѣ.

II.

Весьма важно, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, установить, прежде всего, точное различіе между ощущеніями и чувствованіями. Что такое ощущеніе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ давно уже извѣстную истину, согласно которой всякое измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ сознается нами не иначе, какъ при посредствѣ ощущеній. Представьте себѣ существо, лишенное тепловыхъ или зрительныхъ ощущеній, Очевидно, такое существо не будетъ въ состояніи уловить ни одного изъ тѣхъ термическихъ и свѣтовыхъ явленій, которыя происходятъ въ окружающемъ мірѣ, не будетъ въ состояніи *сознать* ни одного изъ тѣхъ *измѣненій*, которыя испытываютъ его органы, подъ вліяніемъ этихъ физическихъ дѣятелей. Отсюда уже нетрудно видѣть, что роль ощущеній состоитъ именно въ томъ, чтобы доводить до нашего сознанія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя испытываютъ наши органы подъ вліяніемъ различныхъ дѣйствій внѣшней среды. Пока эти измѣненія ускользаютъ отъ сознанія, пока они не сознаны—объ ощущеніи, въ строгомъ смыслѣ слова, не можетъ быть и рѣчи: въ такомъ случаѣ, все явленіе сводится въ сущности къ простому, мѣстному раздраженію того или другаго органа, того или другаго участка нервной системы. Для примѣра достаточно

Digitized by Google

указать на человѣка, временно лишеннаго сознанія, по какимъ бы то ни было причинамъ. Такой субъектъ не видитъ свѣта, направленнаго на его глаза, не слышитъ звука, раздающагося у самаго его уха, не испытываетъ никакихъ вкусовыхъ ощущеній и т. п.,—хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ несомнѣнно существуетъ мѣстное раздраженіе въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ органахъ, на что указываетъ, между прочимъ, возникновеніе различныхъ отвѣтныхъ, рефлекторныхъ дѣйствій. Но обо всѣхъ этихъ мѣстныхъ раздраженіяхъ самъ субъектъ ничего не знаетъ и если узнаетъ, то не раньше, какъ прійдя въ сознаніе. Вотъ этотъ именно рядъ фактовъ, выясняя роль *ощущеній* въ экономіи жизненной дѣятельности, дозволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большей или меньшей точностью, опредѣлить входящую сюда группу явленій. Въ самомъ дѣлѣ, согласно только что сказанному, мы обязательно должны признать, что *всякое измѣненіе въ органахъ или тканяхъ, вызванное тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ и перешедшее въ сознаніе, есть ощущеніе*. Въ виду настоящаго опредѣленія, нельзя не признать ошибочнымъ мнѣніе ученыхъ, допускающихъ возможность безсознательныхъ ощущеній и, наоборотъ, нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ нашего почтеннаго психолога Н. Грота, согласно которому «ощущенія служатъ только показателями того, *что происходитъ въ различныхъ нашихъ органахъ, подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ дѣйствій внѣшней среды*». Замѣтьте—*только показателями*. Но нѣтъ никакой необходимости доказывать, что для надлежащей оцѣнки отношенія окружающаго къ организму, однихъ этихъ показателей недостаточно; недостаточно знать, что происходитъ въ различныхъ нашихъ органахъ, какія измѣненія испытываютъ они подъ вліяніемъ среды; необходимо также знать, какое *значеніе* имѣютъ эти измѣненія въ экономіи цѣлаго организма.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ возможности представить себѣ такое измѣненіе въ органахъ или его отправленіяхъ, которое было-бы безразлично для всего организма, которое не оказывало-бы никакого вліянія на его жизнедѣятельность; одно измѣненіе можетъ содѣйствовать этой дѣятельности, другое—тормозить ее; одно будетъ настолько же полезно, насколько вредно другое. Словомъ, необходима извѣстная оцѣнка того, что мы называемъ ощущеніями. Продуктомъ такой оцѣнки и служатъ чувствованія. Такимъ образомъ опредѣляется существенное различіе между ощущеніями и чувствованіями: *при содѣйствіи ощущеній, мы узнаемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя испытываетъ нашъ орга-*

Digitized by Google

низмъ подъ вліяніемъ окружающаго; при содѣйствіи чувствованій—узнаемъ, какое значеніе эти измѣненія имѣютъ для нашего организма. Въ первомъ случаѣ, измѣненіе доводится до нашего сознанія—и только, во второмъ оно сознается нами, какъ пріятное или непріятное, какъ удовольствіе или какъ страданіе.

Итакъ, чувствованія удовольствія и страданія выражаютъ собою субъективную оцѣнку ощущеній; они именно и служатъ отвѣтомъ на вопросъ—какое значеніе въ экономіи цѣлаго организма имѣютъ происходящія въ тѣхъ или другихъ его органахъ измѣненія, открываемыя при содѣйствіи ощущеній *). Отсюда уже сама собою опредѣляется необходимость чувствованій: они необходимы, поскольку необходима субъективная оцѣнка ощущеній. Прекраснымъ доказательствомъ тому можетъ служить анализъ наиболѣе элементарнаго и всегда ясно выраженнаго чувствованія—именно физіологической или, точнѣе, *физической боли.* Къ этому анализу мы и перейдемъ теперь.

III.

Обращаясь къ вопросу о причинѣ физической боли, изслѣдуя физіологическія условія этого элементарнаго чувствованія, мы, прежде всего, отмѣчаемъ тотъ фактъ, что всякое ощущеніе причиняетъ боль, разъ оно отличается чрезмѣрной интенсивностью. Если вы опустите руку въ воду, нагрѣтую до 28—30°, вы будете ощущать теплоту—и только; но по мѣрѣ повышенія температуры, ощущеніе тепла постепенно исчезаетъ и смѣняется чувствомъ боли, которое, въ концѣ концовъ, совершенно вытѣсняетъ первоначальное ощущеніе: вы уже не ощущаете теплоты, вы чувствуете одну только невыносимую жгучую боль. Обратитесь къ какому-нибудь другому ощущенію—зрительному, слуховому, обонятельному и т. д., и вы найдете то же самое; вы увидите, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, говоря словами Вундта, «въ каждой области чувства, соотвѣтствующей высшей точкѣ ощущенія, является боль», и по мѣрѣ того, какъ интенсивность боли возростаетъ, качественная опредѣленность ощущенія постепенно исчезаетъ. Карпентеръ въ своихъ «Основаніяхъ физіологіи ума» говоритъ, что «сильная степень всякаго ощущенія дѣйствуетъ на насъ непріятнымъ образомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

*) Срав. Н. Грота: «Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основаніяхъ». Спб. 1879—1880.

Digitized by Google

то же ощущеніе, при умѣренной силѣ, служитъ источникомъ наслажденія. Это относится одинаково и къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя мы получаемъ чрезъ посредство органовъ зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса, и къ тѣмъ, которыя проводятся нервами общей чувствительности».

Итакъ, всякое сильное ощущеніе причиняетъ боль, «дѣйствуетъ на насъ непріятнымъ образомъ». Но почему же именно «непріятнымъ образомъ»? Съ физіологической точки зрѣнія, сильное ощущеніе необходимо предполагаетъ чрезмѣрно-интенсивное раздраженіе чувствующихъ нервовъ, вообще—чувствующей нервной системы. Всякое же чрезмѣрное раздраженіе нарушаетъ нормальное состояніе нервовъ и нервныхъ центровъ, нарушаетъ ихъ правильную дѣятельность и, будучи продолженнымъ, можетъ быть пагубно для организма. Такимъ образомъ, говоря словами Шарля Рише, «боль есть воспріятіе внезапнаго и сильнаго измѣненія въ состояніи нервовъ и нервныхъ центровъ, и такое предостереженіе необходимо для живыхъ существъ, чтобы побуждать послѣднихъ къ удержанію ихъ органовъ въ благопріятномъ физіологическомъ состояніи» *).

По поводу того же самаго предмета, Карпентеръ замѣчаетъ: «Ассоціація непріятнаго чувства съ тѣмъ или другимъ сильнымъ возбужденіемъ заставляетъ избѣгать всего, что̀ можетъ имѣть вредное вліяніе на нашъ организмъ. Такъ, боль, ощущаемая при сильномъ давленіи на поверхность кожи, или при близости разгорѣвшаго тѣла, предупреждаетъ объ опасности и возбуждаетъ умственные процессы, которые заставляютъ удаляться отъ причины болѣзненнаго раздраженія».

Нѣкоторые поразительные случаи потери чувствительности представляютъ наглядныя доказательства указаннаго здѣсь значенія чувства боли въ экономіи организма. Приводимъ одинъ такой случай, разсказанный Карпентеромъ со словъ «Journal of a Naturalist» и подтвержденный д-ромъ Ричардомъ Симтомъ: Прохожій прилегъ въ зимній вечеръ возлѣ печи для пережиганія извести, положивъ свои ноги, вѣроятно, окоченѣвшія отъ холода, на кучу камней, навезенныхъ на ночь для пережиганія. Въ этомъ положеніи онъ заснулъ. Между тѣмъ огонь, распространяясь все далѣе и далѣе, достигъ наконецъ камней, гдѣ лежали ноги. Въ это время человѣкъ, убаюканный тепломъ, продолжалъ спать. Усилившійся огонь сжегъ сначала одну ступню (лежавшую, вѣроятно, надъ отдушиной) и часть голени, притомъ до такой степени, что нога совершенно обугли-

*) D-r Ch. Richet: „La Douleur. Etudes de psychologie physiologique“. Revue philosophique, № 11, 1877, p. 476).

Digitized by Google

лась,—и, не смотря на это, несчастный продолжалъ спать! Въ такомъ состояніи его нашелъ истопникъ на другое утро. Не чувствуя никакой боли и не имѣя понятія о случившемся съ нимъ, бѣдняга попробовалъ встать, чтобы продолжать свой путь; но не могъ найти башмака и попросилъ, чтобы ему помогли отыскать его. Когда онъ наконецъ поднялся, ступивъ сожженной ногой на землю, берцовая кость разсыпалась на части, какъ кусокъ извести. И, тѣмъ не менѣе, онъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ боли и, по всей вѣроятности, не чувствовалъ ея, что̀ могло быть объяснено постепеннымъ дѣйствіемъ огня и тѣмъ состояніемъ оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился. Несчастный продолжалъ жить въ больницѣ около двухъ недѣль, но такъ какъ дѣйствіе огня распространилось и на другія части тѣла, то на спасеніе его не могло быть никакой надежды.

Этотъ ужасный случай представляетъ наглядное свидѣтельство въ пользу того, какъ мало организмъ застрахованъ отъ серьезныхъ поврежденій и даже смерти, разъ онъ «не получаетъ обычнаго увѣдомленія о начавшемся разрушительномъ процессѣ». Такимъ *обычнымъ увѣдомленіемъ*, такимъ *предостереженіемъ* и служитъ *физическая боль*. Не будь этого чувствованія, организмъ не имѣлъ бы никакого побужденія избѣгать всѣхъ тѣхъ измѣненій въ состояніи органовъ, которыя нарушаютъ правильное отношеніе между ними и оказываютъ вредныя вліянія на процессы жизни вообще.

Съ этой точки зрѣнія, боль является однимъ изъ необходимыхъ условій самосохраненія; и если мы обратимся теперь къ тѣмъ внѣшнимъ знакамъ, которыми выражается чувство боли, то, по справедливому замѣчанію Шарля Рише, увидимъ, что хотя эти знаки и различны у разныхъ животныхъ, но, тѣмъ не менѣе, они обнаруживаютъ одну общую, весьма характерную черту: въ данномъ случаѣ замѣчается тотъ же рядъ мускульныхъ движеній, который наблюдается у животнаго во время его обороны и характеризуется крикомъ, сокращеніемъ лицевыхъ мускуловъ, мускуловъ оконечностей и т. п.

Такъ, животное испытывающее боль, обнаруживаетъ въ своихъ движеніяхъ какъ бы стремленіе сбросить съ себя посторонній предметъ, стремленіе освободиться отъ непріятнаго ненормальнаго состоянія: животное мотаетъ головою отъ головной боли, встряхиваетъ, какъ кошка или собака, лапою въ случаѣ пораненія; и у человѣка нерѣдко замѣчаются подобнаго же рода движенія, когда, напр., онъ обожжетъ руку, порѣжетъ палецъ и пр. Еще поучительнѣе въ этомъ отношеніи сопоставить выраженія

чувства боли съ выраженіями противоположнаго чувствованія—довольства. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ и другомъ случаѣ внѣшніе знаки настолько же различны, насколько различны данныя чувствованія: въ довольствѣ весь организмъ какъ бы выростаетъ, корпусъ выпрямляется и вообще во всѣхъ движеніяхъ проглядываетъ стремленіе къ бо́льшему простору. Въ особенности рѣзко выступаютъ эти черты, когда указанное состояніе достигаетъ нѣкотораго возбужденія. Совершенно противоположное обнаруживается при чувствѣ боли; достаточно обратить вниманіе на выраженіе лица: глаза полузакрыты, лицо сморщивается и какъ-бы уменьшается въ размѣрахъ; то же замѣчается въ движеніяхъ всего организма: онъ весь съеживается, словно старается какъ можно больше сократить сферу распространенія болѣзненнаго чувства, какъ можно болѣе съузить пространство для болѣзнетворнаго вліянія. Словомъ, общій характеръ выраженій болевого чувства вполнѣ соотвѣтствуетъ указанному выше значенію этого самаго чувства. Боль предувѣдомляетъ объ измѣненіяхъ, разрушительно дѣйствующихъ на организмъ: послѣдній обнаруживаетъ рядъ движеній, направленныхъ къ тому, чтобы освободиться отъ этихъ измѣненій, или, по меньшей мѣрѣ, съузить, сократить ихъ вредное дѣйствіе. Другое, не менѣе убѣдительное доказательство въ пользу разсматриваемаго здѣсь соотношенія представляетъ степень чувствительности къ боли у животныхъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, если крайне интенсивное раздраженіе чувствительной нервной системы составляетъ необходимое условіе боли, то, само собою уже ясно, что чувствительность къ боли должна зависѣть отъ опредѣленнаго состоянія данной нервной системы: чѣмъ выше развитіе послѣдней, тѣмъ выше будетъ и степень чувствительности къ боли. Это положеніе можетъ быть выведено и изъ другаго болѣе общаго основанія: чѣмъ выше по развитію организмъ, тѣмъ сложнѣе взаимодѣйствіе между его частями, тѣмъ шире ихъ взаимная зависимость, тѣмъ большую между ними солидарность предполагаютъ нормальныя отправленія. Стало быть, для такого высокоорганизованнаго существа насильственныя измѣненія будутъ наиболѣе вредны, наименѣе терпимы, а отсюда уже ясно, что въ немъ именно должна быть всего болѣе развита чувствительность къ такого рода измѣненіямъ, т. е. чувствительность къ боли. Если мы обратимся къ фактамъ, то найдемъ полное подтвержденіе этого вывода, а именно, факты эти говорятъ, что между разсматриваемымъ чувствомъ и состояніемъ развитія существуетъ слѣдующее отношеніе: *животныя*,

Digitized by Google

наиболѣе высокоорганизованныя, принадлежатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ животнымъ, наиболѣе чувствительнымъ къ боли. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить человѣка съ другими млекопитающими животными, млекопитающихъ съ холоднокровными, а этихъ послѣднихъ съ безпозвоночными.

Посмотрите, напримѣръ, какъ беззаботно продолжаетъ летать муха, у которой только-что оторвалась нога; но наблюдаются еще болѣе рѣзкія случаи: нѣкоторыя насѣкомыя, будучи разрѣзаны пополамъ, не только не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ боли, а преспокойно одна половина пожираетъ другую. Примѣры такого слабаго развитія чувствительности весьма немалочисленны среди безпозвоночныхъ животныхъ и вовсе неизвѣстны у позвоночныхъ, самою собою разумѣется, въ ихъ нормальномъ состояніи. Нѣтъ ни одного такого позвоночнаго животнаго, даже между холоднокровными, которое продолжало бы оставаться спокойнымъ послѣ того, какъ у него оторвали ногу или причинили другое, не менѣе сильное поврежденіе; которое такъ индифферентно относилось бы къ подобнымъ поврежденіямъ, какъ напр., любое насѣкомое. Далѣе, каждый, кто только экспериментировалъ съ лягушками, знаетъ, какъ мало чувствительны онѣ къ тѣмъ или другимъ порѣзамъ, уколамъ и т. п. поврежденіямъ, въ сравненіи съ животными болѣе высокоорганизованными.

Само собою разумѣется, трудно судить о степени развитія у различныхъ животныхъ такого субъективнаго состоянія, какъ чувствованіе боли. Но насколько въ данномъ случаѣ могутъ служить мѣриломъ внѣшніе знаки, выраженія боли—не подлежитъ сомнѣнію, что чувствительность къ боли болѣе развита у высшихъ животныхъ, нежели у низшихъ, и еще болѣе у человѣка. Точно также нѣкоторыя данныя дозволяютъ заключить, что низшія расы, говоря вообще, менѣе чувствительны къ боли, чѣмъ высшія. Наконецъ, сюда же относятся весьма поучительные факты, на которые указываетъ Ш. Рише въ упомянутой уже статьѣ, а именно, что у идіотовъ, чувствующая нервная система которыхъ слабо развита, воспріимчивость къ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ крайне притуплена и они гораздо легче переносятъ то или другое дѣйствіе, причиняющее боль.

Словомъ, факты таковы, какими они и должны быть, разъ только боль представляетъ собою субъективную оцѣнку вредныхъ измѣненій въ состояніи органовъ,—измѣненій, стремящихся нарушить гармоническую, солидарную дѣятельность анатомическихъ элементовъ.

Но если условія физической боли дѣйствительно таковы, какъ они

Digitized by Google

указаны выше; если значеніе этого элементарнаго чувствованія въ экономіи цѣлаго организма, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ разъясненнымъ выше условіямъ, то нельзя-ли допустить то же самое и относительно всѣхъ вообще видовъ чувствованій, принадлежащихъ къ категоріи непріятныхъ; не объясняются-ли они тѣми-же самыми причинами и не имѣютъ-ли того-же самаго значенія въ экономіи организма? Съ другой стороны, такъ какъ удовольствія выражаютъ собою психическое состояніе, прямо противоположное страданіямъ, то не обусловливаются-ли они причинами, противоположными тѣмъ, которыми опредѣляются послѣднія чувствованія? Къ этимъ вопросамъ мы теперь и перейдемъ.

IV.

Говоря въ своихъ «Основаніяхъ психологіи» объ удовольствіи и страданіи, Гербертъ Спенсеръ указываетъ на тотъ «достаточно очевидный и многознаменательный фактъ», что крайнія состоянія, положительныя или отрицательныя, чрезмѣрная дѣятельность или полная недѣятельность, всегда сопровождаются чувствованіемъ страданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти крайнія состоянія несовмѣстимы съ тѣмъ правильнымъ равновѣсіемъ функцій, которое составляетъ здоровье. Напротивъ, всякое среднее состояніе дѣятельности сопровождается удовольствіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нельзя болѣе согласно съ этимъ правильнымъ равновѣсіемъ, даже требуется имъ. Разъяснить это весьма нетрудно. Если мы, говоритъ Спенсеръ, возьмемъ рядъ взаимно зависимыхъ органовъ, представляющихъ въ своихъ функціяхъ извѣстную гармонію, то найдемъ, что самое существованіе спеціальнаго органа, имѣющаго свою спеціальную функцію, предполагаетъ, что отсутствіе его функціи должно нарушить данную гармонію и что усиленіе его отправленій должно, въ свою очередь, причинить подобное же разстройство, а это опять таки предполагаетъ, что поддержаніе гармоніи соотвѣтствуетъ средней степени функцій даннаго органа. Отсюда уже a priori можно заключить, что «средняя дѣятельность, сопровождающаяся удовольствіемъ, должна быть благотворна для организма, а чрезмѣрная дѣятельность, сопровождающаяся страданіемъ, должна быть разрушительна для него». Этотъ апріористическій выводъ Спенсеръ подтверждаетъ многочисленными примѣрами, изъ которыхъ мы укажемъ на слѣдующіе. Какъ интенсивный холодъ, такъ и очень сильный жаръ одинаково причиняютъ острое страданіе; а если тѣло будетъ подвержено ихъ дѣйствію въ теченіе продол-

Digitized by Google

жительнаго времени,—то и смерти; напротивъ, умѣренная теплота и пріятна и содѣйствуетъ физическому благосостоянію. Крайне интенсивное чувство голода идетъ объ руку съ очень вреднымъ бездѣйствіемъ пищеварительныхъ органовъ, а когда такое чувство голода и такое бездѣйствіе продолжается долгое время, то результатъ ихъ оказывается роковымъ для организма. И, наоборотъ, если твердая или жидкая пища продолжаетъ проглатываться насильственно, вслѣдствіе принужденія, не смотря на происходящія отъ того мучительныя ощущенія, то эффектъ такого дѣйствія также оказывается пагубнымъ для организма и даже можетъ убить его. Но между этими страданіями, сопровождающими недостаточную и чрезмѣрную дѣятельность, лежатъ удовольствія ѣды, которыя бываютъ наиболѣе остры или интенсивны именно тогда, когда польза, извлекаемая изъ пищи, наиболѣе велика. Для здороваго человѣка, послѣ хорошаго отдыха, ощущеніе, сопровождающее абсолютную бездѣятельность мускуловъ, положительно невыносимо; вмѣстѣ съ тѣмъ, такая бездѣятельность вредна. Съ другой стороны, чрезмѣрное упражненіе всей мускульной системы точно также мучительно и ведетъ къ изнеможенію; а упражненіе какого-нибудь отдѣльнаго мускула, доведенное до болѣзненной чрезмѣрности, производитъ временный параличъ, причемъ иногда, вслѣдствіе разрыва нѣкоторыхъ мускульныхъ волоконъ, порождаетъ продолжительную неспособность къ дѣятельности. Насильственная остановка дыханія, посредствомъ закупориванія воздушныхъ проходовъ, причиняетъ нестерпимое состояніе сознанія, и жизнь прекращается при этомъ очень скоро, если не явится своевременная помощь. Вдыханіе испорченнаго воздуха столь же вредно, какъ и отвратительно; между тѣмъ какъ вдыханіе особенно чистаго и свѣжаго воздуха столько же пріятно, сколько и полезно физически. Растительныя вещества, отличающіяся чрезвычайной горечью, обыкновенно ядовиты въ значительныхъ количествахъ, а наиболѣе горькія изъ нихъ ядовиты даже и въ очень малыхъ количествахъ. Сильныя кислоты также ядовиты; и въ самомъ дѣлѣ, онѣ дѣйствуютъ разрушительнымъ образомъ уже непосредственно на тѣ органическія оболочки, съ которыми соприкасаются. Точно также и газы, причиняющіе сильныя раздраженія при вдыханіи или нюханіи, какъ напр., концентрированный амміакъ, чистый хлоръ или хлористо-водородная кислота, производятъ на организмъ самыя пагубныя и разрушительныя дѣйствія.

Всѣ эти факты приводятъ къ тому заключенію, что страданія соотносительны дѣйствіямъ, вреднымъ для организма, а удовольствія соот-

носительны дѣйствіямъ, полезнымъ для его благосостоянія. Съ этой точки зрѣнія, становится уже совершенно понятнымъ тотъ неопровержимый законъ, что «каждое животное старается обыкновенно продолжать каждый актъ, доставляющій ему удовольствіе до тѣхъ поръ, пока этотъ актъ продолжаетъ доставлять удовольствіе; и старается избѣгать каждаго акта, который доставляетъ ему страданіе». Иначе и быть не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, предположите себѣ животное, которое руководствовалось бы въ своихъ дѣйствіяхъ противоположными чувствованіями; которое обнаруживало бы влеченіе къ дѣйствіямъ вреднымъ для его организма и, напротивъ, старалось бы избѣгать дѣйствій полезныхъ. Само собою разумѣется, что такое животное скоро погибло бы, не оставивъ по себѣ никакого потомства. Напротивъ, тѣ животныя, у которыхъ пріятныя чувствованія идутъ объ руку съ дѣятельностью, ведущей къ поддержанію жизни, а непріятныя чувствованія соотвѣтствуютъ дѣятельности, прямо или косвенно разрушительной для жизни,— только такія животныя способны одержать побѣду въ борьбѣ за существованіе и могутъ оставить по себѣ потомство. Въ виду всѣхъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ, Спенсеръ приходитъ къ «неизбѣжному» выводу, что «удовольствія суть влеченія къ актамъ, служащимъ къ поддержанію жизни, а страданія суть отвращеніе отъ актовъ, разрушающихъ жизнь». По мнѣнію англійскаго мыслителя, «это руководство представляется неопровержимо дѣйствительнымъ, не только у низшихъ чувствующихъ созданій, но оно таково даже у насъ самихъ, въ той мѣрѣ, въ какой дѣло идетъ о тѣхъ функціяхъ, отъ которыхъ непосредственно зависитъ жизнь».

Указанная здѣсь общая характеристика чувствованій удовольствія и страданія и ихъ значенія, какъ побудительныхъ стимуловъ къ дѣятельности, вполнѣ соотвѣтствуетъ общимъ положеніямъ, выведеннымъ нами изъ анализа элементарнаго чувствованія—чувствованія боли. Но, тѣмъ не менѣе, эта характеристика не даетъ полнаго представленія о природѣ чувствованій и притомъ грѣшитъ нѣкоторой, весьма существенной односторонностью.

V.

Что страданія суть спутники дѣятельности вредной для организма, а удовольствія—спутники дѣйствій полезныхъ для индивида,—это положеніе, говоря вообще, не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается, какъ

Digitized by Google

мы видѣли, массою фактовъ. Но далеко уже не въ такой мѣрѣ истинно другое мнѣніе Спенсера, будто противоположныя состоянія,—чрезмѣрная дѣятельность и недѣятельность,—вредны и причиняютъ страданія,—а среднее состояніе между этими двумя противоположностями соотвѣтствуетъ чувствованію удовольствія. Иногда это бываетъ дѣйствительно такъ, но только иногда. Въ самомъ дѣлѣ, кому же неизвѣстно, что бездѣятельное состояніе, совершеннѣйшій покой послѣ продолжительной физической или умственной работы, не только не причиняетъ страданія, а, напротивъ, доставляетъ удовольствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый очень хорошо знаетъ, какое благотворное значеніе для всего организма имѣетъ такой отдыхъ. Необходимость отдыха самымъ лучшимъ образомъ доказываетъ, что бездѣятельность далеко не всегда идетъ объ руку съ чувствованіемъ страданія, что спутникомъ ея можетъ быть также противоположное чувствованіе—удовольствіе, и что, стало быть, мнѣніе Спенсера, будто крайнія состоянія, не только положительныя, но и отрицательныя, несовмѣстимы съ правильнымъ равновѣсіемъ въ функціяхъ, составляющимъ здоровье, и сопровождаются ощущеніями страданія—ошибочно.

Далеко не точно и другое, болѣе общее положеніе Спенсера и многихъ психологовъ, раздѣляющихъ тотъ же взглядъ,—будто дѣйствія, направленныя къ поддержанію жизни, сопровождаются чувствованіями удовольствія и что животныя потому именно и испытываютъ влеченіе къ дѣйствіямъ, необходимымъ для ихъ существованія, что эти дѣйствія настолько же полезны, насколько и пріятны. Самой пользы животное, конечно, не сознаётъ, но оно испытываетъ удовольствіе отъ этихъ дѣйствій, направленныхъ на поддержаніе его существованія, и потому стремится къ нимъ. Повторяемъ, это положеніе далеко не такъ точно и универсально, какъ полагаетъ Спенсеръ.

Во-первыхъ, существуютъ многочисленныя явленія, многочисленные акты, несомнѣнно важные для жизни, о которыхъ нельзя, однако, сказать, чтобы они доставляли удовольствіе индивидамъ, участвующимъ въ этихъ актахъ. Сюда, прежде всего, относятся процессы размноженія, какъ они обнаруживаются среди простѣйшихъ животныхъ формъ, гдѣ новыя особи образуются путемъ дробленія материнскаго организма на части; гдѣ «индивидуальность родителя теряется въ индивидуальности потомства»; гдѣ «смерть родителей есть нормальный результатъ размноженія».

Само собою разумѣется, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ объ удоволь-

Digitized by Google

ствіи не можетъ быть и рѣчи, иначе пришлось бы допустить, что дѣйствія, уничтожающія индивидуальность производящаго организма, доставляютъ удовольствіе. Но то же самое можно сказать о процессахъ размноженія вообще, поскольку существуетъ антагонизмъ между этими процессами и индивидуальностью. Спенсеръ самъ предвидитъ возможность подобнаго возраженія,—но полагаетъ, что оно не существенно, такъ какъ «мы склонны обыкновенно думать, что полезная дѣятельность, къ которой мы стремимся, есть дѣятельность полезная для индивида; между тѣмъ какъ единственная необходимость заключается въ томъ, чтобы она была полезна для расъ».

Но какимъ же образомъ дѣйствія, не только безполезныя, но даже вредныя для индивида, могутъ доставлять ему удовольствіе? Неужели только потому, что эти дѣйствія полезны для расы. Но вѣдь для этого необходимо сознаніе полезности подобныхъ дѣйствій, т. е. необходимо предположить невозможное относительно большинства животныхъ, въ особенности простѣйшихъ. Кромѣ того, самое положеніе, будто единственная необходимость заключается въ томъ, чтобы дѣйствія, къ которымъ мы стремимся, были полезны для расъ, а не для индивида, далеко не убѣдительно. Иначе было бы совершенно невозможно понять, почему,—какъ то поясняетъ самъ Спенсеръ въ своихъ «Основаніяхъ біологіи»,—антогонизмъ между размноженіемъ и индивидуальностью убываетъ по мѣрѣ развитія организаціи, и притомъ въ пользу индивидуальности. Но это еще не все. Если дѣйствія, уничтожающія индивидуальность, не могутъ быть причислены къ дѣйствіямъ, доставляющимъ удовольствіе, то также мало основанія относить къ категоріи этихъ дѣйствій и всѣ акты, съуживающіе проявленіе индивидуальности, т. е. подавляющіе ея развитіе; мало основанія даже въ томъ случаѣ, когда подобные акты оказываются необходимыми для поддержанія жизни.

Примѣромъ можетъ служить любое ретроградное развитіе организаціи. Достаточно указать на случаи регрессивныхъ измѣненій, случаи упрощенія, которые испытываетъ организація подъ вліяніемъ условій паразитическаго образа жизни. Очевидно, всѣ подобныя измѣненія необходимы *для поддержанія жизни*, но утверждать, что эти измѣненія доставляютъ удовольствіе животному, испытывающему ихъ, что животное находитъ удовольствіе въ дѣйствіяхъ, съуживающихъ проявленіе его индивидуальности—весьма рискованно. Болѣе того. Всѣ дѣйствія животныхъ, вызываемыя необходимостью приспособленія къ окружающему, направлены на *поддержаніе* ихъ жизни. Но тотъ общій законъ, что

Digitized by Google

каждое животное выполняетъ приспособительныя дѣйствія лишь настолько, насколько они необходимы въ борьбѣ за существованіе, насколько животное побуждается къ этимъ дѣйствіямъ требованіями окружающей среды, и, напротивъ, вовсе не обнаруживаетъ стремленія къ подобнымъ дѣйствіямъ, если данныя требованія отсутствуютъ,—этотъ общій законъ, говоримъ мы, доказываетъ, что животныя вовсе не испытываютъ *влеченія* къ дѣйствіямъ, вызываемымъ необходимостью приспособленія къ окружающему. Иначе всѣ подобныя дѣйствія не отличались бы принудительнымъ характеромъ. А тамъ, гдѣ нѣтъ влеченія, тамъ нѣтъ мѣста и удовольствію.

Въ явленіяхъ общественной жизни человѣка указанный законъ обнаруживается въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ. Здѣсь уже съ очевидной ясностью выступаетъ та несомнѣнная истина, что дѣйствія, направленныя на поддержаніе жизни, путемъ приспособленія индивидуальности къ требованіямъ окружающей среды, далеко не такъ привлекательны и не такъ пріятны, какъ это должно быть съ точки зрѣнія разсматриваемаго положенія Спенсера. Мало того, они *тѣмъ менѣе привлекательны, тѣмъ менѣе пріятны, чѣмъ выше по развитію индивидуальность*. Это подтверждается также и другими болѣе общими явленіями.

Въ данномъ случаѣ, въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ многознаменательный фактъ, что *поддержаніе* жизни достигается не только путемъ приспособленія къ окружающему, но и путемъ приспособленія окружающаго къ себѣ, и что, по мѣрѣ развитія организаціи, послѣдній путь болѣе и болѣе предпочитается первому *). А это прямо уже доказываетъ, что первый способъ самосохраненія тѣмъ менѣе пріятенъ, чѣмъ выше развитіе организаціи. Иначе было бы совершенно невозможно понять, почему, по мѣрѣ перехода къ высшимъ формамъ жизни, изъ двухъ указанныхъ путей, которыми достигается поддержаніе этой жизни, послѣдній, въ концѣ концовъ, предпочитается первому, и приспособленіе *къ себѣ* предпочитается приспособленію *себя?*

VI.

Въ виду только что разъясненныхъ данныхъ, мы необходимо должны признать, что далеко не всякое дѣйствіе, направленное на поддержаніе

---

* См. статью: «Приспособлять или приспособляться» («Наблюдатель», январь и февраль 1883 г.).

Digitized by Google

жизни, можетъ быть относимо къ числу дѣйствій, доставляющихъ удовольствія. Отсюда должны быть исключены всѣ тѣ приспособительныя дѣйствія, въ условіяхъ которыхъ *поддержаніе жизни достигается въ ущербъ развитію индивидуальности*; стало быть, всѣ явленія регрессивнаго характера. Все, что съуживаетъ, упрощаетъ жизнь, все что сокращаетъ проявленія индивидуальности, причиняетъ страданіе.

Помимо приведенныхъ выше основаній, это, между прочимъ, подтверждается тѣмъ общественнымъ фактомъ, что удовольствіе идетъ объ руку съ разнообразіемъ впечатлѣній, а однообразіе причиняетъ страданіе. А такъ какъ разнообразіе впечатлѣній, разнообразіе работы составляетъ необходимое условіе совершенствованія, то отсюда можно было бы уже заключать, что *удовольствія суть стремленія къ актамъ, расширяющимъ формулу жизни, содѣйствующимъ прогрессивному развитію индивидуальности, а страданія суть отвращенія отъ актовъ, съуживающихъ жизнь, подавляющихъ индивидуальность.* Мы глубже оцѣнимъ истинное сознаніе этого положенія, если обратимъ вниманіе на основныя біологическія условія образованія чувствованій удовольствія и страданія, на которыя указываетъ Н. Гротъ въ названной уже выше книгѣ. «Всякое возбужденіе нашихъ тканей, съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, какія оно за собою влечетъ, называется *работою* этихъ тканей; всякое состояніе ихъ, предшествующее этой работѣ, принято разсматривать, въ отношеніи послѣдней, съ точки зрѣнія *силы* или *энергіи*, какую эти ткани могутъ обнаружить во время работы; въ этомъ смыслѣ состояніе тканей равносильно присущей имъ энергіи. Поэтому, основою для образованія различныхъ чувствованій должно считать отношеніе работы какой-нибудь ткани организма къ ея энергіи».

Но какія именно отношенія между работою и энергіею тканей служатъ источникомъ удовольствія и какія—источникомъ страданія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо замѣтить, что молекулярная работа тканей бываетъ всегда двоякая: *положительная и отрицательная*; положительная работа состоитъ въ тратѣ вещества тканей, а отрицательная—въ накопленіи вещества и образованіи сложныхъ соединеній, служащихъ новымъ запасомъ рабочей силы въ органахъ.

Такимъ образомъ, предъидущій вопросъ сводится къ вопросу о гармоніи и дисгармоніи между положительною и отрицательною молекулярной работою тканей. По мнѣнію Грота, гармонія имѣетъ мѣсто какъ въ томъ случаѣ, когда положительная молекулярная работа тканей про-

Digitized by Google

исходитъ въ размѣрахъ той энергіи, которая образовалась вслѣдствіе предшествующей отрицательной работы въ тѣхъ же тканяхъ, такъ и тогда, когда отрицательная молекулярная работа происходитъ въ предѣлахъ, предписанныхъ предшествующею положительною работою въ томъ же органѣ.

Дисгармонія точно также ощущается какъ въ томъ случаѣ, когда положительная молекулярная работа переходитъ за черту, намѣченную предшествующей отрицательной молекулярной работой, такъ и тогда, когда отрицательная работа перешла за предѣлы, указанные предшествующею тратой вещества. Въ двухъ первыхъ случаяхъ, продуктомъ этихъ отношеній является удовольствіе, въ двухъ послѣднихъ—страданіе или неудовольствіе. Словомъ, всякая трата вещества, которая не превосходитъ предшествующаго его накопленія, служитъ источникомъ положительнаго удовольствія (наслажденіе, работа); всякое накопленіе вещества, не превосходящее предшествующей его траты, служитъ источникомъ отрицательнаго удовольствія (отдыхъ, возстановленіе силъ); всякій избытокъ траты вещества, сравнительно съ его накопленіемъ, причиняетъ положительное страданіе (усталость, истощеніе силъ); наконецъ, всякій избытокъ накопленія вещества, сравнительно съ его тратою, причиняетъ отрицательное страданіе (потребность, лишеніе). Таковы, по мнѣнію Грота, основныя условія чувствованій удовольствія и страданія. Мы видимъ, что условія эти всецѣло опредѣляются отношеніемъ траты тканей къ ихъ возстановленію. Если возстановленіе соотвѣтствуетъ тратѣ или, наоборотъ, трата—возстановленію, спутникомъ такой дѣятельности будетъ удовольствіе; если же подобное соотвѣтствіе отсутствуетъ, то источникомъ такой дисгармоніи будетъ страданіе.

Теперь мы уже легко поймемъ, почему, напримѣръ, никакая чрезмѣрная работа не доставляетъ удовольствія:—именно потому, что она вовсе не соотвѣтствуетъ накопленію силъ, энергіи даннаго организма; по тому же самому только та работа доставляетъ удовольствіе, которая опредѣляется потребностью организма; въ данномъ случаѣ, стремленіе къ дѣятельности составляетъ прямой результатъ избытка накопившихся силъ, и если такое стремленіе не будетъ удовлетворено—явится чувствованіе страданія. Словомъ, тысячи примѣровъ единогласно свидѣтельствуютъ, что указанное здѣсь отношеніе траты вещества тканей къ его возстановленію, и обратно, составляетъ существенное біологическое условіе чувствованій удовольствія и страданія. Но, тѣмъ не менѣе, это условіе не единственное. Во-первыхъ, согласно указанному отношенію, обязательно

допустить, что удовольствіе необходимо предполагаетъ состояніе *равновѣсія* между приходомъ и расходомъ, между тѣмъ, что̀ организмъ получаетъ изъ среды и тѣмъ, что̀ онъ возвращаетъ въ среду. Если онъ получаетъ *менѣе* того, что возвращаетъ—онъ страдаетъ, и это совершенно понятно; если онъ получаетъ *болѣе* того, что возвращаетъ, онъ также страдаетъ, и вотъ это несовсѣмъ понятно. Явленія роста и развитія были бы невозможны, еслибы организмъ получалъ столько же, сколько онъ возвращаетъ въ окружающую его среду.

Ростъ, въ извѣстномъ смыслѣ, есть *накопленіе* біорганическаго вещества, превосходящее трату послѣдняго, но предполагать, что ростъ служитъ источникомъ страданій—нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Допустите на минуту, что у ребенка организующіе и дезорганизующіе процессы находятся въ полномъ равновѣсіи, что его организмъ расходуетъ столько же, сколько получаетъ. Такой ребенокъ не могъ бы ни расти, ни развиваться: онъ находился бы въ состояніи, на которое никто, конечно, не станетъ смотрѣть, какъ на источникъ удовольствія. Итакъ, нѣтъ никакого основанія ограничивать условія удовольствія условіями равновѣсія между тратою и возстановленіемъ, иначе всю дѣятельность, направленную на развитіе, пришлось бы отнести къ актамъ, причиняющимъ страданія.

Къ какимъ же заключеніямъ приводитъ насъ весь предъидущій біологическій анализъ чувствованій удовольствія и страданія. А вотъ къ какимъ: жизнь выражается не только явленіями самосохраненія, но и явленіями *саморазвитія*, явленіями *самосовершенствованія*. Организмъ стремится не только поддерживать свое существованіе, но и расширять формулу своей жизни, расширять свою индивидуальность. Поэтому дѣйствія, направленныя на поддержаніе жизни, доставляютъ удовольствіе только тогда, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не идутъ въ разрѣзъ второму стремленію—стремленію къ совершенствованію. То же самое представляетъ въ данномъ случаѣ и отношеніе траты вещества къ его возстановленію. Если же поддержаніе жизни достигается путемъ такихъ дѣйствій, которыя, какъ въ случаяхъ приспособленія къ окружающему, не только не содѣйствуютъ совершенствованію, а, напротивъ, побуждаютъ организацію сокращаться, то спутникомъ такихъ дѣйствій является страданіе. Съ этой точки зрѣнія, становится понятнымъ, почему экономія жизненной энергіи и всѣ дѣйствія, отвѣчающія этой экономіи или ведущія къ ней, служатъ источникомъ удовольствія;—именно потому, что

Digitized by Google

экономія жизненной энергіи есть одно изъ необходимыхъ условій прогрессивнаго развитія.

Итакъ, мы можемъ уже теперь точнѣе выразить нашу предъидущую формулу:

1) *Удовольствія суть влеченія къ актамъ, не только поддерживающимъ жизнь, но и расширяющимъ формулу жизни, содѣйствующимъ прогрессивному развитію индивидуальности.*

2) *Страданія суть отвращенія не только отъ актовъ, разрушающихъ жизнь, но и отъ актовъ, съуживающихъ жизнь, подавляющихъ индивидуальность.*

Удовольствія и страданія, поставленныя въ зависимость отъ условій самосохраненія и саморазвитія, даютъ возможность понять, почему среди низшихъ животныхъ формъ, гдѣ индивидуальность слабо развита, эти чувствованія, въ свою очередь, выражены весьма слабо; они ничтожны, незначительны. Съ другой стороны, если удовольствія суть влеченія къ актамъ, расширяющимъ содержаніе жизни, то высшія удовольствія должны соотвѣтствовать высшему развитію индивидуальности. Другими словами, это значитъ, что истинныя удовольствія и истинныя страданія суть удовольствія и страданія высокоразвитыхъ личностей. Вотъ почему, наслаждаться жизнью—значитъ принимать активное участіе въ ея прогрессивномъ развитіи, содѣйствовать этому развитію, и вовсе не значитъ «прожигать» жизнь безъ толку, какъ думаютъ и какъ поступаютъ двуногія гастриды, позорящія образъ человѣческій.

Л. Поповъ.

Digitized by Google

На родинѣ.

И вотъ опять передо мной
Мѣста знакомыя мелькнули;
И сосны старыя смолой
Ароматически пахнули.
Вонъ за рѣкою на холмѣ
Село раскинулось родное...
Къ нему спѣшу я, и въ умѣ
Встаетъ забытое былое.
Въ такой же чудный лѣтній день
Я покидалъ лѣса родные;—
О счастьѣ бѣдныхъ деревень
Мечты и грезы молодыя
Я уносилъ тогда въ груди,
Въ края далекіе съ собою:
Все было свѣтло впереди,
Манило жизнью и борьбою.
Я шелъ отъ васъ, мои лѣса,
Чтобъ возвратиться къ вамъ чрезъ годы,
Когда родныя небеса
Увидятъ лучъ святой свободы.
И этотъ лучъ хотѣлъ я самъ
Принесть торжественно съ чужбины
Многовыносливымъ сынамъ
Ярма и вѣковой кручины!
И я пришелъ... передо мной
Мѣста знакомыя мелькнули,
И сосны старыя смолой

Digitized by Google

Ароматически пахнули.
Какъ и въ былыя времена,
Кругомъ все полно тишиною...
Прости, родимая страна!
Я не принесъ тебѣ съ собою
Ни счастья свѣтлаго, ни грезъ,
Ни даже вѣры въ это счастье,—
Я только скорбь свою принесъ,
Да жажду ласки и участья—
Родныхъ небесъ, родныхъ полей,
Сердецъ, исполненныхъ терпѣнья,
Чтобъ обрѣсти душѣ своей
Отъ гордыхъ мукъ успокоенье!

А. Кругловъ.

Бѣднякъ.

(Изъ Сырокомли).

И шумъ, и споръ въ толпѣ хмѣльной,
Такъ время весело проходитъ;
А я ни съ кѣмъ, никто со мной—
Промолвить слова не находитъ.

И все-жъ не я виною въ томъ:
Успѣхъ имъ въ жизни всѣмъ дается,
Одинъ вспомянетъ о быломъ,
Другой надеждамъ предается.

А я? Въ словахъ—лишь боли звукъ
Могу издать съ страданьемъ новымъ;
Былое—рядъ тяжелыхъ мукъ—
Мнѣ въ жизнь вплелось вѣнцомъ терновымъ.

Digitized by Google

Мои надежды... Я далекъ
Отъ мысли видѣть перемѣну;
Увы, не нуженъ мнѣ пророкъ:
Бѣда бѣдѣ пойдетъ на смѣну!

Въ долинѣ мой убогій кровъ
При самомъ озерѣ; весною
Вода нахлынетъ съ береговъ
И унесетъ его волною!

Всѣхъ веселитъ весны приходъ,
Лишь мнѣ она бѣду готовитъ,
И дикій шумъ весеннихъ водъ
Мой слухъ съ отчаяньемъ уловитъ.

Подъ вѣтви дуба, за холмомъ,
Бѣднякъ на время удалится,
И лѣтомъ тамъ, быть можетъ, громъ
Надъ нимъ ударомъ разразится.

Работой всякій увлеченъ,
До пота въ полѣ надрываясь;
Утихнетъ мой тяжелый стонъ,
Лишь шумомъ бури покрываясь.

Вотъ дождь осеннею порой
Польется ливнемъ непрестаннымъ,
И думъ тяжелыхъ мрачный рой
Нависнетъ облакомъ туманнымъ.

Межъ тѣмъ какъ люди пьютъ, ѣдятъ
Среди пировъ, тогда обильныхъ,
Одинъ я, нищій,—горечь, ядъ
Въ слезахъ почувствую безсильныхъ.

Зимой работы спѣшной нѣтъ,
И каждый дни въ семьѣ проводитъ,

Digitized by Google

На очагѣ съ утра, чѣмъ свѣтъ,
До вечера огонь разводитъ.

Гдѣ сирота найдетъ пріютъ,
Коль роду-племени не знаетъ?
Морозы даромъ не пройдутъ;
А голодъ скоро доканаетъ.

Вотъ землю мерзлую начнетъ
Рубить могильщикъ черезъ силу,
Меня за то онъ проклянетъ,
Что рыть зимой пришлось могилу.

Никто молитвой помянуть
Души страдальца не захочетъ,
И развѣ только кто нибудь
О погребеньѣ похлопочетъ.

И кто по мнѣ слезу прольетъ,
Вздохнетъ, на кладбищѣ бывая?
Дождемъ могилу обольетъ;
Вздохнетъ лишь вѣтеръ, завывая...

И снѣгомъ вскорѣ занесетъ,
Придавитъ тяжестью сугроба...
Вотъ погребеніе сиротъ,
Вотъ жизнь ихъ, горькая до гроба!

В. К.—К.

Digitized by Google

КОШМАРЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Сергѣй Александровичъ узналъ отъ Петрушкевича всю правду о Дунѣ. Тотъ высказалъ ее на этотъ разъ безъ ложнаго стыда и стѣсненія.

— И вы ничего не имѣете противъ знакомства Лизы съ этой женщиной?

— Не только противъ знакомства, но даже противъ дружбы съ ней я бы ничего не имѣлъ.

Онъ промолчалъ на такое рѣшительное возраженіе, поборовъ въ себѣ невольное чувство злобы и гадливости. Знакомить Лизу съ публичной женщиной.... Это было уже слишкомъ! Онъ не могъ помириться съ этой мыслью, и Петрушкевичъ, такъ категорически заявившій ему свой взглядъ на это, былъ ему болѣе чѣмъ непонятенъ.

Приходилось молчать, когда горячій протестъ закипалъ въ душѣ, когда негодующія слова дрожали на устахъ.

Онъ покинулъ Лизу, огорченный до нельзя всѣмъ, только что видѣннымъ и слышаннымъ.

«Конечно, не она виновата—старался онъ оправдать ее въ своихъ глазахъ; виноватъ ея мужъ, ея руководитель. Къ чему поведутъ такія знакомства? Они не только неприличны, но вредны и пагубны».

Дома онъ не находилъ себѣ мѣста, такъ былъ онъ разстроенъ и озабоченъ. Желчь разливалась въ немъ. Онъ негодовалъ на Петрушкевича, негодовалъ на самого себя за то, что до сихъ поръ

Digitized by Google

не съумѣлъ еще свыкнуться съ мыслью, что Лиза ему чужая, не смотря на ея видимую дружбу и расположеніе.

Любить и прощать—становилось минутами не подъ силу; онъ мучился, волновался, рѣшаясь даже окончательно порвать съ прошлымъ, не видать Лизы; но проходилъ день, другой,—и снова защемитъ сердце, и снова пойдетъ онъ къ ней, любящій и прощающій.

Въ эти тяжелые дни борьбы съ самимъ собой, онъ искалъ забыться въ дѣятельности, въ трудѣ. Но нелегко было одухотворить казенную машину; ее можно было совершенствовать, но сообщить ей душу, заставить ее жить сознательной жизнью—нельзя.

Кипы «дѣлъ», тщательно прошнурованныхъ и пронумерованныхъ, вся эта сухая бумажная канитель, придирчивая и педантичная до деспотизма, вся эта канцелярская сутолока, съ ея архивной пылью, съ ея чинъ-чино-почитаніемъ, съ ея вицмундирами, окладами, прибавками и происками—не были въ состояніи овладѣть душой и умомъ человѣка.

«Трудъ» не приносилъ забвенія; онъ убивалъ лишь время, раздражалъ нервы и способствовалъ разлитію желчи.

Сергѣй Александровичъ не научился еще относиться къ службѣ съ тѣмъ мертвымъ формализмомъ или же игривымъ легкомысліемъ, съ какими относилось къ ней большинство *помпадуровъ*. Онъ не былъ еще помпадуромъ, когда долженъ бы быть имъ.

Жизнь его была непрестаннымъ разладомъ; предложеніе не соотвѣтствовало спросу. Онъ становился угрюмъ, сосредоточенъ, несообщителенъ,—и если продолжалъ жить въ обществѣ, не гнушаясь высокопоставленныхъ хищниковъ и титулованныхъ негодяевъ, то единственно потому лишь, что бѣжать отъ нихъ—значило-бы бѣжать и съ своего поста, а на это онъ не рѣшался еще: онъ мечталъ осмыслить трудъ и сообщить жизнь машинѣ. Мечтатель-идеалистъ думалъ, что и одинъ въ полѣ воинъ...

Долго не могъ заснуть Сергѣй Александровичъ. Невеселыя думы овладѣли имъ, безотрадныя воспоминанія пережитаго преслѣдовали его въ эту ночь. Въ итогѣ выходило, что жизнь ничего не дала ему, кромѣ горькаго чувства разочарованія, надежды не осуществлялись, цѣли не достигались. Онъ пережилъ уже свои лучшіе годы,—и нечѣмъ помянуть ихъ. Счастье посѣтило его однажды, но мимолетнымъ видѣніемъ мелькнуло лишь передъ нимъ—и какъ туманъ, какъ призракъ, разсѣялось на его глазахъ. Лучше бы не знать его совсѣмъ, этого чуднаго видѣнья! За минуту счастья и радости оно сулило ему долгія печали и муки. Вспомнилась ему

Digitized by Google

почему-то Анюта и ея трагическая кончина. Онъ увидалъ ее съ поразительной ясностью въ гробу, усыпанномъ цвѣтами, съ спокойнымъ и яснымъ выраженіемъ лица. Это лицо не походило на лицо самоубійцы. Какая-то тихая, глубокая дума залегла на слегка открытыхъ губахъ, въ кроткомъ, недоумѣвающемъ взорѣ неподвижныхъ глазъ. Глаза эти, лишенные жизни и блеска, смотрѣли, тѣмъ не менѣе, вдумчиво и осмысленно. Вѣнчикъ на блѣдномъ лбу скрывалъ собой смертельную рану.

Онъ испыталъ тогда, у гроба этого несчастнаго ребенка-самоубійцы, жгучее чувство тоски и боли. Онъ задумался надъ трупомъ Анюты,—и не могъ понять, не могъ окончательно уяснить себѣ, какія страданія, какія муки свели ее такъ рано въ могилу. Онъ молился о ея душѣ такъ, какъ давно не приходилось ему молиться. Теперь, воскресивъ въ своей памяти эту картину, онъ остановился на ней съ щемящей жалостью и любовью. Анюта въ гробу была для него загадочна, непонятна, но ближе и дороже живой. На утро только, послѣ мучительной безсонной ночи, онъ заснулъ мертвымъ сномъ. Было уже одиннадцать часовъ, когда Антонъ разбудилъ его.

— Ваше превосходительство, къ намъ гости пріѣхали, доложилъ онъ.

— Гости... Какіе гости? недоумѣвалъ Сергѣй Александровичъ.

— Изъ Москвы... Молодые. Такъ и приказали доложить: молодые... Фамиліи-то я не знаю. Барыня такая высокая будетъ, изъ себя видная.

— Да это Наденька! радостно воскликнулъ онъ и быстро принялся одѣваться.

Въ залѣ, межъ тѣмъ, Наденька съ нетерпѣніемъ ожидала появленія дяди. Она быстро ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, то и дѣло взглядывая на часы. За дверью, на парадной лѣстницѣ, раздавался голосъ Левшина. Онъ отдавалъ какія-то приказанія.

Она полуоткрыла дверь и крикнула громко по направленію прихожей, въ которой виднѣлись уже сундукъ и чемоданы.

— Владиміръ, посмотрите, чтобы вносили поосторожнѣе мой зеленый баулъ.

Затѣмъ снова принялась ходить по комнатѣ. Она была теперь еще красивѣе прежняго; словно выросла, расцвѣла. Сѣрые искристые глаза ея глядѣли изъ подъ черныхъ бровей самоувѣренно и гордо, чувственныя пунцовыя губы сложились въ полупрезрительную улыбку, станъ развился, грудь приняла красивыя и упругія очертанія, походка небрежная и вмѣстѣ граціозная сообщала всей

Digitized by Google

ея изящной и горделивой фигурѣ энергію красоты и молодости. Черная вуалетка покрывала до половины ея лицо, рѣзко оттѣняя матовую бѣлизну кожи. Бархатная накидка ея, отороченная блестящимъ бобромъ, валялась возлѣ на стулѣ.

Нетерпѣніе видимо начинало овладѣвать ею, когда Сергѣй Александровичъ показался въ дверяхъ и съ ласковой улыбкой на лицѣ протянулъ ей обѣ руки.

— Ну, благодарю за сюрпризъ, милая... Вотъ удружила-то!

Она быстро подбѣжала къ нему и, не принимая его рукъ, крѣпко обняла и поцѣловала.

— Дядя, милый дядя! лепетала она, нѣжно къ нему прижимаясь.

— А мужъ гдѣ?

— Онъ сейчасъ... онъ тамъ... Владиміръ! громко крикнула она изъ-за двери.

Левшинъ вошелъ въ штатскомъ платьѣ и уже безъ костылей. Онъ едва замѣтно прихрамывалъ. Сергѣй Александровичъ обнялъ его и поцѣловалъ.

— Я такъ радъ видѣть васъ у себя, дорогіе мои.

— Какъ вы его находите въ штатскомъ, дядя? обратилась къ нему Наденька, указывая на мужа. Вѣдь штатскимъ вы его не видали еще?

— Не видалъ, не видалъ. Къ вамъ штатское больше идетъ, Владиміръ Алексѣевичъ. Только похудѣли вы очень, не такъ, какъ она... Вы, Наденька, ужасно измѣнились. Просто безбожно такъ хорошѣть.

— Счастье, говорятъ, краситъ человѣка, съ веселымъ смѣхомъ отвѣчала она.—А мы, дядя, думаемъ пока у васъ остановиться. Вѣдь вы насъ не выгоните? Черезъ недѣлю пріѣдетъ maman,—вотъ тогда мы всѣ вмѣстѣ и переберемся уже въ гостинницу. А теперь ни за что отъ васъ не уйдемъ.

— Я очень радъ, очень радъ. Зачѣмъ въ гостинницу? Я былъ-бы крайне доволенъ, еслибъ ваша maman согласилась принять мое гостепріимство. Квартира огромная,—и я одинъ. Я такъ счастливъ, Наденька, что вы вспомнили о дядѣ и прямо, безъ церемоній, пріѣхали. Вы будете здѣсь хозяйкой,—все мое къ вашимъ услугамъ.

— Я увѣрена была, милый дядя, что вашъ пріемъ будетъ именно таковъ, съ чувствомъ проговорила она, а потому и позволила себѣ, не предупредивъ васъ письмомъ или телеграммой, пріѣхать прямо, по родственному.

Digitized by Google

— И отлично, и отлично, дорогая моя.

— А вотъ, еслибы вы слышали, какъ мой муженекъ разговариваетъ,—засмѣялась Наденька, указывая на Владиміра Алексѣевича, который, во все время этой сцены, молча и пасмурно стоялъ въ сторонѣ.

— А что?

— Да просто совсѣмъ отъ рукъ отбился, капризно жаловалась она. Не ѣдетъ сюда, да и только; поѣдемъ, говоритъ, въ гостиницу, тамъ и остановимся. Я хотѣла было уже одна ѣхать, а его отправить на всѣ четыре стороны.

— Что-же вы такъ, Владиміръ Алексѣевичъ?.. укоризненно взглянулъ на него Силинъ. Вѣдь мы родня, кажется.

— Я ни минуты не сомнѣвался въ вашемъ расположеніи и радушіи, смущенно оправдывался тотъ, но я не считалъ себя вправѣ стѣснять васъ, Сергѣй Александровичъ.

— Стѣснять!.. Да для меня сегодня праздникъ настоящій! Не повѣрите, какая иногда тоска беретъ въ этихъ хоромахъ... Живой души кругомъ нѣтъ. Однако, что же это я!.. И забылъ совсѣмъ, что соловья баснями не кормятъ. Эй, Антонъ,—чаю! Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, только что отъ сна возсталъ. Сегодня воскресенье,—службы нѣтъ, ну и кейфирую.

Пока Антонъ накрывалъ въ столовой огромный столъ, уставляя на него серебряный сервизъ и всевозможныя холодныя закуски, Наденька, извинившись предъ Сергѣемъ Александровичемъ, въ сопровожденіи своей молоденькой горничной Оли, которую привезла съ собой изъ Москвы, пошла въ предназначенныя ей комнаты. Силинъ суетился, — и приходилъ въ отчаяніе, что онъ не былъ предупрежденъ о ея пріѣздѣ и не могъ устроить ей, какъ слѣдуетъ, помѣщенія. Онъ предоставилъ ей три лучшихъ, совершенно отдѣльныхъ комнаты.

— Спальня, уборная и гостинная, пояснилъ онъ.

Наденька ласково смѣялась и, поцѣловавъ его два раза, отправилась къ себѣ переодѣться.

— Какая она красавица стала! съ восхищеніемъ проговорилъ онъ вслѣдъ, обращаясь къ Левшину.

— Она замѣчательно похорошѣла и развилась, согласился тотъ.

— Вѣдь вы слышали ея слова: счастье краситъ человѣка.

Левшинъ смолчалъ на это, устремивъ предъ собой грустный, загадочный взоръ.

— Какъ поживаетъ ваша maman? поспѣшилъ перемѣнить разговоръ Силинъ, замѣтивъ его печальный видъ.

Digitized by Google

— Благодаря Бога, здорова. Мы вмѣстѣ жили въ Москвѣ все время. Теперь ее задержала тамъ продажа имѣнія. Какъ только кончитъ съ покупщикомъ, сейчасъ же пріѣдетъ сюда.

— Такъ вы продаете свое тверское имѣніе?

— Не я, мать продаетъ... Не хотѣлось мнѣ этого, очень не хотѣлось. Жаль, знаете, гнѣзда... Въ немъ вѣдь я ребенкомъ жилъ.

— А вы не на службѣ еще?

— Нѣтъ, въ чистой.

— Вѣдь вы думали служить по земству?

— Мало-ли что, улыбнулся онъ. Я и теперь думаю, да видно не придется. Жена хочетъ, чтобы я искалъ себѣ службу въ Петербургѣ. Вѣдь мы, собственно, съ этой цѣлью и пріѣхали,—похлопотать.

— Гдѣ бы вамъ хотѣлось пристроиться?

— Да ужь гдѣ удастся... Только не въ полицію, поспѣшно прибавилъ онъ. Выбирать, Сергѣй Александровичъ, некогда; средства нужны, грустно проговорилъ онъ. Шутка сказать, сколько мы въ какіе нибудь девять мѣсяцевъ прожили! Вѣрите-ли,—на девять лѣтъ хватило-бы. Всѣ эти поѣздки въ Крымъ, за границу.—А жизнь въ Москвѣ! Да развѣ мы жили, мы безумствовали... Каждый день пріемы, выѣзды. Я откровенно скажу, что изъ того, что мнѣ выдѣлила мать при женидьбѣ, почти ужь ничего не осталось. А Наденьки но состояніе я не трону... Приходится службы искать.

— Но вѣдь и служба много не дастъ. Всякій начинаетъ сначала; вамъ могутъ предоставить лишь самое незначительное мѣсто.

— Я это отлично понимаю. Я ей говорилъ, что на службу тоже нельзя много полагаться... Ну, положимъ, восемьсотъ, тысяча рублей въ годъ. Хорошо еще, если такъ удастся, да развѣ составитъ это что-нибудь въ нашей жизни...

— А вотъ и я, проговорила появившаяся въ эту минуту Наденька. Ужь я чувствую, что обо мнѣ шла рѣчь. Дядя, онъ вамъ очень на меня жаловался?

— Совсѣмъ нѣтъ...

— Ну, да ужь я знаю, знаю его. Во всемъ я у него виновата... Чуть неудача какая...

— Полно, милая, когда-же я винилъ тебя въ чемъ-нибудь?

— Всегда, всегда... Только и слышу отъ тебя: молода да любитъ выѣзды... Надѣюсь, что не хвалишь меня, когда говоришь такъ.

Digitized by Google

О, дядя, еслибы вы знали, какой онъ деспотъ! добавила она, капризно надувъ губки.

— Извини, Наденька, но, какъ хочешь, этому я никогда не повѣрю, вступился Сергѣй Александровичъ. Вы не таковы, чтобы покориться чьему бы то ни было деспотизму.

Она скромно потупила глаза и проговорила тихимъ, безсильнымъ голосомъ, который совсѣмъ не гармонировалъ съ ея самоувѣренной, горделивой фигурой:

— Я женщина, дядя,—и, какъ женщина, уже слаба.

— О, о, о, какъ заговорили вы теперь! удивился онъ. А помните, какъ вы развивали мнѣ въ Москвѣ прелестную теорію: глотай другаго, а то тебя самого проглотятъ?

— Мало-ли что говорилось тогда, улыбнулась она его словамъ. А вы не забыли таки, дядя, этой глупой выходки?.. Забудьте о ней, прошу васъ.

При этомъ она взглянула на него съ нѣжной мольбой.

— Я очень радъ, Наденька, что вы такъ говорите теперь. искренно проговорилъ онъ. Вообще, скажу вамъ откровенно, вы сильно таки измѣнились.

— Въ чемъ же?

— Какъ вамъ сказать... Однимъ словомъ, такою, какъ сейчасъ, я васъ еще больше люблю.

— Милый дядя, какой вы добрый! проговорила молодая женщина, съ краской счастливаго смущенія на лиц[illegible].

Сергѣй Александровичъ былъ въ восторгѣ отъ племянницы. Онъ былъ увѣренъ теперь, что она дѣйствительно измѣнилась къ лучшему. Въ ея тонѣ слышалось больше теплоты и искренности; глаза ея, прежде холодные и насмѣшливые, смотрѣли какъ-то задушевнѣе. Однимъ словомъ, изъ нѣсколькихъ сказанныхъ ею фразъ, изъ нѣсколькихъ подмѣченныхъ имъ взглядовъ, изъ ея манеры говорить, изъ ея дѣтскаго, чистосердечнаго смѣха—онъ увидалъ, что предъ нимъ сидитъ не та уже Наденька, которую зналъ онъ въ Москвѣ и въ которой трудно было предположить тогда сердце. У той все было — веселье, юморъ, граціозное кокетство, блескъ, оживленіе; въ этой онъ увидалъ добрую, хорошую душу...

Онъ принялся разспрашивать ее объ Аннѣ Ивановнѣ. Наденька говорила о старушкѣ съ любовью, съ сосредоточенной грустью.

— Она все хвораетъ за послѣднее время, она неузнаваема. Перебралась снова къ себѣ въ деревню, живетъ тамъ и лѣто и зиму. Я ѣздила къ ней съ Владиміромъ, пробыла у ней цѣлую

Digitized by Google

недѣлю. Не повѣрите, дядя, какъ тяжело мнѣ было глядѣть на бабушку! Она видимо угасаетъ, разрушается.

— Анфисушка не покидаетъ ея?

— Ни на минуту, спитъ даже съ ней въ одной комнатѣ. Бываетъ у нея часто священникъ изъ ближняго села, читаетъ евангеліе.... Газетъ бабушка ужъ больше не выписываетъ. Я, говоритъ, можетъ быть, и разстроила-то себя этими газетами; когда живешь—ничего не знаешь, ничего не слышишь—оно и покойнѣе словно. Память у нея тоже ослабѣла:—начнетъ иногда вспоминать старое,—и все смѣшаетъ, перепутаетъ,—и Пальмерстонишка, и Биронъ, все это у ней вмѣстѣ, сумбуръ какой-то....

— Стара, вѣдь, тоже.

— Стара, вздохнула Наденька. Я просто измучилась вся, глядя на нее, такъ мнѣ жаль ее было!

— Ну, а какъ братъ и сестра поживаютъ? Видаетесь часто?

— Не особенно, а впрочемъ бываемъ иногда у нихъ. Тамъ, дядя, теперь послѣ смерти Анюты сущая могила.

— Сестра убивается?

— Трудно понять, что̀ чувствуетъ Елена Петровна. Вѣрно только то, что она стала еще желчнѣе, еще раздражительнѣе прежняго. Къ ней теперь подступиться просто страшно. Дядя—тотъ мученикъ какой-то! Куда дѣлись его прежняя бодрость и веселость,—и слѣда не осталось. Похудѣлъ ужасно, сталъ угрюмъ, молчаливъ, задумывается, говорятъ, по цѣлымъ часамъ. Сердце кровью обливается, смотря на него. Теперь только я поняла, какъ онъ любилъ Анюту.

— Да, да.... это вѣрно; онъ любилъ ее, по своему, сильно,—согласился Сергѣй Александровичъ, чувствуя, что слезы приливаютъ къ его глазамъ.

— А Жозефина то! Помните, дядя, Жозефину?

— Какъ не помнить? Француженка.

— Помѣшалась.

— Неужели?

— Увѣряю васъ. По цѣлымъ днямъ сама съ собой разговариваетъ, плачетъ, доходитъ иногда просто до изступленія, слоняется изъ своей комнаты въ комнату Анюты, бормочетъ про себя что-то, и вдругъ начинаетъ бить себя въ грудь, рвать волосы...

— Бѣдная, бѣдная!

— Дядя разсказывалъ мнѣ, что однажды накрыли ее, петлю приготовляла... Еслибъ горничная не замѣтила во-время, то она

Digitized by Google

навѣрное порѣшила бы съ собой. Елена Петровна чуть было не отправила ее въ сумашедшій домъ, да дядя не позволилъ, слышать ничего не хотѣлъ. Онъ такъ разошелся, что даже тетушка спасовала передъ нимъ. Она, говоритъ, больше всѣхъ здѣсь любила Анюту, она была ея единственнымъ другомъ, и я не потерплю, чтобы ее выгнали изъ моего дома.

— Узнаю брата; онъ всегда былъ благороднѣйшій человѣкъ, хоть и безхарактеренъ ужасно, взволнованно произнесъ Силинъ.

— Ну, а на этотъ разъ и характеръ откуда взялся, отстоялъ Жозефину. А что сталось, дядя, съ этимъ учителемъ... Рыжовъ, кажется, фамилія?

— Ему отказали, выгнали со скандаломъ изъ дому. Больше я его не встрѣчалъ. Теперь онъ, конечно, служитъ гдѣ нибудь.

— Елена Петровна и теперь еще не можетъ о немъ позабыть, таинственно понизила голосъ Наденька.

— Знаю, знаю, замахалъ онъ руками. Она увѣрена, что онъ тутъ во всемъ виноватъ.

— Да вѣдь она прямо утверждаетъ, что онъ соблазнилъ Анюту,—съ ужасомъ въ глазахъ, проговорила Наденька.

— Какая низкая ложь! воскликнулъ съ негодованіемъ Сергѣй Александровичъ.—Я имѣлъ возможность узнать его довольно коротко, и утверждаю, что это вполнѣ честный и порядочный человѣкъ. Такихъ немного попадается теперь изъ молодежи.

— Я его не знала почти.

— Онъ мнѣ тоже показался очень умнымъ и симпатичнымъ, вмѣшался въ разговоръ Левшинъ, все время сидѣвшій молча и не спускавшій глазъ съ лица Наденьки:—Въ немъ не было блеску, но чувствовалась какая-то сознательная сила. Онъ такъ не походилъ на всѣхъ этихъ блестящихъ говоруновъ и фразеровъ...

Наденька быстро взглянула на него и черныя брови ея слегка вздрогнули. Взгляды ихъ встрѣтились.

— Да, именно, не походилъ на этотъ пустоцвѣтъ.

— Пустоцвѣтъ! Voici le mot, засмѣялась она.—Да ты становишься краснорѣчивъ, мой милый!

Она глядѣла на него въ упоръ, почти дерзко, прищуривъ свои мгновенно заискрившіеся сѣрые глаза.

— Дядя, милый, у меня до васъ просьба есть, говорила она черезъ нѣсколько минутъ, взявъ подъ руку Сергѣя Александровича и удаляясь съ нимъ во внутреннія комнаты.

— Какая-же?

Digitized by Google

— Большая, большая, милый!

И при этомъ она сильно оперлась на его руку, лукаво и нѣжно заглядывая ему въ лицо.

— Говори, Наденька. Что въ моихъ только силахъ, то навѣрное исполню для тебя.

— Я это знаю, я увѣрена... Голубчикъ, дорогой мой, дайте какое-нибудь мѣсто мужу.

— А, вотъ ты насчетъ чего, засмѣялся онъ. Молодецъ! Едва успѣла вылетѣть замужъ, и уже, какъ вижу, берешь на себя всѣ тяготы правленія. Мужа устроить хочешь? Это хорошо, милая, жена должна жить интересами мужа.

— Да мнѣ и приходится жить ими, дядя, капризно протянула она. Вѣдь онъ тюлень у меня неповоротливый. Ему, чтобы только я съ нимъ рядомъ сидѣла, чтобы только смотрѣть на меня,—а остальное хоть огнемъ гори. Хотѣлъ по земству служить... Ну, это благодарю покорно! Жить въ какомъ нибудь захолустьѣ, не знать людей, общества!.. Я положительно воспротивилась. Я помнила, что въ Петербургѣ есть у меня дядюшка,—ласкаясь, продолжала она,—и если онъ захочетъ только помочь своей племянницѣ, то дѣло въ шляпѣ. Вѣдь моему Владиміру не Богъ вѣсть какое мѣсто нужно, не губернаторское... Назначьте его къ себѣ куда нибудь, ну какъ это у васъ тамъ,—чиновникомъ или столоначальникомъ, я ужь всѣхъ этихъ именъ не знаю... Только чтобъ не безъ дѣла онъ сидѣлъ у меня, ни Боже мой! Въ его годы да на боковую—непростительно просто; вѣдь онъ у меня совсѣмъ изленится, дядя. Ну, что тогда я съ нимъ буду дѣлать? Не самой же служить вмѣсто него!

— Нѣтъ, нѣтъ, самой не зачѣмъ, смѣялся Сергѣй Александровичъ, ласково трепля ее по раскраснѣвшейся щекѣ. Мы его заставимъ служить, непремѣнно заставимъ. Только, мнѣ кажется, Наденька, ты ужь очень строго къ мужу относишься. Онъ не паразитъ какой, онъ не бѣжитъ отъ дѣла.

— Ахъ, дядя, да развѣ можно смотрѣть на все сквозь пальцы! воскликнула она.—Средствъ у насъ немного, а мы оба молоды еще, жить хочется... Ну, какъ же безъ службы-то быть? Ему необходимо, необходимо служить, настойчиво подтвердила она.

— Хорошо, хорошо, я постараюсь. Вѣроятно, устрою какъ нибудь. Сразу вѣдь нельзя, сама понимаешь.

— Ничего я не понимаю и понимать не хочу! весело вскричала она, бросаясь къ нему на шею и крѣпко цѣлуя въ

Digitized by Google

губы.—Понимаю, что будетъ ему мѣсто, будетъ потому, что дядя у меня милый, хорошій!..

— Ахъ ты, славная, славная... какъ-то смущенно говорилъ Сергѣй Александровичъ, отвѣчая на ея поцѣлуи.

VII.

Въ Большомъ театрѣ давали Травіату. Ложи и партеръ были переполнены. Опера шла скучно, вяло; примадонна надсаживалась изо всѣхъ силъ и фальшивила чуть не на каждомъ шагу, теноръ былъ недуренъ, но слишкомъ жестикулировалъ и принималъ дѣланныя позы. Первое дѣйствіе кончилось. Раздалось нѣсколько слабыхъ аплодисментовъ,—они замерли, словно потонули въ молчаливой движущейся массѣ. Неподвижное молчаніе, молчаніе сонное, скучающее, царившее въ театрѣ во время представленія, смѣнилось теперь всеобщимъ оживленіемъ, какимъ-то несмолкаемымъ жужжаніемъ вспугнутаго роя пчелъ. Казалось, всѣ ожидали только этой минуты. Скучающія, неподвижныя лица въ партерѣ и ложахъ выглянули теперь веселѣе и привѣтливѣе. Прислонившись къ барьеру, стояла цѣлая шеренга мужчинъ, военныхъ и штатскихъ. Они лорнировали ложи.

— Посмотрите, какая прелесть,—вонъ тамъ въ лѣвомъ бенуарѣ, обратился высокій генералъ въ очкахъ къ стоящему съ нимъ рядомъ штабъ-офицеру съ академическимъ значкомъ на груди.

Тотъ навелъ бинокль по указанному направленію и долго не опускалъ его.

— Дѣйствительно, хороша чрезвычайно, сквозь зубы процѣдилъ онъ. Съ ней можно познакомиться, прибавилъ онъ, обращаясь къ генералу.

— Да? Вы развѣ знакомы съ Силинымъ? Вѣдь это, кажется, онъ.

— Oui. Я знаю его давно уже,—бывалъ постоянно на его вторникахъ... Знаете, тогда еще, во времена оны, когда онъ блаженствовалъ со своей женой.

— Какъ видно, утѣшился... Однако, онъ счастливъ,—подцѣпилъ такую хорошенькую!

— Да они не вдвоемъ. Смотрите, изъ-за спины Силина выглянула сейчасъ какая-то мужская фигура.

— Allons donc, пожалъ плечами генералъ,—ему, знаете, несовсѣмъ удобно тоже, послѣ этой исторіи, бравировать передъ об-

Digitized by Google

ществомъ, тѣмъ болѣе, что такъ много кричали о его отчаяніи, о его безутѣшномъ горѣ.

— Та-та-та.... И она здѣсь! удивился штабъ-офицеръ, устремляя бинокль на одну изъ ложъ перваго яруса. Вы встрѣчали, конечно, его жену?

— Жену Силина, cette charmante petite aux yeux bleux?

— Еще бы! я былъ ей представленъ. Она здѣсь, вы говорите. Гдѣ-же, гдѣ?

— Прямо противъ насъ, въ ложѣ перваго яруса. Ихъ трое,— она, какой-то мужчина, можетъ быть, мужъ, и... барынька съ вызывающимъ видомъ.

Генералъ навелъ бинокль по указанному направленію, и съ любопытствомъ уставился на Лизу.

— Однако она посѣдѣла съ тѣхъ поръ, трудно узнать ее. Интересно, какъ они встрѣтятся.

— Помилуйте, да онъ бываетъ у нея чуть не каждый день.

— Что вы! удивился тотъ.

— Увѣряю васъ. Я знаю это изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, подтвердилъ штабъ-офицеръ, и, слегка поклонившись генералу, небрежно разваливающейся походкой, направился къ среднему проходу.

На ходу онъ пожалъ руки нѣсколькимъ военнымъ и штатскимъ, раскланялся съ сидящими въ ложахъ дамами. Онъ прямо прошелъ въ нижній коридоръ съ лѣвой стороны, остановился въ минутной нерѣшимости предъ дверью одной изъ ложъ и потянулъ къ себѣ ручку.

— Полковникъ, добро пожаловать, привѣтствовалъ его Сергѣй Александровичъ, протягивая ему руку. Давно не видались мы съ вами.

— Всего лишь нѣсколько дней, какъ я въ Петербургѣ, вернулся изъ командировки, проговорилъ тотъ,—окинувъ Наденьку съ головы до ногъ быстрымъ короткимъ взглядомъ.

— Полковникъ Свѣтиловъ, поспѣшилъ представить его Силинъ. Моя племянница, madame Левшина.

Наденька отвѣчала на его глубокій, почтительный поклонъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Свѣтиловъ помѣстился въ глубинѣ ложи и, лѣниво взглянувъ въ партеръ, проговорилъ голосомъ, въ которомъ звучала умышленная небрежность:

— Я ѣздилъ по порученію министра въ западный край.

Сказавъ это, онъ моментально придалъ своему красивому,

Digitized by Google

крайне моложавому лицу глубокомысленное и нѣсколько таинственное выраженіе.

— Теперь останетесь въ Петербургѣ?

— Да, до лѣта, вѣроятно, останусь. Лѣтомъ беру отпускъ,— и уѣзжаю почить отъ трудовъ на лоно природы.

— Въ имѣніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не поѣду въ деревню,—съ хорошо разыграннымъ ужасомъ проговорилъ онъ.—Мой управляющій не дастъ мнѣ покойно уснуть съ своими яровыми, озимыми и тому подобными прелестями. Trop de moujic во всемъ этомъ,—не правда-ли? А вотъ проѣхать за границу, въ Швейцарію, пожить мѣсяцъ другой на водахъ, поразвлечься,—это дѣло иное. N'est—ce pas? обратился онъ въ сторону Наденьки.

— Я тоже въ началѣ зимы вернулась изъ-за-границы, отвѣчала та,—была въ Парижѣ, потомъ на обратномъ пути завернула въ Неаполь.... Тамъ просто чудо! Наша Россія показалась мнѣ послѣ того невыносима.... Нѣтъ, знаете, въ природѣ, того колорита, нѣтъ и въ людяхъ той жизненности, той энергіи.

— О, да, я съ вами вполнѣ согласенъ. Наша сѣверная природа бѣдна и однообразна. Что-же касается людей, то я позволю себѣ не согласиться съ вами; мнѣ кажется, что русскій человѣкъ не грѣшитъ отсутствіемъ жизненности и энергіи, только проявленія-то ихъ у насъ совершенно отличны. Русская распашка и экспансивность француза или итальянца—двѣ вещи разныя.

— Я не говорю о русской распашкѣ, засмѣялась она, я говорю о людяхъ. Вѣдь не всѣ-же позволяютъ себѣ распахиваться... Не дай Богъ этой распашки; я положительно боюсь ея, такъ въ ней много чего-то необузданнаго, дикаго.

— Роднаго? вы хотите сказать. Что-жъ прикажете, это «дымъ отечества»; онъ долженъ быть намъ сладокъ и пріятенъ.

— Я предпочитаю быть въ сторонѣ отъ такой сладости.

— Madame, vous n'êtes pas patriote.

— Que faire! комически безнадежно вздохнула она.

Просидѣвъ еще нѣсколько минутъ и перекинувшись съ Силинымъ двумя-тремя фразами, Свѣтиловъ поднялся съ мѣста и раскланялся. Сергѣй Александровичъ просилъ его не забывать и заѣхать къ нему, тѣмъ болѣе, что у него гоститъ молодежь—при этомъ онъ указалъ глазами на Наденьку—и ей нелегко помириться съ его монастырскимъ уставомъ.

Едва Свѣтиловъ вышелъ изъ ложи, какъ дверь снова отво-

Digitized by Google

рилась и на порогѣ появился Петрушкевичъ. Сергѣй Александровичъ поднялся ему на встрѣчу.

— Жена прислала меня къ вамъ, проговорилъ тотъ, пожимая протянутую ему руку. Спрашиваетъ, не сердитесь-ли вы на насъ, что вотъ уже почти недѣлю не хотѣли заглянуть.

— Она здѣсь развѣ? встрепенулся онъ.—Скажите ей, что сердиться на нее я не могу, да, пожалуй, и не умѣю,—а не бывалъ нѣсколько дней потому, во-первыхъ, что ко мнѣ пріѣхали гости изъ Москвы, и потому, во-вторыхъ, что мнѣ стало тяжело ее видѣть... Вы, вѣроятно, догадываетесь почему, докторъ?

— Я догадываюсь, усмѣхнулся тотъ.—Вы шокированы.

— Именно. Шокированъ за нее.

— Полноте, Сергѣй Александровичъ, бросьте вы эти ходячіе предразсудки. Вѣдь человѣкъ не изъ одной состоитъ оболочки,—и по ней только нельзя произносить рѣшительнаго сужденія.

— Я и не позволяю себѣ, докторъ, произносить какое либо сужденіе... о вашей сестрѣ; я только констатирую фактъ, говоря, что онѣ не пара,—уже съ оттѣнкомъ раздраженія произнесъ Силинъ.

Петрушкевичъ пожалъ на это плечами.

— Онѣ и сейчасъ вмѣстѣ, проговорилъ онъ, выразительно взглянувъ на него.

— Мнѣ приходится еще разъ заявить вамъ свое удивленіе и... сожалѣніе, съ изысканной вѣжливостью проговорилъ онъ.—Будьте такъ любезны передать ей, что я на дняхъ буду, не смотря на удерживавшія меня до сихъ поръ причины.

Они холодно поклонились другъ другу. Петрушкевичъ вышелъ съ насмѣшливымъ, недовольнымъ выраженіемъ лица. Сергѣй Александровичъ, блѣдный и взволнованный, опустился въ кресло и разсѣянно глядѣлъ предъ собой. Имъ опять начинало овладѣвать то грустное и безсильное раздумье, какое испыталъ онъ еще такъ недавно въ ту самую ночь,—наканунѣ пріѣзда Левшиныхъ.

— Дядя, кто это былъ? наклонившись къ нему, спросила его Наденька.

— Докторъ Петрушкевичъ, мужъ моей жены, съ болѣзненной улыбкой на губахъ отвѣчалъ онъ.

Ей стало жаль его. Съ участіемъ взглянула она на его блѣдное разстроенное лицо и тихо проговорила:

— Дядя, ее забыть надо; вѣдь она умерла.

— О, еслибы умерла она!

Занавѣсъ поднялся. Началось второе дѣйствіе.

Digitized by Google

Молча сидѣли всѣ трое въ глубинѣ ложи, задумавшись подъ звуки выразительной мелодіи. И какъ различны были овладѣвшія ими думы! Наденька перенеслась въ Москву. Быстро мчится она въ наемной каретѣ по освѣщенной фонарями улицѣ. Деревья бульваровъ,—бѣлыя, обледенѣлыя,—длинной полосой мелькаютъ сквозь полузамерзшія, вздрагивающія стекла кареты. Откинувшись на мягкія подушки, вся съежившись, сидитъ она, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ охватившаго ее небывалаго волненія. Ей сладостно и жутко. Сильная мужская рука обнимаетъ ея талію и горячія губы касаются ея щеки. Нервный трепетъ пробѣгаетъ по ея спинѣ.

— Мнѣ страшно... Скоро-ли? шепчетъ она упавшимъ, ослабѣвшимъ голосомъ.

— Скоро, скоро!

И снова сыплятся на нее градомъ жгучіе поцѣлуи.

Карета остановилась. *Онъ* вынесъ ее чуть не на рукахъ. Теплая комната, потолокъ изукрашенъ вычурными арабесками, мебель низкая, мягкая; шаги замираютъ на толстомъ коврѣ. Она не чувствуетъ уже нестерпимаго холода; кровь огненными горячими струями переливается въ жилахъ. Кудряшевъ передъ ней, на колѣняхъ, съ выраженіемъ неудержимой страсти на красивомъ лицѣ. Мучительно-жутко становится отъ его пожирающаго взгляда, отъ его опьяняющей ласки.

— Мы возьмемъ свою порцію отъ жизни, шепчетъ онъ ей; мы будемъ счастливы, Надя.

Чудной музыкой звучатъ его слова. Голова мутится отъ нихъ, сердце бьетъ тревогу и сладостная нѣга овладѣваетъ всѣмъ существомъ.

— Только люби меня долго, долго! снова раздается его молящій голосъ.

Наденька взглянула на сидящаго съ ней рядомъ пасмурнаго мужа,—и глухая злоба заклокотала въ ея груди.

«Тотъ такъ хорошъ!» пронеслось въ ея головѣ.

А Левшинъ, задумавшись подъ звуки музыки, переживалъ мучительную минуту. Онъ плакалъ надъ своимъ «счастьемъ», которое начинало обрисовываться ему теперь въ нѣсколько мѣсяцевъ.

До конца спектакля всѣ оставались мрачными и сосредоточенными; каждаго угнетала своя дума.

— Я хочу ужинать, поѣдемте въ ресторанъ, предложила Наденька.

Сергѣй Александровичъ съ радостью схватился за ея предложеніе; онъ хотѣлъ освѣжиться, развлечься. Отправились «къ тата-

Digitized by Google

рамъ». Наденька сразу оживилась, почувствовавъ себя уютно и хорошо въ небольшомъ кабинетѣ, обставленномъ съ тѣмъ трактирнымъ комфортомъ, который такъ нравился ей еще въ Москвѣ. Она съ удовольствіемъ разсматривала оригинальныя стѣны комнаты, испещренныя надписями на непонятномъ языкѣ. Огонь весело запылалъ въ каминѣ, и пріятная теплота охватила ея члены.

Она легла на низенькій мягкій диванъ и полузакрыла глаза. Румянецъ разлился на щекахъ, грудь тяжело дышала и яркія губы вздрагивали. Съ заложенными за голову руками, съ отшпилившейся и слегка распущенной косой—она походила въ эту минуту на вакханку.

Сергѣй Александровичъ, смѣясь, высказалъ ей это.

— Я знаю, дядя, что это неприличное сходство... отвѣчала она, но позвольте мнѣ пошалить немножко сегодня, а завтра, если угодно, я напомню вамъ собой, неприступную и строгую весталку.

Съ этими словами она быстро распустила прическу, расплела косы и окружила себя густою волною длинныхъ волосъ. Она улыбалась, заламывала руки, и фиксировала глазами Сергѣя Александровича.

— А теперь я похожу на вакханку?

— Походишь, походишь, шалунья.

Ему нравилось ея игривое кокетство и дѣтскій задоръ.

— Какая она живая, ртуть просто, обратился онъ къ Левшину, молча смотрѣвшему на жену.

Она, казалось, не замѣчала его и продолжала лежать въ своей соблазнительной позѣ.

— Да, ртуть, согласился тотъ,—и выпилъ залпомъ цѣлый стаканъ вина.

— Володя, дай и мнѣ вина.

Онъ подалъ ей рюмку рейнвейна.

— Я пью за тебя, за твое здоровье,—слышишь-ли? проговорила она, приподнявшись на локоть, и отпивая маленькій глоточекъ.—Изволь же и ты выпить за мое здоровье,—поди, налей себѣ и пей.

Ей становилось ужасно какъ весело. Она требовала, чтобы, не дожидаясь порцій, и мужъ и Сергѣй Александровичъ пили вино. Она провозглашала тосты—за счастье, за молодость, за любовь.

Левшинъ глоталъ рюмку за рюмкой. Онъ раскраснѣлся, сдѣлался несравненно разговорчивѣе и оживленнѣе. То и дѣло подходилъ онъ къ дивану, на которомъ продолжала лежать она, ло-

Digitized by Google

вилъ и цѣловалъ ея руки. Она отбивалась отъ него съ громкимъ крикомъ:

— Спасите, спасите! Сатиръ!..

Сергѣй Александровичъ тихо смѣялся, ласково смотря на нее. Она казалась ему милымъ, шаловливымъ ребенкомъ.

— Дядя, вы не пили за любовь. Что это значитъ? Извольте сейчасъ же пить и цѣлый, цѣлый стаканъ. Наливай, Володя.

— Не пилъ потому, что за прошлую любовь пить не принято.

— Пейте за будущую.

— Въ будущую я не вѣрю.

—Ужь я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужь я не вѣрую въ любовь.

запѣла она въ отвѣтъ ему звучнымъ контральто. Ей удалось въ какія-нибудь десять-пятнадцать минутъ развеселить и мужа и Силина. Первый чувствовалъ себя здѣсь несравненно лучше, чѣмъ въ московскихъ ресторанахъ, въ неизмѣнномъ обществѣ матери и Кудряшева. Ему казалось тогда, что Наденька только и видѣла предъ собой одного Евгенія Николаевича, что все ея веселое оживленіе и юморъ овладѣвали ею опять таки ради его. Теперь, когда Кудряшева не было съ ними, она была не менѣе оживлена; значитъ, его ревнивыя опасенія были напрасны, призрачны. Эта мысль, явившаяся ему внезапно, разогнала тоску, навѣянную на него музыкой въ театрѣ.

Силинъ тоже почувствовалъ въ себѣ приливъ освѣжающей молодости.

— Ты заразила меня своей молодостью и весельемъ, говорилъ онъ Наденькѣ, продолжавшей болтать безъ умолку.

— Это очень хорошо, дядя. Почемъ знать, быть можетъ, если мы поживемъ вмѣстѣ еще нѣсколько времени, вы окончательно разучитесь хандрить и... позабудете мертвыхъ.

— О мертвыхъ не говори мнѣ.

— Не буду, не буду. Мы—живые, и любимъ жизнь съ ея наслажденіями, съ ея радостями и чарами... Такъ чокнемтесь же за нее, за эту дорогую намъ жизнь!

Онъ наполнилъ себѣ бокалъ и чокнулся съ нею.

— Браво, браво! захлопала она въ ладоши.

Подали ужинъ. Тутъ были и устрицы, и трюфели, и омары. Бутылка замороженнаго шампанскаго гордо высилась на столѣ въ своей блестящей серебряной кадкѣ. Апетитъ былъ славный у

Digitized by Google

всѣхъ. Въ двѣ минуты былъ уничтоженъ страсбургскій пирогъ, за нимъ послѣдовали трюфели *въ салфеткѣ*.

Наденька не рѣшалась прикоснуться къ устрицамъ: раскрытыя въ своихъ каменныхъ раковинахъ, слизистыя, безформенныя, онѣ казались ей противными. Она удивлялась Сергѣю Александровичу, какъ могъ онъ съ видимымъ наслажденіемъ подрѣзывать ножичкомъ каждую изъ нихъ, капать на нее лимоннымъ сокомъ и, съ видомъ тонкаго аматёра, глотать живьемъ.

— Она пищитъ, вѣроятно,— съ отвращеніемъ говорила она.

Онъ увѣрялъ, что это только «воображеніе», что устрица незамѣтно проскальзываетъ въ горло, оставляя во рту крайне пріятное и своеобразное ощущеніе. Въ доказательство, онъ снова принимался за серебряный ножичекъ и съ серьезной миной совершалъ передъ ней операцію.

— Попробуй одну, тебѣ понравится.

Она отмахивалась руками, говорила, что способна заболѣть отъ одного ихъ вида.

— Моя страсть—трюфели, созналась Наденька, накладывая себѣ вторую тарелку. Они дѣйствуютъ на меня больше шампанскаго; я положительно чувствую послѣ нихъ какое-то пріятное головокруженіе, какой-то жаръ въ крови. Однимъ словомъ, я дѣлаюсь иной.

— Хуже или лучше?

— Думаю, что лучше, отвѣтила она съ лукавой улыбкой.

Левшинъ громко засмѣялся, глядя на нее уже красными осоловѣлыми глазами.

Разговоръ незамѣтно принялъ нѣсколько легкій, свободный характеръ. Она сама начала и поддерживала его съ граціозной наивностью очень еще молодой женщины.

— Она не хочетъ дѣтей, жаловался на нее Левшинъ.

— Такъ-таки ни одного не хочешь?

— Избави Богъ! воскликнула она.—Отъ матери одинъ лишь шагъ до кормилицы, а тамъ и до няньки, кухарки и всего, что угодно...

— Тяжело подъ старость придется, попробовалъ было возразить Левшинъ.

— Тяжело, потому что няньчиться не съ кѣмъ? Благодарю покорно.

— А я бы очень хотѣлъ имѣть сына и дочь, въ раздумьѣ проговорилъ тотъ.—Жизнь осмыслится, интересовъ явится больше...

— Запѣлъ опять на мотивъ: «Іисусе, помилуй насъ»! на-

Digitized by Google

смѣшливо прервала она его на полуфразѣ. Да развѣ твоя жизнь безъ смысла и содержанія? Ты мужчина, ты женатъ: служи и люби жену, вотъ тебѣ и смыслъ и содержаніе, о которыхъ ты печалишься. Не всякій и до нихъ доберется, а то захотѣлъ еще чего-то новаго. Дядя дастъ тебѣ мѣсто... съ содержаніемъ, конечно, а я... я буду осмысливать его. Чего-же тебѣ еще?

Она расхохоталась и положила ему на тарелку дымящуюся котлету.

— Извольте закусить.

Сергѣй Александровичъ вторилъ ей, громко смѣясь.

— Ай-да Наденька! Держи его въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Еще-бы! согласилась она, и подставила къ губамъ мужа свою бѣлую красивую руку.

— Цѣлуйте, милостивый государь.

Онъ былъ въ эту минуту и смѣшенъ и жалокъ. Красный, съ мутными глазами, со взъерошенной головой,—онъ схватилъ протянутую ему руку и принялся съ жадностью цѣловать ее до тѣхъ поръ, пока она не вырвала ея, проговоривъ при этомъ съ брезгливой гримасой:

— Фу, замуслилъ!

Она принялась утирать руку салфеткой. Онъ смотрѣлъ на нее молча, влюбленными глазами, напоминая собаку, которая лижетъ бьющую ее руку.

Было уже три часа ночи, когда карета Силина остановилась у подъѣзда. Всѣ трое подымались по лѣстницѣ веселые, возбужденные ужиномъ и виномъ.

— Я отвыкъ уже отъ кутежей, жаловался Сергѣй Александровичъ,—и если завтра у меня будетъ болѣть голова, то ты одна будешь виновата, Наденька.

— Это вѣдь было прощанье, дядя.

— Какъ такъ? удивился онъ.

— Завтра пріѣзжаетъ maman, и мы съ мужемъ не можемъ оставить ее одну. Придется разставаться съ вами и переѣзжать въ гостинницу.

— Ни за что, ни за что! протестовалъ онъ.—Я васъ прошу, обратился онъ къ Левшину,—уговорить вашу матушку принять мое гостепріимство.

Левшинъ благодарилъ въ несвязныхъ выраженіяхъ; Наденька же, вмѣсто всякаго отвѣта, бросилась ему на шею. Рѣшено было, что Марья Сергѣевна тоже поселится пока у него. Сергѣй Александровичъ весело распрощался съ своими гостями.

Digitized by Google

— Покойной ночи,—многозначительно пожелалъ онъ имъ, провожая ихъ до самой двери.

Наденька заперла за нимъ дверь на задвижку.

— А Ольга?

— Я раздѣнусь сама. Ухъ, какъ устала, проговорила она, съ утомленнымъ видомъ опускаясь на диванъ.

На лицѣ ея не виднѣлось теперь и слѣда прежняго оживленія. При слабомъ свѣтѣ утреннихъ лучей, пробивавшихся сквозь плотно опущенныя гардины, она выглядывала на темномъ фонѣ дивана какой-то блѣдной и измученной. Губы не смѣялись уже; онѣ были сжаты съ выраженіемъ скуки и печали. Левшинъ, совершенно напротивъ, находился въ ненормальной ажитаціи. Онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, принимался нѣсколько разъ шарить на столѣ, разыскивая спички, уронилъ тяжелый бронзовый преспанье. Спички дрожали въ его рукѣ и потухали нѣсколько разъ. Наконецъ, съ трудомъ удалось зажечь ему маленькій канделябръ. Онъ взялъ его и, высоко держа надъ головою, подошелъ къ женѣ. Она полулежала теперь на диванѣ съ закрытыми глазами, съ руками, сложенными крестъ-на-крестъ на тихо вздыхающей груди.

— Надя, нерѣшительно позвалъ онъ ее.

Она раскрыла на минуту глаза, взмахнула на него длинными рѣсницами и снова закрыла ихъ.

— Пойдемъ, тебѣ спать пора.

— Ступайте, я приду сейчасъ, лѣниво проговорила она, закрывъ лицо ладонью отъ сильнаго свѣта горящаго канделябра.

Онъ продолжалъ стоять подлѣ, и не спускалъ глазъ съ ея изящной фигуры, раскинувшейся предъ нимъ на миньятюрномъ диванѣ, съ ея прозрачной бѣлой руки, обвитой тонкою золотою змѣйкой, съ ея длинныхъ, разсыпанныхъ вокругъ стана, орѣховыхъ волосъ. Она была *его*, эта красивая, чудная женщина; она принадлежала ему по праву,—и это сознаніе, овладѣвшее имъ, наполнило его гордою радостью.

— Да что ты торчишь предо мной? съ раздраженіемъ обратилась она къ нему.—Или садись, или убирайся.

Онъ поставилъ канделябръ на столъ и опустился на диванъ у ея ногъ.

— Завтра нашего полку прибудетъ, проговорилъ онъ.

— Я очень рада этому... Вѣдь и Евгеній Николаевичъ пріѣдетъ съ maman.

— Къ несчастію, пріѣдетъ, уже жолчно отвѣчалъ онъ.

— Да когда, скажи на милость, бросишь ты эту глупую рев-

Digitized by Google

ность? Я отлично вижу, что ты ревнуешь меня. Это становится скучно.

— Онъ ухаживаетъ за тобой, онъ влюбленъ въ тебя, Наденька.

— Ну, что жъ изъ этого слѣдуетъ? Мало-ли кто за мной ухаживаетъ? а потомъ не забывай, въ какихъ отношеніяхъ онъ съ ней...

— Еслибы ты только знала, какъ это меня мучитъ!

— Этого только не доставало! всплеснула она руками.—Какое тебѣ дѣло до того, кого любитъ и съ кѣмъ живетъ твоя мать?

— Я ненавижу его, горячо произнесъ онъ.

— И совершенно напрасно. Онъ очень, очень хорошій человѣкъ. Однако будетъ объ этомъ. Мнѣ нужно поговорить съ тобой о другомъ.

— Говори, Наденька, говори. Я слушаю.

— Еще бы ты не слушалъ! презрительно повела она плечами.—Ты понялъ, отчего я такъ любезна съ дядей, а? Или, можетъ быть, ничего не понялъ?

— Да тутъ и понимать нечего...

— Нѣтъ, есть чего! Онъ совершенно одинокъ и страшно богатъ. При случаѣ, онъ можетъ быть намъ очень полезенъ.

— Ахъ, милая, зачѣмъ это!..

— Затѣмъ, что у насъ съ тобой капиталовъ немного. Ты, пожалуйста, не воображай, что послѣ того, какъ мы жили въ Москвѣ, я помирюсь съ мѣщанской жизнью и обстановкой. Ты знаешь, что я люблю блескъ, роскошь. Да ты и самъ не прочь посибаритничать.

— Не говори этого; я не сибаритъ. Я помирюсь съ какой хочешь бѣдностью, лишь бы ты только была со мной. Я способенъ работать, какъ волъ, какъ батракъ... Я все свое жалованье тебѣ буду отдавать...

— Это мило! Онъ будетъ мнѣ отдавать свое жалованье? расхохоталась она.—Да много-ли ты думаешь получать! Вѣдь твоего жалованья мнѣ на два бальныхъ платья, пожалуй, не хватитъ. Конечно, у меня есть имѣніе, есть немного денегъ, но этого трогать нельзя: какъ знать, что можетъ еще случиться въ жизни? Все возможно. А пока молода, пока хороша, я должна блистать и жить въ обществѣ, а не чахнуть гдѣ нибудь на дешевой квартирѣ.

— Да развѣ я позволю, Наденька, да развѣ я допущу!..

— А для этого что надо? Надо, чтобы ты не былъ глупъ.

Digitized by Google

прежде всего. Сергѣй Александровичъ можетъ представить для насъ неизсякаемый источникъ всѣхъ благъ земныхъ. Онъ очень добръ, съ нимъ надо только умѣть ладить. Я могу занимать у него на неопредѣленный срокъ, конечно, сколько хочу,—онъ не откажетъ,—ужь не говорю про мѣсто, которое не сегодня-завтра онъ дастъ тебѣ. Намъ надо стараться около него... Почемъ знать: видя, что мы нуждаемся, онъ можетъ самъ явиться къ намъ на помощь. А это не такой человѣкъ, который дѣлаетъ что-либо на половину; онъ—все или ничего.

— Не знаю, право, изъ-за чего ты такъ хлопочешь. Вѣдь мы же не прожились окончательно; при осмотрительномъ расходованіи, нашихъ средствъ хватитъ еще на десять лѣтъ.

— То есть, моихъ, ты хочешь сказать? Что до этого касается, то я заявила уже разъ навсегда, что не трону ихъ до самой критической минуты,—такъ и знай. Что же остается еще? Нѣсколько тыщенокъ и перспектива службы... Все это очень мало, мой дружокъ, когда у тебя такая жена, какъ я.

— Наденька, милая, я все-таки не понимаю, какъ же мнѣ быть, чего ты отъ меня хочешь?

— Постарайся получить отъ матери еще что-нибудь. Вѣдь если это тебѣ не удастся, а служба прибавитъ какую-нибудь тысячу въ годъ, то дѣлать нечего, придется воспользоваться предложеніемъ Евгенія Николаевича и ѣхать на пріиски. Тамъ содержаніе, какъ онъ говоритъ, до четырехъ тысячъ.

— Я очень радъ,—и отлично, обрадовался онъ.—Но ты же сама, Наденька, возставала тогда противъ этого, слышать ничего не хотѣла.

— Еще бы и я туда покатила! Это ужь слишкомъ, милый. Дай мнѣ хоть годикъ пожить какъ слѣдуетъ. Ты не хотѣлъ, чтобы я оставалась одна въ Москвѣ. Теперь, въ случаѣ, если ты не получишь хорошаго мѣста, ты можешь смѣло ѣхать въ Сибирь. И я пріѣду къ тебѣ черезъ нѣсколько времени, а пока устрою такъ, что останусь въ Петербургѣ у дяди. Ты будешь работать тамъ, а я здѣсь. Ну, подумай только, какъ ты обрадуешься, когда я пріѣду къ тебѣ погостить на три, на четыре мѣсяца. Пройдетъ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, а тамъ, смотришь, или бабушка умретъ, или дядя сжалится надъ бѣдной племянницей. Впрочемъ, я тебя не гоню, Володя,—зѣвая, докончила она и протянула ему руку, чтобы онъ помогъ ей подняться съ дивана.

— Ты знаешь, Надюша, что я на все пойду ради твоего счастья... Только не торопись, милая.

Digitized by Google

Они вошли въ комнату, служившую имъ спальней. Левшинъ обнималъ одной рукой талію жены, въ другой рукѣ дрожалъ зажженный канделябръ. Онъ поставилъ его на широкую плиту мраморнаго камина и снова подошелъ къ Наденькѣ, которая, повернувшись къ нему спиной, быстро разстегивала корсажъ. Съ секунду онъ молча любовался ею, наконецъ шагнулъ, протянулъ впередъ руки и, поднявъ ее, какъ малаго ребенка, принялся покрывать жадными поцѣлуями лицо, обнаженную шею и плечи.

Крѣпко сжатыя губы ея презрительно улыбались.

VIII.

Марья Сергѣевна, пріѣхавшая на другой день въ Петербургъ, была встрѣчена на вокзалѣ не только своими, но и Сергѣемъ Александровичемъ. Встрѣча была, повидимому, самая радостная, самая трогательная.

Настойчивая просьба Сергѣя Александровича остановиться у него въ домѣ, казалось, несовсѣмъ была ей по сердцу. Она долго оттоваривалась, благодаря его за родственное вниманіе, наконецъ принуждена была уступить, такъ какъ «дѣти» пріобщили къ нему еще свой единодушный голосъ.

— Мы положительно злоупотребляемъ вашей добротой и любезностью, Сергѣй Александровичъ, говорила она, соглашаясь принять его предложеніе.—Вы ставите насъ въ положеніе неоплатныхъ должниковъ.

Дня черезъ два, она уже почувствовала себя какъ дома у Сергѣя Александровича. Безупречный комфортъ, окружившій ее съ первой же минуты водворенія, радушіе и предупредительность хозяина — не могли не произвести на нее пріятнаго впечатлѣнія. «Дѣти» ея были тутъ-же съ ней. Казалось, ничего не оставалось ей болѣе желать; тѣмъ не менѣе, Марья Сергѣевна внутренно безпокоилась и волновалась. Мысль ея то и дѣло уносилась въ Москву. Кудряшевъ обѣщалъ ей пріѣхать въ Петербургъ черезъ нѣсколько дней, устроивъ дѣла такъ, чтобы имѣть возможность прожить съ ней тамъ до лѣта.

Проводивъ своихъ, ей не хотѣлось уѣзжать изъ Москвы; снова они были вдвоемъ, снова третьяго лица не стояло между ними. Она положительно вздохнула во время пребываній своихъ за границей,—и вдругъ опять, ни съ того, ни съ сего, обрекать себя на добровольныя терзанія! Она не выносила теперь короткости Наденьки съ Кудряшевымъ, хотя короткость эта росла и вы-

Digitized by Google

росла на ея глазахъ, была даже поощряема ею. Ей не слѣдовало, думала она, *тогда* допускать ихъ сближенія...

Въ минуты жгучей ревности она старательно припоминала всѣ незначительныя мелочи,—движенія, полуслова, взгляды, украдкой подмѣченные ею тогда и теперь. Не было, конечно, предѣловъ разгоряченному воображенію, и бѣдная женщина съ ужасомъ видѣла, что счастье ускользаетъ изъ ея рукъ, что имъ деспотически завладѣваетъ другая,—и кто-же? Жена ея роднаго сына. Она мучилась, плакала безсильными слезами, молилась Богу, прося его сжалиться надъ нею и не отнимать послѣдней крупинки счастья, но не рѣшалась, пока, хотя бы намекнуть Наденькѣ о причинѣ своихъ терзаній.

«Вѣдь она жена моего сына!... Нѣтъ, не можетъ этого быть»!

Не одинъ разъ, помимо воли, она высказывалась Кудряшеву. Онъ отвѣчалъ на ея мучительную тоску снисходительной улыбкой. Прежде, до свадьбы Наденьки, онъ вступалъ въ объясненія, онъ разубѣждалъ ее въ одну минуту; теперь онъ считаетъ лишнимъ даже возражать на подобное обвиненіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснила она себѣ его молчаливую улыбку. А все-таки не было уже въ Марьѣ Сергѣевнѣ прежняго спокойствія, не было въ душѣ ея прежней полноты счастья. Боязнь потерять его, страхъ лишиться сразу всего, что привязывало ее къ жизни—отравляли теперь всякую минуту существованія. И зачѣмъ захотѣлъ онъ, чтобы она ѣхала теперь въ Петербургъ; зачѣмъ не оставаться имъ въ Москвѣ? Этотъ вопросъ неотступно преслѣдовалъ ее день и ночь, и всякій разъ приносилъ новое безутѣшное раздумье... Со злобой и ненавистью останавливался тогда взглядъ Марьи Сергѣевны на красивомъ, насмѣшливомъ лицѣ Наденьки. Ей казалось минутами, что та ясно читаетъ у ней въ душѣ и смѣется презрительно надъ ея запоздалой любовью и муками. Тогда Наденька становилась ей невыносимой. Она избѣгала оставаться съ ней съ глазу на глазъ, боясь проронить лишнее слово.

А какъ она будетъ смѣшна, ревнивая старуха! Не расхохочется-ли ей въ глаза Наденька? Нѣтъ, надо ломать себя, надо скрывать глубоко въ душѣ все, что чувствуешь и переживаешь.

— Мама, что же Евгеній Николаевичъ? спросила ее на вокзалѣ Наденька.

— Будетъ черезъ три или четыре дня,—отвѣчала она, повидимому, равнодушно, хотя жестокое слово готово было сорваться съ ея устъ.

Digitized by Google

— Мама, вы бы написали Евгенію Николаевичу; вѣдь онъ не знаетъ, что мы у дяди, замѣтила ей Наденька на другой день.

— Я напишу.

Въ ея письмѣ къ Кудряшеву многое вылилось помимо воли. Никогда, быть можетъ, не высказывала она такъ открыто своихъ тревогъ и опасеній, какъ высказала ихъ теперь.

«Если ты любишь ее, писала она про Наденьку, если ради кокетки-дѣвочки, безъ сердца и чувства, ты забудешь женщину, отдавшуюся тебѣ всѣми своими помыслами и думами, то я покончу съ собой, если только не сойду съ ума».

Она говорила искренно, въ этихъ словахъ не было фальши и аффектаціи. Всѣ «думы и помыслы» ея дѣйствительно принадлежали ему.

«Милый мой, безцѣнный (стояла приписка въ концѣ) прикажи мнѣ пріѣхать обратно; пусть ихъ живутъ, какъ хотятъ: вѣдь и у насъ есть своя жизнь! Если ты не пріѣдешь на этихъ дняхъ, я не выдержу и убѣгу къ тебѣ, хотя бы ты прибилъ меня».

Такъ могла говорить и думать лишь женщина — раба своего господина, какою и была она.

Наконецъ онъ пріѣхалъ. Онъ сдѣлалъ визитъ, и не засталъ Силина дома. Марья Сергѣевна и Наденька выбѣжали встрѣчать его въ лакейскую. Обѣ были взволнованы, возбуждены; обѣ засыпали его вопросами и упреками за то, что долго мѣшкалъ и заставилъ себя ждать. Онъ оставался любезенъ и предупредителенъ какъ съ той, такъ и съ другой. Левшина онъ встрѣтилъ съ распростертыми объятіями и съ радостнымъ восклицаніемъ:

— Слава Богу, мы опять вмѣстѣ!

Тотъ смолчалъ, подавивъ въ себѣ чувство ненависти и гадливости къ этому человѣку.

Сергѣй Александровичъ, вернувшись домой, засталъ его у себя въ оживленной бесѣдѣ съ матерью и дочерью.

Зная отношенія къ нему Марьи Сергѣевны, онъ *принудилъ себя* встрѣтить Кудряшева съ привѣтомъ и лаской. Узнавъ, что онъ намѣревается пожить нѣкоторое время въ Петербургѣ, онъ просилъ его не стѣсняться и навѣщать своихъ друзей такъ же часто, какъ еслибъ они жили у себя, добавивъ при этомъ, что онъ хотѣлъ бы скоро не быть въ его глазахъ мало знакомымъ, постороннимъ человѣкомъ. Блестящій адвокатъ отвѣчалъ на его любезность краснорѣчивымъ потокомъ благодарностей и общихъ мѣстъ, съумѣвъ придать имъ искреннее и даже прочувствованное выраженіе.

Digitized by Google

— Я такъ радъ, что мой домъ оживился. Онъ былъ за послѣдній годъ какою-то холодной могилой. Теперь снова пахнуло освѣжающимъ воздухомъ. Спасибо вамъ за этотъ воздухъ; имъ славно дышать.

Наденька и Марья Сергѣевна, къ которымъ обратился съ этой фразой Силинъ, скромно опустили очи долу. Онѣ были поставлены въ положеніе школьниковъ, поощряемыхъ начальствомъ за успѣхи: имъ оставалось быть скромными и опускать очи долу. На прощаніе Марья Сергѣевна успѣла таки шепнуть Кудряшеву, чтобы заѣзжалъ онъ завтра за ней покататься. Тотъ обѣщалъ ей молчаливымъ пожатьемъ руки.

Всю ночь не могла заснуть Марья Сергѣевна, безпокойно ворочаясь на своей постели. Она съ нетерпѣніемъ ожидала утра. Что-то она скажетъ Кудряшеву? Сказать было необходимо многое. Прежде всего, ей нужно посовѣтоваться съ нимъ по поводу денегъ. Какъ быть съ полученными за имѣніе деньгами? Ихъ набралось болѣе двадцати тысячъ; вѣдь не держать-же ихъ при себѣ. Независимо отъ этого вопроса, былъ еще иной, возбудить который было также ей необходимо, хотя и менѣе легко. То былъ вопросъ объ отъѣздѣ изъ Петербурга. Оставаться здѣсь, постоянно стѣсненной, закабаленной приличіями и условіями жизни въ чужомъ домѣ, казалось ей невозможнымъ. Во что бы то ни стало, необходимо или уѣхать изъ Петербурга, или перебраться на свою квартиру. Послѣднее представлялось затруднительнымъ; значитъ, надо уѣхать.

Утро застало ее на ногахъ. Она сидѣла за толстой пачкой писемъ; то были его письма, которыя сохраняла она тщательно и перечитывала теперь съ радостнымъ волненіемъ. Она останавливалась на нѣкоторыхъ строкахъ и задумывалась надъ ними.

Кто-то постучалъ у ея двери. Быстро схватила она завѣтную пачку и спрятала подъ подушку.

— Кто тамъ?

— Это я, мама. Можно войти?

— Войди, Надя.

Наденька вошла въ бѣломъ пеньюарѣ, съ заплетенными подѣвичьи косами. Лицо ея было нѣсколько блѣдно и утомлено.

— Что это ты такъ рано проснулась, милая? ласково спросила ее Марья Сергѣевна.

— Я всю ночь не спала, мама.

— Безсонница одолѣла?

— Да, безсонница. Я все думала.

Digitized by Google

Наденька опустилась на кресло противъ нея, и съ тяжелымъ вздохомъ склонила голову на плечо.

— О чемъ ты такъ раздумалась?

— Я пришла посовѣтоваться съ вами, милая мамаша, заговорила она нѣжнымъ и ласковымъ голосомъ.—Меня такъ неотвязно мучитъ вопросъ о Володѣ!.. Что ему дѣлать, какъ быть? Дядя вчера говорилъ, что можетъ дать ему мѣсто на тысячу рублей въ годъ. Я, право, не знаю ужь, принимать-ли?

— Гдѣ мѣсто, въ Петербургѣ? быстро перебила ее Марья Сергѣевна.

— Да, у него въ департаментѣ. Вѣдь это страшно мало,—тысячу рублей.

— Всего нельзя вдругъ. Отчего-же не принять этого мѣста, Наденька? Онъ еще молодъ, онъ выслужится... Тѣмъ болѣе, что Сергѣй Александровичъ такъ внимателенъ.

— Ахъ мама, да когда все это будетъ! съ нетерпѣніемъ воскликнула Наденька.

— Какъ-же быть-то, милая? Вѣдь сразу нельзя всего добиться.

— Да мнѣ и не нужно всего! Я не тщеславна, мама, я не гонюсь за тѣмъ, чтобы грудь моего мужа представляла собой увѣшанный иконостасъ. Я только главнаго, насущнаго хочу,—хлѣба!

— Но вѣдь у васъ есть средства...

— Какія это средства? Это нуль! Они пройдутъ незамѣтно между рукъ. А потомъ, что ожидаетъ насъ? Нищета... Я не вынесу нищеты, мама, ни за что, ни за что не вынесу!

Она закрыла лицо руками и вздрагивала всѣмъ тѣломъ, какъ бы отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Вы знаете, какъ безумно дорога жизнь, продолжала она съ новой энергіей. Жить вдвоемъ мало-мальски прилично—на это нужно шесть, семь тысячъ въ годъ. Конечно, я не говорю о провинціи. Тамъ, пожалуй, и дешево; но ужь это не жизнь будетъ, а ссылка. Я молода, мама, я жизни не видала еще... Неужели съ этихъ-то лѣтъ, едва выйдя замужъ, закабалить себя гдѣ нибудь въ трущобѣ? Это ужасно!

— Полно, Наденька, мнѣ кажется, что ты все шаржируешь. Вы не въ такой крайности, чтобы бояться нищеты или-же думать о трущобѣ. Еще разъ повторяю: у васъ есть средства и ихъ надолго хватитъ. Конечно, надо быть благоразумной,—и не тратить по-пусту, не швырять деньги на вѣтеръ, какъ вы швыряли въ Москвѣ и за-границей.

— Надо быть благоразумной! воскликнула она.—Что это зна-

Digitized by Google

читъ, мама? Не значитъ-ли это, что надо отказывать себѣ во всемъ, или идти самой куда нибудь заработывать себѣ на тряпки, — въ конторщицы или въ бѣлошвейки? Этого никогда не будетъ!

Она вся дрожала отъ негодованія. Гнѣвныя ноты звучали въ ея голосѣ.

— Я не посылаю тебя въ конторщицы или бѣлошвейки, какъ ты выражаешься, ужь нѣсколько обидчиво протестовала Марья Сергѣевна.—Ты вотъ всегда такъ: наговоришь Богъ знаетъ чего,— и всѣ, кромѣ тебя, виноваты.

— Мама, милая, не сердитесь, я погорячилась немного.

— Я и не сержусь, Наденька, я только правду тебѣ говорю. Если ты не хочешь, чтобы Володя служилъ у Сергѣя Александровича, то какъ же быть-то? На шесть тысячъ ему мѣста нигдѣ не дадутъ.

— На шесть не дадутъ, а на четыре, рѣшительно молвила та.

— Опять эта старая пѣсня! съ неудовольствіемъ отмахнулась Марья Сергѣевна.—Наслышалась я ея довольно еще въ Москвѣ, и тогда высказала тебѣ свое мнѣніе. Ты хочешь, чтобы мужъ уѣзжалъ за тридевять земель, работалъ, какъ волъ, а сама останешься въ столицѣ, будешь жить, веселиться... Воля твоя, по моему, это болѣе чѣмъ странно. Вспомни, давно-ли ты замужемъ,—и ужь хлопочешь, какъ бы отдѣлаться отъ мужа!

Наденька вспыхнула отъ этихъ словъ и, быстро поднявшись съ мѣста, проговорила съ дрожащими отъ гнѣва губами:

— Мама, я не для того пришла, чтобы выслушивать подобныя оскорбленья. Какъ къ родной, какъ къ матери, я шла за совѣтомъ, а вы... вы позволяете себѣ незаслуженно оскорблять меня.

— Не говори мнѣ объ оскорбленіяхъ, въ свою очередь разгорячилась Марья Сергѣевна.—Не я тебя, а ты меня на каждомъ шагу оскорбляешь!

— Вотъ какъ! насмѣшливо взглянула на нее Наденька, остановившись посреди комнаты со сложенными на груди руками. — Чѣмъ же я оскорбляю васъ, позвольте спросить? Мнѣ кажется, я начинаю догадываться:—своимъ присутствіемъ. Я не всегда кстати, не правда-ли?

Голосъ ея звучалъ иронически, дерзко. Марья Сергѣевна поблѣднѣла. Она поняла, на что намекала ей Наденька.

— Уйди отъ меня, почти шопотомъ проговорила она.

— Уйду, но не раскайтесь въ этомъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, стой, стой, остановись!.. Что ты хочешь сказать? Ты мнѣ грозишь, ты меня пугаешь...

— Ничуть не бывало. Я давно вижу, что ненавистна вамъ, и не намѣрена болѣе притворяться. Если вы ненавидите меня, то будемъ играть въ открытую. Я не умѣю за побитую лѣвую щеку подставлять еще правую!

— Играть въ открытую?!. съ широко раскрытыми глазами, не довѣряя своему слуху, повторила за ней Марья Сергѣевна. Ты осмѣлилась мнѣ, матери твоего мужа, бросить подобную фразу?

— А вы развѣ за минуту передъ этимъ не сказали мнѣ чего-либо похуже? Я хлопочу, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ мужа... Значитъ, я измѣнница, я имѣю любовниковъ!..

— Если не обзавелась еще, такъ обзаведешься! внѣ себя крикнула она, чувствуя, какъ кровь приливаетъ къ вискамъ.

— А если я обзаведусь? съ невозмутимымъ спокойствіемъ переспросила Наденька, едва сдерживаясь отъ душившей ее злобы.

— То въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Ты развращена уже до мозга костей.

— Благодарю за комплиментъ, насмѣшливо поклонилась она.

— Ты дерзкая, безпутная дѣвчонка!

Марья Сергѣевна задыхалась.

— Я поучусь у васъ быть высоко-нравственной и добродѣтельной...

— Уйди отъ меня, уйди!

— Нѣтъ, погодите минуточку. Дерзкая и безпутная дѣвчонка намѣрена высказать вамъ правду, и такую правду, отъ которой мурашки забѣгаютъ по спинѣ. Вы меня ненавидите, потому что ревнуете къ своему любовнику; вы спите и видите, чтобы я уѣхала съ мужемъ въ Сибирь или на Сахалинъ—все равно, лишь бы только не становилась на вашей дорогѣ. Вы — мать моего мужа, и я ваша соперница, ха, ха, ха! залилась она звонкимъ насмѣшливымъ хохотомъ.

Лицо Марьи Сергѣевны перекосилось. Какъ ошеломленная, сидѣла она на краю постели, низко свѣсивъ голову и судорожно сжавъ на колѣняхъ сложенныя руки.

— Успокойтесь, моя уважаемая матушка,—съ безпощадной ироніей продолжала межъ тѣмъ Наденька,—я не отобью у васъ любовника, хотя бы изъ уваженія къ вашимъ почтеннымъ лѣтамъ. Вѣдь другаго вамъ уже не сыскать.

— Боже мой, Боже мой! шептала Марья Сергѣевна, сжимая въ рукахъ свою пылавшую голову.

Digitized by Google

— Я не намѣрена дѣлать вамъ зла... Хотите, договоримся.

— Подлая ты!

Она внезапно и порывисто зарыдала.

— Не бранитесь, не бросайте словъ на вѣтеръ, а лучше выслушайте, что я вамъ скажу. Хотите вы,—говорите прямо,—чтобы черезъ какой нибудь мѣсяцъ я уѣхала съ мужемъ на пріиски; хотите вы, чтобы я оставила васъ въ покоѣ, не мозолила больше вашихъ глазъ, — хотите? Да говорите прямо; теперь лицемѣрить ужь намъ не приходится.

— Ты не уѣдешь!.. простонала она.

— Уѣду, рѣшительно молвила Наденька.

Марья Сергѣевна, не помня себя, опустилась передъ ней на колѣни.

— Уѣзжай, сжалься, сжалься!

Слезы ручьями текли по ея лицу, полуобнаженныя руки дрожали. Она была словно въ бреду.

— Выслушайте же меня, я предлагаю вамъ условія...

— Все, все, только *его* оставь мнѣ!

— Извольте, я вамъ оставлю его. Но для этого вы должны надѣлить насъ, во-первыхъ, средствами; а во-вторыхъ, все происшедшее между нами пусть умретъ въ этой комнатѣ. Никто не долженъ этого знать, слышите-ли, никто!

— Чего же ты хочешь? Денегъ?..

— Вы отдадите мужу тѣ деньги, которыя выручили за имѣніе, — всѣ сполна. Я знаю, ихъ будетъ около двадцати двухъ тысячъ.

— Но у меня ничего не останется!

— Неправда. У васъ домъ въ Москвѣ—полная чаша, да къ тому же и не заложенный. У васъ больше нашего останется, не считая, конечно, главнаго... господина Кудряшева.

— Такъ нѣтъ же, не бывать по твоему, безчестная женщина,—въ порывѣ охватившаго ее негодованія вскрикнула она, быстро подымаясь съ мѣста и сверкая глазами. Я пойду къ нему, къ сыну, я передамъ ему все, все! Онъ пойметъ, что ты змѣя, гадина... Онъ убьетъ тебя, растерзаетъ на части!..

— Будьте покойны, не убьетъ, холодно отвѣчала она.—Онъ только увидитъ, что его бѣдная мать рехнулась отъ слишкомъ страстной любви. Да и не онъ одинъ, а всѣ, даже вашъ Кудряшевъ, поймутъ не болѣе того.

Марья Сергѣевна снова въ изнеможеніи опустилась на постель. Кипа писемъ выпала изъ подъ подушки и разсыпалась по полу.

Digitized by Google

— Вотъ они, документы!.. со смѣхомъ воскликнула Наденька.

— Долго ты будешь издѣваться надо мною, наглая, безсердечная!

— Помилуйте! Да развѣ я смѣю издѣваться?!

— Я все передамъ Володѣ; онъ пойметъ, какая ты!

— Если вы рѣшитесь на это, то знайте, что и я въ свою очередь не пощажу васъ. А впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите.

Съ этими словами, не взглянувъ болѣе на Марью Сергѣевну, Наденька спокойно вышла изъ комнаты.

Марья Сергѣевна съ минуту не могла прійти въ себя, такъ была она ошеломлена и поражена неожиданно разыгравшейся сценой. Все слышанное ею сейчасъ было такъ ново, такъ ужасно! Ни секунды не могла бы она предположить раньше, что Наденька способна *такъ* заговорить съ нею. Рѣшительная, роковая минута объясненія, которую отдаляла она старательно, наступила и пролила новый свѣтъ на ея положеніе.

«Она грозила; значитъ, она имѣетъ основаніе разсчитывать на успѣхъ. Неужели онъ любитъ ее? Отдать развѣ деньги, пусть только уѣзжаетъ, пусть оставитъ меня въ покоѣ... Но нѣтъ, она обманетъ, она не уѣдетъ!.. Что дѣлать, что дѣлать»?

Но до рѣшенія этого мучительнаго вопроса ей невозможно было додуматься.

IX.

Кудряшевъ занималъ номеръ въ гостинницѣ Демутъ. Онъ лежалъ, растянувшись на широкомъ бархатномъ диванѣ, и раздумчиво выпускалъ изо рта синеватые клубы дыма. Запахъ сигары стоялъ въ комнатѣ. На столѣ лежалъ разорванный конвертъ съ городскою маркой. Онъ протянулъ руку и вынулъ лежащую въ немъ записку.

«Буду сегодня въ началѣ третьяго. Жди». Эти нѣсколько словъ были написаны рукой Наденьки. Подписи не было.

«Десять минутъ третьяго, подумалъ онъ, взглянувъ на бронзовые часы на каминѣ. Черезъ четверть часа навѣрное будетъ».

Онъ усмѣхнулся веселой торжествующей улыбкой, и принялся крутить свои выхоленные, надушенные усы.

«Старуха и не воображаетъ, размышлялъ онъ съ сладостнымъ чувствомъ:—она и не должна ничего такого воображать,—до поры до времени, конечно. Настанетъ часъ и ликвидація неизбѣжна... Однако она ревнива, Мари»...

Digitized by Google

И ему вспомнилась сцена, происшедшая вчера еще между нимъ и Марьей Сергѣевной въ этой самой комнатѣ. Они ѣздили кататься, и заѣхали поотогрѣться сюда: день былъ сырой, воздухъ холодный, пронизывающій. Она озябла и сама пожелала заѣхать. Какъ она взволновалась, какъ разгорячилась при одномъ нечаянномъ словѣ его о Наденькѣ! Она прямо утверждала,—чего съ ней прежде никогда не бывало,—что та безчестная, безсердечная женщина. Онъ попробовалъ было защищать ее; она расплакалась, съ ней сдѣлалась истерика.

Кудряшеву стало весело теперь отъ этого воспоминанія. Онъ старался вообразить себѣ, что̀ было бы со «старухой», еслибъ она встрѣтилась у него съ Наденькой.

«Она пустила-бы въ нее подсвѣчникомъ»! порѣшилъ онъ и громко расхохотался при этомъ.

Нѣсколько минутъ онъ лежалъ съ закрытыми глазами, свѣсивъ руку съ дымящейся сигарой. Наконецъ, снова забродили въ головѣ обрывки думъ и мечтаній, отъ которыхъ не прочь былъ порою Евгеній Николаевичъ.

«Отправить мужа на пріиски... Непремѣнно! Пусть тамъ возится съ золотой рудой. Тогда я окончательно порву со старухой... Какъ она будетъ бѣсноваться,—представляю себѣ. Чтобъ не накуралесила чего... Впрочемъ, что-же? Долго-ли признать сумашедшей и наложить опеку... Какъ-то распорядится она съ капиталомъ? Я намекалъ, что не мѣшало-бы подѣлиться съ дѣтьми... Все равно дѣтская часть перейдетъ ко мнѣ, ха, ха, ха! Надя не отдастъ мужу денегъ: она умна, да я кстати и посовѣтую ей сохранить ихъ у себя. На эти денежки за границу! Мужа на пріиски, а сами въ Парижъ... Развеселая partie de plaisir... съ чужой женой и на чужой счетъ. Совсѣмъ по современному... Чѣмъ же я виноватъ, что не попалъ въ кассиры!.. Нужно наверстать иначе. Лишь необходима трезвая точка зрѣнія на жизнь. Теперь не вѣкъ теорій, а вѣкъ практики,—практики, во всевозможныхъ фокусахъ... Вѣкъ фокусовъ, гигантскихъ феерій; воздушныхъ полетовъ и золотаго дождя. Не нужно лишь быть дуракомъ, и жареные тетерева сами полетятъ въ ротъ...

«Кричатъ о тяжеломъ положеніи мужика, о безземеліи. Но вѣдь *мужикъ* превратился бы уже въ *помѣщика*, еслибъ не страдалъ безземеліемъ... А кто пошелъ бы въ услуженіе, въ кучера, повара, дворники? Сами хотимъ цѣну набивать всей этой швали... Благодаря медвѣжьей услугѣ «передовыхъ», мы доживемъ, чего добраго, до мужичьяго террора. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего,

Digitized by Google

явится какой-нибудь Иванъ-бородачъ или Сидоръ, котораго дальше кухни я не пускалъ—явится и потребуетъ отъ меня, во имя принципа, мой сюртукъ, мои сапоги. Благодарю покорно!.. Избави Боже отъ этихъ этихъ Ивановъ и Сидоровъ»...

Стрѣлка показывала уже половину третьяго.

«Что-же Надя?.. Не задержало-ли ее что-нибудь?.. А жаль будетъ, очень жаль, если она не пріѣдетъ... Необходимо съ ней столковаться. Она молодецъ; отлично понимаетъ жизнь... Глотай, говоритъ, другихъ, а то тебя самоё проглотятъ. Въ сущности и я вѣдь «дарвинистъ»: сильный глотай слабаго»...

Онъ засмѣялся и поднялся съ дивана. Его забавляло теперь, что онъ додумался до такого вывода.

Дверь быстро отворилась и Наденька вошла.

— Заждался, думаю, проговорила она, протягивая ему затянутую въ перчатку руку.—Возьми ротонду, повѣсь.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку выше кисти, и снялъ ротонду.

— Я боялся, что тебя задержали.

— Кто-же меня можетъ задержать. Надѣюсь, не мужъ.

Она усѣлась на диванъ, поджавъ подъ себя ноги, и указала ему мѣсто подлѣ себя.

— Вчера заѣзжала *она?*

— Заѣзжала.

— Ну и что же? Обошлось безъ драмъ и трагедій?

— Несовсѣмъ. Истерика была страшная.

— Меня бранила?

— Не безъ того, конечно.

— Воображаю, что она разсказывала про меня! Я сдѣлалась въ ея глазахъ какимъ-то чудовищемъ. Ты знаешь о нашемъ объясненіи?

— Ничего я не знаю.

Она передала ему о вчерашней сценѣ съ Марьей Сергѣевной, не утаивъ отъ него ни одной мелочи. Онъ слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Я все-таки, Надя, несовсѣмъ понимаю твой планъ, проговорилъ онъ въ раздумьѣ, когда она кончила.—Ты хочешь ѣхать съ мужемъ?

— Это мило! воскликнула она, всплеснувъ руками.—Я васъ считала гораздо умнѣе.

Онъ засмѣялся и, взявъ ея руку, нѣжно поцѣловалъ.

— За откровенность отплачу откровенностью.

Digitized by Google

— Знаю заранѣе, что ты хочешь сказать, перебила она его, выдергивая у него свою руку.—Ты считалъ меня глупѣе?

Они теперь окончательно понимали другъ друга, и оба смѣялись весело и беззаботно.

— Итакъ, рѣшено? Могу я завтра послать телеграмму, что нашелъ надежнаго человѣка, который соглашается ѣхать?

— Нѣтъ, погоди, нельзя такъ скоро... Надо изъ приличія поговорить по поводу этого съ дядей. Да, наконецъ, мнѣ придется уломать еще Владиміра. Онъ все твердитъ свое: поѣзжай со мной. Ты понимаешь, что я не дамъ ему этого обѣщанія, пока не получу отъ maman денегъ. Теперь я и слышать не хочу о томъ, чтобы съ нимъ ѣхать. Обѣщаю, что пріѣду, можетъ быть, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда онъ окончательно устроится тамъ, а пока, говорю, проживу въ Петербургѣ, у дяди.

— Твой мужъ долженъ будетъ подписать контрактъ на три года; онъ получитъ здѣсь прогоны. Согласится-ли онъ на это?

— Нѣтъ, нѣтъ, на это онъ не пойдетъ. Нельзя-ли обойтись безъ этого?

— Можно, конечно; но тогда весь проѣздъ, пожалуй, на свой счетъ.

— Не бѣда; пусть ужь лучше на свой счетъ ѣдетъ.

— Да чего ты боишься, Надюша? Вѣдь контрактъ не можетъ испугать его; онъ не въ кабалу идетъ,—онъ только обязывается, въ случаѣ, если не выслужитъ трехъ лѣтъ, возвратить прогонныя и подъемныя деньги.

— А, вотъ какъ, въ раздумьѣ протянула она.—Я не знала этого. Ну, дѣлай, какъ знаешь. Ты самъ переговори съ нимъ.

— Будь покойна, дорогая моя, я все это дѣло устрою. Только мнѣ необходима гарантія...

Онъ смотрѣлъ на нее пристальнымъ, испытующимъ взоромъ.

— Понимаешь, какая гарантія мнѣ нужна? Увѣренность, что ты дѣйствительно меня любишь.

— Мнѣ начинаютъ надоѣдать твои сомнѣнія, Евгеній, нетерпѣливо проговорила она.—Къ чему слова, когда я доказываю на дѣлѣ? Развѣ не ради тебя я бросаю мужа?..

— Полно, бросаешь-ли ты его, рѣшилась-ли бросить? недовѣрчиво промолвилъ онъ.

— Это также вѣрно, какъ и то, что ты бросишь ради меня свою старуху,—отвѣчала она, играя его черными кудрями.

— А согласится она, какъ ты думаешь, отдать деньги?

— Конечно. Я не сомнѣваюсь ни одной минуты. Для этого

Digitized by Google

ты долженъ ясно показать ей, что ускользаешь изъ ея рукъ, что не сегодня-завтра способенъ бросить ее для меня.

— О, это будетъ нетрудно!

— Полагаю, согласилась Наденька. — И тогда, наканунѣ отъѣзда или же въ самый день его, когда почтенная мамаша будетъ торжествовать дорого купленную побѣду, я приду къ тебѣ и ты бери меня съ собой куда хочешь, только подальше, подальше отсюда,—въ Парижъ, въ Венецію!..

— Дорогая моя!

Онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ.

— А если мужъ броситься за тобой въ погоню?

— Этого онъ не сдѣлаетъ, во-первыхъ, такъ какъ я ему оставлю письмо, въ которомъ прямо выскажу, что не люблю его и не любила, а во-вторыхъ—куда же онъ бросится?

— Такъ, такъ, моя умница! восхищался онъ.—Куда же онъ бросится! Въ окошко, вѣрнѣе всего. А я устрою тебѣ заграничный паспортъ; это нетрудно съ деньгами.

— А жена твоя, Евгеній? нерѣшительно спросила она.

— Останется въ Москвѣ, съ дѣтьми. Ее ты не опасайся, мой дружокъ; она изъ тѣхъ женщинъ, которыя не чувствуютъ, не думаютъ, а только пьютъ и ѣдятъ.

— Евгеній, ты не долженъ забывать дѣтей, строго проговорила Наденька.

— Ха, ха, ха! расхохотался онъ.—Ты ли говоришь мнѣ подобныя вещи? Это не похоже на тебя, Надя.

— Вѣдь не развращена же я до мозга костей, какъ увѣряетъ Марья Сергѣевна! Неужели ты думаешь, что во мнѣ ничего не осталось хорошаго? съ горечью спросила она. — Мнѣ жить хочется,—вотъ мой величайшій недостатокъ, жить хочется во что бы то ни стало. Ради этой безграничной жажды жизни и наслажденій, я согласилась связать свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, какъ мой мужъ. Я думала, что безличность его будетъ величайшимъ его достоинствомъ, я думала, что съумѣю помириться и съ краденымъ счастьемъ... Да я и помирилась бы съ нимъ, еслибы не она, эта мать, съ которой приходилось дѣлиться пополамъ. Вникни въ мое положеніе, Евгеній, и ты поймешь, какъ жутко мнѣ бывало минутами. Конечно, ты бы бросилъ ее по первому моему слову, но я не произносила этого слова потому, что съ нимъ рухнуло бы и мое краденое счастіе... Вѣдь я отлично понимала это, и ты самъ не разъ говорилъ мнѣ, что тяжела та проклятая обстановка, въ которую закабалила судьба нашу лю-

Digitized by Google

бовь. Чувство было оскорбляемо, оскверняемо... Я знала, что ради того, чтобы быть моимъ, ты долженъ былъ принадлежать этой женщинѣ... Я ненавидѣла ее, я готова была убить ее,—а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣловала ее, обнимала. Мать, мать! Сколько трагизма въ этомъ безвыходномъ положеніи! Но я нашла выходъ, потому что далѣе такъ жить нельзя, а вѣдь какъ жить-то страстно хочется! Вотъ вся моя вина! добавила она съ горячимъ увлеченіемъ.

Онъ понималъ эту горячность; та же ненасытная жажда жизни и наслажденій мучила и томила его самого.

— Не будемъ слишкомъ сурово относиться къ себѣ, моя ненаглядная, заговорилъ онъ убѣжденнымъ голосомъ, не будемъ пугаться гороховыхъ чучелъ, поставленныхъ человѣчествомъ для охраненія всевозможныхъ началъ... Долгъ, обязанность, нравственность, честь—все это чушь, все это умышленно выдумано, чтобы держать человѣчество въ кабалѣ. Это узда, необходимая для массы. Она управляетъ ею, регулируетъ ея движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняетъ тѣмъ сравнительно немногимъ единицамъ, которыя сознательно эксплуатируютъ ее. Эта эксплуатація является неизбѣжной; право сильнаго—быть можетъ, единственно существующее право. Вѣдь и мы сильны, Наденька,—и мы должны обязательно пользоваться нашимъ правомъ... Въ чемъ-же наша сила, ты спросишь меня? Въ томъ, моя милая крошка, что мы не принадлежимъ къ воронамъ, пугающимся гороховыхъ чучелъ, а сами разставляемъ ихъ, для острастки кого слѣдуетъ. Наша сила—это свобода отъ предразсудковъ, свобода отъ навязываемыхъ вѣрованій. Вѣдь вся жизнь—борьба и эксплуатація... Сильные должны побѣждать слабыхъ и, въ свою очередь, покоряться болѣе сильнымъ. Это непреложный законъ, управляющій міромъ.

— Какъ я люблю тебя слушать, Евгеній, проговорила Наденька, устремляя на него полный благоговѣнія взоръ.—Ты такъ хорошо говоришь!.. Только, знаешь, я тебѣ правду скажу: мнѣ страшно порою становится отъ твоихъ словъ. Ты все рушишь, все отвергаешь безпощадно. Для тебя ничего не существуетъ высшаго...

— Руководящаго, ты хочешь сказать? Оно-то и существуетъ, его-то и признаю я.

— Что-же это?

— Это мое *я*, это пульсъ моей жизни.

— Но еслибъ всѣ думали и поступали, какъ ты,—вѣдь жизнь сдѣлалась бы невыносимой, невозможной.

Digitized by Google

— Тогда настало бы, конечно, взаимное пожираніе другъ друга. Оно и теперь существуетъ въ большей или меньшей степени. Мы не доживемъ съ тобой до той минуты, когда все человѣчество, какъ одинъ человѣкъ, отвергнетъ гороховыя чучела, которымъ теперь поклоняется. Дѣйствительно, тогда наступитъ для міра критическая минута, но онъ не сдвинется съ своихъ четырехъ китовъ; найдутся, какъ и всегда, между сильными еще сильнѣйшіе, которые выбросятъ разнуздавшемуся міру новую кость, которые разставятъ массу новыхъ кумировъ, конечно, діаметрально противоположныхъ существующимъ въ настоящую минуту. Впрочемъ, что загадывать о будущемъ; пусть занимаются иные разрѣшеніемъ этихъ туманныхъ вопросовъ, пусть тратятъ они всѣ силы, энергію и способности,—данныя имъ природою для пользованія настоящимъ,—на безумную попытку прыгнуть выше своей головы.

— Я никогда не задумывалась надъ вопросомъ о будущемъ. Но еслибъ сегодня мной овладѣла фанатическая вѣра въ будущую загробную жизнь, въ возмездіе за жизнь земную,—то, клянусь тебѣ, я способна была-бы изсушить себя на столбѣ, или же, на подобіе древнихъ мучениковъ, искать страданій, искать лютѣйшей смерти, чтобы только заслужить себѣ вѣчное блаженство.

— Разсчетъ не дуренъ, улыбнулся онъ. Ты готова промучиться минуту, чтобы проблаженствовать вѣчность...

— Не смѣйся надо мной... Въ моихъ словахъ много правды. Еслибъ меня научили вѣровать, научили поклоняться, какъ ты выражаешься, «гороховымъ чучеламъ», то, я чувствую, я была-бы совсѣмъ иная.

— Хуже или лучше? смѣялся онъ.

— Конечно, лучше, говоря въ общепринятомъ смыслѣ.

— Но теперь ты отреклась отъ общепринятаго?

— Отреклась, отреклась, мой милый!

— Значитъ и не будемъ печалиться о томъ, что мы выработались не на шаблонный манеръ. Оригинальность—немалая сила; съ ней скорѣе попадешь въ *пастухи*, чѣмъ въ *стадо*.

Краснорѣчивый софистъ долго говорилъ съ ней на эту тему, поучая ее «жить и пользоваться жизнью»... Она слушала его съ жаднымъ вниманіемъ. Ни одного сомнѣнія, ни одного мучительнаго вопроса не закрадывалось въ ея душу. Всѣ средства для достиженія личнаго счастья казались ей позволительными. «Подтасовывай карты, но не попадайся»... Въ этихъ словахъ крылась вся житейская мудрость. Увѣровать въ нее было легко и пріятно.

Digitized by Google

X.

Левшинъ уступилъ настояніямъ жены и отказался отъ предложеннаго ему Сергѣемъ Александровичемъ мѣста.

— Я поѣду на пріиски, мнѣ предлагаютъ четыре тысячи въ годъ содержанія, объяснилъ онъ ему. И въ Сибири люди живутъ. Одно жаль, что приходится разставаться на время съ женой.

— Развѣ она не поѣдетъ съ вами? удивился тотъ.

— На первое время я поѣду одинъ, а она останется въ Петербургѣ или Москвѣ. Пусть поживетъ, покружится, Богъ съ ней; еще молода вѣдь.

— Конечно, конечно, согласился Сергѣй Александровичъ,—пусть поживетъ. Я буду такъ радъ, если она останется у меня. Вы довѣрите мнѣ ее, Владиміръ Алексѣевичъ? Да наконецъ, знаете, оно и несовсѣмъ удобно ѣхать ей съ вами; вамъ нужно будетъ поприсмотрѣться сначала, устроиться. Вотъ тогда и выписывайте свою жонку, на все на готовое.

Левшинъ былъ увѣренъ, что такъ оно и будетъ въ дѣйствительности. Наденька дала ему слово немедленно пріѣхать къ нему по первому же его зову, прибавивъ, что она, можетъ быть, и останется съ нимъ въ Сибири.

Онъ рѣшительно отказался отъ подписанія контракта, о которомъ упомянулъ ему Кудряшевъ, отнесшійся къ этому дѣлу съ необыкновенной энергіей и горячностью. Отвѣтная телеграмма была получена имъ изъ Иркутска. Все было улажено гладко и обошлось безъ неожиданныхъ препятствій. Отъѣздъ былъ назначенъ черезъ двѣ недѣли.

— А я увѣренъ, что вамъ понравится тамошняя жизнь, расписывалъ Кудряшевъ. Сибирь совсѣмъ не такъ ужасна, какъ мы привыкли себѣ представлять. Отношенія между людьми гораздо проще и сердечнѣе... Поселенцы все народъ степенный, дѣловой; ихъ тамъ очень любятъ, повѣрьте мнѣ. Я зналъ нѣсколько примѣровъ, что получившіе послѣ долгихъ лѣтъ полную свободу не хотѣли возвращаться въ Россію и предпочитали оставаться на своихъ насиженныхъ мѣстахъ. А сколько изъ нихъ составило себѣ цѣлыя состоянія! Наконецъ, не думайте, что общественная жизнь тамъ мало развита... Пріѣзжайте зимой въ Томскъ или Иркутскъ,—балы, вечера, спектакли! И все это такъ просто, такъ сдержанно, безъ всякихъ претензій и вычуръ. Умственные интересы тоже... Да что и говорить!.. Вамъ навѣрное тамъ очень понравится, ручаюсь за то головой.

Digitized by Google

— Вы сами не бывали въ Сибири?

— Не приходилось. Но мнѣ хорошо извѣстна тамошняя жизнь изъ писемъ Коновалова, вашего будущаго патрона. Кстати о немъ... Вы, можетъ быть, думаете, что вамъ придется имѣть дѣло съ армякомъ, съ сиволапымъ мужланомъ? Такъ позвольте васъ убѣдить въ противномъ: это человѣкъ съ отличнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, мы вмѣстѣ съ нимъ кончили курсъ въ лицеѣ. Онъ думалъ было тоже заняться адвокатурой, но вдругъ это неожиданное наслѣдство... Какъ человѣкъ практическій, онъ самъ сталъ у дѣла; нельзя, знаете, дѣло крупное, милліонное.

И долго безъ умолку говорилъ Евгеній Николаевичъ о прелестяхъ сибирской жизни и о достоинствахъ будущаго «патрона» Левшина. Но это была лишь половина дѣла; онъ не забывалъ и другую, болѣе для него важную и серьезную. Въ присутствіи Марьи Сергѣевны онъ не отходилъ отъ Наденьки, ухаживая за ней безъ всякаго стѣсненія. Она тоже кокетничала съ нимъ, какъ никогда. Марья Сергѣевна мучилась невыразимо. Она видѣла, что Наденька начала «играть въ открытую». Поведеніе Кудряшева поразило ее. Онъ не бывалъ съ ней прежде такъ сухъ и холоденъ, какъ теперь, онъ никогда не осмѣливался въ присутствіи ея преслѣдовать Наденьку своими краснорѣчивыми влюбленными глазами.

Отношенія между обѣими женщинами были неестественны, натянуты до-нельзя; съ минуты на минуту грозила порваться единственно-регулирующая ихъ нить приличій,—и тогда могъ разыграться крупный скандалъ. Марья Сергѣевна должна была помнить, что живетъ въ чужомъ домѣ, а потому обязана избѣгать всяческихъ семейныхъ ссоръ и скандаловъ, могущихъ дойти до Сергѣя Александровича. Приходилось сдерживаться и выплакивать горе наединѣ съ собой.

Но слезы не приносили облегченія; онѣ еще пуще растравляли больную рану. Были минуты, когда, униженная и подавленная, она помышляла о самоубійствѣ.

Отдать Наденькѣ просимыя деньги—она не могла рѣшиться. Это значило бы признать свое полное безсиліе надъ Кудряшевымъ, значило бы купить его за деньги у другой. Да и сдержитъ-ли она свое слово, разъ только получитъ сполна всю сумму? Она боялась унизиться, тогда какъ недавно, нѣсколько дней тому назадъ, стояла передъ Надей на колѣняхъ, молила ее сжалиться, уѣхать. И теперь каждый день, каждую минуту, развѣ не унижалась она предъ ними обоими? Оставалось одно рѣшительное средство, къ которому и необходимо было прибѣгнуть не сегодня-завтра; это—пойти къ

Digitized by Google

сыну и разсказать ему всю правду. Но для этого необходимо было внушить ему увѣренность въ любви его жены къ Кудряшеву, въ возможность существованія связи между ними. На это у ней не было доказательствъ. Обвиненіе Наденьки легко могло выйти слишкомъ голословнымъ и даже невѣроятнымъ.

«Отдамъ деньги, пусть только уѣзжаетъ, пусть не терзаетъ меня...» рѣшала временами бѣдная женщина. Но ее удерживалъ всякій разъ стыдъ за самоё себя.

Наденька не возбуждала съ ней болѣе этого вопроса; она, казалось, забыла о всемъ происшедшемъ между ними. По прежнему, была она внимательна и ласкова съ нею при мужѣ или при комъ либо изъ постороннихъ. Она осыпала ее иногда поцѣлуями, надѣляла нѣжными именами и возбуждала тѣмъ трогательное умиленіе въ душѣ Сергѣя Александровича или Свѣтилова, бывавшаго у нихъ тоже чуть не ежедневно. Послѣдній видимо увлекался ею. Онъ и Кудряшевъ просиживали цѣлые вечера въ обществѣ Наденьки и Марьи Сергѣевны. Сергѣя Александровича не бывало иногда дома: онъ снова зачастилъ къ Петрушкевичамъ и возвращался оттуда часто за полночь, угрюмый и пасмурный. Онъ не входилъ тогда въ залу, гдѣ сидѣло еще все общество, оживленно смѣясь и болтая, а проходилъ прямо въ кабинетъ и предавался тамъ своимъ невеселымъ размышленіямъ.

Лиза собиралась открывать бѣлошвейное заведеніе, и ея двоюродная сестра, одного вида которой уже не могъ переносить Сергѣй Александровичъ, перебралась къ ней и поступала въ ея помощницы. Его мучила мысль, что Лиза можетъ нуждаться въ средствахъ и принуждена работать, мучило и сближеніе ея съ «кающейся Магдалиной»,—какъ мысленно обозвалъ онъ Дуню. Онъ не вѣрилъ въ ея перерожденіе, какъ ни силилась убѣдить его въ томъ Лиза. Всякій разъ онъ шелъ туда съ твердымъ намѣреніемъ предложить Лизѣ денегъ, но слово не сходило съ языка: онъ страшно боялся, что она оттолкнетъ его предложеніе, что она обидится имъ.

И вотъ въ то время, какъ изъ залы доносились до него звуки фортепіано и мотивы удалаго цыганскаго романса, онъ сидѣлъ у себя, понуривъ голову, чуждый всему окружающему.

Никто, казалось, не хотѣлъ, не могъ понять, какая буря подымалась въ душѣ Марьи Сергѣевны. Каждый былъ поглощенъ самимъ собой, каждый жилъ своею собственной жизнью. Свѣтиловъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, дрожа и волнуясь отъ всякаго, мимоходомъ брошеннаго на него, взгляда Наденьки; Кудряшевъ *дѣлалъ дѣло* съ искреннимъ увлеченіемъ, не спуская съ нея своихъ блестящихъ глазъ.

Digitized by Google

Левшинъ тоже не могъ налюбоваться красавицей-женой. Онъ видѣлъ могущество ея надъ другими—и не боялся ее утратить: она такъ нѣжна, такъ ласкова была съ нимъ все это время!..

И завтра опять то же, опять та же неизмѣнная компанія, тѣ же пѣсни, то же поклоненіе, та же скрытая молчаливая мука.

Выносить долѣе—становилось не подъ силу Марьѣ Сергѣевнѣ. Она просиживала часъ-другой и, извиняясь головною болью, уходила къ себѣ. Тамъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, она рыдала по цѣлымъ часамъ.

Однажды сынъ зашелъ къ ней и просилъ ее выйти ужинать. Она долго не соглашалась.

— Ты видишь, на что я похожа, Владиміръ, говорила она, указывая ему на свое покраснѣвшее и опухшее отъ слезъ лицо. Нѣтъ, ужь лучше я останусь здѣсь, не пойду.

— Maman, что это вы все плачете, милая? спросилъ онъ съ участіемъ, взглянувъ на нее.

— Тяжело мнѣ... грустно.

Она боялась выдать сыну причину своихъ терзаній.

— Ну, вотъ и пойдемте къ намъ поразвлечься немного, настаивалъ онъ.—Евгеній Николаевичъ каламбуритъ сегодня, какъ никогда. Я положительно не узнаю его за послѣднее время, онъ словно помолодѣлъ на десять лѣтъ.

Марья Сергѣевна только вздохнула на это замѣчаніе и обѣщалась быть къ ужину, прося его послать горничную, чтобы та подала ей умыться.

Оставшись одна, она подошла къ зеркалу и принялась внимательно разсматривать свое лицо. Ей прежде всего бросился въ глаза совершенно сѣдой волосъ на правомъ вискѣ; она выдернула его съ раздраженіемъ. «Сѣдѣю... немудрено, что пора въ отставку»—пронеслось въ ея головѣ, и въ ту же минуту, словно бы въ подтвержденіе ея мысли, бѣлая полоска мелькнула надъ проборомъ. Она вырвала цѣлую прядь сѣдыхъ волосъ и, поднеся ее къ лампѣ, принялась разсматривать съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ.

Бѣлые волосы были ей противны. Она съ омерзеніемъ бросила ихъ за спинку кровати. Ей пришлю теперь почему-то въ голову, что она скоро рискуетъ быть бабушкой... благодаря Кудряшеву. Мало-по-малу ею начало овладѣвать чувство гадливости къ самой себѣ. Она раскрыла ротъ и съ наслажденіемъ разсматривала два-три уже чернѣющіе зуба. Ей было досадно даже, что остальные оставались бѣлыми, ровными. На лбу и около глазъ появились

Digitized by Google

уже замѣтныя морщинки, кожа начинала терять свою упругость и свѣжесть, она желтѣла и становилась дряблой. Марья Сергѣевна взглянула на свои бѣлыя красивыя руки съ тонкими пальцами, унизанными золотыми кольцами. Она сорвала одно за другимъ всѣ кольца, за исключеніемъ двухъ обручальныхъ. Ей казалось, что она смѣшна съ этимъ обиліемъ золотыхъ украшеній. На ней было свѣтло-сѣрое платье, отдѣланное чернымъ бархатомъ и массою бантиковъ. Со злобой принялась она рвать ихъ, комкая въ рукѣ и бросая за спинку постели, куда бросила уже прядь своихъ сѣдыхъ волосъ.

Она потребовала у вошедшей горничной черное шерстяное платье. На воротѣ и рукавахъ оказался красный рюшъ. Она велѣла его немедленно снять и замѣнить бѣлымъ воротничкомъ и рукавчиками.

Вся въ черномъ, безъ браслетъ и брошки, она была крайне эффектна. Увидавъ въ зеркалѣ отраженіе своей высокой, роскошно развитой фигуры съ тонко перетянутой тальей, Марья Сергѣевна забыла въ одно мгновеніе о вырванныхъ ею за минуту предъ тѣмъ сѣдыхъ волосахъ, о двухъ почернѣлыхъ зубахъ во рту. Она съ сожалѣніемъ взглянула на свое сѣрое платье, лежащее на креслѣ съ оторванными бантами. «Я становлюсь совсѣмъ сумашедшей», подумала она, поправляя съѣхавшій на лобъ локонъ, — и потребовала себѣ тонкую золотую браслетку. Красивая и величественная, съ горячо блистающими глазами, съ разгорѣвшимся лицомъ, вошла она въ гостинную, гдѣ ждали ее, чтобы садиться ужинать.

— Maman, какая вы хорошенькая сегодня! вырвалось, при видѣ ея, у Левшина невольное восклицаніе.

Онъ подошелъ къ ней и нѣжно поцѣловалъ ея руку.

— Гдѣ-же кольца? съ удивленіемъ спросилъ онъ ее.

— Сняла; надоѣли, — отвѣчала она, съ улыбкой встрѣчая устремленные на нее взоры Кудряшева и Свѣтилова.

Послѣдній глядѣлъ на нее такъ, словно бы видѣлъ ее въ первый разъ; онъ только что теперь замѣтилъ ея красоту.

— Какая интересная! шепнулъ Кудряшевъ, наклонившись слегка къ Наденькѣ, которая встрѣтила появленіе Марьи Сергѣевны холодной, презрительной улыбкой.

— Набѣлилась, нарумянилась...

— Она никогда не бѣлится и не румянится, вступился тотъ.

— Можетъ-быть; вамъ лучше знать.

Сергѣй Александровичъ тоже явился къ ужину. Онъ подалъ

Digitized by Google

руку Марьѣ Сергѣевнѣ и повелъ ее къ столу, за нимъ послѣдовали Наденька со Свѣтиловымъ и Кудряшевъ съ Левшинымъ.

— Что съ вами сегодня? не могъ удержаться Сергѣй Александровичъ отъ вопроса, взглянувъ съ удивленіемъ на возбужденное и необычайно красивое лицо своей дамы.—Вы хороши, какъ никогда, добавилъ онъ ей.

Ей становилось безотчетно-весело; она какъ будто забыла теперь о своемъ горѣ и слезахъ.

— Я хочу справить сегодня поминки по своей молодости,— весело смѣясь, отвѣчала она.

Свѣтиловъ и Сергѣй Александровичъ принялись убѣждать ее, что до поминокъ еще далеко, что она скорѣе имѣетъ видъ только что вышедшей замужъ молодой женщины. Кудряшевъ не могъ понять, откуда въ ней такая перемѣна.

Онъ налилъ себѣ вина и, высоко подымая рюмку, проговорилъ, смотря на нее пристальнымъ взоромъ:

— Я предлагаю тостъ за старичка Сатурна... Онъ такъ бываетъ подъ часъ снисходителенъ и любезенъ къ намъ, людямъ, что не мѣшаетъ порой помянуть и его добрымъ словомъ.

Марья Сергѣевна вспыхнула. Онъ намекалъ ей, что она ни болѣе, ни менѣе, какъ сохранившаяся старуха. Всѣ хранили упорное молчаніе; наглая выходка Кудряшева произвела общее замѣшательство.

— Я не желаю у васъ оставаться въ долгу, Евгеній Николаевичъ, а потому въ свою очередь предлагаю вамъ тостъ. Выпьемъ за *честь* и *совѣсть*, съ которыми подчасъ такъ неснисходительны и нелюбезны люди. Выпьемъ-же за угнетенныхъ!

И она протянула бокалъ, смотря ему прямо въ лицо вызывающимъ взглядомъ.

— Вы правы, съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣчалъ онъ.—Сначала за угнетенныхъ, а потомъ уже за угнетателя; вѣдь Сатурнъ, хотя и бываетъ въ частностяхъ гуманенъ, въ общемъ же—великій угнетатель рода человѣческаго.

— За сладостнаго Гименея! предложилъ Левшинъ и чокнулся съ Наденькой.

— Скажите: сладчайшаго, поправилъ его Свѣтиловъ.

— Такъ отчего-же вы не женитесь?... обратилась къ нему Наденька.

— Не нахожу еще своей пары.

— Можетъ быть, вы не тамъ ее ищете, гдѣ слѣдуетъ? лукаво улыбнулась она.

Digitized by Google

— Укажите мнѣ, гдѣ-же ее искать?

— Между вакантными дѣвами и сохранившимися вдовами, отвѣчала она, кинувъ бѣглый взглядъ въ сторону Марьи Сергѣевны.

Свѣтиловъ комически вздохнулъ.

— Я не любитель пустопорожнихъ мѣстъ, низко наклонившись надъ своей тарелкой, шопотомъ проговорилъ онъ.

— Вы предпочитаете чужой черноземъ? разсмѣявшись, также тихо спросила она.

— Предпочитаю экспропріацію его.

— По какому праву?

— По праву сильнаго.

— Такъ понаберитесь сначала силъ, насмѣшливо посовѣтовала она.

Ужинъ кончился. Свѣтиловъ раскланялся и уѣхалъ, обѣщавъ быть на другой день. Кудряшевъ принялся искать свою шляпу, которую будто не помнилъ куда положилъ. Выходя въ полуосвѣщенную диванную, онъ многозначительно взглянулъ на Наденьку; та едва замѣтно кивнула ему головой. Этотъ безмолвный разговоръ не могъ укрыться отъ Марьи Сергѣевны. Она задрожала отъ негодованія, отъ душившей ее ревнивой злобы при видѣ этихъ краснорѣчивыхъ переговоровъ. Наденька скрылась. «Она тамъ, съ нимъ вмѣстѣ!» быстро пронеслось въ головѣ Марьи Сергѣевны и тихо, на цыпочкахъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она прошла черезъ гостинную въ угловую. Дверь въ диванную была несовсѣмъ плотно закрыта.

Въ глазахъ ея мелькнули двѣ фигуры; Кудряшевъ обнималъ Наденьку. Она чуть не вскрикнула и схватилась за стоящій съ ней рядомъ стулъ, чтобы не упасть; ноги ея подкашивались. До напряженнаго слуха донеслась фраза Наденьки:

— Такъ жди же меня завтра къ себѣ непремѣнно, къ двумъ часамъ.

Марья Сергѣевна тихо прошла въ гостинную. Голова ея кружилась, сердце билось часто и тревожно. Черезъ минуту Кудряшевъ явился со шляпой въ рукѣ. Она проводила его долгимъ, загадочнымъ взоромъ. Она знала теперь, какъ ей слѣдовало поступить.

XI.

Левшинъ пробирался по панели Невскаго проспекта съ низко опущенной головой. Лицо его было покрыто мертвенной блѣдно-

Digitized by Google

стью, неровная спотыкающаяся походка напоминала человѣка съ похмѣлья. Раза два онъ натыкался на прохожихъ. Здоровый дѣтина въ сѣромъ полукафтанѣ и черномъ картузѣ безцеремонно отбросилъ его плечомъ на нѣсколько шаговъ.

— Али ослѣпъ, баринъ? укоризненно проговорилъ онъ при этомъ.

Тотъ поднялъ удивленно голову, взглянулъ на него ничего не выражающимъ взглядомъ и, поправивъ рукой съѣхавшую на затылокъ шляпу, быстро пошелъ дальше по направленію къ Большой Конюшенной. Мысли обрывками носились въ его воспаленной головѣ.

«Неужели правда?... Году еще нѣтъ! Наденька, за что же?... О, если мать не ошиблась!... Кому же послѣ этого вѣрить, кого любить?... Подлые всѣ, всѣ!... Какъ жить теперь.... Да не брежу-ли я, не сонъ-ли все это?»...

И онъ подымалъ на минуту голову, пристально всматриваясь въ лицо проходящихъ. Неумолчный шумъ жизни, непрестанное движеніе вокругъ говорили ему, что онъ не бредитъ, но переживаетъ тяжелую дѣйствительность.

«Нѣтъ, нѣтъ! Это ложь, клевета!» внезапно, съ энергіей, рѣшилъ онъ; и лицо его прояснилось, шаги сдѣлались тверже и смѣлѣе.

Но тутъ же вспоминалась ему мать, вспоминались до мельчайшихъ подробностей сказанныя ею слова. Она клялась ему именемъ Бога, что говоритъ правду. Но вѣдь и Наденька тоже клялась быть ему вѣрной до гроба.... Кто-же изъ двухъ нарушилъ клятву?...

Онъ дошелъ до угла Большой Конюшенной и взглянулъ на часы. Было всего лишь половина втораго. Перейдя черезъ улицу, онъ остановился у оконъ гастрономическаго магазина, машинально разсматривая красивыя группы зеленыхъ огурцовъ, сливъ и персиковъ, подернутыхъ янтарнымъ блескомъ. Посреди ихъ красовался огромный золотой ананасъ. Онъ смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ; ему вспомнилось, что Наденька любитъ ананасы.

«Зайти купить»... мелькнуло въ его головѣ, и онъ подошелъ уже къ двери; но тутъ-же, словно ужаленный, отскочилъ отъ нея, нервно разсмѣявшись при этомъ.

«Ананасъ!.. Не до ананасовъ»!..

Наемная карета остановилась правѣе его у подъѣзда гостиницы «Демутъ». Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, онъ замеръ на мѣстѣ, впившись глазами въ экипажъ. «Она, она, она»!..

Digitized by Google

стучало, словно молотомъ, въ его головѣ. Сѣденькій старичекъ появился въ дверцахъ кареты; онъ вышелъ тихо, не спѣша, и, остановившись на панели, говорилъ что-то кучеру.

Левшинъ готовъ былъ броситься и расцѣловать его. «Какое у него чудное лицо, какой онъ красавецъ!» восторженно шепталъ онъ. За каретой подъѣхалъ извощикъ. Офицеръ, гремя распущенной саблей, быстро скрылся въ дверяхъ подъѣзда. И къ нему почувствовалъ Левшинъ внезапную нѣжность.

Онъ продолжалъ стоять у окна магазина. Сверкающій ананасъ снова бросился ему въ глаза. Теперь онъ рѣшилъ, что непремѣнно купитъ его и привезетъ Наденькѣ; дальше ждать нечего; уже безъ десяти два; на душѣ стало легко и весело, онъ сразу оживился. Ясно, что мать обманывала его. Черезъ минуту онъ снова стоялъ у окна, съ тщательно упакованнымъ ананасомъ въ рукѣ. Онъ выбиралъ глазами извощика.

Но вотъ мимо его быстро промчалась наемная карета и остановилась у гостинницы. Онъ рѣшилъ, что посмотритъ только, кто изъ нея выйдетъ, и затѣмъ прямо отправится домой. Высокая женщина въ черной бархатной ротондѣ и съ черной густой вуалью на лицѣ, какъ тѣнь, мелькнула предъ его глазами. Ея ростъ, ея фигура, ея ротонда!.. Онъ сразу узналъ жену; сомнѣваться было невозможно. Что-то порвалось у него внутри... Онъ зашатался и схватился рукою за фонарный столбъ, чтобы не упасть. Нѣсколько стоящихъ подлѣ извощиковъ съ усмѣшкой поглядывали на него... «Баринъ-то выпимши», донеслось до него замѣчаніе одного изъ нихъ. Онъ разразился внезапно нервнымъ кашлемъ; ананасъ выпалъ изъ его рукъ. Съ блуждающимъ, почти сумасшедшимъ взоромъ, весь красный отъ душившаго его кашля, съ налившимися кровью глазами, онъ опрометью бросился къ широкой двери подъѣзда. Нѣсколько прохожихъ поспѣшно дали ему дорогу, съ недоумѣніемъ глядя ему вслѣдъ.

— Словно бы шалый маленько, съ улыбкой произнесла на его счетъ какая-то чуйка, подымая валявшійся на улицѣ свертокъ.

Левшинъ не шелъ, а скорѣе бѣжалъ къ номеру, занимаемому Кудряшевымъ. Онъ былъ уже у него два раза и зналъ хорошо расположеніе коридоровъ.

Впереди его показалась быстро удаляющаяся фигура Наденьки и скрылась въ одной изъ дверей. Онъ добѣжалъ до нея, задыхаясь, едва переводя духъ. Дверь оставалась еще полуоткрытой; онъ сильно рванулъ ручку и очутился въ комнатѣ.

Наденька стояла посреди, съ поднятой на лицѣ вуалью, съ

Digitized by Google

ротондой, спустившейся съ одного плеча. Кудряшевъ былъ около нея и, наклонившись, разстегивалъ ей перчатку. Какъ громомъ пораженные, стояли они оба нѣсколько минутъ на мѣстѣ, смотря на тяжело дышавшаго Левшина съ недоумѣніемъ и ужасомъ въ глазахъ.

— Надя!.. Что ты со мной дѣлаешь! какимъ-то рыданіемъ прозвучалъ его надорванный голосъ.

Кудряшевъ быстро отскочилъ отъ нея и сталъ теперь въ углу, блѣдный, съ опущенными и крѣпко сжатыми руками. Лицо его было искажено страхомъ и волненіемъ.

— Ты меня прослѣдилъ? съ трудомъ оправившись, проговорила Наденька, и безпомощно опустилась въ первое попавшееся кресло. Прослѣдилъ? механически повторяла она, протирая глаза руками, какъ бы не довѣряя себѣ.

— Да за что-же, Наденька!..

До сихъ поръ онъ не кинулъ ни одного взгляда на Кудряшева.

— Эхъ, была не была! рѣшительно молвила она, подымаясь съ мѣста. Не стану я каяться, не стану унижаться передъ вами... Такъ знай же, что я не люблю тебя, что я ненавижу тебя, что я не уйду отсюда, хотя бы ты убилъ меня! Такъ и знай! Ты думалъ накрыть меня съ любовникомъ... Ну и радуйся: накрылъ вѣдь. Не гляди на меня такъ; я не боюсь тебя. Ты и жалокъ и смѣшенъ въ этой новой роли.

И она захохотала ему въ лицо безжалостнымъ, громкимъ хохотомъ.

— Уйди, уйди! сквозь смѣхъ говорила она, махая на него руками.

— Тварь!

Онъ шагнулъ къ ней со сжатыми кулаками, съ гнѣвно-дрожащею челюстью.

— Сію-же минуту за мной!

— Я вамъ сказала, что остаюсь здѣсь, отвѣчала она, невольно отъ него отступая.

Кудряшевъ вышелъ наконецъ изъ своего оцѣпенѣнія. Послѣднія слова ея, казалось, привели его въ себя. Онъ поднялъ голову и проговорилъ поспѣшно, кинувъ на Наденьку бѣглый взглядъ:

— Я не могу согласиться на это, Надежда Григорьевна... У меня жена есть, дѣти.

Она дрогнула отъ его словъ, словно электрическая искра пробѣжала по ней. Рѣзко повернувшись къ нему поблѣднѣвшимъ ли-

Digitized by Google

цомъ, съ негодующимъ блестящимъ взоромъ, она произнесла громко и отчетливо:

— Подлецъ!

Онъ смолчалъ и равнодушно передернулъ плечами.

— Я поняла васъ теперь... продолжала она съ безграничнымъ негодованіемъ.—Вы не меня искали, вамъ нужны были деньги!.. Ихъ нѣтъ у васъ въ рукахъ, и вы безъ церемоній скидываете съ себя маску.

Съ этими словами, не глядя ни на него, ни на пораженнаго мужа, она быстро выбѣжала изъ номера.

— Господинъ Кудряшевъ, завтра утромъ я пришлю къ вамъ своихъ секундантовъ, проговорилъ Левшинъ, съ презрѣніемъ взглянувъ на него.

Тотъ молча ему поклонился.

— Остановись, куда ты бѣжишь? говорилъ Левшинъ, догоняя на лѣстницѣ быстро удаляющуюся жену.

— Мы не можемъ болѣе жить вмѣстѣ, глухо отвѣчала она.

— Ты поняла теперь, кого любила?

— Да, поняла.

— Пусть это будетъ тебѣ роковымъ урокомъ.

— Дорогъ урокъ, нечего сказать.

— Я радъ, что онъ раскрылъ тебѣ глаза... Такъ ты ненавидишь меня, ненавидишь?

— Не говори, не поминай объ этомъ!.. Мнѣ стыдно себя. Я сегодня же уѣду въ Москву. Развѣ я жена тебѣ послѣ всего происшедшаго? Я *тварь*!.. Ты самъ меня назвалъ такъ.

Они вышли на улицу. Она шла быстро, не останавливаясь, по направленію къ Невскому.

— Забудь все, и я забуду, шепталъ онъ, съ трудомъ за ней поспѣвая.—Мнѣ, можетъ быть, недолго жить остается: завтра я дерусь. Будь сегодня прежней,—такой, какой я боготворилъ тебя столько лѣтъ. Погоди уѣзжать... Кто знаетъ, я, пожалуй, завтра развяжу тебѣ руки. Тогда живи, какъ хочешь, ненавистнаго мужа не будетъ...

— Ты не будешь драться: онъ трусъ, онъ сегодня же уѣдетъ. О, я поняла теперь этого господина! Не проси меня, не унижайся... Мнѣ предъ тобой унижаться слѣдуетъ. Мнѣ жаль насъ обоихъ... Несчастные мы, проклятые!

— Надюша моя, съ кѣмъ грѣха не бываетъ! Тогда я готовъ былъ убить тебя, на части разорвать... Теперь я снова люблю! Только за что ты меня ненавидишь?

Digitized by Google

— Я не помнила, что говорила.

— Ну, и забудемъ, все забудемъ. Ты молода, ты увлеклась... Больше не будетъ этого; останься со мной, живи по прежнему. Уѣдемъ въ Сибирь, тамъ ты опомнишься, придешь въ себя. Бѣдная моя, я вижу, какъ ты страдаешь!

— Да, я страдаю. Уѣдемъ куда хочешь. Не гони меня, возьми съ собой...

Въ голосѣ ея слышались уже безсильныя слезы.

— Родная моя, Надя моя!..

Они взяли извощика и поѣхали домой. Оба молчали дорогой. Какая-то страшная слабость овладѣла теперь Левшинымъ. Ему тяжело было говорить, тяжело было думать о чемъ бы то ни было. Онъ переживалъ нѣчто похожее на состояніе человѣка, только что очнувшагося послѣ продолжительнаго обморока.

— Холодно, проговорила Наденька, кутаясь въ ротонду и тѣсно къ нему прижимаясь.

Онъ машинально взглянулъ на нее и даже чему-то тихо улыбнулся.

— Ты не будешь драться изъ-за меня, милый?

— Я убью его, съ той же блуждающей улыбкой на блѣдныхъ губахъ, отвѣчалъ онъ.

— Онъ убѣжитъ, онъ уѣдетъ, шептала она, дрожа отъ охватившаго ее озноба.—Ой, холодно, холодно!

Зубы ея стучали. Капли холоднаго пота выступили на вискахъ. Пріѣхали. Лихорадка била и трясла ее на извощикѣ. Онъ помогъ ей сойти, и съ трудомъ ввелъ по широкой лѣстницѣ. Марья Сергѣевна встрѣтила ихъ въ прихожей. На ней тоже лица не было. Она взглянула на нихъ и поняла, что тяжелая драма разыгралась между ними, хотя и не привела, какъ видно, къ слишкомъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Мужъ заботливо поддержи[illegible]лъ и обнималъ измѣнницу-жену.

— Уйдите! злобно закричала ей Наденька.

— Уйдите, уйдите, какъ эхо, повторилъ за нею и сынъ.

Слова Наденьки оправдались. Кудряшевъ струсилъ и въ тотъ же день исчезъ изъ Петербурга.

Черезъ четыре дня, Сергѣй Александровичъ провожалъ племянницу и племянника въ дальній путь. Онъ ничего не зналъ о происшедшемъ, хотя смутно догадывался, что между Наденькой и Марьей Сергѣевной произошла крупная размолвка. Послѣдняя уѣхала обратно въ Москву, сухо простившись съ «дѣтьми». Исчезновеніе Кудряшева было объяснено экстренной надобностью, вне-

Digitized by Google

запно вызвавшей его изъ Петербурга. Наденька говорила даже Силину, что трусливый адвокатъ пріѣзжалъ будто-бы проститься, когда его не было дома.

— Счастливецъ! Жена идетъ за нимъ на край свѣта, говоритъ Силинъ, обнимая на вокзалѣ Левшина.—Настоялъ таки на своемъ. Знаю вѣдь, что не хотѣлось уѣзжать одному.

Наденька, услыхавъ его слова, вспыхнула и быстро отвернулась.

— Да, я счастливъ, что она со мной, просто отвѣчалъ ея мужъ.

Ю. Завѣщій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

РАБОЧІЙ КЛАССЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Соціальные эскизы, Луи Поліа).

VIII.

Изъ того, что нами сказано до сихъ поръ о парижскомъ рабочемъ классѣ, читатель могъ замѣтить, что мы желали только освѣтить черты, общія всѣмъ рабочимъ, и что мы взяли себѣ за правило систематически оставлять въ сторонѣ все, что не входитъ въ характеристику парижскаго темперамента и что можно разсматривать, какъ результатъ причинъ болѣе или менѣе случайныхъ и спеціальныхъ. Поэтому, мы нимало не удивились-бы, еслибы нашъ эскизъ имѣлъ несчастіе не понравиться людямъ мрачнаго взгляда на вещи, людямъ исполненнымъ предубѣжденія противъ столичнаго населенія, въ глазахъ которыхъ парижскій рабочій рабочій классъ представляется презрѣнной толпой, избавившись отъ которой нація много-бы выиграла. Но когда изучаешь парижскій народъ непосредственно, безъ предубѣжденія, то всегда выносишь о немъ понятіе, скорѣе благопріятное, чѣмъ иное; почти всегда почувствуешь къ нему симпатію, близкую къ удивленію, и это потому, что, даже нисколько не раздѣляя его измѣнчивыхъ чувствъ и мнѣній, его стремленій, нельзя не признать во всѣхъ его помыслахъ и поступкахъ живѣйшую потребность идеальной справедливости, черты вполнѣ рыцарскія и безконечную глубину безкорыстія и самоотверженія. Поэтому, хотя его и считаютъ источникомъ смутъ,—относиться къ нему враждебно невозможно. Отказавъ ему въ извѣстной долѣ уваженія, мы бы должны были въ глубинѣ души обвинить себя въ пристрастіи и въ совершенномъ отсутствіи чувства справедливости. Такъ какъ мы разсматривали парижскій рабочій классъ только съ точки зрѣнія его прирожденныхъ свойствъ, то мы вправѣ ожидать, что люди, упорно желающіе видѣть въ этомъ классѣ одни его нездоровые элементы, упрекнутъ насъ въ

Digitized by Google

желанію льстить рабочему классу, поэтизировать его и прикрашивать дѣйствительность собственными фантазіями.

Мы, конечно, отлично знаемъ, что среди рабочаго класса существуетъ болѣе или менѣе значительное число людей, которыхъ нищета, недостатокъ первоначальнаго воспитанія, дурные примѣры, тяжкія разочарованія и пр. довели до нравственнаго паденія. Въ этомъ отношеніи парижскіе рабочіе нимало не отличаются отъ другихъ слоевъ парижскаго населенія, которые всѣ имѣютъ свои подонки. Но если мы въ нашемъ трудѣ не беремъ этого въ разсчетъ, то на это есть много причинъ: было бы величайшей несправедливостью обобщать парижскій народъ съ тѣми дурными элементами, которые въ немъ могутъ вмѣщаться, точно также, какъ и вмѣнять всему высшему классу общества гнусность нѣкоторыхъ его членовъ; въ нашихъ глазахъ, это только элементы искусственные, которые слѣдуетъ разсматривать, какъ неизбѣжный продуктъ извѣстныхъ обстоятельствъ и которые очень легко измѣнить къ лучшему. Случалось много разъ, что достаточно было одного момента, чтобы самый развращенный и падшій парижскій рабочій проявилъ свои лучшія врожденныя качества,—до такой степени глубоко-нравственна его природа; наконецъ, всѣ эти печальныя явленія составляютъ самое незначительное меньшинство, и въ такомъ случаѣ писатель имѣетъ право пользоваться римскимъ правиломъ *de minimis* и строго держаться *plerumque fit*. Но мы, главнымъ образомъ, имѣли намѣреніе указать въ этомъ эскизѣ единственно то, чѣмъ отличается духъ парижскаго рабочаго класса и тѣ свойства, какія обязательно можно встрѣтить въ каждомъ его членѣ—будь онъ счастливъ или несчастенъ, богатъ или бѣденъ, нравственъ или пороченъ, покоренъ законамъ или враждебенъ имъ. Отсюда понятно, что разъ задавшись такой цѣлью, мы не можемъ останавливаться на случаяхъ исключительныхъ, и даже оставляемъ безъ вниманія тѣ факты внѣшней жизни, изъ которыхъ моралисты обыкновенно почерпаютъ свои наблюденія. Когда стараешься уловить главныя линіи какой-либо картины, то необходимо стать на извѣстное разстояніе, для того чтобы детали и всякія угловатости, только затемняющія дѣло, могли сгладиться, и чтобы выступало только главное. Мы приложили все стараніе, чтобы поступить именно такимъ образомъ, и подобная предосторожность тѣмъ болѣе необходима въ данномъ случаѣ, потому что парижскій рабочій необыкновенно впечатлителенъ и доступенъ самымъ, въ сущности, ничтожнымъ вліяніямъ. По существу своему, онъ не представляетъ собою ничего угрожающаго, но, смотря по обстоятельствамъ,

этотъ новый Протей можетъ принять формы самыя разнообразныя, самыя противоположныя, самыя неожиданныя, до такой степени, что если мы станемъ судить по его внѣшности, то рискуемъ тѣмъ, что обликъ его и совсѣмъ ускользнетъ отъ насъ. Считаемъ необходимымъ остановиться на этой мысли, чтобы показать, насколько внѣшность парижанина способна мѣняться.

Если, напримѣръ, парижанинъ сталкивается съ провинціаломъ или иностранцемъ, то моментально, вслѣдствіе какой-то физіологической реакціи, онъ дѣлается самимъ собою; врожденныя свойства, до того времени едва замѣтныя или какъ-бы дремавшія въ немъ, проявляются съ необычайной силой; по его виду, образу дѣйствій, по его взглядамъ, исполненнымъ положительной логики и гуманныхъ принциповъ,—взглядамъ, которые онъ считаетъ долгомъ постоянно излагать,—самый неопытный наблюдатель узнаетъ въ немъ парижанина. Это до такой степени вѣрно, что внѣ Парижа, на всѣхъ пунктахъ земнаго шара, какое бы соціальное положеніе ни занималъ парижанинъ, его всегда узнаешь. Всякій другой французъ можетъ болѣе или менѣе поддаться вліянію новой среды и природныя свойства его могутъ измѣниться, какъ никогда не измѣнились бы на родинѣ. Но парижанинъ не только остается неизмѣннымъ между чужими, а еще вліяетъ на другихъ; почти всегда онъ сообщаетъ всякому свою удивительную способность отвлеченія, способность отрекаться отъ самого себя, отъ собственныхъ идей, чувствъ, инстинктовъ, чтобы думать и дѣйствовать ради общаго; почти всегда онъ передаетъ другому ту свободу мысли, столь похожую на скептицизмъ, въ которой скрывается однако изумительная энергія убѣжденія и вѣры. Внѣ Парижа, парижскій духъ какъ бы закаляется, и тонъ его обостряется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ противоположнѣе ему среда, въ которой онъ находится.

Эта эластичность парижскаго темперамента дѣлается въ особенности очевидной, когда изучаешь парижанъ въ самомъ Парижѣ, однихъ сравнительно съ другими. Между ними встрѣчаются люди, повидимому, столь различные между собою, что съ перваго взгляда ихъ скорѣй можно принять за уроженцевъ различныхъ странъ, а не то что одного и того-же города, и только по тщательномъ анализѣ, и отдѣливъ массу несходствъ, можно подвести ихъ подъ общій характеръ.

Эта странная аномалія происходитъ отъ различныхъ причинъ. У парижанина вовсе нѣтъ того, что называютъ духомъ противорѣчія, но онъ одаренъ индивидуальностью столь живой, столь чуткой, столь тон-

кой и въ то же время столь независимой, что прійти къ соглашенію съ нимъ, если только онъ не увлекается, почти невозможно. Онъ вѣчно возражаетъ, споритъ и считаетъ съ своей стороны истинной жертвой сообразоваться съ чужими мнѣніями. Отсюда источникъ тайной дисгармоніи или, по крайней мѣрѣ, постоянныхъ препятствій къ непосредственному сближенію; вслѣдствіе этого, парижанинъ не сходится и съ сосѣдомъ, и всегда остороженъ. Поэтому, наблюдателю рѣдко удается уловить у парижанъ общія черты, изучая ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и, слѣдовательно, составить понятіе о ихъ духовномъ характерѣ. Вѣчно волнующійся, кипятящійся, всегда въ оборонительномъ или наступательномъ положеніи, каждый изъ нихъ представляется совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Другой причиной разнообразія парижскихъ типовъ является та удивительная легкость, съ которою парижскій рабочій подчиняется умственнымъ, нравственнымъ или экономическимъ условіямъ, среди которыхъ онъ живетъ. Мы хотимъ сказать, что извѣстное ремесло, условія семейныя, матеріальное положеніе, степень воспитанія или образованія и т. д. оставляютъ на каждомъ изъ нихъ свой особый слѣдъ, такъ что, подъ вліяніемъ этого, парижскій рабочій классъ представляетъ собою массу разновидностей, производящихъ самую странную пестроту. Замѣчательно, что тотъ-же парижанинъ, который внѣ столицы упорно сопротивляется окружающему его міру и всякимъ обстоятельствамъ, въ конгломератѣ Парижа остается совершенно безоружнымъ передъ воздѣйствіемъ этихъ обстоятельствъ и воспринимаетъ, такъ сказать, сразу всякія вліянія. Для примѣра приведемъ то обстоятельство, что есть много людей, которые, по наружному виду любаго парижскаго рабочаго, ручаются безошибочно угадать его профессію. Мы-же, съ своей стороны, нерѣдко замѣчали, что работа, смотря по тому, какимъ способомъ она исполняется, т. е. сидя или стоя, наклонившись или въ прямомъ положеніи, производится-ли надъ крупными предметами или надъ мелочью и пр. и пр., придаетъ особый оттѣнокъ умственному развитію парижскаго рабочаго. Эти отличія особенно обнаруживаются въ политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, смотря по корпораціямъ, замѣтны весьма рѣзкіе оттѣнки въ доктринахъ, взглядахъ, въ образѣ мысли и выраженіяхъ. Плотники, башмачники, столяры, портные, наборщики, мѣдники почти всегда согласны въ своихъ политическихъ или экономическихъ стремленіяхъ. Но послушайте ихъ отдѣльно и вы будете поражены рѣчами, которыя они произносятъ, ихъ идеями, предлагаемыми ими мѣрами, суж-

Digitized by Google

деніями — до такой степени все это будетъ разнообразно въ своихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія. Ремесленная статистика арестовъ, слѣдовавшихъ за каждымъ народнымъ движеніемъ, представляетъ наиболѣе вѣскія доказательства въ пользу нашего положенія. Всегда бывали извѣстныя корпораціи, заявившія свою дѣятельность болѣе другихъ; бывали излюбленныя системы, ораторы и трибуны, за которыми слѣпо слѣдовала та или другая категорія рабочихъ.

Изъ этихъ объясненій, можно прійти къ тому заключенію, что еслибы кто вздумалъ изучать парижское рабочее населеніе исключительно по его внѣшнему виду, тотъ растерялся-бы въ массѣ наблюденій столь разнообразныхъ, а иногда столь противорѣчивыхъ, что могъ-бы прійти къ общему выводу только путемъ произвольныхъ построеній и цѣною непреодолимыхъ трудностей. Наблюдателя, по меньшей мѣрѣ, сбили бы съ толку факты, относящіеся гораздо менѣе къ типу, чѣмъ къ особеннымъ обстоятельствамъ. Только смотря сверху, можно увидѣть главныя очертанія и такимъ образомъ разглядѣть и достоинства, и недостатки, дающіе парижскому темпераменту его особенный отпечатокъ.

Парижская буржуазія можетъ также служить доказательствомъ того, что парижскій темпераментъ можетъ, повидимому, стушеваться, но въ то же время сохранить свою живучесть. Посмотрите на буржуазію во время парламентскаго правительства, при которомъ она возвышается и становится правящимъ классомъ, наслаждаясь тѣми свободными учрежденіями, которыя считалъ необходимыми Тьеръ и которыя почти всѣ были для нея выгодны; при такихъ условіяхъ, буржуазія совершенно расходится съ народомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; она не раздѣляетъ, повидимому, его инстинктовъ, тенденцій, взглядовъ, вкусовъ; она показываетъ даже явное отвращеніе къ народу, что̀ и подтвердилось много разъ печальными фактами во времена реакцій. Можно подумать, что буржуазія—какая-то совсѣмъ особенная раса, давящая народъ.

Но чуть появится какой нибудь Карлъ X съ своими ордонансами, случится 2-е декабря, 24-е мая или 16-е іюня, однимъ словомъ, произойдетъ событіе, которое грозитъ поставить буржуазію въ подчиненное положеніе—она тотчасъ-же сбрасываетъ обычаи, понятія, предразсудки, принципы, разъединяющіе ее съ рабочимъ классомъ и становится народомъ, самымъ настоящимъ народомъ; духъ, инстинкты парижскаго народа, которые, казалось, совсѣмъ заглохли въ ней, появляются съ неистощимой энергіей и во всей чистотѣ. Дѣйствуетъ-ли она на улицѣ, или ведетъ борьбу въ прессѣ, она подаетъ примѣры гражданскаго му-

Digitized by Google

жества; въ своихъ требованіяхъ она говоритъ во имя единства съ народомъ, стать выше котораго было до сихъ поръ предметомъ ея усилій, и во всѣ свои статьи, свои рѣчи она влагаетъ столько убѣжденія, столько души, что народъ, довѣрчивый и увлеченный, тотчасъ покидаетъ трибуновъ своего сословія, давленію которыхъ онъ раньше подчинялся. Напрасно предостерегаютъ его: онъ ничего не слушаетъ и кидается въ объятія буржуазіи, предоставляя ей направлять все движеніе; онъ желаетъ побѣдить подъ знаменами ея или пасть рядомъ съ нею.

Но если парижскій темпераментъ въ представителяхъ буржуазіи теряетъ многія изъ своихъ свойствъ, подъ вліяніемъ довольства, воспитанія, образованія и т. д., то это встрѣчается также и во всѣхъ слояхъ народной массы, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и въ самыхъ различныхъ степеняхъ, вслѣдствіе воздѣйствія столь-же искусственныхъ причинъ. Поэтому было-бы величайшей ошибкой придавать слишкомъ большое значеніе признакамъ внѣшнимъ, большею частью обманчивымъ и не существеннымъ. Чтобы достигнуть истины, нужно оставлять ихъ безъ вниманія; въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поступать такъ, какъ при изученіи ботаники: въ мірѣ растительномъ нѣтъ семейства, которое не дѣлилось бы на массу разновидностей, иногда столь несходныхъ между собою, что ихъ можно принять за представителей различныхъ семействъ. Что-же дѣлаетъ ученый? онъ оставляетъ въ сторонѣ исключенія, побочныя подробности, второстепенныя несходства, и беретъ во вниманіе только существенныя черты, общія всѣмъ разновидностямъ.

IX.

Хотя предъидущія страницы и могутъ показаться читателю ненужными, мы однако не считаемъ ихъ совершенно лишними. Мы хотѣли заранѣе оправдаться отъ незаслуженныхъ упрековъ, еслибы кому вздумалось сдѣлать ихъ, и въ то же время дать нѣкоторыя указанія относительно того, что мы позволимъ себѣ называть Протеевымъ свойствомъ парижскаго темперамента, а такія указанія положительно необходимы въ статьѣ о парижскомъ населеніи.

Приступая теперь къ изученію парижскаго рабочаго класса съ точки зрѣнія политики, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько штриховъ, чтобы дополнить эту часть эскиза. У парижскаго рабочаго есть чувства, есть интеллектуальныя и нравственныя стремленія, вкусы и т. п., о которыхъ мы до сихъ поръ не сказали ни слова, но кото-

Digitized by Google

рыя было-бы непростительно обойти молчаніемъ; не излагая ихъ слишкомъ подробно, можно все-таки указать ихъ, просто коснувшись законовъ или, вѣрнѣе, философіи этихъ чувствъ и стремленій. Такъ какъ все это имѣетъ источникомъ нѣкоторыя свойства парижскаго темперамента, то достаточно будетъ описать эти свойства, чтобы всякій уяснилъ себѣ исходную точку взглядовъ, образа дѣйствій и мышленія парижскаго рабочаго, и понялъ, какъ этотъ рабочій неизбѣжно долженъ вести себя въ большинствѣ случаевъ своей жизни, индивидуальной или общественной.

За исключеніемъ послѣднихъ временъ Византіи, т. е. за исключеніемъ грековъ, нигдѣ въ мірѣ идеологическія способности ума не пріобрѣтали такого широкаго развитія, какъ среди парижскаго рабочаго класса.

Вездѣ, у всѣхъ народовъ, умъ составляетъ одно цѣлое съ естествомъ физическимъ. Можно сказать, что онъ придается послѣднему, чтобы просвѣтить его и служить его желаніямъ, чувствамъ, инстинктамъ. Если дѣйствуетъ умъ, то всегда болѣе или менѣе прямо изъ личныхъ интересовъ или подъ давленіемъ интимныхъ побужденій человѣка, съ которымъ онъ составляетъ одно цѣлое и которому онъ служитъ. Эти давленія и интересы составляютъ почти исключительное поле дѣятельности для ума каждаго индивидуума. Если порой приходится ему отрѣшиться или, скорѣе, абстрагироваться отъ тѣла, чтобы обратиться въ чистую идею, то это обыкновенно бываетъ только урывками, въ родѣ пропусканья школьныхъ уроковъ, или же подъ давленіемъ доведенной до крайнихъ предѣловъ логики. Въ подобныхъ случаяхъ, если человѣкъ обладаетъ здравымъ умомъ и практическимъ смысломъ, то онъ рѣдко считаетъ себя обязаннымъ поступать сообразно раціональнымъ выводамъ своего ума, особенно, если эти выводы противорѣчатъ тому, что внушаетъ ему реальная сторона жизни. Онъ смотритъ на эти выводы, какъ на продукты умственной пытливости, которыми можно щегольнуть въ разговорѣ или статьѣ, но которыхъ (если только человѣкъ не изъ тѣхъ, кого называютъ апостолами) отнюдь не слѣдуетъ приводить въ исполненіе, считая ихъ сумасбродствомъ.

Наблюдая людей вообще, мы видимъ, что это почти всегда бываетъ такъ. Но въ парижскомъ рабочемъ населеніи мы встрѣчаемъ совершенно другой типъ. Умъ парижанина, вмѣсто того, чтобы быть нераздѣльно связаннымъ и подчиненнымъ естеству физическому, а, слѣдовательно, міру реальному, съ невѣроятною легкостью отрѣшается отъ этой реальности и можетъ жить самъ по себѣ, точно будто онъ составляетъ ка-

Digitized by Google

кой нибудь отдѣльный органъ, одаренный собственной жизнью, способный обходиться безъ всего остальнаго, и отъ котораго все остальное должно зависѣть. Лишь только какой нибудь вопросъ произведетъ нѣкоторое возбужденіе въ чувствахъ и логикѣ парижанина, умъ его немедленно поднимается въ міръ теорій и абсолютнаго совершенства; во всемъ, что касается даннаго вопроса, онъ тотчасъ теряетъ всякую связь съ соображеніями положительнаго свойства, которыя, во всякой другой странѣ, служатъ регуляторомъ и руководящей нитью въ умственной жизни. Всякій другой человѣкъ, унесясь въ область высокаго, почувствуетъ себя тамъ неловко и, послѣ болѣе или менѣе короткаго срока времени, спустится обратно къ дѣйствительности. Парижанинъ, напротивъ, держится на высотѣ; ему тамъ хорошо: въ мірѣ идей, внѣ условій дѣйствительности, онъ чувствуетъ безконечное наслажденіе человѣка, освободившагося отъ цѣпей. Можно подумать, что реальный міръ, со всѣми его обязательными отношеніями, есть сущая тюрьма для парижанина, глядя, какъ онъ старается вырваться изъ этого міра, какъ онъ счастливъ, чувствуя себя внѣ его. Любопытнѣе всего еще то, что идеи, доктрины, выводы его ума, предоставленнаго самому себѣ, въ глазахъ парижанина—не мечтанья или порожденія пустой фантазіи: онъ чтитъ и любитъ ихъ, какъ неопровержимыя истины. По его убѣжденію, этимъ идеямъ должна подчиняться реальная сторона жизни. Онъ проникается идеями; его симпатіи всегда на сторонѣ только такого порядка, который не противорѣчитъ этимъ идеямъ, и онъ никогда не задумается поступиться своими инстинктами, своими прежними убѣжденіями, даже самыми существенными интересами, если они противны его идеямъ. Къ парижскому народу можно по всей справедливости примѣнить правило Ванъ-Свитена: a cerebro tota humanitas pendet; до такой степени у него все подчинено идеямъ и принципамъ, добытымъ его умомъ.

Такая раздвоенность, конечно, не рѣдкость. Въ жизни часто встрѣчаются люди, которые способны отказаться отъ личныхъ интересовъ, отъ потребностей окружающаго міра, отъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и т. п., и такимъ образомъ склониться къ мнѣніямъ и поступкамъ, до которыхъ они никогда не дошли бы сами по себѣ. Нужно только уловить благопріятный моментъ, когда они не на сторожѣ, когда можно овладѣть ихъ умомъ или подогрѣть извѣстныя чувства. Но этотъ моментъ будетъ непродолжителенъ: унесясь на нѣсколько часовъ, самое большее—на нѣсколько недѣль, они возвращаются къ домашнему обиходу, къ прежнему равновѣсію. Самымъ исключительнымъ, единственнымъ въ

исторіи человѣчества фактомъ является то, что такая раздвоенность возможна въ цѣломъ населеніи, что цѣлое населеніе подвержено сплошному, непрерывному увлеченію, которое останавливается съ одной стороны, чтобы опять начаться съ другой. Чтобы какъ слѣдуетъ понять, что̀ мы разумѣемъ здѣсь подъ словомъ увлеченіе, нужно отрѣшить это слово отъ обыкновенно соединяемыхъ съ нимъ понятій о заблужденіи, ослѣпленіи. Парижанинъ на самомъ дѣлѣ увлекается со всевозможнымъ хладнокровіемъ, вполнѣ владѣя собой, съ самымъ обдуманнымъ убѣжденіемъ. Его мышленіе такъ организовано, что идея для него имѣетъ такую же матеріальную сущность, какъ и всякій реальный предметъ, что въ идеѣ онъ видитъ ту же дѣйствительность... да что мы говоримъ, ту же дѣйствительность! Напротивъ, онъ вѣритъ ей больше всего, потому что постоянно стремится—отсюда всѣ его революціи—пересоздать реальный міръ сообразно идеямъ, выработаннымъ его умомъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ та особенность парижскаго темперамента, о которой мы сейчасъ говорили. Нетрудно угадать, въ какихъ безчисленныхъ отраженіяхъ проявляется она въ жизни парижскаго рабочаго класса. По нашему мнѣнію, тотъ, кому извѣстно это свойство, не только имѣетъ какъ бы ключъ къ уразумѣнію характера парижскаго рабочаго, его стремленій и дѣйствій, его исторіи,—однимъ словомъ, всего, до него относящагося,—но можетъ даже a priori вывести непосредственно отсюда тѣ особенности, которыми отличается парижскій рабочій классъ.

Исторія Парижа до сихъ поръ остается невыясненною, и основный законъ ея еще ждетъ открытія, именно потому, что это странное свойство парижскаго темперамента не принималось въ разсчетъ и не обращало на себя должнаго вниманія. Въ жизни великаго города, гдѣ имѣли мѣсто такія историческія событія, какъ революція Этьена Марселя, лига, фронда, 1789 и 1792 года, можно, повидимому, найти безпрестанныя непослѣдовательности. Но ихъ вовсе нѣтъ. Напротивъ, все идетъ самымъ логичнымъ путемъ. Могли быть различныя формы, точно такъ же, какъ различны и объекты, за которые велъ борьбу Парижъ; но сущность, основный принципъ былъ одинъ и тотъ же. Если идти въ глубь историческихъ фактовъ, если стараться проникнуть въ причины ихъ, то всегда придешь къ сущности, къ абстрактнымъ идеямъ, которыя въ моментъ событій наполняли умы и вооружали руки. Всякій разъ, и у оборонительной стороны, и у наступательной, наталкиваешься на какую нибудь абсолютную концепцію, которая и составляетъ душу борьбы; для стороны оборонительной существующіе принципы представляются совер-

Google

шенствомъ; для наступательной—все дурно въ существующемъ строѣ, все должно быть измѣнено, уничтожено. Ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ не руководятся точкой зрѣнія потребностей практическихъ, матеріальныхъ, присущихъ міру реальному; все подводится подъ идеи абсолютныя, абстрактныя; изъ-за этихъ идей и идетъ борьба. Вотъ почему исторія Парижа должна бы быть исторіей идеологической способности парижскаго населенія, а не тѣмъ, что она представляетъ теперь, т. е. рабскимъ перечисленіемъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ,—переворотовъ, болѣе или менѣе глубокихъ, частыхъ или рѣдкихъ, происхожденіе которыхъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе видимо, между тѣмъ какъ главная причина ихъ—это идеалогическое свойство—остается въ тѣни.

Разъ установивъ эту склонность парижанъ къ идеологіи, дѣлается очевиднымъ, что Парижъ, съ національной точки зрѣнія, всегда долженъ былъ держаться идеи совершеннаго единства. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что Парижъ всегда былъ опорою королевской власти въ созданіи французскаго единства, и этой поддержкой для упроченія абсолютизма пользовались такіе законники, какъ Ришелье и Людовикъ XIV. Парижъ собственно и создалъ эту идею единства, а короли только привели ее въ исполненіе. Приведемъ, какъ доказательство, непримиримую ненависть парижанъ къ жирондѣ и декреты съ 1789 по 1794 годъ,—декреты, явно навѣянные Парижемъ и которыми внутренняя жизнь страны приводилась къ полному единообразію.

Съ другой стороны, эта склонность парижскаго ума абстрагироваться въ идеѣ способствовала къ тому, что столица Франціи сдѣлалась огромной пробирной лабораторіей всѣхъ явленій въ области человѣческой мысли, философіи, литературы. Это признано и тѣмъ нѣмецкимъ авторомъ, который говорилъ, что понимаетъ свои произведенія только во французскомъ переводѣ и въ толкованіяхъ французской критики. Благодаря духу обобщенія и синтеза, Парижъ дѣйствительно, такъ сказать, возвышаетъ, «сублимируетъ» всякую мысль, всякія теоріи, всякія новыя идеи; онъ съ перваго раза схватываетъ ихъ слабыя стороны, а этимъ самымъ выдѣляется то, что въ нихъ есть непреложно-истиннаго.

Но въ наше время, идеологія и идеализмъ парижскаго народонаселенія достигли наибольшаго развитія, въ особенности, въ области политики. Къ этому чрезмѣрному развитію нужно даже отнести, начиная съ 1830 года, всѣ регрессивныя движенія въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Размышляя объ абсолютномъ, погружаясь въ чистое созерцаніе,

Digitized by Google

народъ утратилъ твердую почву практики и фактовъ. Убѣжденный, что возможно получать все сразу, что стоитъ лишь провозгласить извѣстный принципъ, и факты измѣнятся сами собою, народъ сталъ пренебрежительно относиться къ добытымъ прежде мелкимъ привилегіямъ, и даже не позаботился оградить ихъ отъ посягательства со стороны верховной власти:— наивно вообразивъ, что нѣтъ ничего легче, какъ взять свое обратно, когда захочешь, упустили добычу, а погнались за тѣнью. Но важнѣе всего, что пока гонялись за идеей и заботились только о ней, былъ утраченъ всякій смыслъ самоуправленія, то есть та настойчивость, та нравственная энергія, та любовь къ свободѣ, которыя даютъ возможность вести успѣшную борьбу съ принципами самовластія и мало-помалу оттѣснять ихъ отъ центральной власти, вводя народное управленіе во всѣхъ тѣхъ частяхъ, гдѣ правительственная власть позволяла себѣ злоупотребленія. Потому-то каждый иностранецъ видитъ теперь у насъ очень странную картину: республиканская демократія, политическій идеалъ которой достигъ абсолютнаго совершенства, на практикѣ пока довольствуется учрежденіями и законами, созданными по большей части правительствами, враждебными республикѣ и демократіи. Таковы правительства Наполеона I, Людовика XVIII, Карла X, Людовика-Филиппа и Наполеона III.

Изъ этого краткаго обзора видно, къ какимъ результатамъ въ области философіи, политики и исторіи привела склонность парижанъ къ идеологіи и идеализму. Если таково было вліяніе ея здѣсь, то нѣтъ сомнѣнія, что она не прошла безслѣдно и въ другихъ сферахъ дѣятельности парижской жизни. На самомъ дѣлѣ, съ какой-бы исходной точки мы ни стали изучать парижскій рабочій классъ, эта склонность придаетъ ему самыя выдающіяся черты.

Нѣтъ сомнѣнія, что она значительно смягчена у буржуа воспитаніемъ, образованіемъ, степенью достатка. Реальный міръ для буржуа вовсе не адъ, изъ котораго онъ стремится уйти съ помощью воображенія или ума, или который онъ почелъ-бы за счастіе забыть. Обладая болѣе широкимъ развитіемъ и познаніями, буржуа не такъ рабски подчиненъ побужденіямъ, вытекающимъ изъ однихъ чувствъ. Если даже онъ станетъ дѣйствовать по законамъ логики, то все-таки прежде захочетъ убѣдиться въ основательности первыхъ посылокъ и если, не смотря на эту предосторожность, добытые имъ выводы будутъ противорѣчить его интересамъ, то тѣмъ хуже для нихъ: буржуа настолько владѣетъ собой, что всегда предпочтетъ личные интересы логическимъ вы-

Digitized by Google

водамъ. Нельзя отрицать также, что сумма наслажденій и матеріальнаго довольства, доставляемыхъ ему деньгами, дѣйствуетъ на буржуа, какъ балластъ: они не позволяютъ ему терять изъ виду реальное.

По этимъ-то причинамъ, парижскій буржуа и образуетъ во Франціи отдѣльный типъ и рѣзкую разновидность въ парижскомъ населеніи. Въ его характерѣ—всегда вращаться въ сферахъ среднихъ. Онъ тоже склоненъ унестись къ облакамъ, къ абсолютному, и въ этомъ случаѣ доступенъ всѣмъ увлеченіямъ врожденной склонности къ идеологіи; но посреди этихъ увлеченій, благодаря условіямъ своей жизни, онъ всегда можетъ найти удобный предлогъ остановиться на полпути. Потому-то, въ политикѣ, и консерваторъ, и человѣкъ изъ народа весьма часто питаютъ одинаковую ненависть къ буржуа. Первый упрекаетъ его въ томъ, что онъ проникнутъ духомъ революціи и поддерживаетъ страшные разрушительные элементы; вторые негодуютъ за то, что буржуа, пустивъ все въ ходъ и открывъ путь, отказывается проводить идею до конца. Но, кромѣ того, такъ какъ буржуа останавливается именно на той точкѣ, когда интересы его еще не подвергаются опасности, то и тотъ и другой клеймятъ его эгоистомъ и приписываютъ ему макіавелевскую политику, которой у него совсѣмъ нѣтъ. Это только чистая случайность, если политическое положеніе, въ которомъ парижскій буржуа найдетъ удобнымъ остановиться, окажется выгоднымъ для всѣхъ тѣхъ, кто пользуется одинаковой съ нимъ степенью богатства, воспитанія и образованія. Имъ не руководитъ желаніе выгоды или исключительныхъ привилегій. Онъ слишкомъ парижанинъ, чтобы руководиться подобными соображеніями. Онъ просто останавливается тогда, когда замѣтитъ, что можно проиграть. Парижскій буржуа тоже революціонеръ, но такой, которому есть что терять и который не желаетъ ничѣмъ рисковать.

Что касается парижскаго рабочаго класса, то, относительно идеологіи и идеализма, для него не существуетъ такихъ задерживающихъ элементовъ, какъ у буржуазіи. Поэтому склонность его къ чистой идеѣ и абсолютному можетъ развиваться безпрепятственно, не встрѣчая никакого противовѣса или какихъ либо задерживающихъ вліяній. Парижскій рабочій находитъ въ этомъ болѣе чѣмъ удовлетвореніе страсти: здѣсь его развлеченіе, его насущная потребность, способъ уйти отъ горькой дѣйствительности. Мы знаемъ, что такое міръ дѣйствительный для многихъ парижскихъ рабочихъ; мы знаемъ, какъ часто страдаютъ они отъ нищеты, всякихъ случайностей, шаткости матеріальнаго положенія, въ которое стоитъ только вдуматься, чтобы дойти до отчаянія.

Digitized by Google

Свойственная темпераменту рабочаго, идеологія позволяетъ ему уходить отъ этого горькаго сознанія. Пустившись во всевозможныя логическія построенія, давъ волю чувствамъ самымъ высокимъ и благороднымъ, и доведя ихъ до крайнихъ предѣловъ, онъ создаетъ себѣ міръ идей и впечатлѣній, въ которомъ испытываетъ неисчерпаемое блаженство, не омрачаемое ни малѣйшимъ облачкомъ, и въ такомъ состояніи онъ совершенно равнодушенъ къ ужасамъ горькой дѣйствительности.

Такимъ образомъ, экономическое положеніе, благопріятное для буржуа, дѣлаетъ его разсудительнымъ и умѣреннымъ, между тѣмъ какъ то же экономическое положеніе, будучи неблагопріятнымъ для рабочаго, побуждаетъ послѣдняго измышлять утопіи. Если во всякой другой странѣ нужда, житейскія неурядицы гнетутъ человѣка, унижаютъ его достоинство, подрѣзываютъ крылья его ума и воображенія, то на парижскаго рабочаго онѣ дѣйствуютъ совсѣмъ иначе: онъ еще лучше способенъ понять сильныя страсти, высокія чувства, великія идеи; чѣмъ тяжелѣе для него дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе любовь его къ идеалу, ко всему прекрасному, высокому, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Идеализмъ и идеологія, составляя врожденныя свойства рабочаго класса, еще служатъ ему отводящимъ средствомъ, какъ бы предохранительнымъ клапаномъ противъ отчаянія. Можно почти измѣрить степень нравственныхъ и матеріальныхъ страданій рабочаго суммою идеологіи и идеализма, на какія онъ способенъ.

Итакъ, мы никогда бы не поняли хорошо Парижа, никогда-бы не объяснили себѣ того, что̀ называютъ вѣтряностью, непостоянствомъ, легкомысліемъ парижскаго народонаселенія, еслибы не взяли исходной точкой эту раздвоенность парижскаго темперамента. Для анализа, измѣнчивость, легкомысліе, противорѣчіе—все это только внѣшность. Они составляютъ какъ-бы развѣвающуюся одежду индивидуальности, одаренной невѣроятною живучестью и единствомъ; эта индивидуальность можетъ обладать различною силою, но сущность ея всегда одна и та же. Ничто такъ не характеризуетъ индивидуальность, какъ это вѣчное движеніе, родъ прилива и отлива, который уноситъ ее отъ относительнаго къ абсолютному, или отъ высочайшаго идеала къ самому реальному положительному, и наоборотъ. Но въ предѣлахъ этого колебанія, изъ-за котораго Франція въ одно и то же время представляется страной рутины на практикѣ и страной высшаго прогресса на почвѣ идей и теорій, парижскій темпераментъ остается вѣрнымъ самому себѣ. Его кажущуюся измѣнчивость и подвижность лучше всего сравнить съ колебаніями

Digitized by Google

маятника около своей точки; эти колебанія совершаются то въ силу идеологіи и идеализма, свойственныхъ парижскому уму, то, напротивъ, въ силу идей, такъ сказать, врожденныхъ, специфическихъ, естественныхъ, зависящихъ отъ физическаго строенія расы, или-же навѣянныхъ окружающею средою.

Весьма неудобно дѣлать психологическую диссекцію цѣлому народу и такое предпріятіе съ нашей стороны слишкомъ смѣло, а потому, да позволено будетъ намъ привести нѣсколько примѣровъ, чтобы лучше выяснить нашу мысль и показать на фактахъ то движеніе отъ реальнаго къ абстрактному, которое составляетъ самую любопытную характерную черту парижскаго темперамента.

Если изучать парижанина въ его обыденной жизни, то онъ не только патріотъ, но даже шовинистъ. Но чуть только затронуты его логика и чувства, онъ становится ярымъ космополитомъ. Но и этотъ космополитизмъ настолько непроченъ, что французъ мгновенно обращается къ своему шовинизму, лишь только замѣтитъ, что отъ его благосклонности къ чужеземному и какихъ нибудь уступокъ, Франція можетъ утратить свое первенствующее положеніе въ мірѣ.

Перейдемъ теперь на почву политики. Въ настоящее время, у парижанъ положительно нѣтъ тѣхъ удивительныхъ способностей, съ помощью которыхъ народы англо-саксонской расы умѣютъ побѣждать правительство и пользоваться отнятой у него властью. Для парижанина необходимъ одинъ, или даже нѣсколько человѣкъ, на которыхъ онъ могъ-бы вполнѣ положиться, отдавшись всецѣло въ руки ихъ, хотя въ сущности люди эти ничто иное, какъ новое правительство, которое онъ выставляетъ противъ правительства существующаго. Здѣсь несомнѣнные признаки закоренѣлаго монархическаго чувства. Но если дѣлать заключеніе не по фактамъ, а по доктринамъ парижанина, то онъ скорѣе склоненъ къ республикѣ, при которой всѣ граждане пользуются одинаковыми правами; онъ сторонникъ ограниченныхъ полномочій, ставящихъ депутатовъ въ зависимость отъ избирателей; онъ отвергаетъ даже необходимость въ президентѣ республики и т. п. Но весь этотъ внѣшній радикализмъ, пылкость, съ какою парижанинъ дѣйствуетъ во имя своихъ принциповъ, нисколько не мѣшаютъ ему безусловно отдаться въ руки нѣсколькихъ личностей, которыя, по его мнѣнію, раздѣляютъ его убѣжденія.

То же самое происходитъ въ области экономическихъ явленій. Парижанинъ—глубочайшій индивидуалистъ: зависѣть исключительно отъ са-

Digitized by Google

мого себя, свободно располагать своимъ *я*, имѣть обезпеченное положеніе, свой уголъ, свою семью, собственное обзаведенье, гдѣ бы онъ могъ жить и работать, какъ ему вздумается, подъ собственной отвѣтственностью,—вотъ чего онъ жаждетъ въ глубинѣ души и больше всего на свѣтѣ. Онъ такъ смиренъ, такъ добродушенъ, что одно ласковое слово, доброе отношеніе къ нему его патрона глубоко трогаютъ его и приводятъ въ умиленіе. Но посмотрите, каковъ онъ былъ во время движенія соціалистическихъ идей, въ 1848 году, напримѣръ, когда онъ являлся отчаяннымъ поборникомъ извѣстнаго рода организаціи труда, при которой мастерская приводилась въ состояніе настоящей казармы, а права личности рабочаго положительно исчезали. Правда, что такихъ мастерскихъ на самомъ дѣлѣ не было; но, зная хорошо парижскій темпераментъ, мы говоримъ съ увѣренностью, что первое мѣропріятіе для поддержанія такого порядка вызвало-бы общій вопль рабочихъ и они прежде всѣхъ высыпали-бы на улицу для сопротивленія. Насколько сильно отвращеніе парижскаго рабочаго къ учрежденіямъ соціалистическаго характера, видно изъ того презрѣнія, съ какимъ онъ относится къ кооперативнымъ кассамъ, пріютамъ для стариковъ, къ cités ouvrières и тому подобнымъ учрежденіямъ, созданнымъ заботами государства.

X.

Факты съ такою математическою точностью подтверждаютъ данныя самой строгой логики, что, слѣдуя дедуктивному методу, стоитъ, такъ сказать, взять за исходную точку эту самую склонность къ идеологіи и идеализму, чтобы безъ всякихъ предварительныхъ наблюденій открыть направленіе и характеръ стремленій, нравовъ и духа парижскаго рабочаго класса.

Каждый человѣкъ, охваченный идеализмомъ, съ той минуты, какъ поглощенъ своей идеи, уже мало заботится о своихъ интересахъ, о своей жизни, объ опасностяхъ. Какіе великіе примѣры самоотреченія и преданности своимъ убѣжденіямъ представляетъ парижскій рабочій! Процессъ, тюрьма, потеря работы, нищета, смерть на баррикадѣ, безпощадная ссылка—ничто не страшитъ его. Политика «разума» въ своихъ разсчетахъ, въ своихъ вычисленіяхъ можетъ почти навѣрное занести въ графу неизбѣжное кровопусканіе народу черезъ каждыя 15—20 лѣтъ.

Пусть кто нибудь объявитъ себя бойцомъ за великую идею и пожертвуетъ ради нея всѣмъ; пусть выступитъ на борьбу съ сильными

міра и смѣло высказжетъ имъ свои мысли, не думая о послѣдствіяхъ: во всякой другой странѣ его осмѣютъ, назовутъ отчаяннымъ безумцемъ, станутъ оказывать ему презрительное сожалѣніе. Но парижскій рабочій, напротивъ, тотчасъ выкажетъ ему свою симпатію, благосклонность и уваженіе. И, что особенно замѣчательно, для этого вовсе не нужно, чтобы этотъ человѣкъ былъ членомъ партіи рабочихъ, чтобы у нихъ съ нимъ были одни и тѣ же идеи, одни и тѣ же сильные враги. Стоитъ быть человѣкомъ искреннимъ, самоотверженнымъ, мужественнымъ, поступать согласно своимъ убѣжденіямъ, и парижскій рабочій не станетъ разбирать, за него ли ратуетъ онъ, или противъ него; такой человѣкъ можетъ разсчитывать на уваженіе, поклоненіе рабочихъ и даже въ извѣстной степени на ихъ нравственную поддержку. Журналы, ищущіе читателей, и политическіе дѣятели, гоняющіеся за избирателями, знаютъ эту странную черту или, пожалуй, это качество парижской черни и если имъ иногда случится перейти границы смѣлости, то они очень хорошо знаютъ, что какой нибудь мѣсяцъ тюремнаго заключенія или денежный штрафъ сторицею вознаградится пріобрѣтеніемъ популярности.

Парижскій рабочій классъ составляетъ живой протестъ противъ скептиковъ, по мнѣнію которыхъ тотъ особенный духъ, подъ вліяніемъ котораго слагаются историческія легенды, составляетъ принадлежность только молодежи! Напротивъ, онъ всецѣло и во всей силѣ сохранился въ парижскомъ рабочемъ классѣ. Съумѣйте затронуть фибръ его, и ваша личность приметъ гигантскіе размѣры въ его умственномъ взорѣ. Нужно послушать, съ какимъ глубокимъ чувствомъ рабочій народъ говоритъ о Бланки, о Распайлѣ, Барбесѣ, о всѣхъ тѣхъ, однимъ словомъ, кто былъ отверженцемъ міра оффиціальнаго и въ комъ народъ видѣлъ своихъ защитниковъ. Это то же самое наивное почтеніе, то религіозное чувство, съ какимъ 40 лѣтъ тому назадъ остатки великой арміи относились къ «императору». Стоитъ только посмотрѣть похоронныя процессіи, которыя устраиваетъ рабочій классъ, когда умираетъ подобный политическій дѣятель; и ежегодно, въ день поминовенія усопшихъ, передъ могилами ихъ, вы увидите, въ какомъ глубокомъ умиленіи стоитъ простой человѣкъ, держа за руку своего ребенка и припоминая ему здѣсь все, о чемъ тотъ много разъ слышалъ дома. Если похороны кого нибудь изъ «его людей» случатся на недѣлѣ, то всякій парижанинъ охотно пожертвуетъ рабочимъ днемъ, чтобы участвовать въ кортежѣ, съ цвѣткомъ иммортели въ петличкѣ. Въ такіе дни бездѣйствуютъ всѣ промышленныя заведенія, потому что всѣ рабочіе на похоронахъ.

Поклоненіе парижскаго рабочаго класса героизму и мужеству идетъ такъ далеко, что, не смотря на свой шовинизмъ, онъ готовъ уважать эти качества даже въ тѣхъ, кто воюетъ съ Франціей. Парижане, напримѣръ, всегда сочувственно относились къ Хуарецу за то, что онъ защищалъ свою отчизну противъ чужеземнаго владычества, не смотря на то, что онъ былъ противникомъ Франціи. Когда побѣжденъ былъ Абдель-Кадеръ, то еслибы, вмѣсто По, его водворили на жительство въ Парижѣ, онъ навѣрное получилъ-бы на свою долю больше овацій, чѣмъ побѣдившіе его генералы. Даже самъ Бу-Амама, за подвигами котораго Парижъ съ самаго начала слѣдилъ съ нѣкоторымъ интересомъ, возбуждалъ его удивленіе; по мнѣнію парижанъ, дерзость этого главы номадовъ, осмѣлившагося возстать противъ Франціи, не лишена извѣстной доли величія. Напрасно станемъ мы искать подобныхъ чувствъ у англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, русскихъ. Всякій, кто нанесетъ уколъ ихъ національному эгоизму, въ глазахъ ихъ заслуживаетъ глубокаго негодованія; если они и окажутъ ему нѣкоторую справедливость, то не столько по нравственнымъ соображеніямъ, какъ вслѣдствіе оппозиціи и по причинамъ, относящимся къ внутренней политикѣ.

Не много нужно проницательности, чтобы, зная идеализмъ парижскаго рабочаго класса, угадать его литературные вкусы. Не говорите ему о писаніяхъ г. Золя и его школы: онъ ихъ не понимаетъ. У него инстинктивное отвращеніе къ тому, что въ наши дни называется порнографической литературой, да она и расходится только среди наплывнаго населенія столицы. Не менѣе равнодушно относится онъ и къ школѣ реализма, который ничему не научаетъ его (?) и не соотвѣтствуетъ его вѣчнымъ стремленіямъ къ высшему развитію. Литераторы-реалисты отлично понимаютъ, впрочемъ, что произведенія ихъ не имѣли-бы успѣха, еслибы были вполнѣ согласны съ ихъ литературными доктринами. Потому-то въ своихъ романахъ они на каждой страницѣ грѣшатъ противъ реализма, изображая невозможныя случайности, таинственныя и странныя происшествія, или-же ведутъ разсказъ скачками, а всѣ эти пріемы суть ничто иное, какъ косвенный способъ сдѣлать уступку идеалистическимъ наклонностямъ читателей. Парижскій народъ, напротивъ, ставитъ выше всего книги, подобныя твореніямъ Виктора Гюго, гдѣ, независимо отъ высокой формы и широты взглядовъ, удивительно соотвѣтствующихъ его духу, парижанинъ находитъ еще всѣ высокія чувства, всѣ благородныя, возвышенныя идеи, которыми такъ переполнено его сердце.

Digitized by Google

По тѣмъ отчаяннымъ аплодисментамъ, которые выпадаютъ на долю старинныхъ мелодрамъ,—заслуживающихъ, скажемъ въ скобкахъ, гораздо большаго уваженія и менѣе шокирующихъ здравый смыслъ, чѣмъ бо́льшая часть нынѣшнихъ пьесъ,—не слѣдуетъ заключать, что въ театрѣ народъ можетъ востогаться только невозможными положеніями или чувствами, изображенными въ преувеличенныхъ формахъ, несогласныхъ съ дѣйствительностью. Вовсе нѣтъ: въ литературѣ, какъ и въ музыкѣ, народъ обнаруживаетъ врожденную любовь и пониманіе прекраснаго и высокаго въ тѣхъ формахъ, какъ его понимали классики, то есть прекраснаго и высокаго, не переходящаго границъ художественной правды. Въ этомъ опять выказывается идеологическое свойство парижанина, такъ какъ идеализмъ требуетъ точности, ясности, логической стройности. Этому-же свойству, чрезмѣрно развитому у парижанъ, но присущему и каждому французу, литература французская обязана той легкостью, той ясностью, тѣмъ тономъ, естественнымъ и въ то же время методичнымъ, которые пріобрѣли ей справедливое удивленіе иностранцевъ. Посмотрите, напримѣръ, на даровые спектакли. Знаете-ли вы, куда наиболѣе стремится народъ, чтобы добиться мѣста? Не туда-ли, гдѣ ставятъ шутки или пьесы, дѣйствующія на чувственность,—пьесы, о которыхъ кричитъ вся пресса? Нѣтъ; онъ главнымъ образомъ толпится около *французскаго театра* и *оперы*. Нужно видѣть, съ какимъ лихорадочнымъ вниманіемъ, въ какомъ глубокомъ молчаніи слушаетъ онъ классическія пьесы, обыкновенно даваемыя на даровыхъ спектакляхъ и которыя тончайшіе знатоки—члены французской академіи—считаютъ доступными только своему пониманію. Онъ не пропуститъ ни одного слова, ни одной нотки и, къ общему удивленію, неистово хлопаетъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считаются высшею эстетикою самыми тонкими, самыми прекрасными. Для «большой публики» необходимы клакеры: они руководятъ ею и увлекаютъ ее. Народъ произноситъ приговоръ самостоятельно и рукоплещетъ по собственному влеченію. Онъ сердцемъ узнаетъ то, что̀ достойно вызвать восторгъ, и естественнымъ путемъ дойдетъ до тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ критика только путемъ ученыхъ разсужденій. Мало того, подъ магнетическимъ давленіемъ, предъ пылающимъ лицомъ этой необычной аудиторіи, артисты находятъ въ себѣ ресурсы, которыхъ они сами въ себѣ не подозрѣвали. Возбужденные, вдохновенные, подъятые духомъ, они играютъ безъ усилій такъ, какъ имъ случается играть только въ рѣдкихъ случаяхъ передъ сливками общества. И правы были

Digitized by Google

тѣ изъ нашихъ муниципальныхъ совѣтниковъ, которые требовали постройки обширнаго народнаго театра. Подобный театръ настолько-же соотвѣтствовалъ-бы желаніямъ народа, сколько принесъ-бы пользы артистамъ.

Какъ велико и сильно обаяніе высокой, истинной литературы въ народѣ, видно изъ того изумительнаго успѣха, какой имѣла маленькая «Національная библіотека», доставляющая рабочему, съ его скуднымъ кошелькомъ, возможность пользоваться шедеврами литературы французской, древняго міра и иностранной. Такой успѣхъ никакъ нельзя уподоблять успѣхамъ нѣкоторыхъ изданій, расходящихся въ продажѣ, только благодаря рекламамъ и скандалёзному содержанію.

Нетрудно было-бы перебрать одну за другою всѣ вѣтви умственной и нравственной жизни парижскаго рабочаго и показать, какое вліяніе производитъ на нихъ это идейно-умственное раздвоеніе, но мы ограничиваемся только бѣглымъ очеркомъ этихъ явленій. Въ заключеніе, позволимъ себѣ остановиться еще на нѣсколько минутъ, и обратить вниманіе на ту давно извѣстную легкость, съ какою парижскій народъ выражаетъ однимъ словомъ—живописнымъ и мѣткимъ словомъ—свое сужденіе о людяхъ и событіяхъ. Это опять таки вытекаетъ изъ его идеализма и идеологіи. Служа средствомъ стать внѣ міра фактовъ, подняться выше ихъ, другими словами, отрѣшиться отъ дѣйствительности, идеализмъ и идеологія позволяютъ человѣку сосредоточиться и поглядѣть издали на всякія положенія и на людей, какъ на предметы совершенно посторонніе; издали и люди, и факты теряютъ всякія усложненія, только затрудняющія глазъ. При такихъ условіяхъ дѣлается понятнымъ, что парижанинъ, въ высшей степени одаренный тонкимъ умственнымъ пониманіемъ, легко найдетъ подходящее выраженіе для охарактеризованія лица или дѣла.

Это качество замѣчается не только въ частной жизни, въ мастерской, въ театрѣ, гдѣ иногда довольно одного замѣчанія, чтобы провалить пьесу, но оно не разъ обращало на себя вниманіе и въ политикѣ, гдѣ прозорливость и вѣрный взглядъ парижскаго рабочаго почти всегда находили себѣ подтвержденіе въ послѣдующихъ событіяхъ. Парижскій рабочій даетъ оцѣнку императору, королю, президенту республики, министерству, съ увѣренностью и свободой рѣчи, всегда изумлявшей иностранцевъ. Онъ разсуждаетъ о нихъ также свободно и не стѣсняясь въ выраженіяхъ, какъ-бы дѣло шло о его сосѣдѣ по квартирѣ или товарищѣ по станку. Умъ его стоитъ на такой высотѣ, что онъ

Digitized by Google

совершенно равнодушенъ къ престижу, обыкновенно окружающему высшихъ сановниковъ государства; ничто не трогаетъ, не изумляетъ его, не удерживаетъ его языка; ничто не принудитъ его хоть на мгновеніе спуститься съ того высокаго умственнаго поста, откуда онъ судитъ и оцѣниваетъ людей и дѣла. Высокія соціальныя или политическія положенія, напротивъ, кажутся ему еще болѣе подходящимъ поводомъ для строгой и серьезной оцѣнки. Тѣмъ хуже для человѣка, недостойнаго по своимъ качествамъ занимать высокое положеніе, въ какое онъ поставленъ. Парижскій рабочій осыплетъ его сарказмами, критикой, даже глупыми шутками, не боясь притѣсненій. Смотря на его дѣйствія, можно подумать, что онъ считаетъ своею обязанностью протестовать противъ незаслуженныхъ милостей фортуны и что, въ случаѣ его молчанія, его обвинили-бы въ излишнемъ снисхожденіи. Но лишь только люди, противъ которыхъ онъ ратовалъ, покидаютъ свое оффиціальное положеніе и дѣлаются простыми гражданами, онъ тотчасъ-же оставляетъ ихъ въ покоѣ, забываетъ прежнее нерасположеніе и относится къ нимъ вполнѣ благосклонно, потому что онъ и прежде вооружался не противъ нихъ лично, а противъ ихъ общественнаго положенія.

Прибавимъ еще, какъ доказательство добродушія парижскаго рабочаго класса, что во всѣхъ его сужденіяхъ и въ самой строгой критикѣ никогда нѣтъ и слѣда злобы и раздраженія или желанія оскорбить дѣйствіемъ. Все происходитъ только на словахъ; чѣмъ остроумнѣе и сильнѣе слова, чѣмъ болѣе они метки, тѣмъ больше они утоляютъ неудовольствіе и негодованіе. Парижанинъ, отпустившій меткую эпиграмму, которая ему самому доставляетъ удовольствіе, уже совершенно безоруженъ и готовъ простить тому, кто подалъ поводъ къ этой эпиграммѣ. Мазарини хорошо зналъ свой парижскій народъ, когда говорилъ: «поютъ, значитъ заплатятъ». Еслибы они не пѣли, онъ бы страшно обезпокоился, и поспѣшилъ бы отмѣнить свои указы о чрезвычайныхъ налогахъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

* *
*

Блажепны вы, когда не покоряли
Васъ ни вражда, ни дружба, ни любовь,
Ни «высшаго сознанія» печали,
Ни страсть безумная, мутящая всю кровь.
Но горе, горе вамъ, когда судьбой жестокой
Вашъ путь усѣянъ былъ сомнѣньемъ и трудомъ,
Любовью къ страждущимъ собратіямъ глубокой,
И страстью *жить для всѣхъ* въ отечествѣ своемъ!

О, нѣтъ вамъ сна тогда и нѣтъ успокоенья
Ни въ шумѣ пиршества, ни въ прелести труда:
Повсюду горькое, гнетущее сомнѣнье
За вами по пятамъ послѣдуетъ тогда!
И грустно станетъ вамъ, и станетъ не подъ силу
Вамъ самый милый трудъ и самый сладкій пиръ,
И съ радостью тогда сойдете вы въ могилу,
Чтобы хоть въ ней вкусить желанный сердцу миръ!..

А. Днѣпровскій.

На Дону.

Сбылися желанья! Я снова на волѣ,
Спокойное небо опять надо мной,
Я вижу родное, цвѣтущее поле,
И весь зеленѣющій край мой родной.

Digitized by Google

И все, что̀ въ далекіе дни заблужденій
Я кинулъ во имя ребяческихъ грезъ,—
Пройдя безконечной дорогой мученій,
Встрѣчаю потоками радостныхъ слезъ.

Вамъ, неба роднаго лазурные своды,
Тебѣ, изумрудное море степей,
Вамъ, тихаго Дона прозрачныя воды,
Я преданъ отнынѣ душою моей.

Не жалко мнѣ пышной и шумной столицы;
Я вижу родимыя степи мои,
Вдали зеленѣютъ казачьи станицы,
На вишняхъ цвѣтущихъ поютъ соловьи.

И Донъ мой, какъ море широкое, льется...
Далекою точкой въ туманѣ каикъ
По глади зеркальной разлива несется,
И правитъ имъ бодрый, угрюмый старикъ.

Спѣшатъ вперегонку по степи душистой
На коняхъ мальчишка-сынокъ и отецъ,
Съ нагайкой играя, лошадкой рысистой
Кичится, рисуясь, красивый донецъ...

Картина родная! Здѣсь жизни такъ много,
Покоя и мира, и правды святой,
Что сердцемъ невольно я чувствую Бога,
Любуясь твоей красотой!

Н. Щедровъ.

Digitized by Google

КРИКЕТЪ.

Романъ Л. Галеви.

III.

Первый дебютъ Крикетъ произвелъ громадное впечатлѣніе: это былъ какой-то невиданный, неслыханный успѣхъ. Почти всѣ газеты дали отзывы о новой пьесѣ, останавливая вниманіе своихъ читателей на маленькой артисткѣ. Иллюстрированные журналы помѣстили портретъ принцессы Колибри и воспроизвели ту классическую сцену, когда оскорбленная невѣста «натягиваетъ носъ» уроду-жениху.

Въ вечеръ перваго представленія пьесы «Кри-Кри», эта мимическая сцена вызвала оглушительныя рукоплесканія. Изъ всѣхъ концовъ залы слышался одинъ крикъ: bis! bis! bis! Толпа была увлечена и восторженно настроена игрою этой маленькой дѣвочки, впервые появившейся на подмосткахъ. Крикетъ стояла на сценѣ, подавленная криками восторга и одобренія, не зная, что ей дѣлать. Слушая оглушительныя рукоплесканія, дѣвочка съ вопросительнымъ видомъ поглядывала за кулисы, ожидая приказаній: повторять сцену или нѣтъ?

Авторы пьесы «Кри-Кри» не могли прійти ни къ какому соглашенію.

— Я не допущу повторять эту сцену! горячился первый.—Такія выходки убиваютъ серьезный смыслъ пьесы...

— Bis! bis! bis! неистово кричалъ другой.—Повтореніе необходимо!—Лишнимъ эффектомъ не слѣдуетъ пренебрегать.

Третій авторъ въ нерѣшимости ходилъ взадъ и впередъ за кулисами и, крутя свои усы, повторялъ:

— Есть доводы за, но есть также и противъ...

Между тѣмъ, публика такъ громко и такъ назойливо требовала повторенія понравившейся ей сцены, что Крикетъ снова должна была воспроизвести ее. Рукоплесканія и крики восторга потрясали стѣны театра; большіе букеты розъ и бѣлыхъ лилій цѣлымъ каскадомъ летѣли

Digitized by Google

къ ногамъ Крикетъ; зрители верхнихъ ярусовъ, не зная, чѣмъ и какъ выразить свой восторгъ маленькой артисткѣ, бросали яблоки, апельсины и коробки съ конфектами. Музыканты, боясь, что эта дань восторга можетъ разбить имъ голову, стояли, поднявъ руки, и стремились налету поймать дары восхищенной публики.

Повтореніе заключительной сцены было выдающимся фактомъ въ исторіи театра и въ прессѣ возгорѣлась полемика. Театральные критики раздѣлились на два лагеря: одинъ изъ нихъ горячо порицалъ публику, заставлявшую повторять такую незначительную сцену, тогда какъ на этихъ же подмосткахъ нѣкогда являлись представители высшаго искусства и толпа, не понимая ихъ таланта, холодно встрѣчала и провожала геніальныхъ артистовъ. Другой утверждалъ, что «сцена носа»—сама жизнь и не повторить ее—было бы ошибочно.

Едва спустили занавѣсъ, какъ Крикетъ бросилась за кулисы; къ ней тянулись десятки рукъ, ее останавливали, поздравляли съ успѣхомъ, говорили льстивыя фразы; но она ничего не слыхала. Она лежала на груди безобразной, мохнатой обезьянки, сидѣвшей въ углу, за одной изъ кулисъ.

— Поцѣлуй меня, Паскаль, обними, я такъ рада!.. Я такъ довольна!..

Крикетъ была очень добрая дѣвочка; она инстинктивно понимала, какая громадная разница существуетъ между положеніемъ Паскаля и ея. Пользуясь своею привилегіею хорошенькой дѣвочки, она обратилась къ одному изъ авторовъ пьесы и сказала:

— Обѣщайте мнѣ, я прошу васъ, что въ первой же пьесѣ, которую вы напишете... будетъ роль для Паскаля! Онъ не хочетъ быть обезьяной, это совсѣмъ не годится... Скажите, вы сдѣлаете, о чемъ я васъ прошу?

Мадамъ Бринкаръ тоже была въ театрѣ. Она сидѣла въ залѣ и, со слезами радости на глазахъ, любовалась успѣхомъ своей дочери. Вечеромъ, по окончаніи спектакля, ей пришлось взять экипажъ, такъ какъ пережитыя волненія утомили ее, да и къ тому же не было никакой возможности увести съ собою ту массу цвѣтовъ, конфектъ, апельсиновъ и пирожковъ, которыми почитатели таланта маленькой Крикетъ хотѣли выразить свое удовольствіе. Правда, наемъ экипажа стоилъ не дешево, но мадамъ Бринкаръ могла позволить себѣ эту маленькую роскошь: послѣ третьяго акта, директоръ театра вошелъ въ уборную Крикетъ и вручилъ ей билетъ въ сто франковъ. Со дня смерти своего мужа, ма-

Digitized by Google

дамъ Бринкаръ никогда не имѣла въ своихъ рукахъ такой громадной суммы, и она съ уваженіемъ смотрѣла на свою маленькую дѣвочку, съумѣвшую заработать такой значительный кушъ.

Часа въ два ночи, мадамъ Бринкаръ и Крикетъ возвратились домой, въ свою убогую квартирку, въ улицѣ Тортиль: это были двѣ маленькія комнатки въ мансардѣ пятаго этажа, низкія и темныя; по грязнымъ стѣнамъ этой клоаки струилась сырость и въ маленькія окна, прорѣзанныя въ крышѣ, никогда не заглядывалъ солнечный лучъ.

Но въ эту ночь Крикетъ не сознавала всей бѣдности окружающей ея обстановки и въ ея грезахъ оживалъ блестящій кортежъ, сопровождавшій принцессу Колибри. Крикетъ спала тревожнымъ сномъ и, сбросивъ съ себя старое вылинявшее одѣяло, шептала: «А! Зютъ! Онъ слишкомъ безобразенъ! Я не выйду за такого арлекина»! Затѣмъ, приподнимаясь въ просоньѣ, она садилась на своей жосткой кроваткѣ и снова переживала минуты своей славы, припоминая, какой громадный фуроръ произвела эта нѣмая сцена.

На другой день, около полудня, Паскаль зашелъ навѣстить Крикетъ. Онъ принесъ газету, въ которой уже сообщалось о невѣроятномъ успѣхѣ маленькой артистки, и Крикетъ, прочитавъ эту замѣтку, заговорила съ Паскалемъ серьезнымъ тономъ человѣка, давно рѣшившагося имѣть обстоятельный разговоръ о существенныхъ дѣлахъ.

— Садись, Паскаль, мнѣ нужно поговорить съ тобою. Я сегодня такъ мало спала, но зато, знаешь ли, я много, много думала! Дѣло вотъ въ чемъ, мама, обратилась дѣвочка къ мадамъ Бринкаръ. Такъ какъ я заработываю теперь по десяти франковъ въ день, то тебѣ нѣтъ никакой надобности вставать до свѣта и идти на рынокъ за покупкою яблоковъ или цвѣтовъ. Нѣтъ, мама, это совсѣмъ не нужно; твоя торговля не даетъ никакихъ выгодъ, а между тѣмъ ты устаешь... Ты опять начала кашлять... Сегодня ночью я просто испугалась за твое здоровье... Нѣтъ, мамочка, милая, съ нынѣшняго дня наша жизнь должна измѣниться: ты не будешь больше работать внѣ дома и наша жизнь втроемъ...

— Втроемъ? вопросительно повторилъ Паскаль.

— Ну, да, втроемъ, Паскаль, потому что вчера вечеромъ директоръ сказалъ мнѣ: «Такъ какъ ты принадлежишь теперь къ театру, Крикетъ, такъ какъ ты артистка и получаешь много денегъ, то ты уже не должна бѣгать по улицамъ Бельвиля, продавая пирожки и пышки...

Digitized by Google

Ты должна отдыхать цѣлый день, и тогда ты будешь имѣть вечеромъ еще больше успѣха».

— Хорошо тебѣ говорить это, Крикетъ!.. Получая десять франковъ въ день, можно такъ разсуждать. Но я, заработывая только пятнадцать су...

— Зачѣмъ ты такъ говоришь, Паскаль? Здѣсь нѣтъ ни десяти франковъ, ни пятнадцати су... Существуетъ общая сумма въ десять франковъ пятнадцать су, которую мы зарабатываемъ вдвоемъ... То, что принадлежитъ мнѣ, развѣ не твое?

— Нѣтъ, Крикетъ... нѣтъ!

— А тѣ сто су... нынѣче зимою?.. *Твои* сто су!.. Развѣ я не брала ихъ отъ тебя каждую субботу? Правда, сначала я не хотѣла принимать отъ тебя эту помощь, но ты объяснилъ мнѣ и убѣдилъ меня... Я покорилась твоей волѣ и брала твои деньги, давая возможность мамѣ покупать лѣкарства и болѣе сытную пищу, а теперь, сегодня, ты отказываешься!.. Развѣ это можно? Нѣтъ, Паскаль, ты долженъ завтра же уйти отъ своего хозяина... Я все обдумала, все рѣшила сегодня ночью... Ты наймешь себѣ комнатку въ нашемъ же домѣ... На другой сторонѣ коридора есть свободное помѣщеніе. Сто франковъ, которые я вчера получила, это—твои деньги; ты можешь купить на нихъ мебель и завести все необходимое. Не такъ ли, мама? Мы будемъ жить вмѣстѣ, всѣ трое, и у мамочки вмѣсто одного ребенка будетъ два. Не капризничай, Паскаль, не морщи брови; я разлюблю тебя, если ты не захочешь исполнить моего желанія... Хотя я, право, не знаю, какъ могла бы я жить безъ тебя, какъ могла бы не любить тебя, Паскаль!..

Мальчикъ принялъ предложеніе Крикетъ и чрезъ нѣсколько дней поселился рядомъ съ мадамъ Бринкаръ. Прошло два мѣсяца. Пьеса, въ которой играла Крикетъ, имѣла громадный успѣхъ и правдивые люди говорили, что авторы фееріи безусловно обязаны имъ принцессѣ Колибри. И дѣйствительно, почти весь Парижъ зналъ Крикетъ, и ея фотографическія карточки раскупались нарасхватъ. Благодаря этому успѣху, Крикетъ пріобрѣла извѣстное значеніе за кулисами театра, и Розита, первая танцовщица театра Porte-Saint-Martin, выказывала самую горячую симпатію къ своей маленькой соперницѣ. Каждый день, по окончаніи втораго акта, Розита звала Крикетъ къ себѣ, въ уборную, угощала ее конфектами, фруктами и крѣпко цѣловала хорошенькую дѣвочку. Уборная Розиты была настоящимъ клубомъ во время вечернихъ представленій. Часовъ около десяти, князь Савелинъ приходилъ въ

Digitized by Google

уборную Розиты въ сопровожденіи двухъ-трехъ пріятелей. Эти господа располагались въ уборной танцовщицы, нимало не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что куаферъ, портниха и горничная исполняли въ ихъ присутствіи свои обязанности. За послѣднее время, туда же являлся Бидашъ, такъ какъ Розита передала ему, что князю Савелину доставляетъ удовольствіе вести серьезные разговоры съ молодымъ и талантливымъ артистомъ.

Бидашъ былъ чрезвычайно польщенъ этимъ замѣчаніемъ князя и сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ посѣтителей уборной Розиты. Каждый разъ, когда онъ входилъ въ уборную, князь указывалъ ему мѣсто возлѣ себя на диванѣ и радостно привѣтствовалъ молодаго человѣка. Надъ ихъ головами висѣлъ цѣлый рядъ воздушныхъ юбочекъ Розиты, украшенныхъ различными воланами, буфами и плиссэ, такъ что иногда крупная фигура князя едва видиѣлась изъ-за облаковъ газа и кружевъ.

Во время антракта, горничная танцовщицы нерѣдко прерывала разговоры князя съ Бидашемъ и, вставая на край дивана, снимала крючкомъ воздушныя юбки Розиты; случалось, что князь Савелинъ и Бидашъ, обсуждая какой-нибудь существенный политическій вопросъ, исчезали на нѣсколько мгновеній въ раздушенномъ газѣ и тюлевыхъ оборкахъ балетнаго костюма. Разъ горничная артистки, вмѣстѣ съ воздушной юбочкой Розиты, захватила паркъ Бидаша, и князь Савелинъ былъ такъ любезенъ, такъ внимателенъ, что поспѣшилъ поймать бѣлокурую накладку Бидаша и, возложивъ ее на голову артиста, старался, чтобы присутствующіе не замѣтили этого прискорбнаго случая.

Такая любезность русскаго аристократа привела въ восторгъ Бидаша.

Среди обычныхъ посѣтителей уборной артистки, особеннымъ вниманіемъ пользовалась женщина лѣтъ сорока-пятидесяти, высокая, худощавая брюнетка, безустанно ходившая взадъ и впередъ по уборной. Она, казалось, ничего не слыхала и ничего не понимала, но, между тѣмъ, скрыться отъ ея наблюдательнаго взора, отъ ея тонкаго слуха, воспринимавшаго каждое незначительное слово, не было никакой возможности. Это была Орели, горничная и довѣренное лицо Розиты. Въ костюмѣ, манерахъ и даже выраженіи лица Орели было нѣчто, напоминающее монахиню, и чрезвычайно скромный нарядъ ея составлялъ рѣзкую противоположность съ яркими красками туалета Розиты. Замѣчая, что въ уборной артистки происходитъ слишкомъ живой разговоръ, или видя, что кто-нибудь изъ обожателей Розиты блѣднѣетъ и злится,

Digitized by Google

видя успѣхъ соперника, Орели подходила къ своей барынѣ и замѣчала такимъ тономъ, которому нельзя было не покориться:

— «Эти господа мѣшаютъ барынѣ одѣваться...» — «Эти господа заставятъ барыню опоздать...» — «Режиссеръ опять оштрафуетъ барыню, какъ на прошлой недѣлѣ...» — «Я должна попросить господъ удалиться»...

Тогда «эти господа» прекращали громкіе разговоры, расходились по разнымъ уголкамъ уборной и сидѣли не шевелясь, зная, что Орели способна привести въ исполненіе высказанную угрозу. Даже Розита никогда не противорѣчила Орели, тогда какъ портниха, режиссеръ и даже авторы приходили въ отчаяніе отъ капризовъ и раздражительности хорошенькой танцовщицы.

Когда спокойствіе и благочиніе возстанавливались въ уборной Розиты, Орели садилась гдѣ-нибудь въ уголокъ и, положивъ къ себѣ на колѣни ящикъ съ драгоцѣнностями Розиты, принималась перетирать брилліантовые уборы танцовщицы. Въ этомъ ящичкѣ хранились замѣчательныя драгоцѣнности, оцѣненныя въ двѣсти тысячъ франковъ, и Орели такъ ревниво охраняла эти вещи, что никому, даже Розитѣ, не довѣряла ихъ.

Въ уборной танцовщицы, Крикетъ впервые познакомилась съ тою развращенностью нравовъ высшаго общества, которая составляетъ въ Парижѣ обычное явленіе дня. И нельзя не замѣтить, что впечатлительная дѣвочка быстро заражалась этимъ тлетворнымъ вліяніемъ: не прошло и двухъ недѣль, какъ Крикетъ пріобрѣла новыя манеры и восхищала присутствующихъ дерзкимъ остроуміемъ своей болтовни. Входя въ уборную Розиты, Крикетъ съ игривымъ кокетствомъ произносила: «Здравствуйте, князь!» и это восклицаніе вызывало громкій смѣхъ присутствующихъ. Но дѣвочка нимало не смущалась и съ неподражаемымъ достоинствомъ принимала почтительное привѣтствіе князя: «Здравствуйте, принцесса Колибри!»

Изъ числа присутствующихъ, только одна Орели относилась къ Крикетъ съ какою-то недовѣрчивостью, и всякій разъ, когда Розита и ея гости встрѣчали веселымъ смѣхомъ какую-нибудь шутку или остроту дѣвочки, на блѣдномъ лицѣ Орели появлялась насмѣшливая гримаса. Но разъ какъ-то, когда князь Савелинъ позволилъ себѣ сказать пошлость въ присутствіи Крикетъ, Орели не выдержала и, рѣзко перебивъ князя, сказала:

— Говорить при дѣвочкѣ такія вещи не слѣдовало бы!..

Digitized by Google

Наступила минута неловкаго молчанія. Розита боялась, что князь Савелинъ обидится и хотѣла извиниться за Орели, но князь перебилъ ее:

— Вы правы, Орели, сказалъ онъ,—я сдѣлалъ глупость...

Итакъ, маленькая торговка пирожками попала въ центръ золотой молодежи, собиравшейся въ уборной Розиты, сдѣлалась желанной гостьей хорошенькой танцовщицы, и почти всѣ посѣтители считали ее равной себѣ.

Между тѣмъ здоровье мадамъ Бринкаръ ухудшалось и слабѣло съ каждымъ днемъ. Она не могла уже по прежнему ходить на рынокъ за провизіей, и маленькая Крикетъ вставала въ девять часовъ, аккуратно исполняя всѣ обязанности хозяйки. Паскаль охотно замѣнилъ бы дѣвочку и избавилъ ее отъ необходимости вставать такъ рано, но по утрамъ онъ былъ занятъ: отсутствіе работы и какихъ бы то ни было занятій раздражало Паскаля, и чрезъ нѣсколько дней послѣ своего переѣзда въ сосѣдство съ Крикетъ, мальчику удалось получить мѣсто—разсыльнаго при театрѣ Porte-Saint-Martin. Такимъ образомъ, у него явилась возможность заработать еще двадцать пять су въ день, что составляло сорокъ су вмѣстѣ съ вечерней выручкой.

Каждое утро, держа въ рукахъ большой хлѣбъ и крынку молока, Крикетъ совершала свое обычное путешествіе. Если кто-нибудь изъ посѣтителей театра Porte-Saint-Martin встрѣтилъ бы эту дѣвочку на дорогѣ, то ни за что не догадался бы, что принцесса Колибри, въ блестящемъ костюмѣ, расшитомъ золотомъ и серебромъ, съ бриллiантовой короной на головѣ, портреты которой продавались въ каждомъ магазинѣ—была никто иная, какъ эта дѣвочка, скромная и задумчивая, въ простенькомъ черномъ платьѣ, съ непокрытой головой.

Наступилъ май мѣсяцъ и привѣтливые теплые дни вызывали жителей затхлыхъ квартиръ на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Но бѣдная мадамъ Бринкаръ рѣдко пользовалась этимъ удовольствіемъ: ея силы исчезали съ каждымъ днемъ и, чтобы сойти съ лѣстницы пятаго этажа, ей приходилось останавливаться на каждой ступени, съ трудомъ переводя дыханіе. Въ полдень, Паскаль и Крикетъ уводили мадамъ Бринкаръ на бульваръ и тамъ, сидя возлѣ нея, старались разсѣять грустныя думы больной, наперерывъ разсказывая ей различныя исторіи.

— Ахъ, мама, еслибы ты знала, какъ хорошо за кулисами! Подумай, какая большая выручка въ кассѣ театра... Шесть тысячъ франковъ каждый вечеръ! Когда мы подходимъ съ Паскалемъ къ нашему

Digitized by Google

подъѣзду—актерскому, поясняла дѣвочка,—такъ посмотрѣть страшно, какой хвостъ тянется по улицѣ Бонди. Знаешь, мама, эту пьесу будутъ давать двѣсти, а, можетъ быть, и триста разъ, и за каждое представленіе я получу десять франковъ... Кромѣ того, мама, директоръ сказалъ, что подаритъ мнѣ билетъ во сто франковъ, когда наступитъ сотое представленіе пьесы... Конечно, это только въ такомъ случаѣ, если я ни разу не опоздаю, не заболѣю... А я, конечно, буду аккуратна... Потомъ, мама, послѣ этой фееріи, будутъ играть другую пьесу... драму съ преступленіями, убійствами... Паскалю и мнѣ тамъ непремѣнно будутъ роли. Директоръ обѣщалъ, что онъ насъ поставитъ обоихъ. Знаешь, мама, директоръ меня очень любитъ... Всякій разъ, когда онъ бываетъ за кулисами, онъ непремѣнно поговоритъ со мною... а m-lle Розита, она такая добрая, славная!.. Ты ее знаешь, мама, ты вѣдь видѣла пьесу... Она—высокая блондинка, она играетъ фею... Знаешь, мама, въ іюнѣ мы переѣдемъ на другую квартиру. У г-жи Дюранъ, я знаю, есть хорошая, большая комната съ каминомъ; она выходитъ на улицу, туда заглядываетъ солнышко... Подумай, мама, какъ хорошо будетъ тогда: ты можешь сидѣть цѣлый день у камина. А насчетъ денегъ ты не безпокойся. У Паскаля будетъ роль въ новой пьесѣ, и тогда мы будемъ зарабатывать двадцать франковъ въ день!.. Конечно, мы не будемъ проживать все, что заработаемъ; о, нѣтъ! мы станемъ откладывать деньги и будущей весною поѣдемъ въ деревню... Всѣ трое поѣдемъ, мама, по желѣзной дорогѣ, въ омнибусѣ!.. какъ настоящіе буржуа... Ты увидишь зелень, цвѣты... О, мама! я знаю, ты скоро поправишься, ты перестанешь кашлять. Обѣщай, мама, что перестанешь, мнѣ такъ тяжело видѣть, когда ты больна!

И дѣвочка горячо цѣловала свою мать, рисуя передъ нею заманчивые планы будущаго. Но мадамъ Бринкаръ медленно умирала: она таяла съ каждымъ днемъ, хотя мысль о неизбѣжномъ концѣ не приходила ей въ голову. Увы, это единственное счастіе принадлежитъ чахоточнымъ больнымъ!

Утромъ, 30-го мая, мадамъ Бринкаръ хотѣла встать съ постели, но пошатнулась и упала въ обморокъ. Нѣсколько времени она лежала въ своей постели, блѣдная, какъ воскъ, и неподвижная, какъ мертвецъ. Испуганный Паскаль бросился за докторомъ, но когда тотъ явился, больная уже пришла въ себя. Докторъ внимательно выслушалъ и выстукалъ грудь мадамъ Бринкаръ, разспрашивая, что у нея болитъ.

Digitized by Google

Но мадамъ Бринкаръ уже не ощущала никакой боли; она жаловалась только на слабость.

— Больная должна лежать неподвижно и, прошу васъ, не позволяйте ей разговаривать, сказалъ докторъ, обращаясь къ мальчику.— Давайте ей молоко, бульонъ, вино, если можете... Необходимо поддерживать ея силы, такъ какъ она страшно истощена...

На лѣстницѣ доктора остановила старая угольщица.

— Какъ здоровье мадамъ Бринкаръ? спросила она.

— Плохо, отрывисто отвѣчалъ докторъ.—Ея дни сочтены, меня позвали слишкомъ поздно...

Прошло нѣсколько дней, и благодаря заботамъ Паскаля и Крикетъ, мадамъ Бринкаръ чувствовала себя нѣсколько лучше: надежда поправиться не оставляла умирающую. Цѣлый день дѣти проводили возлѣ ея постели, а вечеромъ, когда они отправлялись въ театръ, старая угольщица помѣщалась у изголовья больной и сторожила ея покой.

Въ понедѣльникъ, 4-го іюня вечеромъ, незадолго до начала спектакля, режиссеръ театра Porte-Saint-Martin находился въ крайне возбужденномъ состояніи. Разославъ своихъ помощниковъ въ разныя стороны коридора, онъ бѣгалъ по лѣстницамъ, заглядывая въ каждую уборную и спрашивая всѣхъ встрѣчныхъ: не видали-ли они Крикетъ. Всѣ безъ исключенія отвѣчали отрицательно.

— Но, въ такомъ случаѣ, не видали-ли вы Паскаля?

Но и Паскаля никто не видалъ.

Это было 80-е представленіе «Кри-Кри», а театральная зала была все такъ же переполнена публикой, какъ и во время перваго представленія пьесы. На театральныхъ часахъ пробило восемь, пора было начинать спектакль, и публика громко выражала свое нетерпѣніе, а между тѣмъ администрація театра не знала, что ей дѣлать. Въ третьемъ явленіи перваго акта, Крикетъ должна быть на сценѣ... Но ея нигдѣ не было; замѣнить Крикетъ не было никакой возможности, такъ какъ Шарлота, которая хотя немного была знакома съ ролью, перешла на сцену другаго театра.

Потерявъ всякую надежду разыскать Крикетъ въ зданіи театра, режиссеръ выбѣжалъ на улицу и, стоя у актерскаго подъѣзда, растерянно смотрѣлъ по сторонамъ. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданія; вдругъ онъ увидѣлъ, что маленькая Крикетъ бѣжитъ, запыхавшись.

— Начинайте! крикнулъ режиссеръ, обращаясь къ своему помощ-

Digitized by Google

нику.—Чрезъ десять минутъ она будетъ готова. Я назначу двухъ портнихъ одѣвать ее.

И, видя, что Крикетъ приближается, режиссеръ добавилъ:

— Скорѣе, Крикетъ, скорѣе! Еслибы ты знала, какихъ хлопотъ ты намъ надѣлала!

— Не браните меня, я право не виновата! Моя мать... у нея открылось кровотеченіе изъ горла, и она очень, очень нездорова.

Измученная ходьбою и пережитыми волненіями, Крикетъ не выдержала и, рыдая, упала въ объятія режиссера.

— Да я и не браню тебя, моя дѣвочка, ты такая славная, хорошая... ты всегда была аккуратна и исполнительна, но вѣдь ты знаешь, публика взыскательна... она выражаетъ нетерпѣніе. Пойдемъ скорѣе, пойдемъ! Да не плачь же, Крикетъ! Повѣрь мнѣ... когда ты возвратишься домой послѣ спектакля, твоя мать будетъ совсѣмъ здорова. Сколько ей лѣтъ?

— Ей еще нѣтъ тридцати.

— Ну, вотъ видишь! Въ такіе годы всякія болѣзни переживаются совершенно легко. Пойдемъ, пойдемъ, Крикетъ!

Держа Крикетъ за руку, режиссеръ взошелъ на лѣстницу и проводилъ дѣвочку до ея уборной. Двѣ горничихи и горничная принялись одѣвать Крикетъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній ея убогое платьице, ея чистое, но грубое бѣлье были сброшены на полъ.

Режиссеръ стоялъ въ дверяхъ, совершенно забывая, что принадлежитъ къ другому полу, и торопилъ горничныхъ.

— Скорѣе, скорѣе! твердилъ онъ.

На обнаженныя плечики Крикетъ накинули роскошную, обшитую кружевами рубашку; ея маленькія ноги обували горничныя; портнихи застегивали корсажъ, а театральный парикмахеръ въ это же самое время оканчивалъ монументальную прическу принцессы Колибри. Маленькую Крикетъ, какъ мячикъ, перебрасывали изъ рукъ въ руки, спѣша окончить одѣванье и нарумянить ея блѣдное личико. Не обращая вниманія на сосредоточенныя старанія парикмахера, Крикетъ съ умильнымъ видомъ посмотрѣла на режиссера и сказала:

— Ахъ, я и забыла... Вѣдь вы простите Паскаля?.. Онъ остался возлѣ мамы!

— Хорошо, дитя мое, хорошо!

— Вы не заставите его заплатить штрафъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣвочка, не безпокойся, не заставлю!..

Digitized by Google

— Вѣдь тамъ, кажется, десять обезьянъ... ну, такъ я подумала, что одной больше или меньше,—небольшая бѣда. Сама я пришла потому, что иначе поставила бы васъ въ затруднительное положеніе. Да, кромѣ того, директоръ сказалъ, что подаритъ мнѣ сто франковъ, если я буду приходить аккуратно... А эти сто франковъ,—о, какъ они намъ нужны, господинъ режиссеръ! Мама такъ давно больна!..

— На сцену, Колибри, на сцену! раздался голосъ помощника режиссера, и горничная, прикалывая послѣдній бантъ, произнесла съ самодовольнымъ видомъ:

— Она готова! Совсѣмъ готова. Можете ее получить!

Режиссеръ схватилъ Крикетъ на руки, вынесъ изъ уборной и, поставивъ ее за кулисами, шепнулъ:

— Выходи, пора!

Приложивъ глаза къ скважинѣ кулисъ, режиссеръ слѣдилъ взоромъ за Крикетъ, невольно вспоминая, какую тревогу должна испытывать эта маленькая артистка.

— Бѣдная дѣвочка, прошепталъ онъ.—Дома такое горе, а здѣсь... и отдохнуть то ей не далъ хорошенько!

Но, не смотря на пережитыя ощущенія, Крикетъ вполнѣ овладѣла собою, очутившись на подросткахъ: вниманіе и любовь публики придавали ей обычную энергію, и она произнесла свои реплики съ тою же увѣренностью и достоинствомъ, какъ и въ предыдущія представленія.

Когда первый актъ былъ оконченъ и Крикетъ вышла за кулисы, Розита горячо обняла дѣвочку.

— Милый мой ангелъ, сказала она,—не безпокойся, не волнуйся о здоровьѣ твоей матери. Я къ ней послала Орели вмѣстѣ съ театральнымъ докторомъ. Орели опытная женщина, она посмотритъ, не нужно-ли чего нибудь мадамъ Бринкаръ и, главное, принесетъ намъ извѣстіе, какъ она чувствуетъ себя. Я увѣрена, что ей лучше. Не плачь, Крикетъ!

Часа черезъ два Орели возвратилась, но извѣстія, принесенныя ею, были далеко не радостны.

— Ночь она проживетъ, завтра къ вечеру все будетъ кончено! заявилъ театральный докторъ.

Слухъ объ этомъ происшествіи распространился въ театрѣ и произвелъ громадное впечатлѣніе. Въ этотъ вечеръ, во всѣхъ уголкахъ театра шли разговоры о Крикетъ. Всѣ ее любили, всѣ сожалѣли о ея судьбѣ. «Она была такая добрая, такая славная дѣвочка»; «она такъ торопилась услужить каждому». «Да вотъ, на прошлой недѣлѣ, какой-

Digitized by Google

то машинистъ упалъ и ушибся, и маленькая Крикетъ въ одно мгновеніе устроила сборъ въ театральной залѣ,—сборъ, давшій вдовѣ несчастнаго довольно крупную сумму...»

— Помогите бѣдной женщинѣ! Помогите! Ея мужъ разбился до смерти! говорила дѣвочка, обходя ряды креселъ и заходя въ ложи.

Группа машинистовъ и мелкихъ актеровъ собралась за кулисами, разговаривая о судьбѣ дѣвочки. Два пожарныхъ солдата стояли возлѣ, вслушиваясь въ ихъ разговоры.

— Завтра надо будетъ сдѣлать сборъ въ театральной залѣ и между своими, предложилъ одинъ изъ машинистовъ.—Надо хорошенько похоронить мадамъ Бринкаръ и помочь сиротѣ.

— О, да, да, конечно! подтвердили товарищи.

— А это чья же мать умерла? спросилъ пожарный.—Неужели той маленькой дѣвочки, Крикетъ, которая такъ смѣшитъ насъ каждый вечеръ?

— Да.

— Такъ это ея мать умерла?

— Нѣтъ еще, но докторъ сказалъ, что она умретъ сегодня ночью или завтра утромъ.

Тогда солдатъ вытащилъ изъ кармана старый и разорванный кошелекъ.

— Вотъ, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—завтра меня здѣсь не будетъ и потому возьмите теперь мой взносъ. Я тоже хочу участвовать въ добромъ дѣлѣ.

Выслушавъ разсказъ Орели, Розита залилась горькими слезами. Страданія мадамъ Бринкаръ, ея бѣдность и грядущее одиночество Крикетъ тяжело повліяли на впечатлительную Розиту. Но Орели, передавъ всѣ подробности той тяжелой картины, которую она застала въ домѣ мадамъ Бринкаръ, была такъ же холодна и сдержанна, какъ всегда.

— Вы испортили всю гримировку, сударыня, проговорила Орели своимъ невозмутимымъ голосомъ,—теперь надо вновь поправлять лицо.

И когда Крикетъ, послѣ окончанія втораго акта, вошла въ уборную Розиты, тревожно спрашивая: «что мама, лучше-ли ей»? Орели хладнокровно отвѣчала, что мадамъ Бринкаръ гораздо лучше и что она, по всей вѣроятности, поправится. Предъ началомъ четвертаго акта, Розита сказала своей горничной:

— Орели, я не могу позволить, чтобы Крикетъ одна отправилась

Digitized by Google

домой... Вы поѣдете вмѣстѣ съ нею и останетесь тамъ всю ночь, если это будетъ необходимо.

— Хорошо, сударыня, отвѣчала Орели такъ же спокойно, какъ будто ей приказывали подать стаканъ воды, или поручали достать ложу въ какомъ нибудь театрѣ.

— Впрочемъ, нѣтъ! вскричала Розита, выслушавъ этотъ равнодушный и холодный отвѣтъ своей наперсницы, я сама поѣду съ Крикетъ... Я боюсь смерти и умирающихъ, но я ни за что не оставлю эту бѣдную дѣвочку. Да, я поѣду съ нею въ Бельвиль. Князь отправился въ оперу и заѣдетъ ко мнѣ послѣ спектакля... Вы разскажете ему, Орели, все, что случилось, и попросите его подождать меня.

— Хорошо, сударыня.

Благодаря этой фантазіи Розиты, Крикетъ, въ первый разъ въ своей жизни, ѣхала въ прекрасномъ экипажѣ, обитомъ пунцовымъ атласомъ; а на козлахъ возвышались представительныя фигуры кучера и маленькаго грума съ бичемъ въ рукѣ.

IV.

Когда карета въѣхала въ улицу Тортиль и приближалась къ дому, гдѣ жила мадамъ Бринкаръ, Крикетъ выглянула изъ окна экипажа и сказала:

— Вотъ тутъ, налѣво... стойте!

Экипажъ остановился. У воротъ большаго грязнаго дома стояли двѣ женщины; услышавъ голосъ Крикетъ, онѣ подошли къ дверцамъ кареты.

— Что съ мамой? Вы не знаете, что съ мамой? съ тревогой спрашивала дѣвочка.

— Ахъ, это ты, Крикетъ! Насилу-то ты вернулась. Иди скорѣе... Она зоветъ тебя... Она уже нѣсколько разъ спрашивала о тебѣ...

Крикетъ бросилась вверхъ по лѣстницѣ; одна изъ женщинъ послѣдовала за нею, а другая стояла у экипажа, съ изумленіемъ разсматривая барыню, сидѣвшую въ каретѣ. Великолѣпная шляпка съ большимъ страусовымъ перомъ и дорогія бриллiантовыя серьги, сверкавшія въ ушахъ танцовщицы, возбуждали удивленіе простой женщины и она почтительно поклонилась Розитѣ, спрашивая, что ей угодно.

— Гдѣ живетъ мадамъ Бринкаръ? нетерпѣливо спросила Розита.— Проведите меня къ ней.

Digitized by Google

— Вамъ угодно зайти въ квартиру мадамъ Бринкаръ? съ возрастающимъ изумленіемъ спрашивала женщина.

— Да... да.

— Но видите-ли, сударыня, здѣсь лѣстницы никогда не освѣщаются... Мы люди простые и для насъ ничего не значитъ взойти впотьмахъ, но вы...

Розита приказала маленькому груму зажечь фонарь и идти впередъ по лѣстницѣ. Держась одною рукою за перила, Розита медленно взбиралась по грязной и сырой лѣстницѣ; ея изящныя блѣдно-сѣрыя ботинки промокли отъ прикосновенія къ каменному полу, на которомъ стояли лужи грязной воды. Шумящій шлейфъ Розиты волочился по лѣстницѣ, и бѣдная женщина, шедшая вслѣдъ за нею, сжалилась надъ роскошнымъ платьемъ;—приподнявъ шелковую ткань, обшитую кружевами, она почтительно, какъ пажъ сзади королевы, несла шлейфъ танцовщицы.

Но пока Розита медленно и осторожно поднималась по лѣстницѣ грязнаго дома, Крикетъ уже вбѣжала въ комнату своей матери и, съ громкимъ крикомъ, бросилась къ больной.

— Мама, мама! Это я пришла!.. Скажи, тебѣ лучше? Да? лучше?

Умирающая приподнялась на постели и, страстно обнявъ дѣвочку, съ жадностью цѣловала ея волосы, щеки и глаза; дрожащіе пальцы мадамъ Бринкаръ лихорадочно ласкали плечи и шейку Крикетъ, какъ бы стараясь дополнить этимъ реальнымъ ощущеніемъ слабѣющія впечатлѣнія зрѣнія и слуха.

— Крикетъ... милая, Крикетъ! Я такъ боялась, что не увижу тебя болѣе!.. Наконецъ-то ты пришла!.. Крикетъ, моя милая, дорогая Крикетъ!

Голосъ мадамъ Бринкаръ прерывался; она съ трудомъ переводила дыханіе, продолжая осыпать горячими поцѣлуями поблѣднѣвшее и испуганное лицо дѣвочки. На лбу умирающей выступалъ холодный потъ смерти, и прикосновеніе горячаго, полнаго жизни, тѣла ребенка, казалось, согрѣвало ея холодѣющую кровь. На лицѣ Крикетъ виднѣлись остатки пудры и румянъ—этихъ необходимыхъ принадлежностей каждой артистки. Но мадамъ Бринкаръ ничего не замѣчала: прильнувъ губами къ щекѣ дѣвочки, она цѣловала ее, цѣловала, задыхаясь отъ волненія и усталости.

Эта вспышка нѣжности окончательно подорвала силы больной. Руки

Digitized by Google

мадамъ Бринкаръ опустились и она упала на подушки, ощущая мучительную боль въ груди.

Въ это мгновеніе, на порогѣ комнаты появилась Розита. Маленькій грумъ остался въ сѣняхъ и, чрезъ открытую дверь, въ комнату проникалъ яркій свѣтъ фонаря, отраженный блестящимъ рефлекторомъ. Благодаря такому освѣщенію, роскошный костюмъ Розиты производилъ особенно сильное впечатлѣніе среди окружающей обстановки: бѣдность и богатство, смерть и цвѣтущее здоровье — такіе контрасты невольно бросаются въ глаза.

— Скорѣе, сударыня, скорѣе! Она уже не цѣлуетъ меня, она не можетъ говорить со мною... Боже мой, она даже не слышитъ меня! говорила съ отчаяніемъ Крикетъ.

Паскаль сидѣлъ въ углу и горько плакалъ, закрывъ лицо руками; старая угольщица стояла у изголовья кровати, прижимая платокъ къ глазамъ, и глубоко вздыхала. Все время, пока Крикетъ не было дома, добрая угольщица не отходила отъ умирающей и десятки разъ выслушивала все одну и ту же фразу, которую повторяла мадамъ Бринкаръ съ выраженіемъ глубокаго отчаянія:

— Крикетъ... моя бѣдная, маленькая Крикетъ... ты останешься одна въ цѣломъ свѣтѣ, одна! одна!

Выслушивая эти горькіе стоны бѣдной женщины, угольщица думала:

«Вѣдь у насъ трое дѣтей; всѣ они спятъ на одной кровати, въ маленькомъ и темномъ чуланчикѣ; правда, имъ тѣсно, но что же изъ этого? Развѣ нельзя еще немножко потѣсниться и помѣстить Крикетъ? Такъ-то такъ... но что скажетъ на это мой мужъ? Завтра утромъ, когда я разскажу ему, что взяла къ себѣ Крикетъ, онъ можетъ разсердиться на меня...»

Глаза умирающей неожиданно раскрылись. Она увидѣла, что возлѣ ея постели стоитъ Розита, она не могла понять: кто эта женщина, такъ неожиданно появившаяся въ ея квартирѣ. Да она и не думала объ этомъ; все вниманіе мадамъ Бринкаръ было привлечено яркими, сверкающими звѣздами, блестѣвшими тысячью огней... Эти звѣзды окружали какимъ-то волшебнымъ сіяніемъ все лицо Розиты, и умирающая не могла оторвать взгляда отъ великолѣпныхъ серегъ танцовщицы.

— Мамочка! вскричала Крикетъ, нѣжно сжимая руку матери.—M-me Розита пришла къ намъ!.. Ты ее знаешь... та самая m-me Розита, которая всегда даетъ мнѣ конфекты.

— Ахъ, это вы, сударыня... Крикетъ... моя бѣдная, маленькая

Digitized by Google

Крикетъ, что съ нею будетъ?.. Она останется одна въ цѣломъ свѣтѣ... совершенно одна...

— Нѣтъ, нѣтъ, она не будетъ одна! Отдайте мнѣ вашу дѣвочку, я возьму ее къ себѣ... Я вамъ ручаюсь за счастіе вашей дочери! воскликнула Розита, потрясенная сценою смерти одинокой бѣдной женщины.

— Вы возьмете мою дочь!?.. Да, да... я вамъ отдаю ее... я вамъ поручаю ее... Благодарю васъ, благодарю!

Силы мадамъ Бринкаръ быстро исчезали. Она хотѣла что-то сказать и не могла. Взявъ за руку Розиту, мадамъ Бринкаръ привлекла ее къ себѣ и, горячо цѣлуя маленькія выхоленныя ручки танцовщицы, украшенныя дорогими кольцами, повторяла:

— Благодарю васъ, благодарю!..

Умирающая женщина не спрашивала себя: кто эта красавица, явившаяся въ ихъ квартиру, какъ добрый геній; почему на ней такъ много брилліантовъ и дорогихъ камней? Она даже не задавалась вопросомъ: что сдѣлаетъ Розита изъ ея дочери?.. Мадамъ Бринкаръ понимала только одно:

— Эта барыня богата, очень богата... Она беретъ къ себѣ мою Крикетъ... и я могу умереть спокойно. Въ теченіе зимнихъ холодовъ Крикетъ будетъ тепло одѣта, а лѣтомъ, когда деревья покроются листвою и городскіе сады переполнятся дѣтьми, Крикетъ, наравнѣ съ другими, будетъ играть и рѣзвиться... Да, да, ей будетъ хорошо. Она не испытаетъ холода и голода, не узнаетъ нищеты, которую я испытывала съ дѣтства, съ которою я познакомила ее съ первыхъ дней существованія.

Такимъ образомъ судьба Крикетъ, этой маленькой сиротки, которой не нашлось мѣста на жизненномъ пиру—была рѣшена. Всѣмъ присутствующимъ, за исключеніемъ любящей матери, будущее малютки представлялось мрачнымъ и неопредѣленнымъ—но всѣ молчали. Старая угольщица, хорошо знакомая съ практической жизнью, тяжело вздохнула, когда мадамъ Бринкаръ произнесла рѣшающее слово... И кто знаетъ, можетъ быть, судьба Крикетъ была бы счастливѣе, еслибы Розита не появлялась въ этой бѣдной, убогой квартиркѣ умирающей и маленькую Крикетъ пріютила бы угольщица.

Для больной, между тѣмъ, наступили послѣднія минуты агоніи; она оставила руку танцовщицы и съ тревогой, какъ бы не видя и не слыша ничего, говорила:

Digitized by Google

— Крикетъ, гдѣ же ты, дитя мое? Поди сюда, поди!.. Паскаль! Милые, они были такъ добры ко мнѣ, такъ ласковы... Благодарю васъ, сударыня... Крикетъ, прощай! прощай! прощай!..

Затѣмъ все стихло. Мадамъ Бринкаръ умирала, припавъ губами къ щекѣ своей дочери. Ни стона, ни вздоха... Все было кончено и всѣ присутствующіе тихо плакали. Розита упала на колѣни у изголовья кровати и, напрягая свою память, старалась вспомнить хотя какую нибудь молитву. Но, увы! Память отказывалась служить ей и только вспоминались первыя строфы различныхъ стихотвореній.

Маленькій грумъ вошелъ въ комнату и остановился у дверей, съ любопытствомъ смотря на происходящую сцену. Онъ еще впервые видѣлъ смерть, и на лицѣ мальчика выразилось ощущеніе страха и любопытства. Такъ вотъ она какая смерть, думалъ онъ:—всѣ молчатъ, плачутъ, а больная лежитъ неподвижно... Такъ вотъ что значитъ смерть!

Когда холодѣющія руки матери соскользнули съ плечъ Крикетъ, дѣвочка громко вскрикнула и, бросившись на грудь къ мадамъ Бринкаръ, принялась тормошить ее, повторяя съ крикомъ:

— Мамочка, мамочка, отвѣчай мнѣ, что съ тобою? Мамочка!—И, не получая отвѣта, она обратилась къ присутствующимъ:—Да что съ ней, развѣ она умерла?

Никто не рѣшался отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, она не могла умереть! Мамочка, да вѣдь это я, Крикетъ! Мама! мамочка, скажи, что ты не умерла!

Почти цѣлый часъ никто изъ присутствующихъ не могъ оторвать ребенка отъ трупа матери. Крикетъ не хотѣла уходить изъ комнаты; она цѣплялась за мебель, пряталась за стулья и столы, говоря, что хочетъ цѣловать свою мать и быть возлѣ нея.

Дѣвочка стояла на колѣняхъ у постели матери и, рыдая, цѣловала руки и лицо покойной. Наконецъ, когда Розита почти силой хотѣла увести ее, Крикетъ покорилась волѣ своей новой покровительницы и, обращаясь къ Паскалю, сказала:

— Ты видишь, Паскаль, меня увозятъ; но ты, милый, останься здѣсь; не уходи отъ мамочки, не оставляй ее одну!..

— Хорошо, я исполню твое желаніе.

— О, зачѣмъ она умерла, зачѣмъ она умерла! рыдая, повторяла дѣвочка и, спускаясь по лѣстницѣ, плакала и стонала: — Мамочка! мамочка! я хочу тебя видѣть, милая мамочка! Но меня увозятъ!

Digitized by Google

Жильцы различныхъ квартиръ, мимо которыхъ проходила Розита въ сопровожденіи Крикетъ и грума, выходили на порогъ и, стоя въ дверяхъ, съ любопытствомъ смотрѣли на танцовщицу. Нѣкоторые изъ нихъ обращались съ вопросами къ этой важной барынѣ и, сочувственно провожая взорами Крикетъ, вздыхали:

— Бѣдная дѣвочка! Бѣдная сиротка!

Было уже около трехъ часовъ ночи, когда экипажъ Розиты остановился у подъѣзда маленькаго отеля въ улицѣ Трудонъ. Во все время этого продолжительнаго переѣзда, Крикетъ не произнесла ни одного слова. Она горько и неутѣшно плакала, прижавшись въ уголокъ кареты. Розита обнимала дѣвочку и, время отъ времени, вытирала ей глаза своимъ миніатюрнымъ носовымъ платкомъ, обшитымъ дорогими и тонкими кружевами. Ливрейный лакей настежъ растворилъ двери подъѣзда и Розита, вмѣстѣ съ Крикетъ, вошла въ переднюю, ярко освѣщенную газовыми рожками, заключенными въ молочные шары. Заслышавъ приближеніе экипажа Розиты, Орели спустилась внизъ, на встрѣчу къ барынѣ, и, съ своимъ обычно-спокойнымъ видомъ, спросила:

— Тамъ, вѣроятно, все кончено?

— Да, все кончено... Я привезла съ собою Крикетъ... Я оставлю ее у себя: она будетъ жить со мною!

— Всегда?

— Да, конечно, всегда... Теперь она моя дочь, мое дорогое, родное дитя! Затѣмъ, быстро измѣнивъ тонъ, Розита спросила:

— А князь тутъ?

— Да, сударыня, онъ въ библіотекѣ.

— Проводите Крикетъ въ мою комнату. Я поговорю съ княземъ, а затѣмъ сейчасъ же приду къ вамъ.

Измученная волненіями, усталая и обезсиленная, Крикетъ безмолвно покорилась приказанію Розиты. Намѣреваясь послѣдовать за Орели, дѣвочка пошатнулась и едва не упала; по знаку госпожи, лакей взялъ дѣвочку на руки и снесъ въ будуаръ танцовщицы.

Между тѣмъ Розита вошла въ библіотеку. Князь лежалъ на широкомъ диванѣ, съ потухшей сигарой въ рукахъ. На коврѣ, возлѣ его ногъ, лежали двѣ газеты, очевидно выскользнувшія изъ рукъ въ первыя мгновенья сладкой дремоты, овладѣвшей княземъ, благодаря позднему часу ночи. При шумѣ открывающейся двери, князь Савелинъ открылъ глаза.

— А, это вы? Наконецъ-то! произнесъ онъ, увидѣвъ Розиту.

Digitized by Google

— Да, это я... какъ видите.

— Вѣроятно, теперь очень поздно?!.. Я усталъ и, кажется, задремалъ немного... Ну, что-же, скажите... какъ поживаетъ эта бѣдная женщина?

— Она умерла на моихъ рукахъ... Эта страшная сцена жестоко потрясла мои нервы... И знаете, что я сдѣлала? Я увѣрена, что вы одобрите мое рѣшеніе... я въ этомъ твердо убѣждена, князь... Я взяла къ себѣ Крикетъ...

— На сегодняшнюю ночь?

— Нѣтъ, навсегда.

— Навсегда? съ удивленіемъ повторилъ князь.

— Да, отвѣчала Розита.—Она теперь наверху въ моей комнатѣ... Вы понимаете князь, я должна...

— Прогнать меня?

— Да... Но я прошу васъ, князь, прійти ко мнѣ завтра въ десять часовъ утра; я поручу вамъ позаботиться относительно похоронъ этой бѣдной женщины... Надо будетъ купить хорошее мѣсто на кладбищѣ... Потомъ, князь, я намѣрена серьезно поговорить съ вами и посвятить васъ въ свои планы.

— Но, Розита... Неужели Орели не можетъ исполнить вашихъ порученій?..

— Нѣтъ, князь; у Орели и такъ будетъ много дѣла. Подумайте, у Крикетъ нѣтъ ни одного платья, ей нечего надѣть на похороны матери. Необходимо сшить траурное платье, и я поручу Орели отправиться къ модисткѣ и заказать приличный туалетъ для маленькой сироты. Прощайте, мой другъ! Отправляйтесь домой, а завтра утромъ приходите ко мнѣ.

Князь поклонился и хотѣлъ выйти, но Розита остановила его.

— Погодите, сказала она.—Скажите, вы одобряете мой поступокъ?

— Конечно. Вы поступили такъ, какъ слѣдовало.

— Въ такомъ случаѣ, поцѣлуйте меня; надѣюсь, я заслужила ваше одобреніе?..

Князь молча исполнилъ желаніе Розиты и крѣпко поцѣловалъ щечку хорошенькой танцовщицы. Разставшись съ нею, князь Савелинъ направился домой, въ свой отель, находившійся въ улицѣ Граммонъ, а Розита пошла къ себѣ въ комнату. Едва она растворила дверь спальни, какъ Орели, поджидавшая ее у порога, поднесла палецъ къ губамъ и сказала:

Digitized by Google

— Тише! Дѣвочка такъ устала, такъ измучена, что упала на диванъ и заснула, какъ мертвая.

— Она заснула? Ну, и отлично! Я думаю, что намъ не слѣдуетъ безпокоить ее... Укройте Крикетъ моею шалью... я боюсь, чтобы ей не было холодно.

— Слушаю, сударыня.

И пока Орели исполняла приказаніе своей барыни—Крикетъ открыла глаза и прошептала:

— Мамочка!.. Мамочка!...

Розита склонилась надъ нею и, ласково гладя головку Крикетъ, отвѣчала:

— Спи, дитя мое, спи!

Крикетъ снова заснула. Розита и Орели постояли надъ нею нѣсколько времени молча, и затѣмъ, переглянувшись, разошлись въ разныя стороны.

Вмѣсто того, чтобы отправиться домой, князь Савелинъ зашелъ въ клубъ. Тамъ почти каждую ночь шла горячая картежная игра. Восточный набобъ, о богатствѣ котораго разсказывали различныя легенды, привлекалъ охотниковъ попытать счастіе, и возможность сыграть партію съ этимъ господиномъ наперерывъ оспаривалась присутствующими. Когда князь Савелинъ вошелъ въ игорную комнату, партія пикета только что окончилась.

— Не хотите-ли сыграть со мной? предложилъ князь.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— По луидору?..

— Какъ вамъ угодно.

Около пяти часовъ утра князь выходилъ изъ клуба веселый и довольный; онъ выигралъ болѣе тридцати тысячъ франковъ и ощущалъ пріятную усталость.

— Все это прекрасно, говорилъ князь, спускаясь съ лѣстницы клуба. Сегодняшній выигрышъ даетъ мнѣ возможность исполнить прихоть Розиты. Похороны этой бѣдной женщины—матери Крикетъ—обойдутся недешево. Да, кромѣ того, мой опустѣвшій кошелекъ хоть немного наполнился... Кто знаетъ, можетъ быть, это доброе дѣло, на которое Розита натолкнула меня, положитъ предѣлъ моему несчастію въ игрѣ? Послѣднее время я проигрывалъ такъ много, такія большія суммы, что мнѣ дѣлалось досадно...

Похороны мадамъ Бринкаръ были совершены съ большой торжествен

Digitized by Google

ностью. Крикетъ и Паскаль въ глубокомъ траурѣ шли непосредственно за гробомъ бѣдной женщины. Вслѣдъ за ними шли Розита и угольщица, далѣе — директоръ и одинъ изъ авторовъ пьесы, въ которой Крикетъ принимала участіе. Кромѣ князя Савелина и Бидаша, почти всѣ служащіе при театрѣ Porte-Saint-Martin собрались проводить мадамъ Бринкаръ: артисты, танцовщицы, фигурантки, портнихи и машинисты— всѣ безъ исключенія шли за гробомъ мадамъ Бринкаръ и всѣ были тронуты горячими слезами и отчаяніемъ Крикетъ.

Пока похоронный кортежъ медленно тянулся по улицамъ Парижа, одинъ изъ авторовъ пьесы, идя рядомъ съ директоромъ, завелъ разговоръ о Крикетъ:

— Бѣдная дѣвочка, бѣдная сиротка! говорилъ писатель.

Онъ повторилъ разъ пять или шесть эту фразу и затѣмъ, не измѣняя тона, произнесъ:

— А когда же она появится на сценѣ? Ее неудобно замѣнять другою актрисой. Крикетъ привлекаетъ публику.

V.

Утромъ слѣдующаго дня, послѣ похоронъ г-жи Бринкаръ, Розита поѣхала къ своему повѣренному. Это былъ нѣкто Нарциссъ Плантинъ, сынъ мелкаго провинціальнаго чиновника; онъ получилъ весьма незначительное образованіе и въ 1847 году, послѣ смерти своего отца, занялъ его мѣсто: не прошло и двухъ лѣтъ со времени его вступленія на службу, какъ начальство, замѣтивъ предосудительныя дѣйствія молодаго человѣка, предложило ему подать въ отставку. Это обстоятельство заставило Плантина уѣхать изъ роднаго города и поселиться въ Парижѣ. Благодаря какимъ-то таинственнымъ обстоятельствамъ, въ распоряженіи молодаго человѣка очутилась довольно крупная сумма въ десять тысячъ франковъ, на которую ему удалось пріобрѣсти продававшійся въ то время «юридическо-справочный кабинетъ». Плантинъ былъ чрезвычайно дѣятельный, смѣлый и неглупый человѣкъ: благодаря энергичнымъ стараніямъ, онъ быстро поднялъ упавшее реномэ кабинета и значительно расширилъ кругъ кліентовъ Правда, онъ спеціально съ этой цѣлью посѣщалъ такое общество, гдѣ поклоняются богу веселья, не обращая вниманія на тѣ средства, которыми достигается возможность проводить ночи въ кутежахъ. Нерѣдко случалось, что Плантинъ, вмѣсто того, чтобы способствовать примиренію, нарочно возбуждалъ злобу

Digitized by Google

враждующихъ сторонъ и, содѣйствуя борьбѣ двухъ богатыхъ людей, доводилъ ихъ до разоренія, набивая свой карманъ.

Благодаря обширному знакомству въ различныхъ кружкахъ общества, Плантину удавалось получать веденіе крайне выгодныхъ дѣлъ, и въ большинствѣ случаевъ онъ оставался побѣдителемъ. Правда, старшій прокуроръ не разъ угрожалъ Плантину серьезнымъ обвиненіемъ и уплатой значительнаго штрафа, но дѣлецъ постоянно успѣвалъ вывернуться и оставался правымъ и невредимымъ. Благодаря такой дѣятельности, Плантинъ пользовался общей извѣстностью: даже лица, принадлежащія къ высшему кругу общества, и тѣ разговаривали съ нимъ, любезно пожимая руку дѣльца, такъ какъ въ прошломъ были обязаны нѣкоторыми скандалезными услугами этому ловкому и всезнающему ходатаю. Мало-по-малу Плантинъ вошелъ въ моду и его причислили къ тому сорту людей, который почему-то называется «сливками общества» и обычно появляется на всѣхъ первыхъ представленіяхъ, на эффектныхъ праздникахъ, скачкахъ и гуляньяхъ. Ежедневно увеличивая свои доходы и получая всеобщую извѣстность, Плантинъ, казалось, преслѣдовалъ единственную цѣль: отмстить родному городу, не понявшему его выдающихся умственныхъ способностей. Они хотѣли погубить его, заставляя выйти въ отставку, но тамъ, въ Лимузинѣ, онъ могъ заработать семь—восемь тысячъ франковъ, а здѣсь, въ Парижѣ—семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ франковъ составляли средній доходъ Плантина! Несчастіе и позоръ иногда ведутъ къ счастію и богатству! нерѣдко думалъ Плантинъ, любуясь окружающей его роскошью.

Когда Розита появилась въ кабинетѣ Плантина, адвокатъ встрѣтилъ ее съ любезной улыбкой.

— У васъ опять, вѣроятно, ссора съ обойщикомъ или столяромъ?! Онъ требуетъ съ васъ пятьдесятъ восемь тысячъ франковъ, а вы предлагаете ему двадцать три и удивляетесь, что онъ несогласенъ на такое предложеніе.

Такова была сущность перваго дѣла, съ которымъ Розита обратилась къ Плантину. Но это напоминаніе не вызвало улыбки на лицѣ Розиты. Она сѣла въ кресло и, обращаясь къ Плантину, замѣтила серьезнымъ тономъ:

— Мнѣ не до шутокъ теперь... прошу васъ говорить серьезно. Я пріѣхала къ вамъ посовѣтоваться. Знаете, Плантинъ, у меня есть дочь...

— Вотъ какъ! И давно?

— Съ третьяго дня...

Digitized by Google

— Третьяго дня у васъ явилась дочь? съ удивленіемъ повторилъ Плантинъ.

— Да. Мою дочь зовутъ Крикетъ.

— Ахъ, да, я вѣдь и забылъ, что вы взяли къ себѣ Крикетъ! Объ этомъ было въ газетахъ... Ну, такъ что же? Я рѣшительно не понимаю, почему вы обращаетесь ко мнѣ съ подобнымъ заявленіемъ?

— Я сейчасъ объясню вамъ причину моего пріѣзда... Я хочу, что бы Крикетъ принадлежала мнѣ по закону. Я желаю сдѣлать ее моею пріемною дочерью и закрѣпить за нею права наслѣдства...

— Сдѣлать пріемной дочерью! Закрѣпить права наслѣдства! Но позвольте узнать: вамъ уже минуло пятьдесятъ лѣтъ?

— Какой странный вопросъ. Конечно, нѣтъ!..

— Въ томъ-то и дѣло. А у насъ, по нашимъ законамъ, унаслѣдованіе или передача своихъ имущественныхъ и потомственныхъ правъ мальчику или дѣвочкѣ—совершенно одинаково — возможны только въ томъ случаѣ, когда лицу, изъявляющему такое намѣреніе, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ... Такимъ образомъ, если ваша фантазія не исчезнетъ, то...

— Моя фантазія! Я теперь понимаю, что вы думаете, Плантинъ! Вы вообразили, что я увлеклась и, повинуясь движенію жалости къ одинокому ребенку, рѣшилась на такой поступокъ... Вы, конечно, предполагаете, что время измѣнитъ мои намѣренія... Нѣтъ, мой другъ, вы ошибаетесь! Со дня смерти мадамъ Бринкаръ, Крикетъ сдѣлалась моею дочерью и она навсегда останется ею. Слышите, навсегда, навсегда!

— Да, я слышу.

— И неужели я не могу исполнить своего желанія, пока мнѣ не стукнетъ пятьдесятъ лѣтъ?.. Это пустяки! законъ не можетъ быть такъ нелѣпъ! Какъ, я не имѣю права совершить честный и справедливый поступокъ, пока я молода! Мнѣ нужно имѣть пятьдесятъ лѣтъ, чтобы дѣйствовать по влеченію сердца и ума... Нѣтъ, Плантинъ, вы ошибаетесь; вѣроятно, въ законѣ есть какія нибудь указанія; наконецъ, существуетъ возможность обойти прямой законъ. Не лѣнитесь, поройтесь въ вашихъ книгахъ!

— Я съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе, Розита. Вы правы; я могу не знать всѣхъ подробностей этихъ дѣлъ, такъ какъ они не составляютъ моей спеціальности. Позвольте, продолжалъ Плантинъ, взявъ книгу съ полки и начиная ее перелистывать,—вотъ отдѣлъ о наслѣдствѣ... Пріемныя дѣти. Вотъ статья 343 и слѣдующія. Нашелъ!..

Digitized by Google

— Такъ и есть, продолжалъ Плантинъ, пробѣжавъ глазами статьи закона.— Какъ для усыновленія, такъ и для принятія на себя обязанности пріемной матери, необходимы тѣ же условія... Пятидесятилѣтній возрастъ...

— Дураки! болваны!

— Погодите, Розита, не волнуйтесь!.. Можетъ быть, найдется способъ обойти прямой законъ. Скажите, у этой дѣвочки нѣтъ ни отца, ни матери, никакихъ родныхъ?

— Никого рѣшительно... Вчера я посылала Орели въ Бельвиль...

— А что, какъ поживаетъ ваша Орели?

— Благодарю васъ, хорошо.

— Славная она у васъ дѣвушка. Знаете, это драгоцѣнность въ наше время. Къ тому же Орели знаетъ всѣ дѣла и горячо защищаетъ ваши интересы...

— Знаю, знаю... нетерпѣливо перебила Розита.—Вчера, я вамъ говорю, Орели ѣздила на старую квартиру мадамъ Бринкаръ и долго разговаривала съ угольщицей, находившейся въ дружескихъ отношеніяхъ съ матерью Крикетъ. Благодаря этимъ разспросамъ, я узнала всѣ подробности: мать, найденышъ... Такъ что, по женской линіи, у Крикетъ нѣтъ никакой родни. Когда умеръ самъ Бринкаръ, то мать Крикетъ писала въ департаментъ Жиронды, думая, что тамъ есть родные мужа—но никакого отвѣта не послѣдовало.

— Обычная исторія. Когда послѣ умершаго не остается никакого наслѣдства, то родные не являются. Такъ вотъ, видите-ли, Розита:—въ виду круглаго сиротства Крикетъ, можно обратиться въ благотворительное общество, на обязанности котораго лежитъ заботиться объ одинокихъ дѣтяхъ, и устроить, совмѣстно съ нимъ, опеку надъ Крикетъ Бринкаръ.

— Я могу быть опекуншей?

— Конечно.

— А изъ сколькихъ лицъ должна состоять опека?

— Изъ шести... за неимѣніемъ родныхъ, обычно избираются люди, интересующіеся судьбою ребенка.

— Въ такомъ случаѣ запишите меня: я, моя мать... князь...

— Нѣтъ, князя нельзя.

— Это почему? Вы, можетъ быть, воображаете, что онъ не согласится? Но я вамъ ручаюсь, что онъ не осмѣлится не исполнить моего желанія...

Digitized by Google

— О, я и не сомнѣваюсь; онъ охотно исполнитъ вашу волю... Но законъ запрещаетъ...

— Опять законъ?

— Да, иностранецъ не имѣетъ права быть опекуномъ француза или француженки.

— Но это невозможно! Это просто глупо! возмущалась Розита.— Существуетъ богатый иностранецъ, человѣкъ добрый, сочувствующій, готовый пожертвовать своими средствами для устройства судьбы ребенка, и вдругъ что же: законъ запрещаетъ ему сдѣлать доброе дѣло. Ну хорошо, не записывайте фамилію князя, я найду другихъ людей, имѣющихъ право по вашему закону быть опекунами. Пишите: баронъ Жонаръ... потомъ Бидашъ... одинъ изъ моихъ товарищей по сценѣ.

— Я его хорошо знаю... У него славная роль въ «Кри-Кри»... и онъ прекрасно исполняетъ ее.

— Совершенно вѣрно... хотя нѣсколько пересаливаетъ.

— Я этого не нахожу!

— Къ дѣлу, Плантинъ, къ дѣлу, мнѣ некогда говорить о пустякахъ. Итакъ, четверо есть.

— Да, четверо.

— Занишите еще нашего режиссера Монна... Это хорошій и добрый человѣкъ, онъ можетъ принести большую пользу. Ну, вотъ и всѣ. Насъ пятеро, вы шестой... Вы, конечно, не откажетесь?

— Само собою разумѣется. Но обратите вниманіе, Розита, каковъ составъ членовъ опеки. Каждаго жита по лопатѣ! заключилъ Плантинъ, смѣясь.

— Ваши шутки неумѣстны, остановила его Розита,—и я просила васъ быть серьезнымъ. Я хочу обезпечить положеніе Крикетъ... и намѣрена оставить ей все мое состояніе.

— Вотъ какъ!

— Да, я знаю, что мое состояніе теперь нѣсколько раз...

— И даже очень сильно раз... строено, протянулъ Плантинъ.—На дняхъ ко мнѣ приходила Орели и мы вмѣстѣ съ нею составляли вашъ активъ и пассивъ...

— Знаю, знаю, но это мнѣ вовсе не интересно! На дняхъ я попрошу князя, чтобы онъ занялся моими дѣлами и хорошенько устроилъ ихъ... Потомъ, я сдѣлаюсь вполнѣ благоразумной и не буду такъ бросать деньги... Я знаю, что, благодаря Крикетъ, я почувствую необходимость относиться серьезнѣе къ денежнымъ дѣламъ и, вообще, надѣюсь

взять себя въ руки. Милый, дорогой ангельчикъ! Благодаря моей привязанности къ Крикетъ, я сдѣлаюсь серьезной, порядочной женщиной; я постараюсь вести себя, какъ подобаетъ матери семейства. Хотите взглянуть на мою дочь, Плантинъ? Она пріѣхала вмѣстѣ со мною и сидитъ въ экипажѣ. Подойдите къ окну, взгляните.

Розита подошла къ окну и растворила его; Плантинъ, облокотившись на подоконникъ, взглянулъ на улицу; въ экипажѣ Розиты, стоявшемъ у подъѣзда, сидѣла дѣвочка, одѣтая въ глубокій трауръ, и разсѣянно смотрѣла по сторонамъ. Модистка, у которой было заказано траурное платье для Крикетъ, не умѣла дѣлать простенькихъ платьевъ, и маленькая дѣвочка оказалась одѣтой чрезвычайно изящно, даже щегольски, благодаря различнымъ буфамъ и плиссэ, въ изобиліи украшавшимъ ея новый костюмъ.

Простившись съ Плантиномъ, Розита вышла изъ его кабинета и, сѣвъ въ экипажъ рядомъ съ Крикетъ, отправилась домой. Мелькомъ взглянувъ на блѣдное лицо дѣвочки, Плантинъ еще разъ пожалъ плечами и, возвращаясь къ письменному столу, съ неудовольствіемъ подумалъ о посѣщеніи Розиты, оторвавшемъ его на нѣсколько времени отъ спѣшной работы, которой онъ занимался.

— Если она чрезъ шесть недѣль повторитъ мнѣ то же самое, тогда пожалуй... а такъ, это все пустая болтовня! проговорилъ Плантинъ и погрузился въ чтеніе бумагъ, разложенныхъ на его письменномъ столѣ. Его занимала крайне существенная мысль: какимъ путемъ заставить маркиза де-Шатель-Беноръ заплатить по векселю въ двадцать пять тысячъ франковъ, выданному танцовщицѣ, Розѣ Гляндье, несовершеннолѣтнимъ сыномъ маркиза? Требовать уплаты судомъ и подвергать скандалёзному процессу аристократическое имя маркизовъ де-Шатель-Бенорь,— Плантину не хотѣлось; онъ не любилъ тягаться по судамъ и постоянно изыскивалъ средства устроить дѣло путемъ взаимнаго соглашенія.

Не смотря на свою практичность, Плантинъ нѣсколько ошибался, предполагая, что Розита на другой же день, или не далѣе какъ черезъ недѣлю, откажется отъ мысли сдѣлать Крикетъ своей наслѣдницей. Прошло шесть недѣль, а Розита все еще не оставляла своего намѣренія, и хотя не съ такою горячностью, но все-таки сообщала всѣмъ и каждому, что маленькая Крикетъ—ея дочь и наслѣдница всего ея имущества.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, Розита дѣйствительно воображала себя настоящей матерью Крикетъ: она ласкала дѣвочку и ни на шагъ

Digitized by Google

не отпускала ея отъ себя. Крикетъ проводила цѣлые дни въ уборной Розиты; она завтракала съ нею, обѣдала, каталась и даже присутствовала во время пріема гостей. Черезъ недѣлю послѣ смерти матери, Крикетъ снова появилась на сценѣ, но, благодаря желанію Розиты, для дѣвочки была устроена особая уборная, находившаяся въ непосредственной связи съ уборной Розиты. Каждый день предъ началомъ спектакля, Розита привозила въ своемъ экипажѣ Крикетъ и постоянно уѣзжала съ нею вмѣстѣ. Первое время дѣвочку смущала окружающая ее роскошь, и, отправляясь съ Розитой на прогулку въ Булонскій лѣсъ, она чувствовала себя неловко, стѣснялась и скучала; но, мало-по-малу, Крикетъ привыкла къ своему положенію и не прошло двухъ недѣль, какъ дѣвочка занимала мѣсто въ экипажѣ съ тою небрежной граціозностью, которая является отличительнымъ признакомъ женщинъ, съ малолѣтства привыкшихъ къ роскоши.

Гуляя по аллеямъ Булонскаго лѣса, Розита шла рука объ руку съ Крикетъ и, при каждой встрѣчѣ со знакомыми, дѣвочка выслушивала обмѣнъ однихъ и тѣхъ же фразъ, подъ конецъ уже не производившихъ на нее никакого эффекта.

— Это моя дочь! Это мой любимый ребенокъ! Я теперь такъ счастлива!.. Знаете, сознаніе долга... Я всегда страстно хотѣла имѣть дѣтей, особенно дочь!.. О, вы увидите, какое блестящее образованіе я ей дамъ! Теперь, такъ какъ она играетъ на сценѣ и чрезвычайно сильно устаетъ, я не могу заставить ее заниматься... Когда окончится контрактъ, заключенный матерью Крикетъ, я серьезно займусь образованіемъ моей дочери... Князь уже написалъ въ Англію, чтобы ему прислали опытную и хорошую воспитательницу... и т. д. и т. д.

Но пока Розита собиралась приступить къ серьезному образованію Крикетъ, дѣвочка непосредственно узнавала практическую жизнь и головка ея сильно работала, воспринимая новыя впечатлѣнія. Находясь постоянно въ уборной Розиты, Крикетъ познавала на практикѣ различіе титуловъ и соціальнаго положенія тѣхъ людей, которые являлись въ качествѣ поклонниковъ танцовщицы.

Мѣсяца чрезъ полтора послѣ смерти мадамъ Бринкаръ, одинъ изъ владѣтельныхъ князей, совершая путешествіе по Европѣ, заѣхалъ въ Парижъ. Онъ желалъ добросовѣстно изучить нравы современнаго Вавилона и рѣшился побывать во всѣхъ театрахъ и даже познакомиться съ выдающимися артистками и танцовщицами большихъ театровъ. Въ ре-

Digitized by Google

эстрѣ удовольствій, составленномъ его адъютантомъ, значилось: «посѣтить театръ Porte-Saint-Martin и посмотрѣть «Кри-Кри».

Заѣзжій князь, восхищенный граціею и пластикой Розиты, пожелалъ познакомиться съ танцовщицей, и на другой же день заѣхалъ въ ея отель.

Было часа три яркаго солнечнаго дня. Крикетъ сидѣла въ столовой, у раскрытаго окна, и перелистывала какой-то кипсэкъ, когда въ комнату вошла Орели. Крикетъ испуганно вставала всякій разъ, когда Орели подходила къ ней; дѣвочка инстинктивно пугалась, невольно ожидая грубаго нападенія.

— Послушай, дитя мое, начала Орели, близко подходя къ Крикетъ, и съ неожиданной лаской погладила ее по головѣ.—Въ комнатѣ Розиты сидитъ господинъ, желающій тебя видѣть... Этотъ господинъ — очень важная особа... Вчера онъ видѣлъ тебя въ театрѣ, когда ты играла, и сейчасъ сказалъ барынѣ, что ты ему очень понравилась. Выслушай меня внимательно, Крикетъ, и, пожалуйста, не напутай чего нибудь... Съ такимъ лицомъ, какъ этотъ посѣтитель, нужно говорить крайне почтительно. Его нужно называть «ваше высочество» и обращаться не иначе, какъ въ третьемъ лицѣ... Да ты понимаешь-ли, что значитъ: обращаться въ третьемъ лицѣ?

— Конечно, понимаю!

— Не можетъ быть; недовѣрчиво возразила Орели.—Ну, докажи, что ты поняла мои слова? Обращаясь къ кому нибудь и желая спросить о здоровьѣ, ты говоришь: «какъ вы себя чувствуете»? Ну, а въ третьемъ лицѣ, какъ ты спросишь?

— Какъ чувствуетъ себя ваше высочество?

— Да, ты дѣйствительно поняла меня, Крикетъ!.. Такъ иди же, дѣвочка, скорѣе!

Крикетъ встряхнула кудрявой головкой, и чрезъ нѣсколько мгновеній входила въ комнату Розиты.

— Здравствуй, дитя мое! проговорилъ князь, обращая на ребенка свой милостивый взоръ.

— Честь имѣю кланяться вашему высочеству.

— Подойди сюда, подойди... не бойся!

— Я не боюсь, ваше высочество!

— Не можешь ли ты мнѣ повторить вчерашнюю сцену носа? А?

— Съ большимъ удовольствіемъ, ваше высочество; но ваше высо-

Digitized by Google

чество, конечно, понимаетъ... что довольно затруднительно отвѣчать, когда никто не спрашиваетъ!..

Розита встала съ мѣста и произнесла тѣ фразы, на которыя Крикетъ подавала реплики. «Сцена носа» вполнѣ удалась Крикетъ и, хотя не могла произвести такого впечатлѣнія, какъ наканунѣ, но важный посѣтитель остался чрезвычайно доволенъ мимикой дѣвочки; онъ подозвалъ ребенка и, ласково улыбаясь, далъ Крикетъ двѣ золотыя монеты.

— Это тебѣ на покупку куклы, сказалъ онъ.

Таково было начало того блестящаго и обширнаго образованія, которое Крикетъ должна была получить въ домѣ Розиты, подъ ея непосредственнымъ покровительствомъ.

Два луидора, данныхъ владѣтельнымъ княземъ на покупку куклы, были спрятаны Крикетъ въ маленькій портмонэ, съ которымъ дѣвочка никогда не разставалась. Этотъ маленькій дешевый кошелекъ, былъ единственнымъ подаркомъ Паскаля, и Крикетъ нерѣдко любовалась имъ, вспоминая тѣ счастливые дни, когда оба они были такъ свободны и дружны. На другой день послѣ посѣщенія владѣтельнаго князя, Крикетъ потеряла свой кошелекъ вмѣстѣ съ двумя луидорами; дѣвочка горько плакала, отыскивая подъ столами и стульями своей комнатки потерянную вещь и сожалѣла, но не о деньгахъ.

Въ счастливые годы дѣтства, всякое горе забывается чрезвычайно быстро. Дни и мѣсяцы летятъ, унося съ собою всѣ тяжелыя впечатлѣнія. Но Крикетъ слишкомъ горячо любила свою мать и долго не могла помириться съ мыслью о своемъ сиротствѣ: каждый разъ, вспоминая ласки матери и свою бѣдную, но счастливую жизнь въ Бельвилѣ, Крикетъ рыдала по цѣлымъ часамъ. Обстоятельства жизни Розиты не позволяли ей держать дѣвочку возлѣ себя, она понимала это и чрезъ нѣсколько времени перевела Крикетъ во второй этажъ, поручая Орели внимательно смотрѣть за ребенкомъ. Ночью, Крикетъ иногда просыпалась и съ крикомъ: «мама! мамочка»! вскакивала съ постели; мрачная и спокойная Орели появлялась на порогѣ и, повторяя беззвучнымъ голосомъ: «спи, дитя мое, спи!» снова укладывала Крикетъ и укрывала ее теплымъ одѣяломъ.

Дни проходили за днями, и Крикетъ совершенно свыклась съ новой жизнью, о которой еще недавно не могла даже мечтать. Ей нравилось кататься въ роскошныхъ экипажахъ, носить красивыя платья и ѣсть хорошую пищу, но, тѣмъ не менѣе, она скучала, не имѣя возможности

Digitized by Google

видѣться съ Паскалемъ. Только по вечерамъ, да и то за кулисами, Крикетъ успѣвала перекинуться съ Паскалемъ нѣсколькими словами. Эти свиданія не удовлетворяли ея, и дѣвочка часто плакала, думая о несправедливости судьбы: зачѣмъ она такъ хорошо одѣта, такъ вкусно ѣстъ и пьетъ, а милый, дорогой Паскаль остается бѣденъ и живетъ одинъ въ темной, сырой лачугѣ? Ей такъ хотѣлось бы раздѣлить все свое богатство съ Паскалемъ и не разставаться съ нимъ ни на одинъ часъ. Каждый разъ за обѣдомъ, когда подавали обильный десертъ, Крикетъ, пользуясь мгновеніями, когда Розита не обращала на нее вниманія, набивала карманы фруктами и пирожками. Какъ-то разъ Розита замѣтила продѣлки дѣвочки и съ ласковой улыбкой замѣтила:

— Какая ты жадная, Крикетъ!

— Это я не для себя, краснѣя, отвѣчала дѣвочка,—это для Паскаля. Вѣдь онъ никогда не ѣстъ сладкаго.

Розита пришла въ восторгъ.

— Ахъ, какая ты добрая! какая ты милая, Крикетъ! Возьми еще фруктовъ, возьми конфектъ! Возьми, сколько ты хочешь!

Съ этого дня Паскаль постоянно получалъ отъ Крикетъ цѣлыя коробки, наполненныя фруктами и пирожками. Въ антрактахъ Крикетъ и Паскаль уходили въ какой нибудь темный уголокъ и проводили тамъ счастливыя минуты, воскрешая въ памяти дни своего перваго знакомства. Эти минуты были самыми счастливыми въ жизни Крикетъ. Она повѣряла Паскалю свои надежды на будущее; выслушивала его планы и намѣренія... когда они подростутъ немного, они оба поступятъ въ консерваторію; оба получатъ первыя награды и поступятъ на сцену. Театръ, сцена—привлекали къ себѣ всѣ ихъ мечты, и имъ казалось, что, возмужавъ, они никогда болѣе не разстанутся, а будутъ жить вмѣстѣ, счастливые и довольные.

Мѣсяца два спустя послѣ смерти мадамъ Бринкаръ, въ роскошномъ отелѣ Розиты, случилось происшествіе, отразившееся на судьбѣ Крикетъ. Какъ то разъ дѣвочка сидѣла на коврѣ въ гостинной и играла съ маленькой собакой, любимицей Розиты. Изъ сосѣдней комнаты, до слуха Крикетъ долетали голоса спорящихъ и дѣвочка невольно слышала нѣкоторыя изъ выраженій.

Между княземъ Савелинымъ и Розитой происходила крупная ссора. Послѣ долгихъ колебаній и обдумываній, Розита рѣшилась исполнить свое намѣреніе и обратиться къ князю съ просьбой привести въ порядокъ ея имущественныя дѣла: «Я прошу не для себя, говорила она...

Digitized by Google

Меня безпокоитъ судьба Крикетъ, такъ какъ-я дала слово позаботиться о ея будущемъ»! Розита надѣялась, что, ссылаясь на Крикетъ, она скорѣе добьется согласія князя Савелина и что онъ, какъ и въ предыдущій разъ, положитъ крупную сумму денегъ на имя расточительной танцовщицы. Но едва только Розита произнесла имя Крикетъ, какъ князь разсердился.

— Вы просите не ради себя! вскричалъ онъ. — Вы говорите, что средства нужны для Крикетъ. Хорошо, моя милая, я давно собирался поговорить съ вами серьезно объ этой дѣвочкѣ. Скажите, пожалуйста, зачѣмъ вы взяли сюда этого ребенка? Вѣдь это глупость! Вѣдь это пустая прихоть!

— Князь, какъ вамъ не стыдно, съ укоромъ замѣтила Розита. — Неужели и вы, какъ Плантинъ, хотите упрекнуть меня за то, что я была добра, что я сжалилась надъ несчастной сиротою?

— Нѣтъ, я васъ не упрекаю! Изъ этой дѣвочки будетъ толкъ... Она очень хорошенькая и очень милая дѣвочка; по моему мнѣнію, вамъ слѣдовало бы позаботиться о ея воспитаніи. Ее нужно отдать въ пансіонъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Образованіе Крикетъ не можетъ стоить очень дорого, да, наконецъ, я охотно заплачу всѣ расходы. Но вы взяли къ себѣ этого ребенка и затѣмъ ограничиваетесь только тѣмъ, что держите ее около себя, какъ собаченку, и возите въ Булонскій лѣсъ, какъ на выставку.

— На выставку? повторила Розита.

— Да, на выставку, рѣзко подтвердилъ князь Савелинъ.—Я нахожу это смѣшнымъ, даже болѣе—крайне вреднымъ въ интересахъ самой дѣвочки. Таково мое убѣжденіе, и я не могу отказаться отъ него... Что касается просьбы—уплатить ваши долги, то извините, Розита, я не въ состояніи этого сдѣлать! Я даю вамъ каждый мѣсяцъ десять тысячъ франковъ, и мнѣ кажется, что получая такую значительную сумму, можно жить, не нуждаясь... Кромѣ того, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, я два раза давалъ вамъ по 125,000 франковъ, не считая платежей по векселямъ... хотя я уплатилъ по различнымъ записочкамъ, писаннымъ вашею рукою, 300,000 франковъ... Вы слишкомъ расточительны, моя милая, и—признаюсь—я не въ силахъ оплачивать ваши прихоти... Извините меня, Розита, но за послѣднее время я постоянно проигрываю въ карты и принужденъ сокращать свои расходы. Я иногда нуждаюсь въ сотнѣ франковъ... а между тѣмъ обстоя-

Digitized by Google

тельства заставляютъ меня поддерживать открытую жизнь. Я не могу стѣсняться и ради васъ играть роль скупца.

— Почему же вы не скажете, что васъ разоряетъ картежная игра? Зачѣмъ вы жалуетесь на меня?

— Я принимаю вашу поправку: меня разоряютъ карты и вы... то и другое вмѣстѣ. Но, во всякомъ случаѣ, ваши прихоти обходятся мнѣ дороже, чѣмъ карты.

— А, вотъ какъ, дороже!

— Да, значительно дороже... Позвольте, я еще не все сказалъ... На моей родинѣ творятся ужасныя вещи: либеральная партія окружила царя и онъ добивается освобожденія крестьянъ... Благодаря этой ужасной мысли, мое положеніе должно существенно измѣниться. На будущій годъ я получу только половину моего обычнаго дохода и, согласитесь, что при такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности заплатить ваши долги.

Розита разсердилась; она начала кричать, браниться, и князь Савелинъ, желая избѣгнуть окончательнаго разрыва, взялъ шляпу и быстро вышелъ изъ уборной танцовщицы. Крикетъ лежала на полу въ гостиной, продолжая играть съ собачкой, и совершенно не замѣтила появленія князя. Онъ шелъ быстро и, не видя въ свою очередь маленькой Крикетъ, растянувшейся на полу, тяжело наступилъ на ея руку. Дѣвочка вскочила съ мѣста, дрожа отъ боли и испуга.

— Чортъ знаетъ что такое! Эта дѣвчонка вѣчно попадается мнѣ на дорогѣ! вскричалъ князь и, взявъ Крикетъ въ охапку, бросилъ ее на диванъ. Татарская кровь и казацкія манеры сказались въ этомъ цивилизованномъ и изящно одѣтомъ франтѣ! Едва удерживая крикъ, готовый вырваться отъ боли, Крикетъ приподнялась на диванѣ и проговорила:

— Извините меня, князь... я нечаянно попала вамъ подъ ноги.

Розита бросилась на колѣни возлѣ Крикетъ и, обнимая ее, хотѣла защитить отъ гнѣва князя Савелина. Русскій аристократъ былъ сильно взволнованъ, и танцовщицѣ показалось, что онъ способенъ прабить ребенка. Но князь не былъ золъ. Вспышка гнѣва мгновенно исчезла, когда дрожащая и страдающая дѣвочка произнесла кроткую фразу о прощеніи.

— Это я виноватъ, сказалъ онъ, подходя къ Крикетъ.—Прости меня, пожалуйста, прости! Тебѣ очень больно, дѣвочка?

— Нѣтъ, князь, ничего.

Digitized by Google

— Покажи мнѣ твою руку.

— Ничего, князь, не безпокойтесь, мнѣ не больно, я только испугалась... Я закричала не отъ боли, а отъ неожиданности и испуга.

— Не плачь, Крикетъ, успокойся. Я пришлю тебѣ хорошую игрушку. Ты хочешь, чтобы я прислалъ тебѣ игрушку?

— Да, хочу, проговорила Крикетъ, стараясь улыбнуться, не смотря на крупныя слезы, катившіяся по ея лицу.

— Я очень виноватъ предъ нею, сказалъ князь, обращаясь къ Розитѣ,—но она совершенно права, сказавъ, что ей не слѣдовало быть на дорогѣ. Развѣ прилично валяться по полу...

Князь Савелинъ уѣхалъ. Часа черезъ два онъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ Крикетъ прекрасную игрушку: это былъ большой органъ, игравшій нѣсколько прелестныхъ музыкальныхъ пьесъ, съ особымъ приводомъ, благодаря которому группы обезьянъ, расположенныхъ на верхней крышкѣ органа, танцовали и выдѣлывали различные пируэты.

Крикетъ равнодушно смотрѣла на эту роскошную игрушку: она не доставляла ей никакого удовольствія. Танцующія обезьяны! Ихъ видъ напоминалъ ей о Паскалѣ и сердце дѣвочки тоскливо сжималось.

VI.

Всякій разъ, когда въ жизни Розиты встрѣчалось какое нибудь затрудненіе, она обращалась къ Орели и съ нею вмѣстѣ рѣшала серьезные вопросы; не было случая, чтобы Орели оказалась несостоятельной, и Розита всегда покорялась ея рѣшенію.

Въ качествѣ горничной, Орели поражала каждаго своими манерами, разсудительностью и умѣньемъ заслужить уваженіе.

— Ваша горничная замѣчательная личность, говорили Розитѣ почитатели ея таланта.

И дѣйствительно, сравнивая образованіе госпожи и служанки, нужно было отдать превосходство послѣдней. Орели писала, не дѣлая никакихъ грамматическихъ ошибокъ, и обладала тонкимъ, изящнымъ почеркомъ; благодаря этому обстоятельству, она служила секретаремъ своей барынѣ и Розита пользовалась славою образованной женщины, такъ какъ всѣ письма ея, безъ единаго исключенія, писала Орели.

Не смотря на свое выдающееся положеніе въ домѣ Розиты, Орели не выказывала ни малѣйшаго стремленія захватить въ свои руки большія

Digitized by Google

права; даже въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Розитой, Орели соблюдала строгую вѣжливость и никогда не позволяла себѣ вступать въ пустую болтовню, или передавать Розитѣ скандалезныя сплетни и слухи, родившіеся на ея счетъ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, Орели жила въ домѣ Розиты, и никто, начиная съ хозяйки, не зналъ никакихъ подробностей о ея прошедшей жизни. Никогда, за все это время, Орели не получала писемъ и не принимала никакихъ гостей; только разъ въ три мѣсяца она отправлялась къ своему адвокату, у котораго находились на храненіи ея деньги.

Какъ то разъ, послѣ разговора съ своимъ поклонникомъ, заинтересовавшимся судьбою Орели, Розита вздумала разспросить свою горничную о ея прошлой жизни.

— Извините, сударыня, съ достоинствомъ отвѣчала Орели, — но я попрошу васъ никогда не спрашивать меня о моей прошлой жизни. Такіе вопросы наводятъ меня на очень тяжелыя размышленія: я пережила много горя, испытала много лишеній и, признаюсь, не люблю вспоминать былое. Вы не можете, сударыня, пожаловаться, на мою неисполнительность, на недостатокъ усердія... Я преданно служу вамъ, но съ однимъ условіемъ: никогда не касаться моего прошлаго.

Въ началѣ 1860 года, Орели нѣсколько измѣнила свое обычное поведеніе: у нея появилась пріятельница.

На сценѣ театра Porte-Saint-Martin ставили новую пьесу, въ которой Розитѣ приходилось сказать десятка два испанскихъ фразъ. Это обстоятельство заставило Розиту пригласить нѣкую m-me Гуарени, испанку по рожденію, чтобы научиться у нея испанскому языку. M-me Гуарени была женщина лѣтъ шестидесяти, худенькая, блѣдная, съ изящными манерами порядочной особы. Она являлась на уроки чрезвычайно акуратно, и всякій разъ ей приходилось ожидать пробужденія Розиты и присутствовать при совершеніи ея туалета.

— Барыня сейчасъ выйдетъ, потрудитесь подождать *немножечко*... говорила Орели; но это «*немножечко*» въ большинствѣ случаевъ равнялось полутора часамъ напрасно потраченнаго времени.

Мало-по-малу Розита замѣтила, что Орели относится чрезвычайно сочувственно къ m-me Гуарени и проводитъ съ нею все свободное время. Когда уроки m-me Гуарени прекратились, Орели попросила свою пріятельницу посѣщать ее и, въ продолженіе цѣлаго полугода, испанка являлась въ домъ Розиты почти ежедневно. Пріятельницы запирались въ отдѣльной комнатѣ и вели продолжительные разговоры. Но о чемъ онѣ

Digitized by Google

разговаривали, что связывало этихъ двухъ женщинъ—никто не зналъ... Лѣтомъ, Орели заявила своей барынѣ, что ей необходимо уходить изъ дому каждый мѣсяцъ разъ или два.

— Я буду уѣзжать на цѣлый день... мнѣ такъ нужно, сказала она, и Розита не смѣла отказать ей въ такой законной просьбѣ.

Въ началѣ іюля, въ одинъ прекрасный жаркій день, Орели вышла рано утромъ, предупредивъ Розиту, что вернется не раньше вечера. Таинственныя отлучки Орели давно уже интересовали всю прислугу, и на этотъ разъ маленькому груму было поручено прослѣдить, куда отправится Орели. Оказалось, что, придя на станцію Сѣверной желѣзной дороги, Орели взяла билетъ и сѣла въ вагонъ. Селестинъ не зналъ, что ему дѣлать: поѣхать вмѣстѣ съ Орели и слѣдить за нею до конца ея путешествія—онъ не былъ уполномоченъ и возвратился домой, крайне раздраженный своей неудачей...

— Что же намъ дѣлать, Орели? спросила Розита, передавъ своей горничной подробности происшедшей ссоры между нею и княземъ.—Что намъ дѣлать? Бросить Крикетъ!.. Нѣтъ, я никогда не рѣшусь на такой безжалостный поступокъ!

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, сударыня. Конечно, если-бы явилась возможность отдать дѣвочку въ пансіонъ—это было бы самое лучшее... Но,къ несчастію, Крикетъ связана условіемъ и директоръ театра не позволитъ ей уѣхать, пока «Кри-Кри» привлекаетъ публику.

— Но что же дѣлать? что же дѣлать? съ отчаяніемъ повторяла Розита.

— Крикетъ спитъ со мною наверху... Согласитесь, сударыня, что она могла бы проводить тамъ все свободное время, вмѣсто того, чтобы торчать здѣсь, въ вашихъ комнатахъ. Князь никогда не заглядываетъ въ верхнія комнаты и, слѣдовательно, Крикетъ не будетъ попадаться ему на глаза... Такимъ образомъ главное затрудненіе исчезнетъ.

— Мнѣ приходила въ голову эта мысль, смущаясь, отвѣчала Розита,— но я боялась, что вамъ, Орели, это можетъ не понравиться. Я не хотѣла васъ затруднять или разсердить.

— Меня ничто и никогда не сердитъ, сударыня... Я понимаю ваше затруднительное положеніе.

— Да, кромѣ того, я думала... мнѣ показалось... что вы не любите Крикетъ...

— Нѣтъ, сударыня, вы ошибаетесь, холодно отвѣчала Орели,—я люблю Крикетъ... люблю настолько, насколько это возможно при

Digitized by Google

моемъ характерѣ и моихъ взглядахъ на вещи... Вы сами знаете, сударыня, что я не принадлежу къ числу людей увлекающихся....

— Въ такомъ случаѣ, вы соглашаетесь принять на себя попеченіе о Крикетъ?

— Да, я соглашаюсь... Такое положеніе Крикетъ будетъ гораздо разумнѣе; иначе примѣры, которые она видитъ, сталкиваясь непосредственно съ жизнью—могутъ пагубно вліять на впечатлительную дѣвочку... Отсутствіе работы и занятій—нехорошо отзываются на дѣтяхъ ея возраста. Я даже обѣщаю вамъ, сударыня, что займусь съ Крикетъ. Я могу выучить ее писать, читать, немножко географіи...

— Да, я знаю, Орели, вы добрая, вы образованная дѣвушка... Пожалуйста, займитесь ею!

Съ этого дня, для Крикетъ началась новая жизнь, совершенно непохожая на тотъ безпрерывный рядъ праздниковъ, который она только что переживала. Единственнымъ удовольствіемъ дѣвочки сдѣлались ея поѣздки въ театръ:—исполненіе роли принцессы Колибри и краткія свиданія съ Паскалемъ. Въ продолженіе цѣлаго дня, Крикетъ должна была сидѣть въ комнатѣ Орели, занимаясь работой или приготовляя заданные уроки. Даже диктовки, которыя нѣкогда доставляли громадное удовольствіе дѣвочкѣ, благодаря умѣнью Паскаля дѣлать выборъ диктанта—теперь утомляли и наводили сонъ на Крикетъ.

Тексты изъ св. писанія, извлеченіе изъ катехизиса, отрывки изъ библейской исторіи и т. п. страшно надоѣдали Крикетъ и она со слезами на глазахъ вспоминала, какъ весело проходили ея уроки съ Паскалемъ. Тамъ, подъ развѣсистой тѣнью каштановъ, облитые яркимъ солнечнымъ лучемъ, Паскаль и Крикетъ были вполнѣ счастливы, хотя нужда и голодъ нерѣдко сторожили ихъ; здѣсь все было въ изобиліи: вкусная пища, лакомства, хорошая одежда—но не было самаго главнаго: свободы и дружбы милаго, дорогаго Паскаля.

Какъ-то разъ, когда Орели диктовала дѣвочкѣ, что «духъ Божій снизошелъ на Давида», она написала: «Духъ Божій снизошелъ на Бидаша». Поправляя ошибки Крикетъ, Орели строго побранила дѣвочку за такое непростительное невниманіе, и дѣвочка покорно выслушивала укоры своей воспитательницы.

Вечеромъ, когда Паскаль увидѣлся съ Крикетъ, онъ замѣтилъ заплаканные глаза своей подруги и спросилъ ее:

— Что съ тобою, Крикетъ; ты, кажется, плакала? Скажи, она очень сердита, твоя Орели?

Digitized by Google

— О, нѣтъ, нѣтъ, Паскаль, она вовсе не злая, горячо заступилась дѣвочка.—Съ моей стороны было бы неблагодарностью обвинять ее, когда я сама виновата. Она добрая, Орели, право добрая! Каждое утро, когда я просыпаюсь, и вечеромъ, когда ложусь спать, Орели цѣлуетъ меня. Но, знаешь, Паскаль, не смѣйся надо мною, и не думай, что я говорю глупости: Орели не умѣетъ цѣловаться... Мама... та знала цѣловать и ласкать... Нѣтъ, никто другой, кромѣ мамы, не можетъ такъ ласкать... никто, никогда не можетъ мнѣ замѣнить ее!..

Между тѣмъ единственная радость Крикетъ, ея свиданія съ Паскалемъ, мало-по-малу прекращались. Орели такъ добросовѣстно наблюдала за Крикетъ, такъ ретиво слѣдила за ея манерами, что постоянно бранила дѣвочку, если та уходила изъ своей уборной въ темный уголокъ коридора, чтобы перекинуться нѣсколькими фразами съ своимъ маленькимъ другомъ. Едва только оканчивался спектакль, какъ Орели немедленно появлялась возлѣ Крикетъ, заботливо укутывала ее въ теплый бурнусъ и увозила съ собою, не давая времени даже проститься съ Паскалемъ. Бѣдный мальчикъ грустилъ и сердился на такія препятствія, но измѣнить обстоятельства было не въ его волѣ. Каждый вечеръ, во время апоѳеоза, когда Крикетъ отвѣчала воздушными поцѣлуями на взрывъ рукоплесканій, оглашавшихъ залу, дѣвочка сознательно обращала ихъ къ Паскалю, зная, что онъ стоитъ, прижавшись въ уголкѣ, и не спускаетъ съ нея своихъ блестящихъ глазъ. Но скоро и это невинное удовольствіе было отнято у Крикетъ... Въ первыхъ числахъ августа, представленія «Кри—Кри» прекратились, и на театрѣ Porte-Saint-Martin поставлена была новая драма, въ которой не было ролей ни для Розиты, ни для Крикетъ. Зато въ ней, впервые, долженъ былъ выступить Паскаль. Правда, его роль была чрезвычайно ограничена, всего нѣсколько словъ, но тѣмъ не менѣе, Крикетъ гордилась сознаніемъ, что ея милый Паскаль выступитъ передъ лицомъ многочисленной публики.

Наступилъ день дебюта, и Крикетъ съ утра умоляла Розиту, чтобы та взяла ее съ собою. Тронутая мольбами дѣвочки, Розита согласилась, но, посовѣтовавшись съ Орели, взяла назадъ свое обѣщаніе. Въ этотъ вечеръ Крикетъ горько плакала, испытывая невыносимыя страданія: «Паскаль дебютировалъ, Паскаль впервые выступилъ на сцену, и она, единственный другъ Паскаля, не была въ театрѣ, не рукоплескала ему»!.. Дѣвочка металась въ кровати, прислушивалась къ каждому стуку, нетерпѣливо ожидая, что Розита вернется изъ театра и разскажетъ ей, какъ прошелъ дебютъ. Пробило полночь, а Розита все еще не

Digitized by Google

возвращалась; Орели, убравъ работу, сошла внизъ, а маленькая Крикетъ строила различные планы: какъ бы ей узнать о дебютѣ Паскаля? Заслышавъ стукъ подъѣзжающаго экипажа, Крикетъ не выдержала, вскочила съ постели и въ одной рубашкѣ, съ развѣвающимися по плечамъ черными волосами, спряталась въ уголкѣ у перилъ лѣстницы.

— Мамочка! мамочка! скажите мнѣ, какъ игралъ Паскаль! хотѣла крикнуть дѣвочка, но ея голосъ задрожалъ и порвался, когда она увидѣла, что, вслѣдъ за Розитой, по лѣстницѣ поднимается князь Савелинъ.

Крикетъ отступила нѣсколько шаговъ назадъ и, дрожа отъ страха, дожидалась, пока князь пройдетъ мимо нея: она инстинктивно чувствовала, что князь ненавидитъ ее и невольно вспоминала ту сцену, когда онъ наступилъ на нее, въ маленькой гостинной танцовщицы.

Робкаго вопроса Крикетъ никто не слыхалъ; разговаривая съ Розитой, князь произнесъ слѣдующую фразу:

— И какая это дурацкая драма!

Крикетъ вздрогнула. Она не знала, что русскіе вообще грубы и не всегда умѣютъ выражаться деликатно. На слѣдующее утро, Крикетъ нетерпѣливо ждала Паскаля, вполнѣ увѣренная, что мальчикъ прибѣжитъ подѣлиться съ нею своими впечатлѣніями. Но Паскаль не приходилъ. Спросить Розиту о результатахъ дебюта Паскаля, — дѣвочка не рѣшалась: князь Савелинъ уѣзжалъ въ Петербургъ и Розита дорожила каждой минутой его пребыванія въ Парижѣ. На другой день отъѣзда князя Савелина, Розита должна была ѣхать въ Діеппъ вмѣстѣ съ Крикетъ и Орели.

Часовъ около пяти, когда Крикетъ сидѣла въ своей комнатѣ за урокомъ географіи и силилась запомнить, какіе города и рѣки находятся во Франціи, кто-то тихо постучалъ въ ея дверь. Въ комнату вошелъ маленькій грумъ и, таинственно оглядываясь вокругъ, спросилъ:

— Никого здѣсь нѣтъ?

— Никого, отвѣчала дѣвочка.

— Въ такомъ случаѣ возьмите... Это отъ того маленькаго актера, котораго вы знаете... Но, пожалуйста, осторожнѣе, у m-lle Орели зоркіе глаза!.. Маленькій актеръ ждетъ на улицѣ. Если захотите отвѣчать, такъ поскорѣе принесите мнѣ письмо, и я передамъ ему. Я буду ждать васъ въ передней.

И онъ сунулъ въ руки изумленной дѣвочки небольшой листъ почто-

Digitized by Google

вой бумаги, сложенной въ четверо. Крикетъ развернула письмо и прочла слѣдующее.

«Моя роль удалась; публика смѣялась и осталась очень довольна, а это все, что нужно. Фразы, которыя я произносилъ, заключали въ себѣ много комичнаго и потому публика смѣялась... Бываетъ и такъ, Крикетъ, что публика смѣется, оскорбляя мысль актера. Но здѣсь—ничего подобнаго не было. Авторы мною довольны. Они меня очень хвалили. Сегодня я приходилъ къ тебѣ утромъ, но меня не приняли. Это все распоряженія твоей противной m-lle Орели. А вотъ грумъ у васъ—хорошій мальчикъ, очень хорошій! Онъ обѣщалъ мнѣ, что доставитъ тебѣ это письмо. Насъ хотятъ разлучить, Крикетъ, но это ей не удастся, твоей противной злючкѣ. Я всегда буду любить тебя, Крикетъ, всегда! и мы опять увидимся. Прощай, Крикетъ, цѣлую тебя крѣпко... Я такъ доволенъ, что моя роль имѣла успѣхъ. И ты, моя Крикетъ, я увѣренъ, ты тоже довольна».

Да, Крикетъ была довольна и счастлива, но она плакала горькими слезами, читая это письмо своего милаго Паскаля. Итакъ, ихъ хотятъ разлучить! Онъ ожидалъ отвѣта на свое письмо, онъ стоялъ на улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея дома, а между тѣмъ она не могла ни выбѣжать, ни взглянуть на него!.. Первымъ движеніемъ Крикетъ было броситься на улицу и упасть въ объятія Паскаля, но она знала, что привратникъ не выпуститъ ея, что лакей остановитъ и приведетъ назадъ въ эту комнату, сдѣлавшуюся ея тюрьмою. Вся прислуга трепетала предъ Орели и никто не осмѣлился бы нарушить ея приказаніе. Крикетъ понимала, что только маленькій грумъ, благодаря своей неопытности, выказалъ такую храбрость. Подумавъ немножко, Крикетъ рѣшила, что лучше написать къ Паскалю, чѣмъ подвергаться гнѣву Орели, которая можетъ навсегда запретить ей всякія свиданія съ нимъ. Кто знаетъ, она, можетъ быть, даже прогонитъ грума, и бѣдный мальчикъ потеряетъ хорошее мѣсто ради своей неосторожности.

Взявъ листикъ бумаги, Крикетъ написала:

«Да, Паскаль, я очень, очень довольна твоимъ успѣхомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень несчастна. Я буду любить тебя, Паскаль, я люблю тебя, очень люблю и никогда не перестану любить!»

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, и Крикетъ поспѣшила спрятать письмо въ карманъ. Пользуясь какимъ-то предлогомъ, дѣвочка выбѣжала изъ своей комнаты и направилась въ переднюю. Маленькій

Digitized by Google

грумъ сидѣлъ одинъ; не зная, какъ поблагодарить его за оказанную услугу, Крикетъ обняла мальчика и, цѣлуя его въ обѣ щеки, проговорила:

— Спасибо тебѣ, спасибо!—Кровь простолюдинки заговорила въ этой изящно одѣтой дѣвочкѣ, и она почувствовала горячую симпатію къ бѣдному мальчику, такому же одинокому и несчастному, какъ и она сама.

На другой день, часовъ въ десять утра, Розита позвала къ себѣ Орели.

— Возьмите экипажъ, сказала она,—и поѣзжайте немедленно къ Плантину. Эти дни я такъ сильно занята, что мнѣ некогда позаботиться о Крикетъ... Кромѣ того, я умираю отъ усталости.

— Что вы прикажете передать г. Плантину?

— Спросите его, въ какомъ положеніи находится дѣло по опекѣ Крикетъ. Я дала ему нѣкоторыя порученія и надѣюсь, что онъ исполнилъ мою волю. Я чувствую себя глубоко виновной предъ этой дѣвочкой, я была такъ легкомысленна... Но отъѣздъ князя... хлопоты... заботы...

— Но развѣ это такъ необходимо? Вѣдь мы вернемся въ Парижъ черезъ мѣсяцъ, не болѣе.

Орели произнесла эти слова такъ медленно, что каждый наблюдательный человѣкъ могъ замѣтить, что она поглощена какою-то тайною думой; но Розита не обратила никакого вниманія на смущеніе своей горничной. Часа черезъ полтора Орели входила въ кабинетъ дѣльца.

— Скажите, пожалуйста, какую еще опеку придумала Розита, моя барыня?

— О, это все пустяки! отвѣчалъ Плантинъ.—Я нарочно придумалъ всю эту махинацію... А что, развѣ она не забыла еще этой несчастной фантазіи?

— Кажется, не забыла, тѣмъ болѣе, что она нарочно послала меня сегодня къ вамъ. Но скажите, г. Плантинъ, чего она желала отъ васъ?

— Она хочетъ быть опекуншей этой дѣвочки, а между тѣмъ это невозможно.

— Почему?

— Потому, во-первыхъ, что m-lle Розитѣ нѣтъ пятидесяти лѣтъ...

— А потомъ? Вы сказали: во-первыхъ? Значитъ, есть что-нибудь и во-вторыхъ?

— Несомнѣнно. Мировой судья, отъ котораго зависитъ утвержденіе правъ опеки, никогда не довѣритъ попеченія о дѣвочкѣ такой женщинѣ, какъ Розита... Вы меня понимаете, надѣюсь?

Digitized by Google

— Конечно... Слѣдовательно, еслибы m-lle Розита жила иначе?...

— Ну, понятно... Еслибы она пользовалась общимъ уваженіемъ...

— Итакъ: необходимы почтенный возрастъ и честное незапятнанное имя...

— Таковъ смыслъ закона...

— Не можете ли вы, г. Плантинъ, указать мнѣ тѣ статьи, которыя подтверждаютъ ваши слова?

— Зачѣмъ это вамъ?

— Чтобы доказать барынѣ, какъ я внимательно исполняю каждое ея порученіе... Потрудитесь исполнить мою просьбу, г. Плантинъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Взгляните: вотъ статья 361 и послѣдующія... всѣ они говорятъ о попечительствѣ и опекѣ. Предупреждаю васъ, добавилъ онъ, видя, что Орели выражаетъ желаніе прочесть эти статьи,—ихъ не такъ-то легко понять...

— Вы совершенно правы, отвѣчала Орели, пробѣжавъ глазами два первые пункта.—Для меня многое остается непонятнымъ, но это ничего не значитъ. Я передамъ барынѣ, что, по закону, ей нельзя быть опекуншей Крикетъ.

И дѣйствительно, Орели сообщила Розитѣ, что, по мнѣнію Плантина, ей нельзя принять на себя обязанности опекунши. Но она, конечно, не сказала своей барынѣ, что по дорогѣ домой она зашла въ книжный магазинъ и купила кодексъ законовъ, желая на свободѣ хорошенько ознакомиться съ тѣми статьями, на которыя указывалъ ей опытный дѣлецъ.

Черезъ недѣлю Розита, Орели и Крикетъ были уже въ Діеппѣ. Прошло нѣсколько дней; Розита едва успѣла устроиться въ новомъ жилищѣ, какъ князь Савелинъ прислалъ ей слѣдующее письмо:

«Дорогая моя Розита! Возвратившись на родину, я нашелъ дѣла мои страшно запутанными. Моя надежда возвратиться въ Парижъ чрезъ двѣ недѣли оказалась несбыточной. Мнѣ придется остаться здѣсь мѣсяца три-четыре, а, можетъ быть, и полгода. Жить безъ васъ—я не въ силахъ. Умоляю васъ, немедленно по полученіи этого письма, выѣзжайте изъ Діеппа въ Россію. Если вы исполните мою просьбу, то я обѣщаю вамъ устроить ваши дѣла. Еще одно условіе: вы, конечно, не возьмете съ собою эту маленькую дѣвочку и отдадите ее въ пансіонъ; я съ удовольствіемъ буду платить за ея воспитаніе. Въ настоящую минуту мы переживаемъ тяжелые дни въ Россіи: со всѣхъ сторонъ раздаются стоны, по поводу предполагаемаго освобожденія крестьянъ. Прощайте,

Digitized by Google

Розита, я люблю васъ и скучаю въ разлукѣ съ вами. Да хранитъ васъ Богъ».

Получивъ это письмо, Розита позвала къ себѣ Орели.

— Сегодня въ полдень мы ѣдемъ въ Парижъ, а оттуда въ Петербургъ, сказала она.—Я сейчасъ получила письмо отъ князя, онъ зоветъ меня къ себѣ и обѣщается устроить мои дѣла. Прочтите письмо, Орели.

Взявъ письмо изъ рукъ барыни, Орели внимательно прочла его и, возвращая обратно, сказала:

—Да, конечно, я понимаю, что вамъ нельзя колебаться... вы должны ѣхать и какъ можно скорѣе... Но я, я отказываюсь сопровождать васъ.

— Какъ, вы не ѣдете!

— Извините, сударыня, но я должна отказаться... Я не могу болѣе служить у васъ!

— Какъ, вы хотите уйти отъ меня!! Нѣтъ, Орели, это невозможно, вы шутите!

— Нѣтъ, сударыня, я не шучу! Я слишкомъ устала... я совершенно утомлена. Еслибы вы оставались въ Парижѣ, я еще могла бы исполнять свои обязанности, но ѣхать въ Россію я не могу.

— Вотъ какъ! Вы, вѣроятно, очень разбогатѣли, Орели, если можете позволить себѣ такую роскошь?..

— Нѣтъ, сударыня; вы отлично знаете, что у меня нѣтъ состоянія; но, благодаря экономіи и труду, мнѣ удалось скопить маленькій капиталъ. Я прожила у васъ пятнадцать лѣтъ и честно служила вамъ... Я не буду оспаривать, что имѣла большіе доходы, занимая мѣсто горничной въ такомъ домѣ, какъ вашъ. Но повторяю, что я никогда не воровала у васъ и оберегала ваши интересы. Не будь меня, васъ обворовывали бы на каждомъ шагу.

— Да, да, въ этомъ я увѣрена, подтвердила Розита.—Но во всякомъ случаѣ, Орели, меня удивляетъ, что вы рѣшаетесь такъ неожиданно покинуть меня!

— Я никогда не рѣшилась бы на такой поступокъ, сударыня, еслибы вы не уѣзжали въ Россію...

— Итакъ, вина на моей сторонѣ... Хорошо, Орели, я сознаюсь, что поступила неблагоразумно... Я поѣду одна, а вы останетесь здѣсь и можете отдохнуть на свободѣ. Надѣюсь, что въ недѣлю или двѣ вы

Digitized by Google

успѣете приготовиться къ этому путешествію и можете пріѣхать въ Россію?

— Нѣтъ, сударыня, ни чрезъ недѣлю, ни чрезъ двѣ, ни даже черезъ мѣсяцъ—я не поѣду въ Россію. А такъ какъ вамъ необходимо ѣхать...

— Но, Орели, вы ставите меня въ невозможное положеніе!

— Что дѣлать, сударыня, но я не могу поступить иначе!

— Но это ужасно, это ужасно! твердила Розита. — Вы меня рѣжете безъ ножа! Что я буду дѣлать съ Крикетъ? Куда я ее дѣну? Послушайте, Орели, сдѣлайте мнѣ еще одну услугу. Вы себѣ представить не можете, какъ мнѣ тяжело разстаться съ Крикетъ, но что дѣлать, это необходимо... Я рѣшилась отдать ее въ пансіонъ... Но обѣщайте мнѣ, Орели, что вы не покинете дѣвочку, что вы будете навѣщать ее каждый день и писать мнѣ, какъ она поживаетъ.

— Извините, сударыня; но я не могу исполнить вашего желанія. Я предполагаю уѣхать изъ Парижа.

— Нѣтъ, Орели, не отказывайтесь! Съ своей стороны я буду платить вамъ во время своего отсутствія то же самое жалованье, которое вы получали до сихъ поръ. Согласитесь, что это отличныя условія: получать пятнадцать тысячъ франковъ и ничего не дѣлать!

— Нятнадцать тысячъ франковъ — сумма очень значительная, но, ради нея даже, я не могу остаться въ Парижѣ.

— А, понимаю! Въ такомъ случаѣ вы, значитъ, дѣйствительно разбогатѣли.

— Повторяю вамъ, что вы ошибаетесь, сударыня... Но если вы хотите поручить мнѣ Крикетъ, то...

— То? повторила Розита.

— Я готова безвозмездно заботиться о ней. Я не хочу, чтобы вы оплачивали деньгами мои заботы объ этомъ ребенкѣ. Крикетъ будетъ моя дочь... она будетъ принадлежать только мнѣ одной.

— Вамъ одной?

— Да. Я хочу уѣхать въ провинцію, въ Ліонъ, гдѣ у меня есть друзья и знакомые. Я посвящу свою жизнь заботамъ о воспитаніи дѣвочки, и эта дѣятельность наполнитъ остатокъ моихъ дней. Я дамъ Крикетъ хорошее воспитаніе; я научу ее трудиться; выдамъ замужъ за честнаго человѣка и буду любоваться ея счастіемъ... Я хочу, чтобы она была честной женщиной...

Между Орели и Розитой завязался продолжительный разговоръ, и въ

Digitized by Google

концѣ концовъ танцовщица уступила желаніямъ своей горничной. Правда, Розита долго колебалась и плакала, сознавая, что не имѣетъ права распоряжаться судьбою дѣвочки. У нея мелькнула мысль, не лучше-ли ей отдать Крикетъ на воспитаніе къ своей матери... Но она живо вспомнила свое дѣтство и тотъ фактъ, что родная мать продала ее богачу-банкиру за ежегодную пенсію въ тысячу двѣсти франковъ. Тотъ день,—когда она, Розита, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, не знающая ни людей, ни жизни, была принесена въ жертву разжирѣвшему Минотавру — воскресъ въ памяти танцовщицы и она рѣшила, что у Орели—Крикетъ будетъ все-таки лучше...

«Выдамъ за честнаго человѣка, она будетъ честная женщина»! эти фразы ласкали слухъ Розиты и она, какъ большинство женщинъ легкаго поведенія, невольно увлекалась ими. Ей даже казалось, что она исполняетъ священный долгъ, поручая Крикетъ Орели, которая давала ей слово устроить счастіе ребенка.

Часа черезъ два послѣ этого разговора, на дебаркадерѣ желѣзной дороги происходила трогательная сцена: Розита горячо обнимала Крикетъ и, осыпая поцѣлуями поблѣднѣвшее личико ребенка, говорила:

— Прощай, мой ангелъ, прощай, моя милочка!.. Пиши ко мнѣ, я тоже буду писать тебѣ много и часто... Орели, вы когда думаете уѣхать?

— Черезъ недѣлю.

— А гдѣ вы будете жить?

Орели сказала адресъ; локомотивъ свиснулъ и поѣздъ помчался, унося съ собою Розиту. Прощаясь съ своей благодѣтельницей, Крикетъ много плакала, но она еще не сознавала всей глубины своего несчастія.

Въ тотъ же вечеръ Орели написала слѣдующее письмо къ своей пріятельницѣ, г-жѣ Пинглэ, привратницѣ дома № 11 на набережной Селестина, въ Ліонѣ.

«По вашему адресу будутъ приходить письма на мое имя; потрудитесь вкладывать ихъ въ другіе конверты и, надписавъ: «Орели Ришаръ, г. Бовуа, до востребованія»,—пересылать ко мнѣ. Съ своей стороны, я буду доставлять вамъ письма, которые попрошу опускать въ почтовый ящикъ въ Ліонѣ. Если кто нибудь будетъ спрашивать васъ обо мнѣ, скажите, что я дѣйствительно живу въ вашемъ домѣ и уѣхала только на время — мѣсяца на два. На вопросы о маленькой дѣвочкѣ, живущей у меня, отвѣчайте, что она вполнѣ здорова и весела».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г-жа Пинглэ, называвшаяся тогда

Digitized by Google

m-lle Рембломъ, приходила работать поденно къ Розитѣ; въ качествѣ портнихи она часто оставалась одна въ комнатахъ. Какъ-то разъ, Орели нашла въ ея карманѣ кольцо Розиты, украденное съ туалета. Она имѣла полную возможность обвинить эту женщину въ воровствѣ и отдать ее въ руки полиціи; но Орели была практичная женщина, она не сдѣлала скандала, разсчитывая со временемъ воспользоваться услугами Луизы Рембломъ.

Вечеромъ, въ день отъѣзда Розиты, когда Крикетъ, наплакавшись вдоволь, уснула въ своей постелькѣ, Орели достала кодексъ законовъ и принялась внимательно читать его.

VII.

Итакъ, судьба Крикетъ находилась всецѣло въ рукахъ Орели.

Сообщимъ въ краткихъ чертахъ біографію этой женщины. Орели Ришаръ, уроженка Бургундіи, родилась 17 сентября 1810 г. въ замкѣ Мартиньи. Ея отецъ занималъ мѣсто садовника у графа де-Люстракъ, а мать была довѣренной домоправительницей въ богатомъ замкѣ знатныхъ аристократовъ.

Когда Орели было три дня отъ роду, молодая графиня де-Люстракъ произвела на свѣтъ дочь Валентину и графъ рѣшилъ взять къ себѣ въ домъ маленькую Орели, находя, что его дочери необходима подруга для игръ и занятій.

Проходили годы, и дѣтская дружба двухъ дѣвочекъ, Орели и Валентины, усиливалась и крѣпла, радуя родительскія сердца. Не смотря на совершенно одинаковое воспитаніе и образованіе, получаемое дѣвочками, Орели и Валентина рѣзко отличались одна отъ другой по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ.

Валентина де-Люстракъ, добрая, веселая, но крайне вспыльчивая дѣвочка—поражала воспитателей своею лѣностью и нелюбовью къ занятіямъ. Орели, напротивъ того, восхищала учительницъ и учителей серьезнымъ складомъ своего характера и замѣчательнымъ прилежаніемъ. Въ 17 лѣтъ она знала гораздо болѣе своей титулованной подруги и могла похвастаться своимъ образованіемъ. Восемнадцати лѣтъ, Валентина де-Люстракъ вышла замужъ, а бѣдная Орели, развитая и воспитанная, какъ барышня, принуждена была занять мѣсто горничной, т. е. снова возвратиться въ ту сферу, изъ которой ее извлекла капризная судьба.

Digitized by Google

Сознавая отчасти свою вину передъ Орели, графиня де-Люстракъ предложила ей жить въ замкѣ, занимаясь шитьемъ и хозяйствомъ. Она назначила Орели хорошее жалованье и сказала, что даетъ ей въ приданое десять тысячъ франковъ. Это обстоятельство привлекло много жениховъ, и отецъ Орели не разъ совѣтовалъ ей подумать о будущемъ и выбрать себѣ хорошаго мужа. Но гордая дѣвушка наотрѣзъ отказывала женихамъ, говоря, что еще не думаетъ о супружествѣ.

Въ глубинѣ души она таила другія надежды. Ей хотѣлось выйти за чиновника, сдѣлаться барыней и, живя въ какомъ нибудь провинціальномъ городкѣ, выдавать себя за аристократку. Но судьба рѣшила иначе. Задумавъ сдѣлать нѣкоторыя перестройки въ своемъ замкѣ, графъ де-Люстракъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго архитектора. Условившись въ цѣнѣ, архитекторъ прислалъ въ замокъ своихъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ ними—своего помощника и лучшаго ученика, Пьера Грассу. Появленіе парижскаго франта въ такомъ уголкѣ Бургундіи роковымъ образомъ отразилось на судьбѣ Орели.

Мѣсяца чрезъ четыре, когда работы по исправленію замка окончились, Пьеръ уѣхалъ изъ Мартиньи, а въ ту же ночь исчезла Орели Ришаръ, покрывъ позоромъ честное имя своего отца.

Въ продолженіе всего пребыванія Пьера Грассу въ замкѣ Мартиньи, Орели была его любовницей и, не имѣя силъ помириться съ разлукой—бѣжала изъ родительскаго дома вслѣдъ за своимъ милымъ.

Всѣмъ извѣстно, что старое сухое дерево горитъ быстро и ярко; охваченное огнемъ — оно не противодѣйствуетъ ему. Такъ было и съ Орели. Она покорно отдалась порыву страсти, толкнувшему ее въ объятья Пьера, и не торгуясь о своемъ будущемъ, не ставя никакихъ условій—отдалась, потому что полюбила; полюбила—потому что жизнь проснулась въ ней и настойчиво заговорила о своихъ правахъ.

Пьеръ Грассу не питалъ ни малѣйшаго чувства любви къ Орели: онъ былъ истый парижанинъ; онъ скучалъ въ глухой провинціи и, конечно, не считалъ нужнымъ отказываться отъ неожиданнаго романа съ хорошенькой домоправительницей графскаго замка. Уѣзжая изъ Мартиньи, Пьеръ былъ твердо увѣренъ, что навсегда разстается съ Орели, и крайне радовался прекращенію этого прѣснаго романа, но судьба не благоволила къ нему. Дня чрезъ два послѣ возвращенія Пьера въ Парижъ, въ его комнатѣ появилась Орели. Молодой архитекторъ былъ взбѣшенъ такимъ нахальствомъ и хотѣлъ выгнать бѣдную дѣвушку.

Онъ слишкомъ молодъ, чтобы связывать свою судьбу и принимать на

Digitized by Google

себя какую нибудь отвѣтственность. Да, наконецъ, развѣ онъ обѣщалъ ей что-либо? Еслибы онъ только предполагалъ, что она способна такъ назойливо относиться къ нему,—онъ и не посмотрѣлъ бы на нее.

Орели Ришаръ стояла на колѣняхъ и горько плакала, выслушивая эти упреки и оскорбленія. Она цѣловала ноги любимаго человѣка, умоляя не выгонять ее изъ квартиры.

«Ей ничего, ничего не нужно, кромѣ пріюта, кромѣ возможности жить возлѣ него... Она хочетъ быть рабою, простою служанкою Пьера. Она будетъ приготовлять ему кушанье, чинить бѣлье и, вмѣсто всякой платы, ей нуженъ одинъ взглядъ любимаго человѣка».

Пьеръ Грассу уступилъ. Ему надоѣли ея настойчивыя просьбы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сильно льстили его самолюбію: «какъ она меня любитъ... о, какъ любитъ!» съ довольной усмѣшкой думалъ франтъ.

Съ этого дня, для Орели наступила мучительная жизнь. Пьеръ Грассу сознательно унижалъ свою любовницу, попрекалъ и билъ ее, выгонялъ изъ квартиры въ холодныя зимнія ночи. Бѣдная дѣвушка проводила цѣлые часы у его дверей, какъ вѣрный песъ, ожидая возвращенія разгнѣваннаго хозяина. Лежа на лѣстницѣ, на холодномъ каменномъ полу, Орели горько плакала, сознавая свое несчастіе. Эта жосткая, гордая дувушка безропотно переносила всякія униженія отъ Пьера и плакала лишь о томъ, что не умѣетъ заставить его любить себя. Никогда самые жестокіе побои Пьера не встрѣчали отпора съ ея стороны. Она кротко улыбалась и цѣловала бьющую руку.

Но терпѣніе Орели наконецъ изсякло. Случилось событіе, заставившее ее навсегда возненавидѣть Пьера Грассу.

— Я женюсь! сказалъ какъ-то Пьеръ, возвратившись домой и не обращая вниманія на волненіе Орели, едва не лишившейся чувствъ при такомъ неожиданномъ извѣстіи.

— Когда? прерывающимся голосомъ спросила Орели.

— Завтра... небрежно отвѣчалъ Пьеръ, и затѣмъ принялся собирать и укладывать вещи своей возлюбленной.

Орели Ришаръ стояла, прислонясь къ стѣнѣ, и мрачнымъ взоромъ слѣдила за этими приготовленіями. Ея воспаленные глаза были сухи, на губахъ блуждала горькая улыбка, и въ это мгновеніе всѣ нѣжныя чувства навсегда умерли въ душѣ Орели. Впослѣдствіи, Орели вспоминала, что въ ней боролись тогда три желанія: убить себя, убить его, убить ее. Но она не сдѣлала никакого преступленія и осталась жить... если, конечно, можно назвать жизнью такое существованіе.

Digitized by Google

Сердце и душа Орели навсегда умерли. Она сдѣлалась живымъ мертвецомъ и, выходя изъ квартиры Пьера, глубоко ненавидѣла себя за пережитыя униженія. Что дала ей чистая привязанность къ Пьеру?! Ничего—кромѣ оскорбленій, побоевъ и вѣроломства. Свою ненависть къ Пьеру—Орели перенесла на всѣхъ мужчинъ, и въ двадцать девять лѣтъ, когда сердце каждой женщины жадно откликается на любовь, когда мечты рисуютъ заманчивыя картины семейной жизни, Орели поставила крестъ надъ прошлымъ и отказалась отъ всякаго будущаго.

Получивъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мѣсто горничной у Розиты, Орели имѣла возможность провѣрить на практикѣ свои выводы и положенія относительно любви или, вѣрнѣе, того чувства, недостойнаго человѣчества, которое принято называть «любовью».

Благодаря полученному образованію и умѣнью угадывать позорныя стороны людей, Орели скоро пріобрѣла первенствующее значеніе въ домѣ танцовщицы, и легкомысленная Розита незамѣтно очутилась во власти своей камеристки. Послѣ пятнадцатилѣтней «безукоризненной службы», Орели вздумала свести итоги своей дѣятельности. Она могла быть вполнѣ довольна ея результатами. За этотъ срокъ Орели скопила себѣ кругленькій капиталъ въ триста тысячъ франковъ. Правда, за это же время Розита сосчитала свои долги — и ихъ оказалось ровно на такую же сумму. Такимъ образомъ, вся дѣятельность танцовщицы—театральная и интимная—сводилась къ одному результату: скорому обогащенію Орели.

Розита,—продуктъ современнаго извращенія нравовъ,—рано начала свою печальную жизнь. Проданная родною матерью богачу-банкиру за довольно крупную сумму, — эта дѣвушка въ продолженіе восемнадцати лѣтъ тянула унизительную лямку полу-актрисы, полу-кокотки: она ѣла безъ апетита, пила, не ощущая жажды, смѣялась, когда хотѣлось плакать, и, наконецъ, любила, когда все существо ея инстинктивно ненавидѣло,—и всѣ эти безкровныя, но мучительно тяжелыя жертвы приносились во имя выгодъ Орели... Страшная судьба, не правда ли?

А сколько невинныхъ жертвъ погибло въ этой борьбѣ! Молодой человѣкъ, чистый, свѣжій юноша, не знающій порока и злобы дня, имѣлъ несчастіе влюбиться въ Розиту. Онъ былъ бѣденъ, неизвѣстенъ, и танцовщица отвергла его. Онъ застрѣлился у дверей квартиры жестокой красавицы, а полгода спустя, умерла мать юноши, истомленная горемъ и тоскою по безвременно погибшемъ сынѣ.

Красавица-жена одного изъ поклонниковъ Розиты страстно любила своего мужа; она узнала, что ее обманываютъ ради танцовщицы и...

Digitized by Google

сошла съ ума. Бѣдную женщину помѣстили въ больницу, и тамъ, въ горячечной рубахѣ, несчастная жертва металась и билась, повторяя проклятья той, которая разбила ея счастіе, отняла у нея мужа, сдѣлала сиротами троихъ дѣтей...

Старикъ-графъ, почтенный и уважаемый членъ одного изъ аристократическихъ клубовъ, не имѣя средствъ удовлетворить какую-то прихоть Розиты, требовавшей немедленно затраты въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ—сдѣлалъ передержку въ картахъ. Его уличили, опозорили, изгнали изъ общества... Я никогда не кончилъ бы перечня всѣхъ жертвъ Розиты и потому напомню только о русскомъ баричѣ, владѣтелѣ 5,000 душъ (человѣческихъ?!), которыя работали дни и ночи, чтобы только удовлетворить потребности своего господина, переносили голодъ, холодъ и жажду во имя выгоды Розиты и, главнымъ образомъ, Орели Ришаръ.

Но чѣмъ болѣе увеличивался капиталъ Орели, тѣмъ сильнѣе занималъ ее вопросъ: какъ она устроится въ будущемъ?

Вѣчное положеніе горничной, конечно, не удовлетворяло тщеславную дѣвушку. Она хотѣла жить своимъ домомъ и всецѣло пользоваться результатами своихъ трудовъ. Но оставаться въ Парижѣ, гдѣ, благодаря извѣстности Розиты, Орели имѣла массу знакомыхъ—казалось ей неудобнымъ. Она желала совершенно вычеркнуть свое прошлое и, обладая значительнымъ капиталомъ,—пользоваться обезпеченнымъ и почетнымъ положеніемъ. Продолжая жить въ Парижѣ, она рисковала время отъ времени встрѣчаться съ такими лицами, которыя могли ей напомнить былое униженіе и сказать: «я — твой бывшій господинъ; ты мнѣ обязана своимъ благосостояніемъ; давая деньги Розитѣ—я обогащалъ тебя».

Въ это трудное время раздумыванья и различныхъ колебаній, Орели встрѣтилась съ графинею Гуарени. Вдова заслуженнаго полковника, сражавшагося въ рядахъ карлистовъ, m-me Гуарени скрывала свой титулъ и жила тѣмъ, что давала уроки испанскаго языка. Эта дѣятельность столкнула ее съ Розитой, которой понадобилось произнести нѣсколько испанскихъ фразъ, и знакомство между Орели и графиней Гуарени скоро превратилось въ тѣсную дружбу.

Орели Ришаръ скоро поняла, какую громадную выгоду она можетъ извлечь изъ графини и предложила ей союзъ. Благодаря дипломатическому такту Орели, графиня согласилась на предложеніе своей знакомой, и пріятельницы порѣшили слѣдующее.

Digitized by Google

Имъ обѣимъ надоѣлъ Парижъ и онѣ охотно поселятся гдѣ нибудь въ провинціи: связи и выдающееся соціальное положеніе графини даетъ возможность принимать у себя избранное общество въ провинціи, а капиталъ Орели и ея хозяйственныя способности обезпечатъ экономическую сторону жизни. Графиня была чрезвычайно довольна такимъ договоромъ: онъ давалъ ей возможность отдохнуть и снова переселиться въ родной городъ Бовуа, гдѣ протекли лучшіе годы ея молодости. Для Орели эта комбинація представлялась безконечно счастливой: въ подругѣ графини Гуарени никто, конечно, не станетъ искать бывшей возлюбленной Пьера Грассу, а тѣмъ болѣе—ловкой камеристки танцовщицы Розиты, и Орели можетъ начать новую, вполнѣ почтенную дѣятельность.

Появленіе маленькой Крикетъ въ домѣ Розиты окончательно убѣдило Орели въ необходимости рѣшительнаго шага. Она вручила графинѣ Гуарени значительную сумму денегъ на устройство квартиры и обстановки въ Бовуа, сказавъ, что переѣдетъ туда вмѣстѣ съ Крикетъ, когда все будетъ окончено. Орели еще не знала, удастся-ли ей убѣдить Розиту въ необходимости разлуки съ Крикетъ, но въ своихъ планахъ она уже обдумывала и рѣшала будущее маленькой артистки. Она знала, что красота женщины—величайшая сила нашего времени и, любуясь оригинальнымъ личикомъ Крикетъ, Орели понимала, что будущее этой дѣвочки можетъ хорошо вознаградить ея воспитательницу за настоящія заботы и расходы на ея содержаніе.

Орели, какъ большинство старыхъ дѣвъ, потерявшихъ всякую надежду на счастливый бракъ, съ каждымъ днемъ дѣлалась все тщеславнѣе и набожнѣе, стараясь создать себѣ репутацію нравственной и добродѣтельной особы, посвятившей всю свою жизнь добрымъ дѣламъ. Она была увѣрена, что всѣ ея былыя прегрѣшенія простятся и забудутся, и она по праву займетъ мѣсто подруги графини Гуарени и раздѣлитъ вмѣстѣ съ нею всѣ симпатіи провинціальнаго общества.

Переѣхавъ въ Бовуа, Орели Ришаръ посѣтила монастырь св. Маріи и, познакомившись съ настоятельницей его, помѣстила маленькую Крикетъ въ число воспитанницъ духовнаго заведенія.

Странная судьба Крикетъ! 17-го марта 1860 г. она пожинала лавры на сценѣ театра Porte-Saint-Martin, а 3-го октября того же года, въ качествѣ скромной ученицы монастыря, сидѣла въ классѣ, слушая скучныя проповѣди о необходимости хорошихъ манеръ.

Digitized by Google

VIII.

На другой день послѣ отъѣзда Розиты, Орели, въ сопровожденіи Крикетъ, покинула Діепъ. Она отправилась прямо въ Бовуа, минуя Руэнъ и Аміенъ. Проживъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ графиней Гуарени, Орели сообщила Крикетъ, что ей необходимо уѣхать въ Парижъ на нѣкоторое время.

Маленькая Крикетъ (я забылъ сказать, что въ Бовуа никому не было извѣстно прозвище Крикетъ; всѣ знали ее, какъ Селину Бринкаръ, крестницу Орели Ришаръ, и даже самой маленькой артисткѣ приказали забыть ея псевдонимъ)—маленькая Крикетъ обрадовалась.

— Мамочка, крестная, возьмите меня съ собою! просила дѣвочка. Орели желала, чтобы Крикетъ называла ее дорогимъ именемъ матери, и ребенокъ покорялся этому жестокому приказанію.

— Нѣтъ, я не могу тебя взять съ собою. Ты должна остаться здѣсь, у графини Гуарени.

— Крестная, я умоляю васъ! Я такъ хочу видѣть Паскаля...

Злая улыбка скользнула по лицу Орели. «Паскаль... Паскаль! Неужели на каждомъ шагу она будетъ встрѣчаться съ этимъ мальчуганомъ? Нѣтъ, нужно принять свои мѣры и избавиться отъ такого опаснаго соперника».

— Я тебѣ обѣщаю, Селина, что Паскаль пріѣдетъ сюда къ намъ на новый годъ.

— Но это еще такъ долго, крестная! До новаго года надо прожить много недѣль?..

— Да, немало, спокойно отвѣчала Орели.—Помни, Селина, я сдѣлаю для тебя это удовольствіе только въ такомъ случаѣ, если ты будешь умна и послушна... Дѣвочка обѣщала исполнить желаніе крестной, и Орели подробно объяснила ей сущность ея обязанностей.

— Ты должна себя держать прилично, какъ настоящая барышня. Скоро я отдамъ тебя въ пансіонъ или въ монастырь и тамъ, помни, Селина, ты не должна знакомиться безъ разбора. Тамъ тоже есть бѣдныя дѣвочки, но есть и хорошія, богатыя;—старайся подружиться съ ними. Продавать цвѣты на улицѣ или сдѣлаться актрисой—это позоръ, и ты не должна разсказывать о своемъ прошломъ... У богатыхъ дѣвочекъ существуетъ только одна обязанность: слушаться своей матери, а такъ какъ твоя мать—я...

Digitized by Google

— Развѣ теперь уже *вы* — моя мать? съ удивленіемъ спросила Крикетъ.

— Но я тебѣ объясняла, Селина, что Розита никогда не была твоей матерью...

— Это я знаю, но...

Но Крикетъ не высказала своей мысли. Она была крайне удивлена, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ у нея перебывало три матери.

— Помни, Селина, что если твои сверстницы узнаютъ, что ты была актрисой,—онѣ будутъ смѣяться надъ тобой.

— За что же?! съ удивленіемъ спросила Крикетъ. Бѣдность — это несчастіе, но развѣ въ ней есть что нибудь смѣшное? Я была актрисой, я продавала цвѣты и пирожки, — потому что моя «*настоящая*» мать была больна и ей нужны были деньги... Неужели я поступала нехорошо, заботясь о своей мамѣ?

— Нѣтъ, ты исполняла свой долгъ.

— Я не просила милостыню... не лѣнилась... Да, наконецъ, ради здоровья и спокойствія мамы, я готова была собирать подаяніе, нисколько не стыдясь этого. Разъ, когда моя торговля шла очень плохо и мнѣ предстояло возвратиться домой ни съ чѣмъ, — я рѣшилась обратиться съ просьбой къ какому-то старичку: я сказала ему, что у меня больна мать, и онъ далъ мнѣ монету въ десять су... Неужели я поступила дурно?!

— Нѣтъ, я не говорю, что дурно... Но, тѣмъ не менѣе, твои подруги будутъ подсмѣиваться надъ тобой...

— Тѣмъ хуже для нихъ.

— Очень возможно. Но такова жизнь и... помни Селина, если я узнаю, что ты хоть кому нибудь разсказываешь о своемъ прошломъ и, особенно, о театрѣ, то даю тебѣ слово: ты никогда, никогда не увидишь Паскаля.

Испуганная строгимъ тономъ Орели, дѣвочка обѣщала не говорить никому, что она была актрисой. Мысль о вѣчной разлукѣ съ Паскалемъ страшила Крикетъ гораздо болѣе, чѣмъ какое либо наказаніе, и Орели выбрала хорошій способъ вліять на свою воспитанницу. Она знала, что дѣвочка умѣетъ сдержать данное слово и не боялась, что Селина Бринкаръ не исполнитъ своего обѣщанія. Наканунѣ отъѣзда Орели въ Парижъ, Крикетъ попросила позволенія написать къ Паскалю письмо и съ трудомъ нацарапала длинное посланіе на четырехъ страницахъ, переполненное орѳографическими ошибками, но такое искренное и любящее,

Digitized by Google

что сердце мальчика запрыгало бы отъ радости, еслибы онъ получилъ его...

Въ Парижѣ, Орели Ришаръ предстояло много дѣла, чрезвычайно труднаго и серьезнаго. Она должна была привлечь на свою сторону Паскаля, а это обстоятельство требовало значительной ловкости и умѣнья. Мальчикъ приходилъ почти ежедневно справляться: не пріѣхала-ли Крикетъ? и едва только Орели вошла въ квартиру своей бывшей госпожи, какъ Паскаль явился передъ нею, требуя отчета относительно своей маленькой подруги.

Орели хорошо знала человѣческое сердце и обмануть бдительность ребенка для нея не представлялось труднымъ. Она была такъ чистосердечна въ разговорахъ съ Паскалемъ, такъ много и горячо говорила съ нимъ о будущности Крикетъ, что мальчикъ упрекнулъ себя за былую недовѣрчивость.

— Я отдамъ ее въ хорошій монастырь; она сдѣлается хорошо образованной дѣвушкой, и со временемъ—составитъ счастье того, кто ее полюбитъ, говорила Орели, разсказывая Паскалю свои планы и надежды.—Ты хочешь написать къ Селинѣ; хорошо, я ничего не имѣю противъ такого желанія. Но будь ея истиннымъ другомъ, Паскаль. Давай ей хорошіе совѣты, которымъ она могла бы слѣдовать и впослѣдствіи поблагодарила бы тебя...

Видя затрудненіе Паскаля—написать письмо къ Крикетъ и давать ей совѣты, Орели любезно предложила свои услуги и продиктовала слѣдующія строки: «Милая Крикетъ! М-lle Орели разсказала мнѣ все, что она намѣрена сдѣлать для тебя. Она очень добрая, хорошая женщина и любитъ тебя. Исполняй ея волю, Крикетъ, и слушайся Орели».

— Теперь подпиши свое имя! сказала Орели, когда письмо было окончено. Но Паскаль желалъ добавить еще нѣсколько словъ.

«Пиши мнѣ, Крикетъ, я буду часто и много отвѣчать тебѣ. Я люблю тебя, моя Крикетъ, и буду всегда, всегда думать о тебѣ. Посылаю тебѣ съ m-lle Орели нумеръ газеты въ которомъ сообщается о моемъ дебютѣ. Не потеряй его, Крикетъ, я имъ очень дорожу».

Но, увы, ни нумеру газеты, ни письму Паскаля не суждено было попасть въ руки Крикетъ. Орели сказала дѣвочкѣ, что она потеряла и то и другое.

Прощаясь съ Паскалемъ, Орели дала ему свой ліонскій адресъ и просила чаще писать. Она была увѣрена, что письма мальчика не дойдутъ до Селины Бринкаръ, и Паскаль, не получая отвѣта на свои нѣж-

Digitized by Google

ныя посланія, забудетъ принцессу Колибри, понявъ, что онъ вычеркнутъ изъ сердца и головы маленькой артистки. Такое окончаніе «глупаго романа» между Крикетъ и Паскалемъ—было вполнѣ въ интересахъ Орели, и она не боялась болѣе своего недавняго врага.

Въ Парижѣ, Орели нашла письмо Розиты, въ которомъ ея бывшая госпожа поручала ей распродать все ея имущество: экипажи, лошадей, мебель и платья, но не прибѣгать къ рекламѣ, такъ какъ подобный способъ продажи напоминаетъ печальныя минуты разоренія. Полученными деньгами, Розита поручала Орели расплатиться съ поставщиками и должниками; остальную сумму въ 500 фр. Розита просила употребить на бѣлье и платье для Крикетъ. Въ заключеніе письма, танцовщица говорила: «поцѣлуйте за меня мою дорогую, маленькую Крикетъ; о, какъ бы я ее любила и берегла, еслибы только имѣла время и возможность!»

Орели Ришаръ акуратно исполнила порученія своей госпожи. Вся распродажа вещей Розиты была окончена въ четыре-пять дней, и Орели, посылая Розитѣ письменный отчетъ, не уменьшила ни одной цифры. Она была настолько богата, что могла себѣ позволить невинное удовольствіе «быть честной».

Правда, въ итогѣ распродажи у нея осталось 3,200 фр. прибыли—и она могла купить нѣсколько процентныхъ бумагъ. Откуда получилась такая прибавка—Орели и сама не понимала.

Вѣроятно, Розита ошиблась, назначая слишкомъ низкую цѣну за свои вещи, и покупатели оказались добрѣе и сговорчивѣе.

Какъ бы тамъ ни было, но Орели чувствовала себя вполнѣ довольной. Собравъ свои пожитки, она простилась со всѣми поставщиками барыни и уѣхала въ Ліонъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали всѣ обитатели улицы Трудонъ, не зная, что Орели нарочно обманывала ихъ, боясь, что кто либо вздумаетъ искать ее по оставленному адресу: на набережной Селестина, въ Ліонѣ.

Возвращаясь въ Бовуа, Орели могла быть совершенно покойна. Прошлое не существовало для нея, а будущее—представлялось безоблачно свѣтлымъ. Она начинала жизнь вполнѣ честной женщины и вступала въ кружокъ избраннаго общества.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Подъ дружескимъ покровительствомъ графини Гуарени, Орели завела знакомство съ лучшими семействами города Бовуа и вездѣ производила самое пріятное впечатлѣніе. Крикетъ была принята въ аристократическій монастырь и успѣла привлечь сим-

Digitized by Google

патію начальства и подругъ. Только одно обстоятельство сильно безпокоило Орели: маленькая Крикетъ была грустна и часто плакала.

Со времени своего пріѣзда въ Бовуа, дѣвочка написала семь писемъ къ Паскалю, а отвѣтъ получился только на два изъ нихъ. Эти письма отправлялись съ разрѣшенія Орели, но не доходили до Паскаля, потому что Крикетъ имѣла неосторожность разсказывать въ нихъ свои впечатлѣнія о городѣ Бовуа и сообщила названіе монастыря. Бѣдныя дѣти продолжали переписываться, взаимно упрекая другъ друга за неаккуратность и забывчивость; они и не подозрѣвали, что ихъ чистыя клятвы любви и вѣрности сгорали въ каминѣ Орели, возбуждая злую, насмѣшливую улыбку холодной эгоистки.—Когда Крикетъ, измученная тоской по своемъ единственномъ другѣ, спрашивала Орели: какъ объяснить непонятное молчаніе Паскаля? жестокая женщина отвѣчала, не смущаясь:

— Онъ забылъ тебя... Сдѣлай то же самое, это будетъ лучшее наказаніе!

Но Паскаль не забывалъ Крикетъ. Каждую недѣлю его письма получались въ Бовуа, нѣсколько запаздывая, благодаря своему путешествію чрезъ Ліонъ, и Орели, со злобой бросая ихъ въ каминъ, говорила:

— Экій упорный мальчишка! Ну, да ничего... погорячится и перестанетъ... То же будетъ, что и съ Розитой.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ, Орели получила только одно письмо отъ Розиты, подписанное «княгиня Савелина». Въ немъ танцовщица сообщала, что князь женился на ней, и просила сообщить ей, какъ поживаетъ Крикетъ. Орели немедленно отвѣчала ей, поздравляя со вступленіемъ въ бракъ, и затѣмъ всякая переписка прекратилась.

Между тѣмъ, наступило 1-е января 1861 года, а Паскаль все еще не получалъ обѣщаннаго Орели приглашенія—пріѣхать къ ней для свиданія съ Крикетъ. Еще за два мѣсяца до предполагаемой поѣздки, Паскаль началъ копить деньги, откладывая ежедневно по одному франку. Онъ зналъ, что билетъ 3-го класса въ Ліонъ и обратно стоитъ 62 фр. и считалъ себя вполнѣ счастливымъ, нѣсколько разъ принимаясь считать свой маленькій капиталъ. У него было 72 франка. Онъ шелъ купить для Крикетъ хорошенькую книгу въ 4 франка; онъ видѣлъ у букиниста прекрасное изданіе волшебныхъ сказокъ съ картинами... въ красномъ переплетѣ, съ золотомъ... Орели—онъ привезетъ букетъ цвѣтовъ въ 3 фр., кромѣ того, у него еще останется три франка на ѣду въ дорогѣ. Орели *сама* приглашала его и, конечно, онъ не долженъ на-

Digitized by Google

нимать себѣ комнату въ гостинницѣ... Его примутъ, какъ роднаго... какъ друга...

Паскаль не могъ заснуть всю ночь, предвкушая радость свиданія съ Крикетъ; въ самый канунъ новаго года, мальчикъ садится въ вагонъ и на другой день, 1-го января, на разсвѣтѣ, пріѣзжаетъ въ Ліонъ. Погода стоитъ ужасная; снѣгъ хлопьями валитъ сверху, покрывая крыши домовъ и залѣпляя глаза пѣшеходамъ. Но Паскаль ничего не сознаетъ. Онъ подходитъ къ дому, гдѣ живетъ его Крикетъ, и робко стучится въ дверь.

— Что вамъ надо? грубо спрашиваетъ его сердитая старуха, г-жа Пинглэ.

— Мадмуазель Орели... робко отвѣчалъ мальчикъ.

— Ея нѣтъ дома.

— Какъ? она вышла въ такую погоду?

— Ея нѣтъ въ Ліонѣ... Она уѣхала путешествовать!

— Надолго? А гдѣ же Крикетъ? замирающимъ голосомъ спрашиваетъ Паскаль, и г-жа Пинглэ, грубая, злая эгоистка, проникается невольнымъ участіемъ къ бѣдному ребенку. Она успокоиваетъ Паскаля, говоря, что Крикетъ здорова и весела; она даже предлагаетъ Паскалю оставить у нея подарки для Крикетъ и Орели, обѣщая сохранить ихъ до возвращенія путешественницъ. Паскаль соглашается, оставляетъ маленькую записочку для Крикетъ и, въ тотъ же день, уѣзжаетъ въ Парижъ. А Селина Бринкаръ, въ это время, горько оплакиваетъ своего Паскаля.

— «Я никогда болѣе не увижу его, шепчутъ ея губы, никогда; онъ разлюбилъ меня... а я люблю его еще крѣпче, еще сильнѣе»!

Паскаль возвратился въ Парижъ и, въ теченіе послѣдующихъ шести лѣтъ, его жизнь не представляла ровно ничего интереснаго. Ее можно исчерпать немногими словами. Обладая дѣйствительнымъ талантомъ, Паскаль отличался страстною любовью къ сценѣ. Въ 1864 г., послѣ блестяще выдержаннаго экзамена, онъ поступилъ въ консерваторію и 19-ти лѣтъ отъ роду окончилъ курсъ съ наградой.

Профессора, полюбившіе талантливаго юношу, совѣтовали ему продолжать занятія и остаться еще на годъ въ консерваторіи, говоря, что онъ получитъ приглашеніе на сцену Одеона или во Французскій театръ, что составляетъ мечту каждаго артиста, но Паскаль колебался.

Ему страстно хотѣлось скорѣе попробовать свои силы на сценѣ и онъ рѣшился принять приглашеніе провинціальнаго антрепренера. Нѣ-

Digitized by Google

сколько дней спустя послѣ акта въ консерваторіи, Паскаль уже «ренетировалъ» роль перваго любовника въ эффектной драмѣ Мюржэ, на театрѣ г. Виши.

Въ тотъ же день и почти въ тотъ же часъ, Крикетъ просила настоятельницу монастыря св. Маріи, мать Жозефу, оставить ее въ своей обители. Она уже окончила свое образованіе и Орели должна была взять ее къ себѣ домой, что̀ чрезвычайно пугало Крикетъ.

— Мать Жозефа, умоляю васъ, оставьте меня здѣсь. Я хочу сдѣлаться монахиней и умереть здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, гдѣ прошло мое дѣтство. Вы, и всѣ сестры, были такъ добры ко мнѣ въ теченіе этихъ шести лѣтъ... здѣсь, я впервые поняла, что̀ значитъ быть дѣйствительно любимой... Я была равная со всѣми, меня не оскорбляли, не унижали... Умоляю васъ, оставьте меня въ своей обители...

Такъ говорила Крикетъ, превратившаяся изъ ребенка въ прелестную семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Прошлое напоминали только глаза Крикетъ: большіе, черные, глубокіе и нѣжные, они то сверкали огнемъ, то меркли подъ тѣнью густыхъ, длинныхъ рѣсницъ, и задумчивое, слегка печальное выраженіе ея взора долго преслѣдовало каждаго, кто встрѣчался съ нимъ. Происхожденіе Крикетъ совершенно забывалось, когда гордая своею красотою и прелестью дѣвушка стояла среди подругъ и сверстницъ въ святой обители монастыря. Крикетъ была лучше всѣхъ, безъ исключенія, и ея судьба,—судьба сироты, живущей, милости ради, въ семьѣ разбогатѣвшей мѣщанки—основательно страшила достойную настоятельницу.

Мать Жозефа ласково подняла и успокоила плачущую дѣвушку. Настоятельница понимала, что Крикетъ, одна изъ всѣхъ воспитанницъ монастыря, съ тревогой ожидала момента выпуска. Грусть бѣдной дѣвушки не скрылась отъ глазъ доброй монахини, и она хорошо понимала, что желаніе Крикетъ остаться въ стѣнахъ монастыря—не означало дѣйствительнаго стремленія посвятить себя Богу. Настоятельница знала, что несчастная дѣвушка смотритъ на эту тихую обитель, какъ на убѣжище, и ею овладѣло колебаніе.

Имѣла-ли она право уступить просьбамъ Крикетъ, тѣмъ болѣе, что эта дѣвочка, помѣщенная въ монастырь года три тому назадъ, была питомицей особы, пользующейся общимъ уваженіемъ въ Бовуа? Какъ отнесется Орели къ такому поступку своей воспитанницы, не будетъ-ли претендовать на администрацію монастыря?

Мать Жозефа была прямодушная, честная женщина. Она не стала

говорить пышныхъ и лживыхъ фразъ, но постаралась въ откровенной и душевной бесѣдѣ узнать направленіе мыслей Крикетъ.

Подъ вліяніемъ ласковаго отношенія настоятельницы, дѣвушка открыла ей свои тревоги, разсказала, какъ тяжело и больно ей сознавать себя чуждою всѣмъ. Она припомнила проповѣдь священника, сказанную на текстъ: «придите всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ успокою васъ», упомянула о словахъ пастыря: «придите къ Богу, вы, одинокіе и нелюбимые—у васъ будетъ семья, васъ полюбятъ и защитятъ»; говорила о своемъ прошломъ, со дня смерти матери, о тѣхъ грустныхъ дняхъ, когда она узнала цѣну денегъ, жила въ роскоши и богатствѣ, но не видѣла ласковаго взора, не слыхала слова любви...

«О, еслибы Паскаль былъ здѣсь, около меня», думала Крикетъ,—я бы знала, что мнѣ дѣлать... Но теперь—я одна, навѣки одна.

Выслушавъ исповѣдь Крикетъ, мать Жозефа задумалась.

«Нѣтъ, рѣшила она,—у нея нѣтъ истиннаго призванія сдѣлаться монахиней. Эта мысль явилась послѣдствіемъ отчаянія...: Дѣвочка боится жизни...»

И, не смотря на слезы и мольбы Крикетъ, настоятельница отказала въ ея просьбѣ.

— Вы несовершеннолѣтняя, сказала она,—и я не имѣю права оставить васъ у себя безъ согласія вашей попечительницы. Откровенно говоря, я и сама не рѣшилась бы взять васъ на испытаніе, сознавая, что вы не имѣете никакого призванія быть монахиней. Если вы хотите, я попрошу, чтобы г-жа Ришаръ оставила васъ здѣсь еще на одинъ годъ въ качествѣ пансіонерки.

Крикетъ горько рыдала. Она умоляла спасти ее отъ необходимости возвратиться домой... но что значило желаніе беззащитнаго ребенка сравнительно съ волею всесильной Орели?!

Въ назначенный заранѣе часъ, на другой день послѣ описаннаго разговора, Орели пріѣхала въ монастырь и, переговоривъ съ настоятельницей, увезла Крикетъ. Едва онѣ остались съ глазу на глазъ, какъ Орели грубо обратилась къ дѣвушкѣ.

— И съ чего это ты взяла, что я позволю тебѣ остаться въ монастырѣ... сдѣлаться монахиней? Кто тебѣ натолковалъ такія глупости?

Крикетъ молчала.

— Я имѣю для тебя нѣчто другое... и ты скоро узнаешь мои планы.

Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, Орели твердо стремилась къ положенной цѣли. Она вела правильную жизнь, ежедневно посѣщая цер-

ковь и дѣлая добрыя дѣла. Ее видѣли за обѣдней и вечерней, въ горячей молитвѣ,—но все это было только притворствомъ. Она забывала, что молиться и любить можно исключительно душой, а въ ней душа была давно убита.

Посвятить Крикетъ Богу, сдѣлать изъ нее монахиню—эта мысль улыбалась Орели. Она понимала, что въ глазахъ обывателей Бовуа это сильно подняло бы ея фонды въ нравственномъ смыслѣ, но ей хотѣлось убить двухъ зайцевъ.

Орели рѣшила, что выдастъ Крикетъ замужъ за богатаго человѣка и воспользуется выдающимся соціальнымъ положеніемъ, которое сдѣлается ея удѣломъ, какъ законной матери Крикетъ.

IX.

Съ перваго дня своего вступленія въ монастырь, Крикетъ не снимала скромнаго платья, которое составляло форменную одежду всѣхъ пансіонерокъ. Даже во время лѣтнихъ вакацій, когда Орели брала дѣвочку къ себѣ, въ Бовуа, Крикетъ, одѣтая въ коричневое платье, болѣе похожее на монашескую рясу, чѣмъ на костюмъ хорошенькой дѣвочки—совершала, вмѣстѣ съ своей попечительницей, прогулки по городу. Орели находила, что присутствіе около нея монастырки въ форменномъ платьѣ—придаетъ ей самой почтенный видъ настоящей аристократки, такъ какъ всѣ дочери знатныхъ родителей города Бовуа воспитывались въ монастырѣ св. Маріи.

Мѣсяца за два до выхода изъ монастыря Селины Бринкаръ, Орели была сильно озабочена.

Она желала обратить общее вниманіе на Крикетъ и придумывала различные наряды, которые могутъ еще ярче и рельефнѣе выставить прелестную наружность ея питомицы.

Орели вспомнила свои былыя способности. Она недаромъ исполняла роль горничной у госпожи, у которой вся цѣль жизни заключалась въ одномъ: нравиться, прельщать и быть одѣтой и причесанной, какъ никто изъ ея многочисленныхъ соперницъ. Разнообразіе и шикъ костюмовъ, эксцентричность въ выборѣ цвѣтовъ и фасоновъ—вотъ что составляло главную заботу Орели, и она провела много часовъ за обдумываньемъ различныхъ принадлежностей туалета Крикетъ. Съ горячностью и оживленіемъ, свойственнымъ только любящимъ натурамъ, Орели мечтала достигнуть, при помощи Крикетъ, блестящаго положенія: было время,

Digitized by Google

когда Орели отдавала всѣ свои силы на служеніе Розитѣ, но танцовщица не воплощала идеала своей служанки и Орели начала искать другаго бога. Она хотѣла найти такое существо, которое отблагодарило бы ее въ будущемъ за всѣ жертвы, приносимыя въ настоящемъ.

Маленькая, одинокая Крикетъ удовлетворяла этимъ условіямъ, и Орели рѣшилась энергично преслѣдовать свою цѣль.

Одѣвая и украшая Розиту, Орели старалась выставить красоту своей барыни съ исключительнымъ желаніемъ привлечь богатаго ухажи-вателя; здѣсь—скупая Орели дѣлалась расточительной, мечтая найти для Крикетъ богатаго и знатнаго жуира.

Во вторникъ утромъ, Селина Бринкаръ вышла изъ монастыря. Она горько рыдала, когда Орели наотрѣзъ отказалась исполнить ея желаніе «посвятить себя вѣчному служенію Дѣвѣ Маріи», а на другой день съ радостной улыбкой любовалась хорошенькими платьями, приготовленными для нея самою Орели.

Эти изящные костюмы могли бы привести въ восторгъ самую требовательную особу: вкусъ, простота и роскошь, соединенные въ одно цѣлое, производили чарующее впечатлѣніе на Крикетъ. При видѣ нарядовъ, въ ней просыпалось инстинктивное стремленіе нравиться, любить и быть любимой.

Радость Крикетъ польстила Орели. Она сказала своей воспитанницѣ, что въ четвергъ, вечеромъ, у г-жи Риго собирается избранное общество обитателей г. Бовуа; что Крикетъ отправится туда вмѣстѣ съ нею, и что въ виду такого важнаго событія, необходимо хорошенько обдумать костюмы и прическу молодой дѣвушки, впервые вступающей въ свѣтъ.

Крикетъ безропотно отдалась въ распоряженіе Орели. Послѣ легкаго завтрака, Орели увела молодую дѣвушку въ уборную и, посадивъ ее передъ большимъ зеркаломъ, — распустила роскошные волосы Крикетъ. Ровно три часа продолжалась сложная операція прически. Наконецъ, Орели радостно воскликнула: «Я нашла то, что мнѣ нужно!» Все время, пока Орели заплетала, завивала и взбивала шелковистые локоны Крикетъ—молодая дѣвушка смутно припоминала сцены прошлаго. Прежде — на ея мѣстѣ сидѣла Розита, и монументальныя прически на головѣ хорошенькой танцовщицы производились этими же самыми руками. Крикетъ, вздыхая, думала о томъ счастливомъ времени, когда ее такъ любила и баловала красавица - Розита, называя своею дочерью.

Digitized by Google

— M-me Гуарени! m-me Гуарени! звала Орели свою пріятельницу,— посмотрите, я придумала прическу для Селины.

И когда графиня вошла въ комнату молодой дѣвушки, Орели съ гордостью добавила:

— Полюбуйтесь на Селину... я ручаюсь, что она—первая красавица въ г. Бовуа.

Орели была увѣрена, что изъ маленькой актрисы, талантливо изображавшей принцессу Колибри на подмосткахъ театра Porte-Saint-Martin, выйдетъ со временемъ хорошенькая дѣвушка, но она не имѣла никакой возможности предполагать, что Крикетъ сдѣлается замѣчательной красавицей: результатъ превзошелъ всякія ожиданія.

Первый выѣздъ Крикетъ, ея первое появленіе въ гостинной m-me Риго возбудили общее вниманіе. Нѣсколько дней въ городѣ только и говорили, что о ней.

— «Эта дѣвушка—красавица, въ полномъ смыслѣ этого слова»!

— «Селина Бринкаръ—обворожительное существо»!..

А между тѣмъ эта красавица,—это обворожительное существо, за которымъ всѣ ухаживали—проводила томительные, скучные дни... Одна, среди двухъ старушекъ, не имѣя никакихъ развлеченій, ни подругъ, ни знакомыхъ—Крикетъ считала себя самою несчастною дѣвушкою на свѣтѣ, и она была права!

Графиня Гуарени принадлежала къ числу самыхъ безцвѣтныхъ людей. Она была преисполнена отрицательныхъ добродѣтелей и, никому не мѣшая наслаждаться жизнью, брала отъ нея все то, что могла получить, не нарушая приличій. Ея единственнымъ и любимымъ занятіемъ было: раскладыванье пасьянсовъ. Она знала множество способовъ испытывать свое «*терпѣніе*» и находила въ этой забавѣ большое удовольствіе. Съ ранняго утра до поздняго вечера, она раскладывала карты, и только въ теченіе двухъ часовъ ежедневно занималась съ Крикетъ музыкой. Этотъ пунктъ стоялъ въ договорѣ двухъ пріятельницъ, и графиня Гуарени, пользуясь, при помощи Орели, всѣми жизненными удобствами, свято выполняла свою обязанность.

Кромѣ занятій музыкой, Крикетъ обязана была каждый день читать вслухъ при Орели и графинѣ въ продолженіе двухъ часовъ. Книги для чтенія выбирались самою Орели: это были романы, скучные до тошноты и тенденціозные—до приторности, за которыми бѣдная Крикетъ едва не засыпала. По окончаніи чтенія, слѣдовала прогулка. Орели, вмѣстѣ съ Крикетъ, отправлялись на бульваръ и молча прохаживались

Digitized by Google

по красивой аллеѣ; Крикетъ никогда не выходила одна изъ дому, такъ какъ въ глазахъ Орели—это было бы почти преступленіемъ.

Сытный обѣдъ продолжался невыносимо долго, а въ сумерки Орели и Крикетъ ходили въ гости къ сосѣдямъ, гдѣ было еще скучнѣе и монотоннѣе, чѣмъ въ домѣ графини Гуарени.

Первыя шесть недѣль, проведенныя Крикетъ при такихъ условіяхъ жизни, показались молодой дѣвушкѣ цѣлыми годами: она томилась, скучала и нерѣдко плакала отъ прилива невыносимой тоски одиночества. Единственное существо, нѣсколько оживлявшее мрачный и холодный домъ двухъ пріятельницъ,—былъ большой красивый песъ, Пьеро. Съ первой минуты своего появленія въ г. Бовуа, Крикетъ почувствовала, что эта собака сдѣлается ея другомъ. И дѣйствительно: Пьеро, казалось, понималъ тяжелое одиночество Крикетъ и, устремляя на дѣвушку свои умные и добрые глаза, ласково лизалъ ея нѣжную, бѣлую руку.

Иногда, когда Крикетъ удавалось уйти въ садъ и спрятаться за грушу развѣсистыхъ деревьевъ, она предавалась томительно сладкимъ мечтамъ. Въ семнадцать лѣтъ дѣвушка перестаетъ быть ребенкомъ, и если отъ нея прячутъ жизнь—она сердцемъ и инстинктомъ постигаетъ ее. Такъ было и съ Крикетъ. Ея мечтательность имѣла твердую почву въ воспоминаніяхъ прошлаго. Впечатлѣнія дѣтства нельзя вычеркнуть изъ души; ихъ нельзя вытѣснить образованіемъ или чтеніемъ нравственныхъ романовъ... а эти впечатлѣнія нашептывали Крикетъ странныя думы, и картины прошлаго вставали въ ея памяти.

— «Зачѣмъ я здѣсь»? часто спрашивала себя дѣвушка, устремляя свой задумчивый взоръ въ необъятную даль,—«чего хочетъ отъ меня крестная»? «Кто она такая... я ея не понимаю?».. Но всѣ эти вопросы оставались безъ отвѣта.

Какъ-то разъ, Крикетъ сидѣла въ саду, предаваясь обычнымъ мечтамъ о своемъ будущемъ, какъ вдругъ до ея слуха долетѣла ссора и перебранка двухъ женскихъ голосовъ. Крикетъ начала вслушиваться. Оказалось, что Орели бранитъ кухарку Терезу, добродушную, но крайне ограниченную женщину. Крикетъ сдѣлалось жаль ее.

«За что Орели на нее такъ кричитъ?! подумала дѣвушка,—право она несправедлива къ Терезѣ. И какъ это ей не приходитъ на память, что она сама была»...

Да, конечно, Крикетъ не ошибалась... Она помнила, что Орели была горничной у танцовщицы... потомъ... потомъ, что-то случилось, и Орели вдругъ разбогатѣла. А вѣдь она очень богата... Должно быть, у нея

Digitized by Google

много денегъ, если она собирается дать за Крикетъ хорошее приданое... Итакъ, тѣ деньги, которыя Крикетъ внесетъ въ домъ мужа, эти деньги... откуда онѣ? Интересно бы знать.

И неожиданно мелькнувшая мысль глубоко запала въ голову Крикетъ. Она дала себѣ слово, во что бы то ни стало, узнать тайну Орели и тогда... о, тогда, она знаетъ, что ей дѣлать!

Городской свахой, изъ любви къ искусству,—была г-жа Риго и всѣ свадьбы въ Бовуа устраивались при ея исключительномъ участіи. Крикетъ и не подозрѣвала этого обстоятельства, а между тѣмъ, въ теченіе первыхъ шести недѣль ея жизни въ домѣ Орели, m-me Риго предлагала для нея троихъ женіховъ.

Первый—армейскій капитанъ, молодой, красивый, хорошей фамиліи. Онъ имѣлъ небольшое состояніе, но въ будущемъ—предстояло значительное наслѣдство. Орели съ ужасомъ отвергла такого претендента.

— Какъ, ея крестница, красавица-Селина, будетъ вести жизнь на бивуакахъ... Ни за что на свѣтѣ!

Явился новый искатель. Это былъ докторъ, еще молодой человѣкъ, но уже получившій нѣкоторую извѣстность. Его родители жили въ Бовуа, а онъ самъ имѣлъ хорошее мѣсто въ Парижѣ.

— Нѣтъ, Селина должна постоянно жить въ Бовуа, возлѣ меня... рѣшила Орели, и доктору была дана полная отставка.

Въ половинѣ сентября, въ мрачное, дождливое утро, когда Крикетъ по обыкновенію читала какой-то романъ, гдѣ слово «*любовь*» было замѣнено словомъ: «симпатія», m-me Риго быстро вошла въ пріемную.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ... сказала она, обращаясь къ Орели.

И когда собесѣдницы вышли въ сосѣднюю комнату, m-me Риго съ торжествующимъ видомъ объявила:

— Теперь, вы уже не скажете: *нѣтъ*... О, еслибы вы знали... еслибы вы знали... Молодой человѣкъ влюбленъ безъ памяти... и знаете, кто онъ? прерывающимся голосомъ говорила m-me Риго.

— Кто-же онъ? не измѣняя своего серьезнаго вида, спросила Орели.

— Кто?! О, еслибы вы знали... повторяла m-me Риго, наслаждаясь своимъ торжествомъ.—Это... Станиславъ Менье, сынъ Жана Менье.

Эти слова произвели громадное впечатлѣніе на Орели... Она широко открыла свои глаза и съ изумленіемъ смотрѣла на собесѣдницу...

Вотъ въ чемъ заключалось удивленіе Орели.

Въ 1810 г. Пьеръ Менье открылъ небольшое заведеніе, для вы-

Digitized by Google

дѣлки костяныхъ пуговицъ. Первоначально у него работало двадцать работниковъ, но позднѣе, когда заведеніе перешло къ его сыну, а впослѣдствіи къ внуку,—заведеніе значительно расширилось, и въ настоящее время, нѣсколько сотъ человѣкъ работало на заводѣ Менье.

У Жана Менье было двое дѣтей: дочь, вышедшая замужъ за судью, и сынъ, Станиславъ. Мальчикъ выказывалъ такія блестящія способности, что отецъ отдалъ его въ лицей, разсчитывая впослѣдствіи возбудить въ немъ любовь къ заводскому дѣлу,—но онъ жестоко ошибся. Окончивъ образованіе, Станиславъ пріѣхалъ домой, въ Бовуа.

Когда радостное впечатлѣніе свиданія нѣсколько улеглось, отецъ подошелъ къ сыну и, хлопая его по плечу, сказалъ:

— Ну, теперь ученье кончено, пора и за дѣло... на фабрику...

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, не принуждайте меня! Я хочу изучать юридическія науки. Не ради того, конечно, чтобы сдѣлаться адвокатомъ, нѣтъ... но я желаю имѣть дипломъ.

Отецъ согласился отпустить Станислава въ Парижъ, но взялъ съ него слово, что, по возвращеніи, онъ немедленно и безъ всякихъ отговорокъ займется фабричнымъ дѣломъ.

— Клянусь тебѣ, батюшка, что исполню твою волю! торжественно сказалъ юноша, крайне довольный, что успѣлъ завоевать себѣ возможность еще нѣсколько лѣтъ прожить въ Парижѣ, въ центрѣ кутежей и удовольствій различнаго рода.

Въ это время, въ Парижѣ основался знаменитый клубъ любителей билліарда, считавшій въ числѣ своихъ членовъ замѣчательныхъ игроковъ. Не смотря на относительно юный возрастъ, Станиславъ Менье такъ энергично предался изученію этого искусства, что имя его сдѣлалось извѣстно среди опытныхъ игроковъ. Юношѣ льстила такая слава и онъ покинулъ всѣ занятія, чтобы достигнуть полнаго совершенства въ области билліардной игры.

Дѣйствительно, во времена имперіи, страсть къ билліарду такъ сильно развилась во Франціи, и особенно въ Парижѣ, что старики, женщины, даже дѣти проводили цѣлые дни съ кіемъ въ рукахъ.

Эта страсть существуетъ и донынѣ, пріобрѣтая себѣ новыхъ поклонниковъ среди учащейся молодежи, и я нисколько не удивлюсь, узнавъ, что въ Парижѣ устраивается университетъ, съ цѣлью изученія теоріи и практики билліардной игры. Даже въ то время, о которомъ я говорю, въ столицѣ Франціи существовали профессора билліардной игры, зарабатывавшіе значительныя суммы денегъ.

Digitized by Google

Судьба свела Станислава съ однимъ изъ такихъ молодыхъ людей и онъ съ еще большею страстностью принялся изучать это трактирное искусство. Результатомъ стремленія сдѣлаться лучшимъ игрокомъ—явились расходы, значительно превышающіе получку изъ дому, и почти каждый годъ старикъ Менье уплачивалъ 5—6 тысячъ франковъ долгу, сдѣланнаго Станиславомъ.

Каждое лѣто будущій правовѣдъ пріѣзжалъ въ Бовуа на вакаціи и приводилъ въ изумленіе игроковъ провинціальнаго города. Слава молодаго Менье такъ далеко распространилась, что изъ Аміена и другихъ небольшихъ городковъ въ Бовуа пріѣзжали охотники билліардной игры и добивались, какъ счастья, сразиться съ Станиславомъ. Всѣ пріѣзжавшіе были побѣждены, и между провинціальными газетами завязалась горячая полемика: каждый органъ печати отстаивалъ игрока своего роднаго города. Послѣ всякой побѣды Станислава Менье, обыватели города Бовуа подносили своему уроженцу адресы и букеты, выражая благодарность за поддержаніе славы мѣстнаго клуба, но старый фабрикантъ мало гордился подобными успѣхами сына.

— Лучше бы ты на фабрикѣ занимался дѣломъ! говорилъ Жанъ Менье, но мудрые совѣты отца тонули въ общемъ хорѣ восторженныхъ похвалъ, и Станиславъ считалъ себя настоящимъ героемъ.

Прошло нѣсколько времени и билліардная игра перестала занимать Станислава. Явились новыя увлеченія и одно изъ нихъ,—хорошенькая женщина съ черными глазами и бѣлокурыми волосами,—стоило молодому правовѣду громадныхъ денегъ. Станиславъ вошелъ въ долги и, не смѣя признаться отцу, какъ великъ его дефицитъ, рѣшился не ѣхать въ г. Бовуа на вакацію.

Прождавъ сына до 1-го сентября, старикъ наконецъ не выдержалъ и, какъ снѣгъ на голову, явился въ Парижъ.

Онъ засталъ сына въ отчаянномъ положеніи: у молодаго человѣка набралось долгу ровно на двадцать тысячъ франковъ, заплатить которые было крайне необходимо, иначе вся карьера Станислава погибнетъ.

Старикъ Менье пришелъ въ ужасъ.

— Какъ, опять долги! Не ты ли обѣщалъ мнѣ въ прошломъ году, что никогда болѣе не станешь жить выше средствъ. Двадцать тысячъ франковъ! Кто же поручится, что на слѣдующій годъ сумма долга не дойдетъ до сорока и такъ далѣе, постоянно увеличиваясь.

— Если вы не заплатите моихъ долговъ, сказалъ правовѣдъ, ероша свои густые волосы,— то мнѣ нѣтъ инаго исхода, какъ смерть... Я—

Digitized by Google

застрѣлюсь... У меня тысячъ на шесть долговъ чести... если я не могу ихъ уплатить—жизнь немыслима!..

Эти «долги чести»—оказываются на практикѣ самыми безчестными и непростительными. Никто не считаетъ позорнымъ не заплатить портному или сапожнику, но не отдать въ срокъ десятокъ тысячъ франковъ, проигранныхъ всѣмъ извѣстному шуллеру—оказывается преступленіемъ въ глазахъ свѣтскаго общества. Такова мораль современной жизни. Мало-по-малу старикъ Менье сдался на доводы сына. Онъ сказалъ, что уплатитъ всѣ долги его, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что Станиславъ женится на дѣвушкѣ, выбранной для него самимъ отцомъ, и навсегда поселится въ г. Бовуа.

Станиславъ потребовалъ, чтобы ему сначала показали невѣсту, и до этого мгновенія не рѣшался сказать послѣднее слово.

Въ г. Бовуа находилось три подходящихъ невѣсты, на которыхъ старикъ Менье давно уже разсчитывалъ. Каждая изъ нихъ представляла капиталъ приблизительно въ 250—300 тысячъ франковъ и хорошія наслѣдства въ будущемъ—но всѣ онѣ, безъ всякаго исключенія, были безобразны.

Станиславъ Менье выразилъ желаніе видѣть богатыхъ претендентокъ на его руку и сердце. Свиданіе состоялось и молодой человѣкъ наотрѣзъ отказался отъ выбора подруги.

— Я скорѣе убью себя! говорилъ онъ.— Лучше позоръ и смерть, чѣмъ жизнь съ обезьяной!

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда отецъ и сынъ Менье, проходя по городской площади, увидали Орели и ея питомицу, которыя стояли возлѣ статуи Жанны Гашетъ.

— Батюшка, ты видѣлъ? Ты замѣтилъ эту дѣвушку? взволнованнымъ голосомъ спрашивалъ Станиславъ, когда они отошли на нѣсколько шаговъ впередъ.

— Что такое видѣлъ? Объ чемъ ты толкуешь?

— Молодая дѣвушка... красавица...

— А я, признаться, и не замѣтилъ... Мало-ли ихъ тутъ!

— Неужели, батюшка, ты не обратилъ вниманія на ея глаза...

— Ни на что я не обращалъ вниманія.

— Вотъ, если эта дѣвушка можетъ быть моей женой, я ни на мгновеніе не задумаюсь жениться... Пойдемъ за нею, батюшка, я долженъ узнать, кто она и гдѣ живетъ... Ахъ, что за глаза у нея!..

И Жанъ Менье, степенный, уважаемый фабрикантъ, членъ мани

Digitized by Google

страта, пятидесятивосьмилѣтній семьянинъ, въ первый разъ въ жизни совершилъ преступленіе: началъ провожать незнакомую женщину, съ цѣлью узнать ея имя и адресъ.

— Но, батюшка, чтобы достигнуть своей цѣли, мы должны идти впереди ихъ, а не сзади! напомнилъ Станиславъ, доказывая на практикѣ, что вопросъ о преслѣдованіи женщинъ на улицѣ основательно изученъ имъ.

Отецъ и сынъ обогнали Орели и пошли впереди.

— Ты незнакомъ съ ними? спрашивалъ Станиславъ.

— Нѣтъ. Я встрѣчалъ гдѣ-то эту старушку, — но гдѣ— не припомню.

— Посмотри, батюшка, шепнулъ Станиславъ, оглядываясь на мгновеніе, — онѣ остановились, разговариваютъ съ докторомъ Риго... Сдѣлаемъ маленькій крюкъ и свернемъ въ сторону, тогда мы встрѣтимся съ докторомъ и узнаемъ отъ него все, что намъ нужно.

Предпріимчивость Станислава побѣдила послѣднія колебанія старика, и часъ спустя онъ уже сидѣлъ въ гостинной m-me Риго, выслушивая восторженныя похвалы воспитанницѣ Орели.

— Конечно, приданое за ней невелико! Пятьдесятъ тысячъ франковъ, но зато въ будущемъ—сто тысячъ экю наличными деньгами... А какая красота, какой характеръ!

Результатомъ этого свиданія было посѣщеніе m-me Риго, такъ неожиданно прервавшее скучное чтеніе нравственнаго романа.

Переговоривъ наединѣ съ г-жею Риго, Орели возвратилась въ гостинную. Ея сумрачное лицо просвѣтлѣло: все складывалось такъ удачно и счастливо, что Орели радостно потирала руки. Свиданіе Станислава Менье и Селины Бринкаръ она назначила въ тотъ же вечеръ, такъ какъ это былъ четвергъ — пріемный день въ домѣ г-жи Жиро.

Орели нашла нужнымъ сообщить Крикетъ пріятное извѣстіе: за нее сватается прекрасный молодой человѣкъ, богатый, красивый и... симпатизирующій ей! Крикетъ равнодушно приняла это извѣстіе. Не могла же она запретить влюбляться въ нее? Да и наконецъ, этотъ молодой человѣкъ, съ перваго взгляда полюбившій ее, заслуживалъ нѣкотораго вниманія. Что бы тамъ ни было, но супружество можетъ внести хотя какой нибудь свѣтлый лучъ въ ея печальную и мрачную жизнь...

Одѣваясь, Крикетъ съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлась въ зеркало: неужели я дѣйствительно такая хорошенькая? думала она, пока

Digitized by Google

Орели взбивала ея пышные локоны и сооружала простую, но аристократически красивую прическу.

Когда Крикетъ и Орели вошли въ гостиную m-me Жиро, все общество находилось въ сборѣ. Семейство Менье, состоящее изъ отца, матери и сына, занимало почетныя мѣста на диванѣ, и всѣ присутствующіе, казалось, сознавали, что передъ ихъ глазами совершается серьезный актъ жизни: выборъ спутника и друга.

Обычное препровожденіе времени въ гостинной m-me Жиро заключалось въ литературно-музыкальныхъ упражненіяхъ молодежи. Сегодня предстояло прослушать напыщенные стихи какого-то мѣстнаго поэта и пѣніе жалобнаго романса, сочиненнаго чиновникомъ контрольной палаты.

Послѣ нѣсколькихъ повтореній, на которыя такъ щедра невзыскательная публика провинціальныхъ городовъ, очередь показывать свое искусство дошла до Крикетъ. Молодая дѣвушка, не жеманясь и не отказываясь исполнить просьбу хозяйки дома, сѣла за рояль и сыграла одну изъ прелестныхъ сонатъ Бетховена. Она играла недурно, и хотя техника музыкальнаго искусства не была ею усвоена вполнѣ, тѣмъ не менѣе, исполненіе Крикетъ чрезвычайно понравилось Станиславу. Орели бросала торжествующіе взгляды на добродушныхъ провинціалокъ и, сознавая, что все вниманіе мужчинъ обращено на Крикетъ, чувствовала себя вполнѣ удовлетворенной. Она съ честью исполняла принятую на себя роль «маменьки» и радовалась, что мечта ея жизни, наконецъ, воплощается: еще нѣсколько дней—и она сдѣлается родственницей богатаго и почтеннаго комерсанта, будетъ занимать выдающееся мѣсто среди провинціальной буржуазіи.

Станиславъ съ восторгомъ любовался Крикетъ. Онъ находилъ, что она гораздо красивѣе той особы, ради которой имъ было сдѣлано столько крупныхъ долговъ въ Парижѣ, и начиналъ мечтать о сладости домашняго очага, рядомъ съ такою прелестною женщиной.

Подали чай... Г-жа Риго, какъ истая сваха, постаралась, чтобы Крикетъ и Станиславъ могли вступить въ разговоръ. Она усадила ихъ рядомъ и, шепнувъ пріятельницамъ, что наступаетъ торжественная минута,—принялась разсказывать какую-то свѣжую новость изъ провинціальной жизни, стараясь заинтересовать своимъ разсказомъ мужчинъ, не посвященныхъ въ тайну сватовства Менье.

— «Что-же онъ ничего не говоритъ!» думала Крикетъ, обжигаясь горячимъ чаемъ.

Digitized by Google

«Съ чего бы мнѣ начать?!» раздумывалъ Станиславъ...

Ему хотѣлось сказать: «Какъ вы хороши, Селина! какъ очаровательны! Я страстно желаю быть вашимъ мужемъ,—скажите, согласны ли вы?» но эти слова замирали на его губахъ.

Станиславъ зналъ, что въ провинціи не принято высказывать свои чувства въ дѣлѣ брака. Здѣсь все основывается на матеріальномъ договорѣ, и сердечныя ощущенія только принимаются во вниманіе.

Наконецъ, Станиславъ рѣшился. Онъ собралъ всѣ свои силы и вымолвилъ:

— Чай очень горячъ!..

— Да, дѣйствительно, очень горячъ!.. отвѣчала Крикетъ.

— Я полагаю, что намъ слѣдовало бы подождать, пока онъ остынетъ...

— Да, это будетъ лучше...

И молчаніе снова воцарилось въ томъ уголкѣ обширной гостинной, гдѣ хлопотливая сваха усадила молодыхъ людей въ надеждѣ, что взаимное общеніе сблизитъ ихъ между собой.

Станиславъ и Крикетъ были такъ смущены, что не могли разговаривать. Съ ощущеніемъ томительной неловкости, они вертѣли въ рукахъ серебряныя ложечки и то погружали ихъ въ чай, то снова вынимали изъ чашекъ. Они, казалось, настолько увлеклись этимъ интереснымъ занятіемъ, что не замѣчали общаго вниманія, обращеннаго на нихъ.

Говорятъ, на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣчнаго... Такъ оказалось и въ данномъ случаѣ: чай простылъ, его можно было пить, не рискуя обжечься, и Станиславъ рѣшился снова заговорить съ Крикетъ.

— Вы, кажется, только недавно вышли изъ монастыря? спросилъ онъ, любуясь глубокими глазами дѣвушки.

— Шесть недѣль тому назадъ...

— Вы не думаете снова уѣхать въ монастырь?

— Нѣтъ.

Предметъ для разговора былъ вновь и окончательно исчерпанъ. Станиславъ чувствовалъ себя непривычно робкимъ и глупымъ въ присутствіи этой хорошенькой дѣвушки, и съ досадой думалъ:

«Все кончено... я покажусь ей дуракомъ!..»

Нѣсколько глотковъ чаю благодѣтельно повліяли на умственныя соображенія Станислава. Счастливая мысль мелькнула въ его головѣ и онъ поспѣшилъ привести ее въ исполненіе.

Digitized by Google

— Какая сегодня чудесная погода! произнесъ молодой человѣкъ.

— Да, погода хороша, отвѣчала дѣвушка.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ сегодня на улицѣ...

— Да, я знаю...

Эти слова Крикетъ поразили Станислава. Она сказала: «я знаю», тогда какъ ей слѣдовало разыграть роль удивленной и спросить его: «гдѣ онъ могъ видѣть ее?»

Крикетъ сознавала свою неловкость и смутилась еще болѣе. Ея застѣнчивость невольно сообщалась Станиславу и онъ опять замолчалъ, безжалостно комкая свой носовой платокъ. Между тѣмъ старикъ Менье не спускалъ съ нихъ отеческаго взора.

— Плохо дѣло... говорилъ онъ, обращаясь къ m-me Риго, — они сидятъ, словно нѣмые...

— Да, да... плохо дѣло... согласилась m-me Риго,—кажется, мнѣ придется оказать поддержку вашему сыну. Я никакъ не думала, что онъ такъ робокъ съ женщинами.

Сознавая себя отчасти виновной въ прекращеніи интереснаго разговора о погодѣ,—Крикетъ рѣшилась искупить свой проступокъ.

— Вы постоянно живете въ Парижѣ? робко начала она, стараясь не глядѣть на своего собесѣдника.

— Зимою,—да, но лѣтомъ я пріѣзжаю въ Бовуа и провожу здѣсь ежегодно два-три мѣсяца.

— Вѣроятно, въ Бовуа значительно скучнѣе, чѣмъ въ Парижѣ?

— О, конечно.

— Въ Парижѣ много различныхъ увеселеній? храбро продолжала Крикетъ.

— Чрезвычайно много. Скачки, катанья, театры.

— Вы сказали: театры?! остановила его дѣвушка,—вы, значитъ, часто посѣщали ихъ?

— Очень часто... началъ онъ и остановился.

Слово «театры» — пробудило въ головѣ Крикетъ массу забытыхъ воспоминаній. Она быстро вскинула на Станислава свои блестящіе глаза и съ живымъ любопытствомъ ожидала продолженія его разсказа.

Крайне польщенный вниманіемъ красавицы, Станиславъ ощутилъ приливъ энергіи и храбро продолжалъ:

— Такъ, наканунѣ моего отъѣзда изъ Парижа, я былъ въ театрѣ Porte-Saint-Martin...

Digitized by Google

— Въ театрѣ Porte-Saint-Martin! съ живостью вскричала дѣвушка,—что же представляли въ тотъ вечеръ?

— Пьесу съ эффектными превращеніями, блестящую феерію...

— Какъ она называется?

— «Лѣсная лань»... Удивительно интересная пьеса!

— Разскажите мнѣ ея содержаніе... попросила Крикетъ, и Станиславъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Недавняя робость и смущеніе исчезли безслѣдно. Станиславъ и Крикетъ одновременно подвинулись другъ къ другу и, поставивъ свои чашки на маленькій столикъ,—весело улыбнулись.

— Посмотрите-ка на нашу молодежь! сказала m-me Риго, наклоняясь къ уху Орели,—ледъ сломанъ... они разговорились!

— Да, да, я вижу... отвѣчала Орели.

Между тѣмъ молодой Менье разказывалъ своей собесѣдницѣ содержаніе видѣнной пьесы:

— Это трогательная исторія одной прелестной принцессы. Злая волшебница превратила ее въ лѣсную лань. Чтобы возвратить принцессѣ ея первоначальный видъ—нужно найти талисманъ, проглоченный королевой рыбъ. Молодой принцъ, женихъ красавицы, клянется добыть этотъ талисманъ и обращается съ просьбой къ королю рыбъ. Громадный осетръ—царь всѣхъ рыбъ—принимаетъ принца. Эту роль игралъ замѣчательный актеръ... ахъ, какъ онъ смѣшилъ публику... Его фамилія—Бидашъ...

— Бидашъ?! повторила дѣвушка.

— Да, Бидашъ... не правда-ли, какая смѣшная фамилія?

— Да, очень, очень смѣшная!.. шопотомъ отвѣчала Крикетъ, дѣлая невѣроятныя усилія, чтобы вспомнить что-то далекое и неясное.

— Слѣдующій актъ происходитъ въ царствѣ овощей. Король Канталу (серебристая дыня), LXVI, вручаетъ принцу волшебную траву, посредствомъ которой можно разрушить злое волшебство и возвратить принцессѣ ея первоначальный образъ... Въ это время, въ лѣсу происходитъ блестящая охота и какой-то стрѣлокъ ранитъ лань. Принцъ является какъ разъ во время, чтобы спасти свою невѣсту... Ахъ, да, я забылъ сказать вамъ... что львы...

Но Станиславъ вдругъ смутился, замѣтивъ, что Крикетъ его не слушаетъ. Онъ началъ порывисто комкать и мять платокъ, повторяя:

— Что львы... львы...

Digitized by Google

Фамилія Бидаша, произнесенная г. Менье, пробудило въ сердцѣ Крикетъ множество забытыхъ впечатлѣній. Театръ Porte-Saint-Martin, «Кри-кри»... четыре мѣсяца ежедневнаго пребыванія за кулисами, рукоплесканія, вызовы... картонные дворцы и лица товарищей-актеровъ— все какъ-то сразу встало въ памяти дѣвушки. Ея блестящіе глаза, устремленные въ одну точку, казалось, видѣли чудныя картины былаго, а сердце радостно и трепетно замирало въ груди.

— Скажите, г. Менье, вы не помните среди актеровъ, участвовавшихъ въ этой пьесѣ,—г. Паскаля?

Голосъ Крикетъ дрожалъ отъ волненія, когда она произносила это дорогое для нея имя...

— Паскаль? Нѣтъ, такого не помню... Но почему вы интересуетесь этимъ господиномъ? съ удивленіемъ спросилъ Станиславъ.

Крикетъ снова сдѣлала ужасную ошибку. Она едва не выдала себя. Желая поправиться, она рѣшилась солгать.

— Когда я была еще ребенкомъ,—меня разъ возили въ театръ.., Я помню, давали феерію. Тогда всѣмъ очень понравился маленькій мальчикъ-актеръ... Его звали Паскалемъ, и я думала...

— Нѣтъ, такого актера я не видалъ въ театрѣ, отвѣчалъ Станиславъ. и Крикетъ грустно поникла головой.

Послѣдняя надежда узнать что-либо о Паскалѣ исчезла, и Крикетъ не старалась болѣе поддерживать разговоръ о театрѣ.

M-me Риго, все время слѣдившая за молодыми людьми, была вполнѣ довольна ихъ поведеніемъ.

«Для перваго свиданія совершенно достаточно, рѣшила она: — г. Менье полюбовался на Крикетъ, поговорилъ съ нею—и будетъ; теперь пора развести ихъ въ разныя стороны».

Въ сосѣдней комнатѣ пробило одиннадцать часовъ, и посѣтители начали расходиться. Орели, графиня Гуарени и Крикетъ ушли одними изъ первыхъ, а вслѣдъ за ними и остальные гости двинулись по домамъ.

На тайномъ совѣщаніи между Орели и m-me Риго было рѣшено, что завтра состоится новое свиданіе молодыхъ людей въ домѣ г-жи Леръ, общей знакомой гг. Менье и Орели.

Крикетъ задумчиво возвращалась домой и, не слушая разсказовъ провожавшаго ихъ кавалера, всецѣло отдалась своимъ дорогимъ воспоминаніямъ. Образъ Паскаля стоялъ передъ ея глазами и манилъ къ себѣ, обѣщая полное счастье взаимной любви.

— Скажи мнѣ, Селина, тебѣ понравился monsieur Станиславъ,

нашъ новый знакомый? спросила Орели, провожая дѣвушку въ ея спальню и затворяя за собою дверь.

— Я не могу такъ быстро вывести заключеніе о человѣкѣ, котораго вижу въ первый разъ... Мы разговаривали съ нимъ въ продолженіе четверти часа, но этого слишкомъ недостаточно.

— Однако, мнѣ показалось, что вы пріятно провели время... О чемъ вы говорили?.. продолжала допрашивать Орели.

— О чемъ говорили?! повторила Крикетъ, стараясь сосредоточиться.

— Ну, да... Объ чемъ онъ тебя спрашивалъ? что разсказывалъ?

— Вы хотите знать... Хорошо, я буду съ вами откровенна. Меня мучитъ всякая ложь, а между тѣмъ я принуждена была сегодня солгать...

— Солгать?! Но зачѣмъ же?

— По необходимости. Этотъ молодой человѣкъ передавалъ мнѣ, что недѣли двѣ тому назадъ онъ былъ въ театрѣ Porte-Saint-Martin и...

— И?.. съ тревогой повторила Орели, не спуская глазъ съ Крикетъ.

— И видѣлъ на сценѣ театра Porte-Saint-Martin новую феерію... Тогда я не выдержала и спросила его: не было-ли среди артистовъ, участвовавшихъ въ этой пьесѣ, Паскаля?

— Паскаля?! вскричала Орели,—ты его помнишь? Ты объ немъ спрашивала?

Ея голосъ дрожалъ отъ гнѣва. Сдержанная и спокойная Орели задыхалась отъ чувства злобы и страха, охватившаго ее. Какъ? трудное зданіе, почти доведенное до конца, готово было разрушиться... уничтожить плоды ея долговременныхъ трудовъ!

— Успокойтесь, холодно возразила Крикетъ. Я ловко вывернулась, благодаря придуманной мною лжи. Г. Менье, крайне удивленный моимъ вопросомъ о Паскалѣ, спросилъ: почему я интересуюсь имъ. Я отвѣчала, что въ дѣтствѣ меня взяли разъ въ театръ и я запомнила фамилію мальчика-артиста, исполнявшаго очень хорошенькую роль...

— Все это прекрасно, но было бы гораздо лучше не подвергать себя непріятной необходимости лгать! наставительно замѣтила Орели.

— Я такъ и сдѣлаю. Никогда въ жизни я не солгу болѣе... Да, я твердо рѣшилась... И въ слѣдующій разъ, когда я снова увижу г. Менье, я откровенно разскажу ему мое прошлое, а также и то, что ребенкомъ я играла на сценѣ театра Porte-Saint-Martin.

— Ты, кажется, сошла съ ума, Селина?

— Нисколько. Дайте мнѣ возможность отровенно высказать вамъ

Digitized by Google

все, что накипѣло на душѣ. Намъ необходимо объясниться. Когда я поступала въ монастырь, вы приказали мнѣ молчать о моемъ прошломъ, говоря, что иначе я подвергнусь насмѣшкамъ подругъ и начальницъ.

— Я и теперь приказываю тебѣ то же самое. Иначе, повторяю, всѣ наши знакомые будутъ тебя презирать. Насмѣшки свѣта переносить еще тяжелѣй, чѣмъ холодное презрѣніе подругъ.

— До настоящаго времени, я исполняла ваши приказанія, крестная, но теперь—я не должна и не могу слѣдовать имъ, рѣшительно выговорила Крикетъ. — Этотъ молодой человѣкъ, г-нъ Менье, какъ кажется, имѣетъ намѣреніе просить моей руки, и я считаю себя обязанной честно и откровенно разсказать ему всю правду.

— Ты можешь все это выполнить какъ тебѣ угодно, но только послѣ свадьбы. Когда вы будете связаны узами брака, тогда дѣло другое!

Эти слова, неожиданно сорвавшіяся съ языка Орели, въ первый разъ показали Крикетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Грубый и нахальный тонъ, развращенная мысль, скрывавшаяся въ словахъ Орели — глубоко поразили дѣвушку. Нѣсколько мгновеній она молчала, не зная, что сказать.

— Я ничего не дѣлала дурнаго и позорнаго, слѣдовательно, надо мною нечего смѣяться. Я не вижу никакой надобности лгать или скрывать свое прошлое! съ гордымъ видомъ произнесла Крикетъ.

Орели съ возростающимъ изумленіемъ смотрѣла на дѣвушку.

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ не для чего и навязывать свою откровенность каждому встрѣчному. Зачѣмъ тебѣ понадобилось посвящать г. Менье въ исторію твоего прошлаго?

— По очень простой причинѣ. Я уже не ребенокъ, и понимаю жизнь. Мнѣ семнадцать лѣтъ. Вы дали мнѣ хорошее образованіе, а вліяніе добрыхъ сестеръ, моихъ наставницъ въ монастырѣ, развило и укрѣпило мои нравственныя понятія. Говорить правду — обязанность, долгъ каждаго честнаго человѣка, и я исполню его. Если я встрѣчу г. Менье въ домѣ m-me Риго, я...

— Да, завтра ты съ нимъ должна встрѣтиться у m-me Леръ, подтвердила Орели, со страхомъ ожидая окончанія словъ Крикетъ.

— Тѣмъ лучше. Итакъ, я подойду къ нему... или нѣтъ, лучше къ его матери и разскажу ей все, что до меня касается... О васъ я говорить не стану... Онъ хочетъ жениться на мнѣ и ваше прошлое до него не касается..

Digitized by Google

— Я должна прервать тебя, Селина, замѣтила Орели,—ты сейчасъ упомянула о моемъ прошломъ... Что это значитъ? Развѣ ты можешь упрекнуть меня въ чемъ либо?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хотѣла сказать ничего подобнаго. Напротивъ того, я обязана вамъ чрезвычайно многимъ... Вы дали мнѣ образованіе. Но... но... здѣсь... Извините, крестная, я не могу больше говорить, я боюсь касаться нѣкоторыхъ вопросовъ.

— Продолжай, Селина! глухо произнесла Орели:—я потомъ отвѣчу тебѣ.

— Хорошо, крестная. Меня удивляетъ та таинственность, которая окружаетъ вашу жизнь... Вы никогда не говорите со мною откровенно, никогда не вспоминаете о вашихъ родителяхъ, я не знаю, откуда у васъ явилось настоящее богатство.

Крикетъ замолчала, не рѣшаясь продолжать.

— Дальше, дальше! торопила ее Орели, блѣднѣя и кусая губы.

— Да, я буду откровенна до конца, продолжала Крикетъ,—я рада, что вы согласились меня выслушать. Итакъ, вы хотите выдать меня замужъ... Въ принципѣ я ничего не имѣю противъ брака. Если г. Менье полюбитъ меня, если онъ мнѣ понравится... Вы, конечно, сами понимаете, крестная, что бракъ безъ любви — уродливое и безнравственное явленіе!.. Допустимъ, что все устроится къ общему благополучію... Я слышала, вы хотите дать мнѣ хорошее приданое, много денегъ, вещей... Здѣсь для меня является новая загадка... Когда я была еще ребенкомъ, дѣвочкой... я помню m-lle Розиту... Конечно, для человѣка нѣтъ ничего унизительнаго, если онъ занимался чернымъ дѣломъ, исполнялъ должность прислуги... Но меня удивляетъ, какъ... такое богатство... горничная... Розита.

— Несчастная! Если ты осмѣлишься еще когда-нибудь произнести это слово... если ты вспомнишь это проклятое имя, я тебя...

Орели схватила Крикетъ за обѣ руки и трясла испуганную дѣвушку, повторяя:

— Помни... помни... никогда въ жизни... ни слова... никому!

Желѣзныя, изсохшія руки Орели, какъ клещи, сжимали изящные пальчики Крикетъ. Она не вскрикнула и не пыталась освободиться. Но лицо ея смертельно поблѣднѣло.

Орели опомнилась. Она замѣтила, что дѣвушка близка къ обмороку, и быстро отошла въ другую сторону.

Digitized by Google

«Какъ это глупо, что я такъ разсердилась! подумала она,—стоитъ того... я живо поверну ее по своему»!..

Орели медленно расхаживала взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая дальнѣйшія дѣйствія, а Крикетъ смотрѣла на свои руки, покрытыя синяками, и вспоминала кроткихъ сестеръ, никогда и никого не обижавшихъ, не смотря на различные проступки воспитанницъ монастыря.

Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ Орели заговорила. Но она стояла посреди комнаты, боясь подойти къ Крикетъ. Ей казалось, что новая вспышка гнѣва можетъ быть еще ужаснѣе, и она рѣшилась сдержать свое раздраженіе.

— Ты не выйдешь изъ этой комнаты до тѣхъ поръ, пока не дашь согласія на бракъ съ г. Менье, если, конечно, онъ пожелаетъ жениться на тебѣ. Ты должна поклясться мнѣ, что никогда, ни до брака, ни послѣ,—ни единымъ словомъ не напомнишь ему о своемъ прошломъ... Понимаешь?

— Я никогда не соглашусь дать подобное обѣщаніе...

— Ну, это мы еще посмотримъ! съ угрозой въ голосѣ сказала Орели,—утро вечера мудренѣе... Я спрошу твоего отвѣта завтра!..

Съ этими словами Орели вышла и, хлопнувъ дверью, повернула ключъ въ замкѣ; онъ щелкнулъ два раза.

Крикетъ осталась одна съ своими тяжелыми думами!

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Два стихотворенія.

Бархатныя лапки.

Когда я бархатныя лапки
Твои цѣлую, о дитя,
Смѣешься ты, что хуже тряпки
Я сердце истаскалъ, шутя.
Въ томъ, что истасканнѣе тряпки
Мужское сердце,—вѣрь, дитя,
Виновны бархатныя лапки,
Трепать привыкшія шутя!

Два креста.

Твой блѣдный ликъ подъ терніемъ суровымъ
Въ душѣ моей живетъ неизгладимъ,
И пусть меня ведетъ онъ къ мукамъ новымъ,—
Я не ропщу, рыдая передъ нимъ.
Мнѣ *два* креста судьба опредѣлила,
И я терплю, и долженъ я терпѣть,
Но еслибъ *твой* съ меня она сложила,
Что̀ смыслу—жить, что̀ горя—умереть?

Ф. Андреевъ.

Digitized by Google

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ.

(Историческій очеркъ).

I.

Нѣтъ необходимости доказывать, что историческое изученіе того или другаго предмета способствуетъ установленію правильнаго на него взгляда. Между тѣмъ, у насъ сплошь и рядомъ бываетъ, что, приступая къ разсмотрѣнію и разрѣшенію какого-нибудь вопроса, берутъ этотъ вопросъ въ его, такъ сказать, современной обстановкѣ, игнорируя указанія прошлаго. Вслѣдствіе этого, одно представляется въ превратномъ видѣ, другое вовсе упускается изъ вниманія. Не гоняясь за примѣрами, укажемъ на занимавшій въ прошломъ году и администрацію и печать вопросъ питейный. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, былъ выдвинутъ толками объ усиленіи въ народѣ пьянства, въ зависимости отъ увеличенія, будто бы, числа питейныхъ заведеній, тогда какъ простая историческая справка могла бы показать, что число питейныхъ заведеній у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе постепенно сокращалось, что еслибы пьянство зависѣло отъ количества мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ, то народъ давно долженъ былъ бы «протрезвиться».

Игнорированіе исторической стороны вопроса сказалось невыгодно и на поставленномъ, одновременно съ питейнымъ, вопросѣ о крестьянскихъ переселеніяхъ. Въ рѣчи г. министра государственныхъ имуществъ къ свѣдущимъ людямъ была установлена исходная точка зрѣнія, которой должны держаться эти эксперты при обсужденіи переселенческаго вопроса. Г. министръ выразилъ убѣжденіе въ совершенной необходимости «стараться уменьшить даже существующую потребность въ передвиженіи, удовлетворяя насущнымъ земельнымъ нуждамъ крестьянъ, по возможности, другими путями; въ случаяхъ же ничѣмъ неотвратимой потребности въ переселеніи, предоставить совершеніе переселеній исключительно собственнымъ силамъ переселенцевъ, оказывая имъ матеріальную помощь лишь въ совершенно исклю-

Digitized by Google

чительныхъ случаяхъ» *). Это убѣжденіе возникло вслѣдствіе опасенія «вызвать ничѣмъ неудержимое броженіе въ крестьянскомъ населеніи». Оно имѣло бы основаніе, еслибы находило себѣ опору въ указаніяхъ прошлаго. Между тѣмъ наша исторія свидѣтельствуетъ, что въ прежнее время само правительство принимало мѣры къ удовлетворенію земельныхъ нуждъ крестьянъ путемъ переселеній въ весьма широкихъ размѣрахъ, не опасаясь «вызывать броженіе», хотя во времена крѣпостнаго права основаній для всякаго рода опасеній было, конечно, гораздо болѣе. Въ оффиціальномъ «Обозрѣніи мѣръ по переселенію государственныхъ крестьянъ», помѣщенномъ въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ», говорится даже, что наша колонизація «всегда совершалась при ближайшемъ, можно сказать, непосредственномъ участіи правительства». «Когда Россія, говоритъ это «Обозрѣніе»,—при незначительномъ населеніи заключалась въ предѣлахъ нынѣшнихъ внутреннихъ губерній, Московской и прилежащихъ къ ней, тогда земли раздавались правительствомъ съ дозволеніемъ «вызывать крестьянъ». Въ XVI вѣкѣ русскіе проникли въ отдаленную Сибирь, и здѣсь, въ XVII в., колонизація начала совершаться исключительно по непосредственнымъ распоряженіямъ правительства, которое предписывало воеводамъ заботиться объ устройствѣ, такъ называемой, десятинной государевой пашни». Въ словахъ оффиціальнаго обозрѣнія, конечно, есть много преувеличеній. Существуетъ много указаній, что въ прежнее время, въ обширныхъ размѣрахъ, производились самовольныя переселенія, такъ какъ гнетъ крѣпостнаго права, тяжесть податей, рекрутчина и религіозныя преслѣдованія издавна служили сильнымъ стимуломъ переселеній. Съ другой стороны, практиковались и переселенія невольныя—помѣщиками. Эти насильственныя переселенія производились какъ въ прошломъ, такъ и настоящемъ столѣтіи. «Ссылка людей на поселеніе, по волѣ помѣщиковъ,—говоритъ г. Турбинъ,—въ особенности возросла въ концѣ 50-хъ годовъ, т. е. передъ самымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Слышалъ я также объ одномъ помѣщикѣ Владимірской губерніи, яромъ поборникѣ православія, который, для уничтоженія раскола въ своемъ имѣніи, не испугался издержекъ, которыхъ ему стоила ссылка цѣлыхъ сорока семействъ». (*С. Турбинъ*, «Страна изгнанія». Спб. 1872, стр. 53). Какъ самовольныя, такъ и невольныя переселенія крѣпостныхъ совершались, разумѣется, помимо «непосредственнаго участія» правительства. Но несомнѣнно, что оно, путемъ вызова желающихъ и попеченія объ

*) «Порядокъ» 1881 г., № 265.

Digitized by Google

устройствѣ быта переселенцевъ, немало способствовало въ прежнее время устраненію малоземелья во внутреннихъ губерніяхъ и колонизированію окраинъ. Первоначально оно преслѣдовало при этомъ не столько экономическія, сколько политическія задачи. Положеніе нашихъ окраинъ, на границахъ съ другими государствами, и преобладаніе въ нихъ инородческаго населенія требовали закрѣпленія ихъ за Россіей, при помощи усиленія въ нихъ элемента чисто-русскаго. Этими задачами объясняются и нерѣдкіе прежде случаи перечисленія въ казаки переселенцевъ, водворявшихся на Кавказѣ и въ Сибири. Къ политическимъ задачамъ присоединились потомъ и экономическія. Когда во внутреннихъ губерніяхъ сталъ ощущаться недостатокъ въ землѣ, малоземельныхъ крестьянъ начали переселять въ многоземельныя мѣстности съ цѣлью устроенія ихъ быта.

Правительственныя мѣры относительно крестьянскихъ переселеній, начиная съ прошлаго столѣтія и до 60-хъ годовъ текущаго, представляютъ немало современнаго интереса. Онѣ, во-первыхъ, служатъ поучительнымъ свидѣтельствомъ того, что въ прежнюю пору, въ переселеніяхъ крестьянъ (конечно *не* крѣпостныхъ, участь которыхъ находилась въ полной зависимости отъ воли помѣщиковъ) вовсе не усматривалось чего-либо опаснаго для интересовъ государства; во-вторыхъ, онѣ, при своей полнотѣ, могутъ дать полезныя указанія для организаціи переселеній въ будущемъ. Отдѣльныя мѣры по заселенію многоземельныхъ мѣстностей были принимаемы еще въ XVII ст., но въ нихъ не было опредѣленнаго плана. Болѣе или менѣе правильный характеръ такія мѣры получаютъ уже въ XVIII ст.: рядомъ съ распоряженіями о переселеніи желающихъ на «новыя мѣста» и съ предоставленіемъ имъ пособій отъ казны, появляются описи свободныхъ земель. Въ 1731 г. состоялся указъ о выдачѣ изъ казны, на первый годъ, денегъ и хлѣба желающимъ поселиться на царицынской линіи. Въ 1740 г. предпринята была «геодезіи прапорщикомъ», Пименомъ Старцевымъ, «роспись удобнымъ къ поселенію мѣстамъ» въ Сибири. Такихъ мѣстъ по р.р. Локтевкѣ, Алею, М. Бѣлой, Евтифѣевкѣ, Чарышу, Инѣ, Бѣлой и Убѣ, Старцевымъ означено 62. Затѣмъ, подобныя же описанія сдѣланы были инженеръ-поручикомъ Плутовымъ (въ 1758 г.) съ цѣлью опредѣленія мѣстъ, удобныхъ для поселенія крестьянъ, отставныхъ солдатъ и казаковъ между Омскомъ, оз. Чаны, Карасукомъ и крѣпостью Желѣзникскою, и, наконецъ, поручикомъ Бутеневымъ и капитаномъ Шустовымъ. *) Въ 1760 г. вышелъ указъ на имя сибирскаго губернатора Соймонова о занятіи въ Сибири мѣстъ отъ Усть-Каменогорской крѣпости по р. Бухтармѣ

*) «Матеріалы для исторіи Сибири». *Г. Н. Потанина.* (Москва, 1867).

Digitized by Google

и далѣе до Телеуцкаго озера, и о заселеніи страны по рр. Ульбѣ, Березовой и Глубокой и ихъ притокамъ русскими людьми до 2,000 человѣкъ. Но желающіе водвориться на новыхъ мѣстахъ встрѣчали разныя преграды отъ мѣстныхъ, ближайшихъ властей. Вслѣдствіе этого, сибирская губернская канцелярія разослала этимъ властямъ въ 1760 г. «промеморію», въ которой, между прочимъ, говорилось: «Вообще, по указу сената, канцеляріи ничего не дѣлаютъ относительно высылки желающихъ на новыя мѣста, а чинятъ напрасныя и необстоятельныя оговорки, не изъ чего иного, какъ только изъ одного лакомства... а тѣмъ желающимъ чинятъ долговременныя волокиты и задержанія, а у прочихъ желающихъ отнимаютъ охоту, а паче Ишимская канцелярія, разсуждая, что якобы, выключая тѣхъ желающихъ, прочіе понесутъ себѣ тягость».

Болѣе широкую постановку вопросъ о переселеніяхъ получилъ при Екатеринѣ II, когда расширеніе территоріи Россіи заставило правительство озаботиться заселеніемъ многоземельныхъ пограничныхъ областей юга. Впрочемъ, правительство имѣло при этомъ въ виду и устраненіе начинавшаго уже сказываться въ то время малоземелья во внутреннихъ губерніяхъ. Такъ, въ 1866 году, коллегія экономіи, въ вѣдѣніе которой поступили монастырскія имѣнія съ ихъ крестьянами, представила сенату свое предположеніе,—для устраненія неудобствъ, происходившихъ отъ *малоземелья* нѣкоторыхъ селеній ея вѣдомства,—переселить нѣкоторое число крестьянъ въ другія, многоземельныя мѣстности. Такъ какъ въ то же время производилось переселеніе волжскихъ казаковъ изъ Астраханской губерніи на Терекъ, то сенатъ предписалъ перевести на казачьи земли изъ экономическихъ вотчинъ 2,000 душъ крестьянъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы оставшіеся платили за нихъ государственныя подати и оброчныя деньги. Сами же переселенцы освобождены были отъ податей на полтора года; коллегія должна была снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго устройства на новыхъ мѣстахъ. Не ограничиваясь этою частною мѣрою, сенатъ предписалъ коллегіи пріискать удобныя къ поселенію экономическихъ крестьянъ мѣста и по этому предмету составить подробное и общее предположеніе. Возложенное на нее порученіе коллегія не замедлила исполнить, и въ 1781 г. получила разрѣшеніе переселить 24,000 крестьянъ своего вѣдомства на свободныя и удобныя къ хлѣбопашеству земли въ губерніяхъ Азовской и Новороссійской. Въ отношеніи отбыванія податей положено было, какъ и прежде, что сами переселенцы освобождаются отъ податей на полтора года, и подати эти вносятъ за нихъ жители прежняго ихъ мѣстожительства.

Въ 1782 г., для переселеній назначена была новая мѣстность—

Digitized by Google

Кавказская (теперь Ставропольская) губернія. Въ ней дозволено было раздавать желающимъ мѣста подъ поселенія въ земляхъ, составлявшихъ обширную цѣпь по Моздокской линіи. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ 1784 г., по поводу просьбы орловскихъ однодворцевъ переселиться на кавказскую линію, право переселенія было распространено на всѣхъ государственныхъ крестьянъ, съ предоставленіемъ прежнихъ льготъ по платежу податей и съ назначеніемъ, кромѣ того, переселенцамъ въ Кавказскую губернію пособія (по 20 руб.) на поставку дворовъ. Благодаря этимъ льготамъ, желающихъ переселиться на Кавказъ явилось довольно значительное число. Такъ, въ теченіе одного 1784 г. переведено было въ Кавказскую губернію 4,382 души *). Въ слѣдующемъ году, туда же переселено было однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ изъ Пензенскаго и другихъ намѣстничествъ 1,800 душъ.

Между тѣмъ территорія наша, вслѣдствіе успѣшныхъ войнъ съ Турціею и Крымомъ, на югѣ постепенно расширялась. Уже въ 1774 г., по миру въ Кучукъ-Кайнарджи, къ намъ отошли: Кинбурнъ, со степью между Днѣпромъ и Бугомъ, Керчь, Азовъ,— всего 27,254 кв. в.; затѣмъ въ 1783 г., по манифесту 5-го апрѣля, присоединены были къ Россіи: Крымъ, Тамань и Кубанскій край—81,302 кв. в. Эти обширныя мѣстности, составлявшія только привольныя мѣста для кочевниковъ, требовали заселенія. Послѣднее служило предметомъ особыхъ заботъ Потемкина. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Скальковскимъ въ «Хронологическомъ обозрѣніи исторіи Новороссійскаго края» (Спб., 1836 г.) въ одномъ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, въ періодъ 1780—87 гг., устроено было 758 селеній и водворено 76,147 жителей (ч. I, стр. 195).

Послѣ посѣщенія Новороссійскаго края Екатериною II, въ 1787 г., послѣдовалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Удостовѣрившись собственнымъ нашимъ обозрѣніемъ въ плодоносіи пространныхъ земель въ нашемъ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической, и въ разныхъ выгодахъ для обывателей сихъ странъ, отъ мѣстнаго положенія проистекающихъ, и вѣдая, что въ числѣ селеній вѣдомства директора домоводства, по разнымъ губерніямъ, находятся и такія, кои не изобилуютъ количествомъ земли, съ умноженіемъ же народа и вящшую въ томъ нужду имѣть могутъ,—признали Мы за благо предписать нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы отъ нихъ объявлено было надлежащимъ порядкомъ поселянамъ вѣдомства директора домоводства, разнаго

*) Изъ Тамбовскаго намѣстничества 790 душъ, Курскаго—2,649, Пензенскаго—564, Воронежскаго—862 и Орловскаго—17.

Digitized by Google

званія, наипаче же такихъ селеній, кои въ земляхъ недостатокъ и нужду ощущаютъ, что они могутъ переселяться на земли плодоносныя, въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области состоящія».

Въ силу этого указа, уже въ 1787 г. дозволено было переселить въ Екатеринославское намѣстничество 1,546 душъ государственныхъ поселянъ.

Таковъ былъ ходъ легальныхъ переселеній при Екатеринѣ II. Нужно замѣтить, что въ ея время правительство не только собирало, но и печатало свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ. У насъ сеть любопытный «Реэстръ находящимся въ Россіи свободнымъ и удобнымъ къ населенію землямъ». Въ этомъ реэстрѣ поименованы такія земли въ Тобольской, Астраханской, Оренбургской и Бѣлгородской губерніяхъ:

1) «Въ Тобольской губерніи, близъ Тобольска, на Барабинско й степи, гдѣ къ поселенію выгодныхъ лѣсами, рыбными ловлями, плодоносныхъ земель нѣсколько сотъ тысячъ имѣется десятинъ».

2) «Въ той же губерніи, на состоящихъ въ вѣдомствѣ Усть-Каменогорской крѣпости, по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по прочимъ впадающимъ рѣчкамъ въ оныя и въ Иртышъ рѣку мѣстамъ, гдѣ потому жъ къ поселенію весьма выгодныя мѣста состоятъ».

3) «Въ Астраханской губерніи, отъ Саратова вверхъ по рѣкѣ Волгѣ» указывается 8 дачъ съ 18,999 дес. сѣнокоса и 16,305 дес. лѣса. Далѣе, «отъ Саратова жъ внизъ по рѣкѣ Волгѣ» 9 дачъ съ 23,657 дес. сѣнокоса и 10,219 дес. лѣса. «А всего такихъ способныхъ и угодныхъ къ поселенію мѣстъ болѣе 70,000 десятинъ простирается».

4) «Въ Оренбургской губерніи, по рѣкѣ Сакмарѣ, въ сорокѣ верстахъ отъ Оренбурга, и внизъ, близъ Самары, отъ онаго же въ трехъ стахъ верстахъ до рѣки Канели, да ниже города Самары по рѣкѣ Волгѣ, до устья рѣчки Иргиза, и вверхъ по Иргизу, къ поселенію на нѣсколько тысячъ семей весьма плодородныя и выгодныя земли имѣются».

5) «Въ Бѣлгородской губерніи, въ Валуйскомъ уѣздѣ, по рѣчкамъ Журавкѣ, Деркулу, Биткѣ и Осколу, на нѣсколько сотъ дворовъ, свободныя жъ земли при довольномъ числѣ сѣнныхъ покосовъ имѣются, которыя потому жъ новымъ поселенцамъ весьма способны быть могутъ».

Но, принимая мѣры къ заселенію многоземельныхъ мѣстностей русскими крестьянами, Екатерина II въ то же время старалась колонизировать ихъ иностранными выходцами. Это было большою ошибкою въ политикѣ. Въ лицѣ иностранныхъ колонистовъ правительство думало дать какихъ-то наставниковъ - руководителей нашимъ крестьянамъ по части улучшеній въ воздѣлываніи земли. Результаты нѣмецкой колонизаціи извѣстны: въ руки нѣмцевъ перешла масса земли, но они не только нашихъ крестьянъ ничему не научили, но даже во многихъ мѣстахъ съу-

Digitized by Google

мѣли привести собственное хозяйство въ крайне плачевное состояніе. Напримѣръ, въ поволжскихъ колоніяхъ они, по словамъ г. Гавеля, начали практиковать такое хищническое хозяйство, которое истощило землю. Если они пользуются относительнымъ благосостояніемъ, то благодаря не земледѣлію, а торговымъ операціямъ. Наконецъ, не смотря на большіе надѣлы, отведенные колонистамъ, между ними успѣло уже образоваться нѣсколько десятковъ тысячъ безземельнаго пролетаріата, который долженъ усложнять задачи правительства въ отношеніи устроенія быта нашихъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ.

Въ кратковременное царствованіе императора Павла I состоялось только одно важное постановленіе въ отношеніи переселеній—оно касалось «прекращенія самовольнаго переселенія поселянъ съ мѣста на мѣсто въ губерніяхъ Екатеринославской, Вознесенской *) и Кавказской, и области Таврической, равно какъ и переселенія изъ другихъ губерній въ оныя». При императорѣ Александрѣ I, касательно переселеній, былъ сдѣланъ рядъ постановленій.

Въ 1812 г., назначивъ главнымъ мѣстомъ переселеній Новороссійскій край, правительство воспретило переводъ крестьянъ во всѣ прочія губерніи, «пока приведены будутъ въ извѣстность тѣ земли, кои переселенцамъ отводимы будутъ». Такое ограниченіе сохраняло свое дѣйствіе, однако, недолго. Спустя десять лѣтъ (въ 1822 г.), именнымъ указомъ сенату разрѣшено было, по представленію сибирскаго генералъ-губернатора, переселяться туда государственнымъ крестьянамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволеніе переселяться распространено было и на старожиловъ Сибири: имъ дозволенъ былъ переходъ изъ одной сибирской губерніи въ другую, а въ 1824 г., 22 марта, состоялось положеніе комитета министровъ, которымъ переселенія были разрѣшены во всѣ тѣ губерніи, гдѣ, по числу душъ государственныхъ крестьянъ, приходилось въ сложности по 8—15 дес. на душу. Въ то же время явилось общее положеніе относительно переселеній малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ. Статистическія свѣдѣнія о переселеніяхъ за время императора Александра I отличаются отрывочностью **).

Въ новый фазисъ развитія дѣло крестьянскихъ переселеній

---

*) Вознесенская губернія, переименованная императоромъ Павломъ изъ намѣстничества, образованнаго Екатериною II въ 1795 г., была при немъ же потомъ упразднена. Она обнимала частію нынѣшнюю Херсонскую, частію Кіевскую губерніи.

**) Ихъ можно найти въ «Исторіи м-ва внутреннихъ дѣлъ»—*Варадинова.*

Digitized by Google

вступило при императорѣ Николаѣ I. При немъ, какъ извѣстно, впервые обращено было болѣе серьезное вниманіе на устроеніе быта государственныхъ крестьянъ; и дѣло это было возложено на замѣчательнѣйшаго въ то время дѣятеля, графа Киселева, которому принадлежитъ честь правильной организаціи управленія государственными имуществами. Но еще прежде образованія министерства государственныхъ имуществъ, въ самомъ началѣ царствованія Николая I, комитетомъ, учрежденнымъ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина, выработанъ былъ въ 1828 г. проэктъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, въ которомъ предположено было организовать крестьянскія переселенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По этому проэкту, предполагалось «изъ малоземельныхъ казенныхъ селеній, которыя не перейдутъ въ города, выселить такое количество поселянъ на свободныя казенныя земли, чтобы у остающихся на прежнемъ мѣстѣ жительства составилось угодьевъ не менѣе 10 дес. на тягло, каковое количество каждому и предоставить». Переселенцамъ же, которыхъ по расчисленію должно было быть до 837,000 душъ, отводить землю на мѣстахъ новаго поселенія въ безсрочное содержаніе, по 30 дес. на душу.

Предположенія эти встрѣтили, однако, возраженія: признано было, что «*невольное* (?) переселеніе притѣснительно и даже разорительно для крестьянъ, крайне убыточно для казны и въ томъ обширномъ размѣрѣ, въ которомъ предположено, неудобоисполнимо на дѣлѣ. Изгонять человѣка противъ собственной его воли съ родины, куда бы то ни было, особенно въ мѣста пустынныя, малонаселенныя, есть весьма тяжкое наказанье, падающеее на совершенно невиннаго. Невольное переселеніе не только разорительно потому, что переселяющійся долженъ будетъ за безцѣнокъ уступить домъ свой и большую часть хозяйственнаго обзаведенія и пріобрѣсти все это дорогою цѣною на новомъ мѣстѣ,—но и потому, что здѣсь не найдетъ онъ и тѣхъ способовъ къ поддержанію своего состоянія, какіе онъ имѣлъ на прежнемъ своемъ жительствѣ, предположивъ даже, что земли ему отведено будетъ въ изобиліи». Затѣмъ указывалось, что «владѣніе небольшимъ участкомъ въ малоземельной губерніи, гдѣ земли цѣнны, сбытъ хлѣба удобенъ и промышленность доставляетъ способы къ заработкамъ, несравненно выгоднѣе владѣнія бо́льшимъ противъ того количествомъ въ губерніяхъ многоземельныхъ, гдѣ земли большею частію состоятъ изъ степей, къ населенію вовсе неудобныхъ».

Такимъ образомъ, проэкту 1828 г. не суждено было осуществиться. Тѣмъ не менѣе, онъ заслуживаетъ вниманія, какъ актъ, указывающій, что уже въ 20-хъ годахъ, въ «высшихъ сферахъ» были люди, придававшіе переселеніямъ великое эко-

Digitized by Google

номическое значеніе и желавшіе разрѣшить вопросъ о нихъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Даже самыя замѣчанія на проэктъ представляютъ немалый интересъ. Замѣчанія эти предвидѣли невыгоды громадныхъ массовыхъ переселеній не въ опасности отъ нихъ для государства, а въ томъ, что они не согласуются съ интересами самихъ переселенцевъ. Какъ бы то ни было, но проэктъ 1828 г. не получилъ осуществленія. Въ 1831 г. явились правила относительно переселеній, которыя, вмѣстѣ съ общимъ положеніемъ 1824 г., вошли въ первое изданіе Свода Законовъ. По этимъ правиламъ, переселенцамъ предоставлялась на 3 года свобода отъ платежа податей и отбыванія повинностей, въ томъ числѣ и рекрутской. Въ случаѣ необходимости, предписано было выдавать въ ссуду хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, для посѣва и пропитанія, а также отводить лѣсъ для постройки жилищъ; до окончательнаго устройства домовъ, отводить временныя помѣщенія въ ближайшихъ казенныхъ селеніяхъ; кромѣ всего этого, отпускать на обзаведеніе: въ лѣсныхъ мѣстахъ по 50 рублей, а въ безлѣсныхъ по 100 рублей асс. на семью.

Въ такомъ положеніи находились переселенія крестьянъ и законодательство о нихъ до конца 30-хъ годовъ, т. е. до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ. Графъ Киселевъ, создавъ это министерство и вступивъ въ управленіе имъ, скоро убѣдился, что существующія положенія относительно переселеній еще далеко не удовлетворяютъ потребностямъ жизни и нуждаются во многихъ дополненіяхъ. Такъ, не были приведены въ извѣстность удобныя для переселеній земли. Хотя затрудненія, которыя вызывала эта неизвѣстность въ отношеніи переселеній, остановили на себѣ вниманіе правительства еще въ 1812 г., тѣмъ не менѣе, для устраненія ихъ не принималось мѣръ до самаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ. Поэтому, земли, водвориться на которыхъ крестьяне изъявляли желаніе, не распредѣлялись по участкамъ и даже не снимались на планъ, такъ что иногда переселенцы немалое время вынуждены были ждать на новыхъ мѣстахъ отмежеванія и отвода земли и подвергаться бѣдствіямъ, оставаясь все время безъ пріюта и способовъ содержанія. Проволочки въ назначеніи и отводѣ участковъ бывали такъ значительны иной разъ, что крестьяне теряли терпѣніе и возвращались обратно, на прежнія мѣста. Наконецъ, случалось, что крестьяне самовольно избирали участки для своихъ поселеній и водворялись на чужихъ земляхъ, владѣльцы которыхъ или изгоняли ихъ, или заводили съ ними тяжбы. Не встрѣчая должнаго содѣйствія со стороны властей, крестьяне нерѣдко поручали пріискивать участки своимъ повѣреннымъ, которые не

Digitized by Google

всегда добросовѣстнымъ образомъ относились къ возложеннымъ на нихъ порученіямъ. Сознавая всѣ эти невыгодныя стороны тогдашнихъ переселеній, министерство графа Киселева озаботилось изысканіемъ мѣръ къ ихъ устраненію. Прежде всего, оно поставило себѣ задачею приведеніе въ извѣстность, снятіемъ на планы и хозяйственнымъ описаніемъ, всѣхъ свободныхъ земель, годныхъ къ заселенію. Предположено было такія земли распредѣлить на извѣстные участки, съ означеніемъ числа семей, какое на нихъ могло бы быть водворено. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ свободныхъ земель было особенно много, предположено было отводить участки подъ цѣлыя общества, раздѣляя на нѣсколько селеній. Наконецъ, въ случаѣ надобности, положено было отводить подъ новыя поселенія и оброчныя статьи. Такъ какъ задачи, поставленныя министерствомъ, были очень широки, да кромѣ того, ему предстояло еще озаботиться устройствомъ быта крестьянъ, переселившихся до его учрежденія, то, естественно, ходъ переселеній долженъ былъ нѣсколько замедлиться. Поэтому, въ 1838 г. разрѣшено было переселить въ многоземельныя губерніи только 4,063 д. м. п., дѣйствительно же переселилось 2,290 душъ. Въ губерніи Саратовскую, Оренбургскую, Екатеринославскую, Кавказскую область и Сибирь отправлены были партіи топографовъ и землемѣровъ для приведенія въ извѣстность и съемки свободныхъ земель. Въ 1839 г. переселилось 2,917 душъ. Но уже въ 1840 г. число переселенцевъ увеличивается—число ихъ въ этомъ году достигаетъ 11,961 чел. Въ 1841 г. число переселенцевъ было еще значительнѣе: оно дошло до 16,449 душъ. Но въ 1842 г., по причинѣ значительнаго выпуска переселенцевъ въ предъидущіе два года, прежнія затрудненія возобновились. Земли, приведенныя въ извѣстность, были заняты; палаты многоземельныхъ губерній были обременены дѣлами о водвореніи новыхъ переселенцевъ. Поэтому, число переселенцевъ стало сокращаться, и въ 1842 г. немногимъ превысило половину числа ихъ въ 1841 году (8,860 д.), а въ 1843 г. упало до 5,782 д.

Всѣ мѣры, которыя были принимаемы министерствомъ государственныхъ имуществъ до 1843 г., имѣли, такъ сказать, подготовительный характеръ. Въ этомъ же году, оно, пользуясь указаніями опыта, въ видахъ устройства лучшаго порядка, какъ во время слѣдованія людей на новыя мѣста, такъ и при ихъ водвореніи, составило новыя правила относительно переселеній. Правила эти были утверждены 8 апрѣля 1843 г. Ими указаны были: цѣль переселеній, ходъ ихъ и порядокъ отвода земель. Цѣлью переселеній выставлялось, во-1-хъ, предоставленіе нуждающимся въ землѣ сельскимъ обществамъ, съ выходомъ переселенцевъ, необходимаго количества земли, во-2-хъ, обра-

Digitized by Google

щеніе рукъ, излишнихъ въ однихъ мѣстахъ — въ другія, къ воздѣлыванію пространствъ, лежащихъ впустѣ. На этомъ основаніи, переселенія допускаются: а) изъ одного общества въ другое, той же губерніи, когда одни общества испытываютъ недостатокъ въ землѣ, другія же, напротивъ, имѣютъ количество ея, превышающее узаконенный размѣръ, или когда само общество будетъ просить о водвореніи на его земляхъ новыхъ семействъ; б) въ другія губерніи изъ малоземельныхъ обществъ (съ надѣломъ менѣе 5 дес. на душу). Для предотвращенія самовольныхъ переселеній и разстройства переселенцевъ при переходѣ на новыя мѣста, земли, предназначенныя для водворенія, предварительно снимаются на планы и раздѣляются на участки, такимъ образомъ, чтобы каждый участокъ былъ достаточенъ для водворенія сельскаго общества и имѣлъ 4,000—4,500 дес., съ отчисленіемъ $^1/_5$ въ запасъ на прибылыя души и $^1/_{10}$ для отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ. Что касается порядка переселеній, то постановлено было допускать послѣднія не прежде принятія мѣръ къ обезпеченію переселенцевъ продовольствіемъ, какъ во время пути, такъ и по прибытіи ихъ на новыя мѣста. Для этого, на палаты государственныхъ имуществъ возложено было заготовлять, на счетъ особыхъ суммъ, общественные плуги или сохи и рабочій скотъ, и на мѣсто водворенія высылать предварительно потребное число работниковъ для вспашки и засѣва полей и заготовленія сѣна въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія скота переселенцевъ въ первую зиму. Кромѣ того, палатамъ вмѣнено было въ обязанность заботиться о предупрежденіи другихъ нуждъ переселенцевъ: напримѣръ, при недостаткѣ воды устраивать колодцы, при неимѣніи въ окрестностяхъ мельницъ—устраивать таковыя на счетъ хозяйственнаго капитала. Наконецъ, государственнымъ крестьянамъ, переселяющимся добровольно и съ дозволенія начальства, оказывались другія пособія. Такъ, имъ выдавался причитающійся на ихъ душу хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ того общества, изъ котораго они выходятъ; на мѣстѣ водворенія выдавалось по 100 корней лѣса на каждый дворъ и 20 руб. сер. денегъ, если же лѣса не было—30 р. с. на каждый дворъ безвозвратно, изъ особаго капитала, ассигнуемаго по смѣтѣ министерства. Въ отношеніи податей и повинностей, имъ предоставлялись слѣдующія льготы: свобода отъ рекрутства на 3 года, отъ воинскаго постоя—на 6 лѣтъ, отъ податей и натуральныхъ повинностей—на 8, съ тѣмъ, однако, что въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ они обязаны были платить половину оброчной подати на усиленіе средствъ переселеній. Но, предоставляя такія льготы крестьянамъ, переселяющимся съ разрѣшенія властей, правила 1843 г., вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣняли существовавшее до того времени дозволе-

Digitized by Google

ніе крестьянамъ самимъ отыскивать годныя для переселеній мѣста, такъ какъ это служило одною изъ главныхъ причинъ самовольныхъ переселеній *).

Съ изданіемъ правилъ 1843 г. число переселенцевъ стало возростать. Правда, первые годы оно не было велико, но къ исходу 40-хъ годовъ достигло значительной цифры. Въ первое же время, по изданіи правилъ 1843 г., министерство не могло допустить переселеній въ широкихъ размѣрахъ, по той причинѣ, что оно не успѣвало приводить въ извѣстность, снимать на планы и отводить участки переселенцамъ. Поэтому, переселенія въ губерніи Саратовскую, Оренбургскую, Кавказскую и Астраханскую были пріостановлены. Переселяться въ сибирскія губерніи крестьяне изъявляли мало желанія. Оставались губерніи Таврическая и Херсонская, но и въ нихъ водвореніе встрѣчало препятствія, за недостаткомъ данныхъ о свободныхъ земляхъ. Вслѣдствіе всего этого, въ 1844 г. переселено было только 7,330 душъ. Тѣ же препятствія продолжали задерживать переселенія и въ 1845 г., когда переселено было всего 5,875 д. Но въ этомъ году министерство прибѣгло къ весьма раціональной мѣрѣ:—положено было заготовлять земли за 2 года впередъ. Благодаря этому, число переселеній стало увеличиваться. Такъ, въ 1846 г. переселено было 9,309 душъ, въ 1847—11,447, въ 1848—20,093, въ 1849—14,393. Въ 1850 г. число переселенцевъ вдругъ упало до 937 душъ. Причиною такого явленія была производившаяся въ этомъ году 9-я перепись. Въ слѣдующіе годы, переселенія опять стали возростать: въ 1851 г. переселилось 5,022 д., въ 1852—14,125. Но особенно значительныхъ размѣровъ достигли переселенія въ 1853 г., когда въ многоземельныя гу-

---

*) Кромѣ общихъ правилъ о переселеніяхъ, явившихся въ 1843 г., были издаваемы частныя. Такъ, въ концѣ 1846 г., изданы были особыя правила о переселеніи въ Самарскую губернію. (Самарская губернія образована была въ 1850 г., въ 40-хъ же годахъ означенныя земли принадлежали къ Саратовской губерніи). Правила эти изданы были «съ тою цѣлію, чтобы, вмѣсто существующаго издавна между крестьянами раздробительнаго дѣленія семейныхъ участковъ и частыхъ передѣловъ земли,—отчего крестьяне не имѣютъ ни охоты, ни выгоды тщательно обработывать свои земли,—постепенно вводить пользованіе наслѣдственными нераздѣльными участками, такимъ образомъ, чтобы каждый крестьянинъ зналъ, что участокъ, воздѣланный его трудами, перейдетъ послѣ его смерти, съ полнымъ хозяйствомъ, къ его сыну а отъ сего послѣдняго—къ его внуку».

Около того же времени явилось постановленіе о заселеніи Мангишлакскаго полуострова торговыми людьми и рыбопромышленниками изъ государственныхъ крестьянъ Оренбургской, Саратовской и Астраханской губерній.

Digitized by Google

бернiи переселено было 18,135 душъ м, кромѣ того, 6,504 д. *переведено было внутри однихъ и тѣхъ-же губерній.* Вообще, за все время управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Киселева, оставившаго свой постъ въ половинѣ 1856 г., переселено было,—какъ видно изъ отчета его преемника, Муравьева, за 1855 г.,—165,373 д., въ числѣ 48,017 семей *). Подробности относительно того, *откуда* и *куда* направлялись переселенія, къ сожалѣнію, имѣются у насъ не за все время управленія гр. Киселева, а за 15 лѣтъ (съ 1838 по 1852 г.). Но такъ какъ и эти данныя представляютъ все-таки интересъ, то мы позволимъ себѣ привести ихъ здѣсь. Всего, въ теченіе 15-ти лѣтъ, переселено было 141,317 р. душъ. Переселеніе производилось изъ губерній великорусскихъ, малорусскихъ и западныхъ. Наибольшее число переселенцевъ было изъ губерній: Харьковской (28,171 ч.), Полтавской (22,165), Воронежской (19,260) и Черниговской (13,124). За ними слѣдовали: Псковская (9,895), Тамбовская (8,778), Курская (7,520), Смоленская (7,273), Тульская (5,811), Орловская (5,266) и Пензенская (5,739). Менѣе всего было переселенцевъ изъ Калужской (2,706), Саратовской (1,579), Таврической (1,306), Тверской (774), Казанской (466), Пермской (406), Рязанской (279), Московской (219) и Вятской губерній (219). Изъ западныхъ и югозападныхъ губерній производилось выселеніе шляхты, «обращенной, по недоказательству дворянства, въ однодворцы и государственные крестьяне», а также, «панцырныхъ бояръ» (изъ Витебской губерніи). Этихъ переселенцевъ было 5,361 д.

Изъ числа переселившихся обращено было въ государственные крестьяне:

Въ Астраханской	губерніи	4,711 д.
» Ставропольской	»	27,101 »
» Херсонской	»	765 »
» Таврической	»	210 »
» Олонецкой	»	52 »
» Екатеринославской	»	22,450 »
» Енисейской	»	637 »
» Тобольской, » Томской	»	31,252 »
» Саратовской, » Самарской, » Оренбургской	»	27,323 »
		114,501.

*) См. Отчетъ министра госуд. им. за 1856 г., стр. 7.

Digitized by Google

Перешедшіе въ губерніи Екатеринославскую, Самарскую, Ставропольскую и Оренбургскую, водворены были, главнымъ образомъ, въ первой—въ Александровскомъ уѣздѣ (21,361), во второй—въ Бузулукскомъ (28,721), въ третьей—въ Пятигорскомъ (17,000), въ четвертой—въ Челябинскомъ (3,868). Переселеніе въ сибирскія губерніи, сперва очень незначительное, увеличилось въ 50-хъ годахъ. Крестьяне, поселенные на далекихъ окраинахъ (въ Сибири, на Кавказѣ, въ Оренбургской губерніи), не причисленные къ государственнымъ, были зачислены въ казаки. На переселенія крестьянъ и устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ ассигнуемы были особыя суммы. Съ 1842 по 1852 г. израсходовано было 1,915,577 руб. Заботясь объ устроеніи быта переселенцевъ, гр. Киселевъ не оставлялъ ихъ безъ своихъ попеченій и по водвореніи на новыхъ мѣстахъ. Такъ, во время своего личнаго осмотра новыхъ поселеній на луговой сторонѣ Волги, убѣдясь, что эти поселенія находятся въ неудовлетворительномъ состояніи, во-первыхъ, по неудобству земли и недостатку воды, во-вторыхъ, по бывшему съ самаго начала прибытія переселенцевъ неурожаю и падежу скота,—гр. Киселевъ приказалъ, на счетъ имѣющихся въ распоряженіи министерства суммъ, купить нуждающимся 400 головъ скота, устроить 27 колодцевъ и нѣсколько запрудъ и выстроить дома для 3,008 семействъ (Отчетъ за 1843 г., стр. 52). Кромѣ указанныхъ переселенцевъ, было немало и самовольныхъ,—переселявшихся безъ соблюденія легальныхъ условій. Хотя министерство гр. Киселева, правилами 1843 г., стремилось положить преграду самовольнымъ переселеніямъ, тѣмъ не менѣе, оно считало своею нравственною обязанностью устраивать и быть самовольно переселявшихся. Довольно распространенный пріемъ относительно такихъ переселенцевъ, даже въ послѣдующее время, какъ извѣстно, состоялъ въ томъ, что ихъ сгоняли съ занятыхъ мѣстъ и возвращали туда, откуда они явились. Графъ Киселевъ не считалъ удобнымъ держаться такого пріема. Въ августѣ 1844 г. онъ исходатайствовалъ чрезъ комитетъ министровъ разрѣшеніе—на зачисленіе всѣхъ крестьянъ, самовольно выбывшихъ до 1843 г. въ другія губерніи, по новому мѣсту водворенія. Эта мѣра, по словамъ отчета за 1844 г., имѣла весьма полезныя послѣдствія, особенно въ Кавказской области: «тамъ, гдѣ за годъ предъ симъ не видно было признаковъ обитанія, явились довольно пространныя и правильно выстроенныя селенія (Отчетъ за 1844 г., стр. 46).

Резюмируя результаты крестьянскихъ переселеній съ 1838 по 1852 г., «Журналъ министерства государственныхъ имуществъ» говоритъ, что переселенія эти доставили слѣдующія выгоды:

1) До 1½ милліона десятинъ земли, лежавшихъ до того вре-

Digitized by Google

мени впустѣ, были заселены и поступили подъ обработку, такъ какъ круглымъ счетомъ на каждаго переселенца приходилось по 10 дес. надѣла. 2) Въ селеніяхъ, откуда вышли переселенцы, прибавилось въ пользу сторожиловъ, по меньшей мѣрѣ, до 500,000 десятинъ. 3) Казна продолжала получать прежній поземельный доходъ съ оставшихся отъ переселенцевъ угодій; земли же, вновь заселенныя, стали давать новый оброкъ, который шелъ на покрытіе затратъ по переселенію и который, послѣ того, обращался уже въ чистый доходъ казны. Относительно иностранныхъ колонистовъ, гр. Киселевъ, насколько извѣстно, ограничивался только устроеніемъ быта уже водворившихся ранѣе въ Россіи, воздерживаясь отъ вызова новыхъ колонистовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что графъ Киселевъ видѣлъ въ переселеніяхъ одно изъ могучихъ орудій для подъема экономической производительности страны. Въ виду того, что многіе наши доморощенные финансисты, для увеличенія государственныхъ доходовъ, прибѣгали къ простому увеличенію обложенія, гр. Киселевъ указывалъ на необходимость развитія источниковъ производительности: «*переселите 800,000 душъ*, писалъ онъ, употребите капиталы на устройство оброчныхъ статей и устройство лѣсовъ, откройте широкіе пути торговлѣ, дайте народу нужные способы и тогда ожидайте увеличенія доходовъ» *).

Л. В—инъ.

(*Окончаніе будетъ*).

---

*) «Гр. Киселевъ и его время». А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Т. II, стр. 178.

Digitized by Google

НОСИТЬ СЪ ЧЕСТЬЮ.

РОМАНЪ **М. С. Б.**

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Прологъ.

Старая сѣрая церковь. На каменномъ ея портикѣ почти стертая временемъ надпись: «Кто умѣетъ молиться — умѣетъ любить».

Яснымъ весеннимъ утромъ, на эту надпись задумчиво смотритъ блѣдная молодая дѣвушка. Прекрасное лицо ея выражаетъ смѣсь счастія и страха.

— Прекрасныя слова! шепчетъ она.

Слышатся шаги, и лицо ея проясняется при видѣ приближающагося изъ чащи деревьевъ статнаго мужчины.

— Вы пришли первая, говоритъ онъ ей, нѣжно взявъ ее за руку.— Вы, значитъ, рано встали?

— Я не могла спать, я думала, волновалась...

— Чего волноваться, моя дорогая, мы счастливы; вотъ увидите, какъ мы хорошо заживемъ въ Италіи! Возьмите эти лиліи.— И онъ вручилъ ей прелестный букетъ изъ бѣлыхъ лилій, еще покрытыхъ росой.—Забудьте всѣ тревоги, улыбнитесь мнѣ и войдемъ въ церковь.

Ясная, счастливая улыбка озарила ея лицо, и они входятъ въ открытую дверь церкви.

Спустя полчаса, они вышли объ руку, мужемъ и женой, глаза ея опять упали на начертанныя слова, а лицо отъ волненія сдѣлалось блѣднѣе лилій, которыя она держала въ рукахъ.

Digitized by Google

— Вы меня встрѣтите на станціи желѣзной дороги, говорилъ мужъ, нѣжно цѣлуя ея блѣдныя губы.—Намъ надо спѣшить.

— Я буду тамъ черезъ нѣсколько минутъ, отвѣчала ему жена, уходя въ чащу липъ.

Въ эту минуту, въ церковной ризницѣ, почтенный священникъ держалъ въ рукахъ приходскую книгу и глаза его покоились на двухъ именахъ: «Гюго Фэйнъ и Изабелла Гайдъ».

ГЛАВА I.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, помѣстье Гюго Фэйнъ, графа Кальдонскаго, Чандосскій замокъ оставался пустъ. Владѣтель его путешествовалъ и давно не вращался въ свѣтскомъ кругу англійскаго большаго свѣта, что̀ немало удивляло общество.

Но вотъ наконецъ прошелъ слухъ, что домъ Фэйна въ Бельгравіи опять открывался и реставрировался самымъ роскошнымъ образомъ къ пріѣзду графа, который везъ изъ-за границы свою единственную дочь и наслѣдницу, леди Ирисъ Фэйнъ, которая должна была представиться королевѣ, въ первый пріемъ.

Слухъ этотъ произвелъ немалую сенсацію въ обществѣ. Много говорилось о необыкновенной красотѣ леди Ирисъ. А главное, она была богатая наслѣдница, такъ какъ, за неимѣніемъ сына, громадныя помѣстья графа Кальдонскаго переходили къ дочери, съ тѣмъ чтобы она, какъ послѣдняя представительница своего рода, передала своему мужу имя Фэйнъ.

Леди Ирисъ воспитывалась въ Парижѣ, и когда ей минуло семнадцать лѣтъ и она кончила курсъ наукъ, за нею пріѣхалъ графъ съ намѣреніемъ взять ее съ собой въ Англію; а чтобы изгладить послѣдніе слѣды школьной жизни,—рѣшилъ сперва попутешествовать и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Германіи, Италіи и Швейцаріи, послѣ чего въ апрѣлѣ поспѣшилъ въ свой Чандосскій замокъ, чтобы быть въ Лондонѣ къ началу сезона.

Въ качествѣ chaperon къ своей дочери, графъ пригласилъ одну свою родственницу, мистрисъ Белью, которая очень охотно согласилась оставить свой домъ и поселилась въ роскошной обстановкѣ графскаго дома.

Чандоссскій замокъ славился съ давнихъ поръ своею красо-

Digitized by Google

тою. Это было одно изъ великолѣпнѣйшихъ помѣстій Англіи. Величественная аллея изъ старыхъ липъ и дубовъ, обвитыхъ плющемъ, вела къ живописному замку. Кругомъ разстилался громадный паркъ; красоту всей мѣстности довершала широкая рѣка Рилль, катившая свои волны черезъ все помѣстье.

Замокъ былъ выстроенъ однимъ изъ королей династіи Тюдоровъ и предназначался для отдохновенія отъ заботъ, доставляемыхъ короною. Тотъ же король пожаловалъ его со всѣми принадлежащими къ нему землями своему любимцу, барону Фэйну, наградивъ въ то же время барона титуломъ графа Кальдонскаго.

Съ тѣхъ поръ много поколѣній графовъ Кальдонскихъ изъ Чандоса первенствовали въ графствѣ; девизомъ этой фамиліи были слова: «Носить съ честью». Гербъ ихъ, выбранный самимъ королемъ, изображалъ льва и лилію на голубомъ щитѣ.

Вездѣ оставались слѣды королевской резиденціи. Лѣсъ, изобилующій оленями, носилъ названіе Кингсфорестъ, то есть царскій лѣсъ. Ближайшій городъ назывался Кингсдинъ. Замокъ снаружи и внутри былъ замѣчательно хорошъ; особенно характерна была его швейцарская, или, какъ у англичанъ называютъ, Hall. Это была огромная комната съ высокими готическими окнами въ разноцвѣтныхъ стеклахъ. Посреди нея широкая дубовая лѣстница съ рѣзными перилами вела въ картинную галлерею, подобія которой не существовало во всей странѣ. На аркѣ, поддерживавшей сводъ, изображенъ фамильный гербъ: левъ и лилія, и золотыми литерами начертаны слова девиза: «Носить съ честью». Этотъ же девизъ съ гербомъ виднѣлся вездѣ: на дверяхъ, въ парадныхъ комнатахъ, на окнахъ, на мраморѣ каминовъ.

Вся проникнутая величественной обстановкой этого славнаго дома, мистриссъ Белью не безъ волненія ходила по широкой террасѣ въ ожиданіи его владѣтелей. Это была почтенная, разумная женщина, совершенно пригодная къ положенію, которое она должна была занимать въ домѣ своего знатнаго родственника.

Черезъ полчаса она разговаривала съ молодой стройной красавицей.

— Вы совершенная Фэйнъ, сказала мистриссъ Белью.—Извѣстно вамъ сказаніе о женщинахъ изъ рода Фэйнъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, никогда не слыхала, отвѣчала заинтересованная дѣвушка.

— Я слышала это сказаніе отъ моей матери, урожденной Фэйнъ: «Всѣ Фэйны бѣлокуры и красивы, но всѣ горды и холодны, ибо носятъ съ честью свое имя».

— Послѣднее особенно мнѣ нравится. Я люблю людей гордыхъ и холодныхъ, а особенно тѣхъ, которые съ честью носятъ свое имя, сказала леди Ирисъ.

Графъ съ дочерью очень комфортабельно устроились въ своемъ роскошномъ жилищѣ. Цѣлый рядъ великолѣпно убранныхъ комнатъ былъ приготовленъ для леди Ирисъ. Она любила солнце, цвѣты и зелень, и ея комнаты выходили на восточную сторону прекраснаго сада.

Чего, казалось бы, не доставало этой молодой дѣвушкѣ? Не было участи, болѣе завидной, чѣмъ та, которая выпала ей на долю. Она была молода, здорова, одарена рѣдкой красотой и умомъ, наслѣдница одной изъ лучшихъ фамилій королевства, и пользовалась совершенной свободой посреди почти царской роскоши. Во всемъ этомъ не могла не сознаться леди Ирисъ, стоя на террасѣ и весело наслаждаясь утренней свѣжестью, покрывшей нѣжнымъ румянцемъ ея щеки.

Она казалась какъ бы дополненіемъ красоты и величія этого славнаго жилища. Насколько могли окинуть глаза ея окрестные волнующіеся лѣса и поля, все это должно было со временемъ принадлежать ей. Потомъ она перевела свой взглядъ на домъ, и глаза ея остановились на надписи, начертанной надъ окномъ. «Носить съ честью» гласилъ девизъ, и глаза ея увлажились слезами, а сердце сильно забилось въ груди.

«Что за прекрасныя слова!» почти громко сказала она:— они будутъ руководить всей моей жизнью. У меня будетъ одна молитва: провести такъ свою жизнь, чтобы на моей могилѣ можно было начертать слова: «Носила съ честью».

Къ ней подошелъ слуга и доложилъ, что лордъ Кальдонъ въ столовой и ожидаетъ ея сіятельство.

ГЛАВА II.

— Надѣюсь, что я не задержала васъ, папа? сказала леди

Digitized by Google

Ирисъ, входя въ столовую и нѣжно цѣлуя отца. На террасѣ такъ хорошо, что мнѣ не хотѣлось уходить.

— Да, мало найдется такихъ мѣстъ, какъ Чандосъ, замѣтилъ графъ.

— И мало такихъ отцовъ, какъ вы, папа, сказала леди Ирисъ, съ нѣжностью глядя на отца.

Окончивъ завтракъ, графъ съ дочерью и мистриссъ Белью сидѣли въ большой свѣтлой комнатѣ, выходящей окнами въ садъ. Лордъ Кальдонъ разсматривалъ «Times», мистриссъ Белью работала шелками по канвѣ, а леди Ирисъ стояла у окна и любовалась садомъ.

— Папа! внезапно сказала она:—когда я уѣхала отсюда, я была ребенкомъ; меня занимали куклы, и я почти никого не помню здѣсь. Скажите мнѣ, кто наши сосѣди?

— Очень охотно, мой другъ, тѣмъ болѣе, что ихъ немного. Ближайшая наша сосѣдка,—леди Клифордъ изъ Клифъ-Галля.

— Я ее помню, замѣтила леди Ирисъ.

— Она живетъ съ сыномъ, который въ прошломъ году вступилъ во владѣніе имѣніемъ. Ты помнишь сэра Фулька?

— Совсѣмъ не помню, папа.

— Я его очень люблю, продолжалъ графъ;—это прекрасный молодой человѣкъ и имѣетъ въ будущемъ хорошую политическую карьеру.

— Да? разсѣянно спросила она.—Я желала бы видѣть леди Клифордъ.

— Она также часто вспоминала тебя и не замедлитъ пріѣхать, замѣтилъ графъ.

— А кто живетъ въ Гайнъ-Куртѣ? спросила она.

— А вотъ это и есть больное мѣсто цѣлаго графства. По смерти лорда Гайна, дѣла его оказались въ такомъ ужасномъ видѣ, что пришлось продать все, начиная съ дома, въ которомъ жило столько поколѣній ихъ фамиліи, и кончая послѣднимъ кольцомъ леди Гайнъ: ничего не могли спасти. И теперь помѣстье это куплено однимъ изъ богатѣйшихъ людей Англіи,—только... представь себѣ: выходцемъ изъ народа.

— Какимъ образомъ, папа?

— А вотъ какимъ. Онъ началъ съ того, что былъ углекопомъ; потомъ, сдѣлавшись надсмотрщикомъ копей, онъ изобрѣлъ

Digitized by Google

что-то; затѣмъ, ставъ компаньономъ фирмы, купилъ землю и въ ней открылъ большіе залежи каменнаго угля. Вотъ онъ сталъ богатѣть и теперь ворочаетъ милліонами. Поговариваютъ даже, что онъ надѣется получить дворянское достоинство, добавивъ графъ.

— Еслибъ я была мужчиной, сказала горячо дѣвушка, взглянувъ на девизъ надъ каминомъ,—я ни за что бы не добивалась того титула или достоинства, которое не наслѣдовала отъ отцовъ. Это однако жаль, добавила она,—что прекрасный Гайнъ-Куртъ имѣетъ подобнаго владѣтеля. Но что это за человѣкъ, папа?

— Ричардъ Бардонъ,—крупный, здоровый старикъ, говорящій густымъ басомъ и весьма громко; въ обращеніи онъ очень фамильяренъ. Жена его... но вѣжливость не позволяетъ мнѣ распространяться о дамѣ; скажу только, что она невозможна.

— Что за ужасные люди! проговорила леди Ирисъ.

— Я еще не кончилъ. У нихъ есть дочь, умная, благовоспитанная, милая дѣвушка. Она, повидимому, совсѣмъ не сознаетъ, что ея родители стоятъ ниже другихъ людей, и не стыдится ихъ. Наконецъ, у нихъ есть сынъ и наслѣдникъ, красивый и способный молодой человѣкъ. Отецъ его говоритъ, что такъ какъ онъ можетъ купить полдюжины герцоговъ, то и сынъ его можетъ выбрать любую герцогиню.

— Какіе непріятные люди, папа, и неужели ихъ принимаютъ? спросила леди Ирисъ.

— Милая Ирисъ, сказалъ графъ:—у насъ человѣкъ съ доходомъ въ полтора милліона есть сила. Онъ многое можетъ сдѣлать. Вліянію его конца нѣтъ, такъ что волей или неволей общество должно дать ему мѣсто посреди себя.

— Значитъ, оно чтитъ его богатство, и презираетъ самого человѣка? замѣтила леди Ирисъ.

— Деньги есть могущество, мой другъ, отвѣчалъ графъ медленно. Съ того времени, какъ онъ поселился здѣсь, все графство стало процвѣтать. Со всѣхъ сторонъ только и слышно имя Бардона. Онъ настроилъ церквей, школъ, больницъ, богадѣленъ, и послѣ этого, какъ не сказать, что этотъ человѣкъ есть сила.

— Папа, съ нѣкоторымъ страхомъ обратилась она къ отцу,—значитъ и вы также ихъ приглашаете?

Digitized by Google

— Отчего же нѣтъ, Ирисъ? сказалъ графъ.—Есть аристократія двухъ родовъ: аристократія древняго рода и денежная аристократія. Къ чему намъ служитъ вся наша, такъ называемая, голубая кровь безъ денегъ?

Она подняла голову съ надменнымъ видомъ.

— Для меня гораздо отраднѣе имѣть сознаніе хорошаго рожденія, чѣмъ кучу денегъ.

— Пожалуй, другъ мой, и для меня также. Тѣмъ не менѣе, въ нашей прозаической странѣ, эти двѣ силы должны идти рука объ руку.

— Такъ и я должна у нихъ бывать?

— Они пріѣдутъ къ тебѣ и ты отдашь имъ визитъ, отвѣчалъ графъ.

— И болѣе, конечно, ничего не дождутся, довольно презрительно улыбнулась она.—А теперь, папа, покажите мнѣ, пожалуйста, портретъ моей матери; я его почти не помню.

Лицо графа отуманилось.

— Если хочешь, пойдемъ,—какъ бы нехотя, сказалъ онъ.

— Очень хочу, папа, сказала леди Ирисъ.—Я столько разъ жалѣла, что не имѣю, какъ мои подруги, портрета моей дорогой матери. Теперь я закажу маленькую фотографію и буду носить ее въ медальонѣ.

— Еслибъ я зналъ, что ты желаешь имѣть портретъ, я прислалъ бы тебѣ, сказалъ графъ.

— Какъ же не желать? Это такъ естественно любить свою мать. Самымъ пламеннымъ желаніемъ моимъ было, возвращаясь домой, посмотрѣть хотя на ея изображеніе.

Пройдя по длинному ряду комнатъ и черезъ величественную швейцарскую, они поднялись по широкой лѣстницѣ и вошли въ громадную, хорошо освѣщенную, картинную галлерею. На почетномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ того короля, который построилъ замокъ, и рядомъ съ нимъ прелестное лицо королевы, его супруги. Затѣмъ тянулся рядъ поколѣній графовъ Кальдонскихъ: были между ними доблестные воины, мирные государственные сановники и блестящіе придворные съ ихъ женами.

— А гдѣ же портретъ моей матери: спрашивала леди Ирисъ, проходя по нескончаемой галлереѣ.

Digitized by Google

Чувство нѣжности озаряло плѣнительное личико молодой дѣвушки. Графъ шелъ около нея съ печальнымъ лицомъ.

— Знаете, папа? говорила она:—вѣдь, кажется, счастливѣе меня нѣтъ дѣвушки на свѣтѣ. У кого можетъ быть такой любящій отецъ? А между тѣмъ я очень чувствую отсутствіе матери; такъ часто вижу я ее во снѣ и особенно, если мнѣ взгрустнется: она ласкаетъ меня, утѣшаетъ.

Они остановились передъ портретомъ смуглой, величественной красавицы съ черными глазами и такого же цвѣта волосами.

— Мать моя! воскликнула леди Ирисъ.—О, еслибъ она могла говорить со мной. Какъ она прекрасна! Но что значитъ холодная картина: сердце мое такъ не рвется къ ней, какъ въ сновидѣніяхъ.

— Она была прекрасна и добра, проговорилъ графъ, дѣлая надъ собой усиліе.

— «Джиневри, графиня Кальдонская», прочла леди Ирисъ надпись внизу.—Какъ подходитъ къ ея гордой красотѣ это имя. Папа, обратилась она къ отцу, разскажите мнѣ про нее: какъ она любила меня и какъ умерла, оставивъ меня.

— Есть вещи, Ирисъ, о которыхъ тяжело говорить. Я... я не могу говорить съ тобой о матери.

Ирисъ обвила руками шею отца и нѣжно поцѣловала его.

— Не буду спрашивать васъ, папа! Скажите мнѣ только одно: точно-ли была она урожденная Тальботъ изъ Грума.

— Да, она была единственная дочь сэра Бернара Тальбота изъ Грума.

— А есть-ли у нея родные?

— Очень мало, и я потерялъ ихъ изъ виду.

— Возобновимъ съ ними отношенія! просила леди Ирисъ.

— Это будетъ очень тяжело для меня, отвѣтилъ графъ и отошелъ отъ портрета.

— Въ какую это ты углубилась книгу, Ирисъ? сказалъ на другое утро графъ, входя въ библіотеку и заставъ дочь до такой степени занятой чтеніемъ, что она не слыхала его прихода.

Digitized by Google

— Я разсматриваю библію англійской аристократіи, иначе сказать, родословную англійскаго дворянства,—сказала, смѣясь, леди Ирисъ.

— Что же ты тамъ нашла?

— Ваше имя и все, что до васъ касается. Вотъ, слушайте: «Кальдонъ. Графъ Гюго Франсисъ Гильтонъ Фэйнъ, четырнадцатый графъ, род. мая 24-го 18... наслѣдовалъ 1858-го, воспитывался въ Итонѣ и Оксфордѣ, женатъ на Джиневрѣ, единственной дочери сэра Бернара Тальбота изъ Грума. Сыновей нѣтъ, наслѣдница — дочь, леди Ирисъ Фэйнъ; гербъ — левъ и лилія, девизъ: «Носить съ честью». Быть можетъ, это пристрастіе, папа, но во всей книгѣ это мѣсто мнѣ больше всего нравится; только отчего это не проставленъ день моего рожденія?

Графъ, черезъ голову дочери, съ волненіемъ посмотрѣлъ въ книгу.

— Развѣ тамъ нѣтъ, Ирисъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, видите, здѣсь только мое имя, безъ означенія числа. Впрочемъ, весело засмѣялась она, я теперь могу безнаказанно старѣть, никто не узнаетъ никогда, сколько мнѣ лѣтъ. Но какъ это случилось, папа? Какъ вы думаете?

— Это упущеніе, вѣроятно, произошло отъ того, что ты родилась за границей, сказалъ графъ.

— Я бы желала видѣть мѣсто моего рожденія, папа. Отчего мы не были тамъ во время нашего путешествія.

— Потому что мое прошедшее тяжело, Ирисъ. Я сильно любилъ твою мать, мало кто такъ можетъ любить свою жену. Зачѣмъ мнѣ было открывать старую рану? Ты родилась въ прелестномъ прирейнскомъ городкѣ Шонгеймѣ, отражающемся съ своими живописными скалами въ Рейнѣ. Мы жили тамъ три мѣсяца и я люблю это мѣсто.

— Бѣдная мама! вздохнула леди Ирисъ.—Когда я поѣду на Рейнъ, то съ удовольствіемъ посмотрю на тѣ мѣста, на которыхъ покоились черные глаза моей матери.

Лордъ Кальдонскій всталъ и началъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; вдругъ онъ остановился передъ дочерью, ласково взялъ ея голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Слушай, Ирисъ, сказалъ онъ, — если ты хочешь, чтобъ мы жили счастливо вмѣстѣ, ты не должна напоминать мнѣ про-

Digitized by Google

шедшее. Я слишкомъ любилъ твою мать и не могу выносить разговора о ней.

Книга упала на полъ, а руки молодой дѣвушки обвили шею отца.

— Простите, папа! Я жестока, но у меня всегда на сердцѣ такое страстное желаніе слышать и спрашивать о ней, что я въ моей забывчивости опять заговорила съ вами. Теперь я буду помнить и не затрону этого тяжелаго для васъ вопроса.

Графъ положилъ руку на голову дочери и сказалъ:

— Я убѣжденъ, что ты мнѣ послужишь утѣшеніемъ. Видишь, Ирисъ, у каждаго человѣка есть двѣ стороны, такъ и у меня. Съ одной стороны люди видятъ во мнѣ богатаго, знатнаго, счастливаго человѣка, на оборотной же сторонѣ скрывается несчастный, потерявшій то, что было ему дороже всего на свѣтѣ.

— Я буду всячески заботиться о васъ, папа, сказала, затуманившись, леди Ирисъ.

Оба нѣсколько времени хранили молчаніе; затѣмъ, желая развеселить дочь, графъ спросилъ:

— Подумала-ли ты о своемъ представленіи ко двору? Будешь-ли ты готова?

— Я могу даже за три дня приготовиться, папа; вѣдь первый пріемъ будетъ въ началѣ мая. Я обращусь къ мадамъ Вальеръ насчетъ моего туалета; брилліанты я могу надѣть фамильные?

— Они твои, мой другъ, и я ихъ подновилъ. Кто же тебя представитъ? мистрисъ Белью?

— Нѣтъ, конечно, папа, быстро и покраснѣвъ, сказала леди Ирисъ,—то есть, я надѣюсь, что нѣтъ.

— Почему? спросилъ графъ.

— Потому что я желаю быть представленной кѣмъ нибудь знатнѣе меня. Герцогиня Клифтонъ въ Римѣ говорила вамъ, что она меня съ удовольствіемъ представитъ.

— Хорошо. Какъ хочешь, Ирисъ, согласился графъ.—Только, какая же ты у меня гордая, улыбнулся онъ.

— Да, папа, я горда и не отрицаю этого. Мое положеніе имѣетъ нѣкоторыя привилегіи, отчего же ими не воспользоваться?

— Все это очень логично. Мадамъ Ламотъ недаромъ гово-

рила мнѣ, что гордость — отличительная черта твоего характера.

— Да, папа, сознаюсь, что я особенно горжусь моимъ именемъ, происхожденіемъ, древней славой и величіемъ дома, котораго я послѣдняя представительница. Не потерплю малѣйшаго на немъ пятна, чего нибудь могущаго навести тѣнь на девизъ нашъ: «Носить съ честью». Я настолько горда, что неспособна ни на низость, ни на ложь; да вы развѣ не знаете, что всѣ Фэйны холодны и горды.

Графъ задумчиво смотрѣлъ на нее.

«Такъ молода, думалъ онъ, и ужь такія установившіяся убѣжденія»!

Послѣ перваго посѣщенія картинной галлереи, леди Ирисъ стала часто навѣщать ее и, простаивая цѣлыми часами передъ портретомъ матери, изучала ея черты. Она сама представляла очаровательную картину, стоя въ этой величественной галлереѣ,— такая молодая, чарующая, въ своемъ бѣломъ платьѣ, которое мягкими складками падало длиннымъ шлейфомъ на мозаичный полъ, между тѣмъ какъ лучи солнца, освѣщая предметы сверху, придавали золотой отливъ ея бѣлокурой головкѣ. Между портретомъ и ею не было ни малѣйшаго сходства. Леди Ирисъ была бѣлокура, овальное лицо ея походило на лепестокъ лиліи, такъ оно было нѣжно и на щекахъ ея игралъ легкій румянецъ; глаза ея были прекрасные, почти синіе, ротъ совершенной формы, иногда выраженіе его было презрительно. Она была высока и стройна, въ ея осанкѣ было что-то царственное, всякое ея движеніе было исполнено достоинства. Лицо же на портретѣ было смуглое, глаза черные, такъ же, какъ брови и волосы. На одномъ плечѣ была накинута горностаевая мантилья, другое—сверкало своею бѣлизной. Обнаженною рукою, нарисованная красавица поддерживала горностай на плечѣ.

— Отчего я не похожа на тебя, мама? разъ задумчиво спросила она, смотря на портретъ.

Шаги, раздавшіеся по галлереѣ, прервали ея мысли; къ ней шла мистрисъ Белью.

— Нигдѣ не могла васъ найти, Ирисъ! говорила она. Что вы здѣсь дѣлаете?

Digitized by Google

— Говорю съ моей матерью, разсѣянно отвѣчала леди Ирисъ, Это нѣсколько озадачило почтенную даму.

— Какія у васъ странныя идеи, учтиво улыбнулась она. Но я вамъ пришла сказать, что леди Клифордъ здѣсь и желаетъ васъ видѣть.

— Я очень рада, отозвалась леди Ирисъ, и иду съ вами.

— Она въ большой гостинной и съ нею графъ, сказала мистрисъ Белью.

Леди Ирисъ поспѣшила въ большую гостинную. Тамъ на встрѣчу къ ней встала дама, еще красивая, въ темно-сѣромъ бархатномъ платьѣ.

— Такъ вы вотъ какая стали, леди Ирисъ, сказала она, пожимая руки молодой дѣвушки.—Я видѣла васъ ребенкомъ, а теперь встрѣчаю прелестной женщиной.

— А я въ восторгѣ, что вижу васъ, леди Клифордъ, съ любезной улыбкой сказала Ирисъ.—Со дня пріѣзда моего сюда, я желала васъ видѣть.

ГЛАВА III.

Когда разнесся слухъ о пріѣздѣ въ Чандосъ графа Кальдонскаго съ дочерью, леди Клифордъ очень обрадовалась, и первою ея мыслью было подѣлиться этою вѣстью съ своимъ сыномъ, сэромъ Фулькомъ Клифордъ. Это былъ очень красивый и блестящій молодой человѣкъ, имѣвшій много неоспоримыхъ достоинствъ, но одинъ въ немъ былъ недостатокъ, омрачавшій ихъ всѣ: это ненасытное самообольщеніе. Будучи единственнымъ наслѣдникомъ помѣстья Клифъ-Галль, приносящаго двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ доходу, онъ, конечно, чуть не съ дѣтства сталъ общимъ любимцемъ; всѣ наперерывъ расхваливали его красоту, таланты и прочія качества, и эти льстивые отзывы доставляли ему огромное удовольствіе. Онъ былъ о себѣ еще болѣе высокаго мнѣнія, нежели того заслуживалъ. Болѣе чѣмъ кто-либо, его избаловали женщины, которымъ онъ безусловно нравился и не однимъ только дочкамъ, но и маменькамъ, которыя даже иногда поручали ему своихъ дѣвицъ. Всеобщее поклоненіе вскружило ему голову до такой степени, что увѣренность его въ своей неотразимости не знала границъ.

Digitized by Google

— Фулькъ, знаешь, что случилось? спросила его утромъ за завтракомъ леди Клифордъ.

— Вѣроятно, что нибудь особенно пріятное для васъ, если судить по вашему лицу, сказалъ сэръ Фулькъ, раскрывая утреннюю почту.

— Дѣйствительно пріятное для меня, сказала леди Клифордъ.— Графъ возвратился въ Чандосъ съ дочерью; желала бы я знать, такъ ли хороша леди Ирисъ, какъ обѣщала быть?

Сэръ Фулькъ съ улыбкой покрутилъ свои усы.

— Я помню ее бѣлокурой дѣвочкой, и такая она была всегда гордая.

— Это отличительная черта Фэйновъ; сказала леди Клифордъ,—я съѣзжу въ Чандосъ сегодня; поѣдешь ты со мной?

— Я боюсь, что мнѣ нельзя будетъ этого сдѣлать, сказалъ онъ;—у меня есть дѣло въ городѣ; если же вы мнѣ назначите часъ, въ которомъ располагаете тамъ быть, я могу заѣхать за вами въ Чандосскій замокъ.

Леди Клифордъ осталась очень довольна этимъ планомъ. Давнишней мечтой ея было, чтобы сынъ ея женился на наслѣдницѣ Чандоса. Въ своемъ материнскомъ ослѣпленіи, она первая находила своего сына совершенствомъ, передъ которымъ трудно устоять.

То же самое обсуждалось въ другомъ сосѣднемъ замкѣ, Гайнъ-Куртъ.

Глава дома, Ричардъ Бардонъ, привезъ домой вѣсть о пріѣздѣ графа. Вся семья сидѣла вмѣстѣ, кромѣ сына и наслѣдника.

— Вотъ теперь-то мы покажемъ себя всѣмъ этимъ аристократамъ, говорилъ онъ своей женѣ.—Здѣсь смѣются надо мной, называютъ меня углекопомъ, а я ихъ всѣхъ могу купить. Вотъ теперь увидятъ, что самъ графъ Кальдонскій, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Англіи, пріѣдетъ ко мнѣ. Тогда очень нужны мнѣ будутъ всѣ эти баронеты да эсквайры.

— Почему-жъ ты думаешь, что онъ пріѣдетъ къ тебѣ? робко спросила его жена.

— Почему? Да потому, что это умный человѣкъ; онъ знаетъ, что знатныя фамиліи не должны брезгать деньгами и что намъ невыгодно вести войну. Когда онъ пріѣзжалъ въ Чандосъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать за дочерью, васъ здѣсь не было. Онъ

Digitized by Google

былъ у меня, что̀ мнѣ доставило огромное удовольствіе.—Милордъ, сказалъ я ему, дружески потрепавъ его по плечу:—вы настоящій джентльменъ, и я отъ души радъ васъ видѣть.

— Благодарю васъ, мистеръ Бардонъ, отвѣчалъ онъ, поклонившись мнѣ, словно какому лорду.

Почтенный мистеръ перевелъ духъ послѣ своего одушевленнаго разсказа. Они сидѣли въ комнатѣ, отдѣланной съ ослѣпительною роскошью. Изобиліе дорогихъ вещей и золота доказывало, что въ этомъ домѣ деньгамъ счету не знали. Сама хозяйка, очень полная дама, была въ ярко-малиновомъ атласномъ платьѣ съ уборомъ изъ дорогихъ сапфировъ, въ ней замѣтно было полное отсутствіе изящества. Единственно чѣмъ она пыталась достигнуть «высоты своего положенія», какъ она выражалась,—это роскошью нарядовъ. Но только и самыя искусныя парижанки не могли никакъ передать ей тайну одѣваться со вкусомъ; она имѣла страсть обвѣшивать свою тучную особу кружевами, пестрыми шалями и блестящими украшеніями. Зато дочь ея, Мери, была совсѣмъ благовоспитанная дѣвушка и необыкновенно симпатичная. Не имѣя никакихъ претензій, она вездѣ и всѣми была любима.

— Мери, обратился къ ней отецъ, ты должна непремѣнно чаще видѣться съ леди Ирисъ Фэйнъ и стараться съ ней подружиться.

— Да, подтвердила мать,—слушайся, что̀ тебѣ отецъ говоритъ; онъ понимаетъ эти вещи.

— Помнится мнѣ, сказалъ милліонеръ, что дочери леди Блекуэль почти оскорбительно обошлись съ тобой, вотъ и покажи имъ, что можешь сойтись съ леди Ирисъ.

— Милый папа,—съ спокойной улыбкой, отвѣчала Мери.—Я охотно поѣду къ леди Ирисъ вмѣстѣ съ мамой, только я думаю, что едва-ли когда нибудь могу назвать ее своей подругой, такъ какъ она извѣстна своей гордостью и очень разборчива въ выборѣ друзей.

— Хорошо, будемъ же и мы разборчивы, вскричалъ мистеръ Бардонъ.—Кажется, мы живемъ въ Гайнъ-Куртѣ и я имѣю вдвое больше доходу, нежели графъ.

— Это такъ, папа, но не всѣ смотрятъ на одни деньги, за-

Digitized by Google

мѣтила кротко Мери;—тѣмъ не менѣе, я постараюсь сдѣлать, что вамъ будетъ угодно, и завтра же поѣду къ леди Ирисъ.

— Что такое вы говорите насчетъ леди Ирисъ? спросилъ, входя въ комнату, молодой человѣкъ съ красивымъ лицомъ, широкоплечій и съ выраженіемъ твердаго характера въ чертахъ.

— Мы говорили, Джонъ, сказалъ ему отецъ,—о пріѣздѣ въ Чандосъ графа съ дочерью, и я совѣтовалъ Мери сойтись съ леди Ирисъ. И знаешь что, Джонъ, добавилъ мистеръ Бардонъ съ задумчивой улыбкой:—вотъ бы установился нашъ домъ на твердой ногѣ, еслибъ ты женился на ней.

— Я ужъ съумѣю установить нашъ домъ, батюшка, сказалъ Джонъ Бардонъ.—Если я полюблю леди Ирисъ, то постараюсь на ней жениться. Если же нѣтъ, то никакая леди меня не женитъ на себѣ.

Милліонеръ только вздохнулъ.

Леди Клифордъ приходила все въ большій восторгъ отъ своей молодой и прелестной сосѣдки. Обѣ онѣ обсуждали предстоящій сезонъ, празднества и прочія подробности, которыя интересовали леди Клифордъ. Послышался стукъ экипажа.

— Это, должно быть, мой сынъ, Фулькъ, сказала она:—онъ обѣщалъ заѣхать за мной. Вы его помните?

— Такъ мало, что, вѣроятно, не узнаю его; мы играли вмѣстѣ дѣтьми, но не всегда ладили.

— Надѣюсь, теперь болѣе поладите, засмѣялась леди Клифордъ.—Какъ мать, я очень горжусь моимъ сыномъ, но вотъ и онъ: можете судить сами. Она хотѣла представить леди Ирисъ своего сына, но онъ, не давъ ей на это времени, быстро протянулъ руку и заговорилъ:

— Нѣтъ надобности, мама: я увѣренъ, что моя старая знакомая не забыла меня.

Гордая красавица, равнодушно оглянувшаяся при его появленіи, спокойно сказала, пожимая его руку:

— Я должна, къ сожалѣнію, признаться, сэръ Фулькъ, что совсѣмъ не помню васъ.

— А я, леди Ирисъ, всегда бы васъ узналъ, не смотря на то, что вы выросли, сказалъ онъ.

Къ собственному удивленію, сэръ Фулькъ не находилъ въ

Digitized by Google

себѣ обычной увѣренности. Онъ сѣлъ и, слушая продолженіе разговора, съ любопытствомъ смотрѣлъ на леди Ирисъ.

Привыкшій однимъ своимъ появленіемъ возбуждать въ молодыхъ дѣвицахъ нѣкоторое волненіе, выражающееся внезапнымъ румянцемъ и блескомъ глазъ при разговорѣ съ нимъ, онъ въ первый разъ встрѣчалъ такое невозмутимое равнодушіе и невольно бросалъ на себя украдкой взглядъ въ зеркало, чтобы удостовѣриться, что онъ тотъ же красавецъ, сэръ Фулькъ изъ Клифъ-Галля, всеобщій баловень. Все было, какъ слѣдуетъ: проборъ его сдѣланъ безукоризненно; красивые усы элегантно осѣняли верхнюю губу. Онъ даже былъ лучше, чѣмъ когда либо, и, ободрившись этимъ осмотромъ, рѣшилъ во чтобы то ни стало обратить на себя вниманіе леди Ирисъ. Невольно любовался онъ ея прелестнымъ лицомъ, аристократической фигурой и бѣлыми длинными пальцами миніатюрныхъ рукъ.

«Съ перваго же дня ея появленія въ Лондонѣ, думалъ онъ, вся лучшая молодежь будетъ у ея ногъ».

Наконецъ леди Ирисъ обратилась къ нему съ какимъ то вопросомъ, и разговоръ завязался. Говорили о деревенской жизни, о живописныхъ окрестностяхъ и замкѣ Клифъ-Галль. Оказалось, что леди Ирисъ совсѣмъ не помнила его, но отвѣчала обѣщаніемъ посѣтить замокъ, на приглашеніе леди Клифордъ.

— Какая она красавица! говорилъ себѣ молодой человѣкъ и что за царственный видъ у нея! Ему припомнился выраженный матерью планъ женить его на леди Ирисъ, причемъ онъ только самодовольно улыбнулся, убѣжденный, что ему стоитъ лишь сильно пожелать, и желаемое будетъ достигнуто. Теперь же онъ видѣлъ, что ему надо приложить особенныя старанія, чтобы добиться побѣды надъ гордой красавицей. Да и добиваться-то рискованно. Ему никогда не приходилось хлопотать о томъ, чтобы понравиться женщинѣ, здѣсь же онъ ясно видѣлъ, что не помогутъ его сладкія рѣчи и улыбки, а это именно и подстрекало его. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ эти мысли осѣняли его мозгъ, онъ становился менѣе самонадѣянъ, принялъ даже видъ почти смиренный, который дѣлалъ его бесѣду гораздо интереснѣе. Заговорили объ оранжереяхъ.

— Я всегда полагалъ, сказалъ сэръ Фулькъ,—что у меня самыя лучшія оранжереи въ графствѣ. Я люблю все самое

Digitized by Google

лучшее, но, кажется, Чандосскія оранжереи превосходятъ мои, и я бы просилъ васъ, леди Ирисъ, показать намъ ихъ.

— Если вы желаете, обратилась леди Ирисъ къ леди Клифордъ,—я съ удовольствіемъ покажу.

Они отправились въ садъ, гдѣ леди Клифордъ остановилась спросить, у случившагося тамъ садовника, что-то о рѣдкихъ фуксіяхъ.

Леди Ирисъ обернулась къ сэру Фульку.

— Вы сейчасъ выразились, сказала она,—что любите все самое лучшее. Не слишкомъ-ли это сильно сказано и не лучше ли предоставить другимъ что нибудь хорошее?

— Беру назадъ свои слова, сказалъ онъ, слегка смутившись.—Я никакъ не думалъ, что они вамъ не понравятся.

Леди Ирисъ нѣсколько приподняла брови.

— Мнѣ-то собственно это рѣшительно все равно, сказала она.

— Однако, что нибудь побудило же васъ сдѣлать мнѣ это замѣчаніе? сказалъ сэръ Фулькъ.

— Рѣшительно ничего, а просто странно какъ-то прозвучали для меня эти слова,—я ихъ и замѣтила, сказала Ирисъ и подошла къ леди Клифордъ.

«Нѣтъ, трудно ее чѣмъ бы то ни было заинтересовать», думалъ молодой человѣкъ. Въ это время, они вошли въ оранжерею, гдѣ апельсинныя и лимонныя деревья были въ полномъ цвѣту и издавали сильный ароматъ.

— Этотъ запахъ дѣйствуетъ какъ-то особенно на человѣка, замѣтилъ сэръ Фулькъ.

— На меня онъ имѣетъ странное дѣйствіе, сказала съ улыбкой леди Ирисъ.—Стоитъ мнѣ только побыть здѣсь нѣкоторое время, какъ мною овладѣваетъ самое пламенное желаніе ѣхать на югъ—туда, гдѣ солнце лучше грѣетъ и гдѣ поспѣваютъ апельсины на открытомъ воздухѣ.

— Надѣюсь, вы ограничитесь однимъ желаніемъ, сказалъ сэръ Фулькъ.—Это было бы ужасно, еслибъ вы опять уѣхали.

— О, этого не будетъ, сэръ Фулькъ:—я предпочитаю пожить дома, сказала Ирисъ и обратилась къ леди Клифордъ.

— Я гдѣ-то прочла, продолжала она, — что запахъ цвѣтовъ дѣйствуетъ различно на людей. Есть одно растеніе, очень обыкновенное въ южныхъ лѣсахъ,—названія не помню,—но

Digitized by Google

только когда разотрешь его въ рукахъ, запахъ его переноситъ какъ бы въ другой міръ и самыя поэтическія мысли приходятъ въ голову.

— Не менѣе странное дѣйствіе производитъ на меня запахъ сирени, задумчиво произнесъ сэръ Фулькъ.—Я долженъ признаться, что если я посижу подъ кустомъ сирени, на меня вдругъ нахлынутъ воспоминанія дѣтства и сердце мое точно сжимается. Совѣстно сознаться, но этотъ запахъ не очень давно имѣлъ силу вызвать слезы на мои глаза.

Леди Ирисъ ласково посмотрѣла на него. Такое глубокое чувство въ свѣтскомъ мужчинѣ ей понравилось.

— Теперь и моя очередь сдѣлать признаніе, сказала задумчиво леди Клифордъ.—Знаете вы блѣдно-палевый цвѣтокъ жонкиль? Запахъ его наводитъ меня на самыя печальныя мысли о моихъ утратахъ, добавила она тихо, и лицо ея затуманилось. Всѣ трое хранили молчаніе въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Первая прервала его леди Клифордъ.

— Мы слишкомъ грустно настроены этимъ острымъ оранжерейнымъ запахомъ, сказала она:—пора намъ на свѣжій воздухъ.

— Я люблю говорить о подобныхъ вещахъ, замѣтила леди Ирисъ.

— Въ природѣ есть столько скрытыхъ красотъ и тайнъ, которыя и въ голову не приходятъ намъ, людямъ свѣтскимъ, замѣтилъ сэръ Фулькъ, и опять встрѣтилъ одобрительный взглядъ леди Ирисъ.

По возвращеніи въ гостинную, разговоръ зашелъ о семьѣ милліонера.

— Вы ихъ знаете, леди Клифордъ? спросила Ирисъ.

— Да, немного; мы обмѣниваемся оффиціальными обѣдами, на которыхъ добрѣйшій мистеръ Бардонъ очень хлопочетъ быть занимательнымъ. Самый лучшій членъ ихъ семьи—дочь, Мери, которая со временемъ получитъ огромное состояніе.

Сэръ Фулькъ улыбнулся; ему эта послѣдняя фраза была очень знакома; онъ нерѣдко слышалъ ее отъ матери.

Леди Клифордъ собралась уѣзжать. Въ рукѣ молодой дѣвушки было нѣсколько цвѣтовъ.

— Могу я просить у васъ, леди Ирисъ, одинъ цвѣтокъ на

Digitized by Google

память о пріятно проведенномъ утрѣ, сказалъ сэръ Фулькъ, почтительно кланяясь.

— Вы просите дать вамъ цвѣтокъ? удивилась леди Ирисъ.

— Да, я прошу у васъ этой милости, сказалъ сэръ Фулькъ.

— Вотъ какъ непохожи молодые люди девятнадцатаго столѣтія на прежнихъ рыцарей, сказала она, смѣясь.—Вы видѣли меня разъ, говорили со мной всего часъ и уже просите цвѣтокъ, между тѣмъ какъ рыцарь подвергнулъ бы свою жизнь опасности,—по крайней мѣрѣ, сдѣлался бы побѣдителемъ въ битвѣ, чтобъ заслужить такой даръ.

Ясная улыбка и взглядъ леди Ирисъ совсѣмъ отуманили голову молодаго человѣка.

— Я постараюсь заслужить эту милость, леди Ирисъ, сказалъ онъ.—Но вы упустили изъ виду одну вещь,—и онъ понизилъ голосъ,—именно ту, что если вѣрный рыцарь такъ служилъ дамѣ, то это была дама его сердца...

— Довольно мы сегодня говорили пустяковъ, безпечно замѣтила леди Ирисъ, кладя на столъ цвѣты:—не будемъ задерживать леди Клифордъ.

— Вы признаете себя побѣжденной, леди Ирисъ? сказалъ онъ съ улыбкой.

— Мы, Фэйны, никогда не признаемъ себя побѣжденными.

ГЛАВА IV.

Молча ѣхали мать и сынъ довольно долгое время. Оба были погружены въ свои мысли.

— Много встрѣчала я прелестныхъ дѣвушекъ, заговорила наконецъ леди Клифордъ,—но подобную ей не видала никогда.

— Подобную и я никогда не видѣлъ, мечтательно отозвался сэръ Фулькъ. Помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— Знаете, мама, вы мнѣ какъ-то говорили сказаніе о Фэйлахъ. При мысли о леди Ирисъ, оно мнѣ невольно припоминается: «Всѣ Фейны холодны и горды, ибо носятъ съ честью свое имя».

— Такъ гласитъ сказаніе, отвѣчала леди Клифордъ, и дѣйствительно леди Ирисъ горда, но не думаю, чтобъ она была холодна.

Digitized by Google

— Да, если удастся кому нибудь затронуть ея сердце, сказалъ сэръ Фулькъ.—И какъ она мило не дала мнѣ цвѣтка; это было для меня разнообразіемъ, такъ какъ дѣвицы слишкомъ охотно дѣлятся со мной своими цвѣтами.

— Она тебѣ нравится? съ участіемъ спросила мать.

— Да, и я боюсь, какъ-бы она слишкомъ мнѣ не понравилась, почти грустно отвѣчалъ сэръ Фулькъ.

— Знай-же, что самое завѣтное желаніе моего сердца,—чтобы ты на ней женился.

— Но между желаніемъ и исполненіемъ цѣлая бездна, замѣтилъ сэръ Фулькъ.—А какіе у ней глаза, припоминалъ онъ.—Точно лѣсныя фіалки!

— Ты очень восторгаешься, Фулькъ, засмѣялась леди Клифордъ,—если принять во вниманіе, что ты въ первый разъ ее видишь.

— Да и невозможно остаться къ ней равнодушнымъ, сказалъ сэръ Фулькъ и, закрывъ глаза, во всю остальную дорогу не проговорилъ ни слова. Въ воображеніи его носился плѣнительный образъ молодой дѣвушки. Мать его также задумалась, не безъ нѣкотораго безпокойства посматривая на своего сына. Какъ ни была она убѣждена въ его совершенствахъ, но ей приходилось усомниться въ достиженіи цѣли послѣ этого перваго свиданія съ леди Ирисъ.

Не успѣла молодая дѣвушка проводить своихъ гостей, какъ отворилась дверь гостинной и вошелъ лакей, неся карточки на серебряномъ подносѣ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ графъ.

— Ирисъ, поспѣшно сказалъ онъ,—Бардоны здѣсь въ полномъ составѣ: отецъ, мать, сынъ и дочь. Надѣюсь, что ты будешь любезна съ ними.

— Разъ, что вы этого желаете, милый папа, сказала леди Ирисъ,—я ихъ приму какъ можно привѣтливѣе.

И дѣйствительно, когда нѣсколько взволнованная семья Бардонъ появилась въ гостинной, леди Ирисъ встрѣтила ихъ такою очаровательной улыбкою, какую врядъ-ли кому пришлось отъ нея видѣть.

Какъ ни былъ неустрашимъ милліонеръ, какъ ни крѣпко сидѣло въ немъ убѣжденіе, что деньги перевѣшиваютъ знат-

Digitized by Google

ность рода, онъ не могъ преодолѣть робости при входѣ въ гостинную леди Ирисъ.

Эта молоденькая дѣвушка, въ своемъ простомъ изящномъ бѣломъ платьѣ, безъ всякихъ драгоцѣнныхъ украшеній, внушала ему уваженіе. Что-то въ ней напоминало патриціевъ... Подойдя къ ней торопливыми шагами, милліонеръ поклонился, пробормотавъ при этомъ, что надѣется, что ея сіятельство здорова, и уступилъ мѣсто своей женѣ.

Мистрисъ Бардонъ была въ темно-красномъ бархатномъ платьѣ и въ индійской шали, украшенная цѣлымъ прибором изъ крупныхъ сапфировъ. Она особенно часто носила индѣйскія шали. Какѣ-то разъ слышала она, что королева имѣетъ пристрастіе къ такимъ шалямъ, и съ тѣхъ поръ она объявляла всѣмъ, что ничего такъ не любитъ, какъ эту часть наряда. Мери Бардонъ была мила и изящна, и тотчасъ понравилась леди Ирисъ, которая ласково пожала ей руку и сказала нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

Послѣ всѣхъ представился Джонъ Бардонъ, но ему леди Ирисъ поклонилась нѣсколько сухо и не протянула руки, желая поставить его съ перваго же раза на подобающее мѣсто.

ГЛАВА V.

Графъ занялся разговоромъ съ мистеромъ Бардономъ старшимъ, а леди Ирисъ обрекла себя на бесѣду съ остальными членами семьи, въ надеждѣ, что это продлится недолго.

— Вы, вѣроятно, поѣдете въ Лондонъ, леди Ирисъ, къ открытію сезона? спросила мистрисъ Бардонъ.

— Непремѣнно, отвѣчала леди Ирисъ, — и я съ удовольствіемъ ожидаю этой поѣздки.

— Еще-бы, сказала мистриссъ Бардонъ:—всѣ дѣвушки любятъ проказы и забавы. Она хотѣла продолжать, но взглядъ и нахмуренныя брови ея сына привели ее къ сознанію, что она сдѣлала какую-то оплошность. Прелестное лицо леди Ирисъ на минуту сдѣлалось серьезно; потомъ, вспомнивъ, что тутъ надо быть снисходительной, она улыбнулась. Ободренная этой улыбкой, мистриссъ Бардонъ опять заговорила:

— Когда я была молода, леди Ирисъ, я обожала танцы и

Digitized by Google

собранія. Я люблю, когда молодежь веселится, и всегда говорю Мери, что она слишкомъ спокойна.

Леди Ирисъ ласково посмотрѣла на сдержанную дѣвушку, которую, казалось, совсѣмъ не конфузилъ недостатокъ воспитанія родителей.

— Я увѣрена, что миссъ Бардонъ также любитъ танцовать, замѣтила она.

— Я очень люблю танцы, леди Ирисъ, сказала она,—только моя милая мамаша всегда такъ оживлена, что я кажусь рядомъ съ ней еще спокойнѣе.

Эта дѣвушка, по инстинкту, все болѣе и болѣе возбуждала интереса у леди Ирисъ. Казалось, что она своимъ почтеніемъ къ вульгарнымъ родителямъ какъ будто подавала примѣръ другимъ, и въ ея присутствіи какъ-то невозможно было не оказывать имъ уваженія.

Мистриссъ Бардонъ вздумала воспользоваться наклонностью леди Ирисъ къ танцамъ.

— У насъ, въ Гайнъ-Куртѣ великолѣпная танцовальная зала, сказала она,—я не могу опредѣлить размѣра, но она чуть ли не изъ самыхъ обширныхъ въ Англіи и тамъ можно вертѣться сколько душѣ угодно.

О, тѣни Фэйновъ! Вертѣться... Можно ли было примѣнить это слово къ надменной наслѣдницѣ Чандоса? Но леди Ирисъ только приподняла брови.

— И такъ какъ вы любите танцовать, продолжала мистриссъ Бардонъ, то я могу устроить балъ.

— Моя мать искренно желаетъ вамъ сдѣлать удовольствіе, поспѣшила добавить Мери, и иронія, блеснувшая въ глазахъ леди Ирисъ, при взглядѣ на нее, мгновенно погасла.

— Я въ этомъ увѣрена, привѣтливо сказала она,—и очень цѣню побужденіе мистриссъ Бардонъ, но, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться этимъ приглашеніемъ, такъ какъ мы черезъ три недѣли ѣдемъ въ Лондонъ.

— Такъ, можетъ быть, вы не откажетесь почтить насъ своимъ посѣщеніемъ въ другой разъ, настаивала мистриссъ Бардонъ.—По возвращеніи васъ и моихъ дѣтей изъ Лондона, куда я сама не разсчитываю ѣхать, я надѣюсь, мы будемъ часто видѣться... Я очень люблю собирать молодежь у себя.

Digitized by Google

Искра опять блеснула въ глазахъ леди Ирисъ, и опять встрѣтила она спокойный взглядъ Мери.

— Моя мать всегда хлопочетъ о весельѣ: она совершенно счастлива, когда доставляетъ удовольствіе другимъ, сказала она кротко.

Джонъ Бардонъ во все время разговора испытывалъ нравственную пытку; ему казалось, что эта гордая красавица должна была счесть его родителей крайне пошлыми. Надо сказать, что въ жизни, полной довольства и всякихъ утѣхъ, доставляемыхъ богатствомъ, у него было одно больное мѣсто, не дававшее ему покоя... это его низкое происхожденіе. Оно бросало тѣнь на всѣ его достоинства, такъ какъ онъ былъ очень даровитый и образованный человѣкъ. Онъ питалъ отчаянную зависть къ каждому аристократу, съ которымъ сталкивала его судьба. Впереди онъ видѣлъ только одинъ исходъ: это была женитьба на титулованной особѣ. Какъ ни внушительна показалась ему царственная фигура леди Ирисъ, онъ не могъ не взвѣсить, насколько безцѣнна для него была бы подобная жена. Она дала бы ему все, что онъ такъ цѣнилъ и чего не имѣлъ. Славное имя, длинный рядъ предковъ и всѣ почести, которыя можетъ дать высокое происхожденіе.

— Милая матушка, сказалъ онъ наконецъ,—вы положительно поглощаете все вниманіе леди Ирисъ.

Леди Ирисъ холодно взглянула на него.

— Мое вниманіе обыкновенно поглощается тѣмъ, что меня интересуетъ, быстро проговорила она.

Джонъ Бардонъ скорѣй почувствовалъ, чѣмъ понялъ слова леди Ирисъ; онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее. «Какъ она божественно хороша!» думалъ онъ.

— Какъ вамъ нравятся наши края? спросила у него леди Ирисъ, желая нѣсколько загладить рѣзкость своего отвѣта.

— Я думаю, что лучше ихъ нѣтъ во всей Англіи, съ энтузіазмомъ отвѣчалъ онъ.

— Это большая похвала, замѣтила она,—и ваше помѣстье—лучшее во всей окрестности. Я его хорошо помню.

Эта похвала дошла до ушей милліонера, и онъ быстро, большими шагами, перешелъ комнату, между тѣмъ какъ сынъ желалъ ему провалиться сквозь землю.

Digitized by Google

— Я горжусь вашей похвалой Гайнъ-Курта, леди Ирисъ. Это великолѣпное помѣстье и еще болѣе украсится, если ваше сіятельство удостоите его своимъ посѣщеніемъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны, мистеръ Бардонъ,— и я воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ, сказала леди Ирисъ, улыбаясь.

— Видите, милордъ, обратился къ графу мистеръ Бардонъ:— я умѣю говорить съ дамами.

Добрая мистрисъ Бардонъ такъ и ринулась въ брешь, пробитую ея супругомъ.

— Я также очень рада, что вамъ нравится Гайнъ-Куртъ, и такъ какъ теперь вы не желаете бала, то не пріѣдете-ли запросто взглянуть на насъ. Мистеръ Бардонъ сдѣлалъ много улучшеній. Какія у насъ оранжереи, теплицы!

— Да, я не жалѣлъ издержекъ, громко захохоталъ милліонеръ.

Леди Ирисъ учтиво улыбнулась. Джонъ Бардонъ бѣсился въ душѣ и давалъ себѣ клятву никуда впередъ не ѣздить съ своими родителями.

— Не назначите-ли вы день, леди Ирисъ, чтобы пріѣхать? не отставала мистриссъ Бардонъ.—Повѣрьте, намъ будетъ такъ пріятно.

— Очень вамъ благодарна за любезное приглашеніе, но, право, я не могу обѣщать ничего до нашей поѣздки въ Лондонъ, сказала леди Ирисъ и посмотрѣла на отца. Онъ также взглянулъ на нее: оба, кажется, уже довольно насладились своими гостями.

— Вы любите верховую ѣзду, леди Ирисъ? спросилъ Джонъ Бардонъ.

— Да, я ѣзжу каждый день; это мое любимое развлеченіе, отвѣчала она, и въ головѣ его мгновенно составился планъ частыхъ встрѣчъ. Графъ вспомнилъ, что не сказалъ ни слова молодому человѣку и сдѣлалъ ему какой-то вопросъ. Разговоръ между ними завязался, только глаза Джона Бардона не могли оторваться отъ леди Ирисъ.

Онъ не могъ не сравнить ее съ своими близкими. Деньгами можно было все пріобрѣсти, только не могутъ они придать человѣку ту неподражаемую грацію, то спокойное достоинство, которое пріобрѣтается съ колыбели.

Digitized by Google

— Джонъ, мы ждемъ тебя,—вывелъ его изъ созерцанія голосъ сестры.

Онъ опомнился, пробормоталъ какое-то извиненіе, распростился и вышелъ вслѣдъ за своей семьею.

Сѣвъ въ свой великолѣпный экипажъ, Джонъ Бардонъ задумался; передъ глазами его стоялъ плѣнительный образъ, а въ ушахъ звенѣлъ симпатичный голосъ, говорящій ему: «Прощайте, мистеръ Бардонъ». И когда она говорила это, глаза его прочли на каминѣ, надъ ея головой, слова девиза: «Носить съ честью».

— Да, говорилъ онъ про себя, она носитъ съ честью свое имя; и мое сердце и любовь унесетъ она въ своей маленькой ручкѣ. Я это чувствую.

— Джонъ, вдругъ сказала ему мать:—какъ желала бы я, чтобы ты женился на леди Ирисъ.

Онъ горько улыбнулся.

— Напрасно, матушка, это не можетъ случиться.

— Развѣ она тебѣ не нравится?

Сердце его забилось.—Не нравится? да развѣ можно ее видѣть и не полюбить? сказалъ онъ.

— Тебѣ слѣдовало бы быть немного любезнѣе, Джонъ, замѣтилъ мистеръ Бардонъ. Женщины любятъ лесть и комплименты. Ты замѣтилъ, какъ леди Ирисъ была довольна моей любезностью. И тебѣ бы попробовать.

Джонъ со стономъ отвернулся. Была ли возможность вразумить его родителей?!

Въ одно и то же утро, любовь явилась двумъ молодымъ людямъ: сэру Фульку, какъ поэтическая мечта, а Джону Бардону, какъ всепожирающее пламя.

— Мери, сказалъ Джонъ, спустя часъ, сидя наединѣ съ сестрой въ роскошной гостинной Гайнъ-Курта:—Женщины наблюдательнѣе мужчинъ. Что ты думаешь о леди Ирисъ?

— Что она самое прелестное созданіе, которое я гдѣ либо встрѣчала, но и самое гордое также.

— Чѣмъ же, ты думаешь, она гордится? спросилъ Джонъ.

— Своимъ происхожденіемъ и славнымъ именемъ.

— Да, и я полагаю, что мы и наше золото въ ея глазахъ ничего не значимъ. Зачѣмъ я не родился лучше барономъ, нежели богачемъ, горько и задумчиво добавилъ онъ.

Digitized by Google

— Зачѣмъ ты такъ говоришь, Джонъ, сказала кротко и серьезно сестра.—Каждый человѣкъ можетъ облагородить свое имя посредствомъ своей жизни, а у тебя болѣе, чѣмъ у кого либо другаго, есть возможность приносить пользу.

— Пусть я даже добьюсь дворянскаго достоинства, сказалъ Джонъ Бардонъ;—я все-таки мало надѣюсь, чтобы она согласилась выйти за меня: она не иначе выйдетъ замужъ, какъ за человѣка такого же древняго рода, какъ она сама.

— Доброе, честное имя стоитъ древняго рода, сказала Мери; но братъ не отвѣчалъ ей ничего. Онъ былъ погруженъ въ свои думы.

— Если таково здѣсь общество, папа, сказала леди Ирисъ, то поспѣшимъ въ городъ. Тѣмъ не менѣе, это люди не дурные. Самъ милліонеръ—вульгарный хвастунъ, но въ немъ есть что-то честное, хорошее, что̀ искупаетъ все. Жена его невозможна, но ея преданная, прекрасная дочь служитъ ей щитомъ, ограждающимъ отъ насмѣшекъ.

— Да, это премилое созданіе, замѣтилъ графъ;—а что ты думаешь о наслѣдникѣ Гайнъ-Курта.

— Онъ менѣе всѣхъ мнѣ нравится, отвѣтила леди Ирисъ:—только, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ какъ-то жаль его. Онъ, повидимому, въ постоянной борьбѣ самъ съ собою, неувѣренъ въ себѣ и недоволенъ. Замѣтно стыдится онъ своихъ родителей. Мнѣ странно думать, папа, что люди, подобные Бардонамъ, держатъ такое громадное богатство въ рукахъ.

— Что-жъ: они не дѣлаютъ изъ него дурнаго употребленія, и я опять таки повторяю, что деньги—могущество. И хорошо, если оно попадаетъ въ добрыя руки.

Не прожила еще наслѣдница Чандоса и нѣсколькихъ дней дома, какъ успѣла уже, съ перваго свиданія, возбудить такую сильную любовь въ двухъ ближайшихъ сосѣдяхъ, что оба готовы были умереть за нее.

На сторонѣ сэра Фулька было преимущество: онъ почти каждый день ѣздилъ въ Чандосъ. Его мать, желая доставить ему удовольствіе, придумывала для этого разные предлоги. Несмотря на эти удобные случаи, дѣла его совсѣмъ не подвигались. Да и самъ онъ въ присутствіи леди Ирисъ не узнавалъ себя. Всѣ его цвѣтистыя фразы и поэтическіе восторги выхо-

Digitized by Google

дили какъ-то плоски и рѣшительно не производили желаемаго дѣйствія. Иногда леди Ирисъ говорила ему съ неуловимой ироніей, что онъ сегодня краснорѣчивѣе обыкновеннаго, а иногда просто заявляла, что «устала». Каково было это слышать человѣку, котораго еще такъ недавно увѣряла мѣстная красавица, миссъ Блекуелль, что «никогда не устаетъ слушать его».

— Желалъ бы я знать, говорилъ онъ смиренно,—чѣмъ васъ можно заинтересовать, леди Ирисъ. Васъ утомляетъ, если я съ вами немного поговорю.

— Не всегда, сэръ Фулькъ, а только тогда, когда вы распространяетесь о самомъ себѣ. Говорите о чемъ нибудь другомъ, и вы не найдете меня равнодушной.

— Значитъ, я единственный предметъ, къ которому вы равнодушны? спросилъ, задѣтый за живое, сэръ Фулькъ.

— Хорошее можетъ надоѣсть, какъ и дурное, замѣтила леди Ирисъ.—Заговорите объ общихъ вопросахъ, и я не утомлюсь васъ слушать.

— Другія любятъ, когда я говорю о себѣ, сказалъ, вздохнувъ, сэръ Фулькъ. Миссъ Блекуелль говоритъ, что никто такъ не интересуетъ ея.

— И вы ей вѣрите.

— А почему бы и не вѣрить, леди Ирисъ?

— Потому что утомительно слушать, когда кто нибудь говоритъ только о своей особѣ, замѣтила леди Ирисъ.

— Не для тѣхъ, которыхъ интересуетъ эта особа, сказалъ быстро сэръ Фулькъ.

— Поблагодаритъ-ли васъ миссъ Блекуелль за это опредѣленіе? холодно замѣтила леди Ирисъ.

— Я не намекаю на то, что миссъ Блекуелль интересуется мною, да и не желаю теперь этого. Когда видишь пышную розу, то забываешь скромную фіялку,—заключилъ онъ; но отвѣта не послѣдовало.

Гордая натура леди Ирисъ всегда возмущалась малѣйшимъ проявленіемъ пошлости, и она никогда не отвѣчала на цвѣтистыя фразы несчастнаго влюбленнаго. Она благосклонно принимала его частыя посѣщенія, ради старой дружбы съ леди Клифордъ, которая не теряла надежды на осуществленіе своего завѣтнаго желанія.

Digitized by Google

— Леди Ирисъ, мнѣ кажется, наклонна къ романической привязанности, говорила ему мать: —почему бы тебѣ не возбудить ее въ ней?

— Можетъ быть, я для нея недостаточно романиченъ, отвѣчалъ сэръ Фулькъ.—Вотъ она мнѣ сказала, что я слишкомъ много говорю о себѣ.

— Такъ говори меньше, замѣтила леди Клифордъ. Сэръ Фулькъ задумался.

— Нѣтъ, мама! Она, кажется, не можетъ полюбить обыкновеннаго смертнаго. Ей надобно героя.

— Сдѣлайся героемъ, сказала леди Клифордъ, и засмѣялась выраженію недоумѣнія, появившемуся на лицѣ сына.

— Легко сказать, проговорилъ онъ, а какъ имъ сдѣлаться-то? Вытащить упавшее въ воду дитя или спасти людей изъ горящаго зданія,—таковы, кажется, подвиги книжныхъ героевъ, мама?

— Такъ будь не книжнымъ героемъ. Ты уменъ, мужественъ, тебѣ не трудно отличиться.

— Я способенъ на все, мама, только укажите мнѣ, что дѣлать, горячо вскричалъ сэръ Фулькъ.

— По моимъ наблюденіямъ надъ нею, я заключаю: что она выйдетъ замужъ не иначе, какъ по любви, а ты скорѣе многихъ можешь ее вселить, если чѣмъ нибудь отличишься.

Красивая голова сэра Фулька поникла на грудь.

— Въ этомъ-то и вопросъ: чѣмъ отличиться? Еслибъ ее понесла лошадь, то я съ опасностью жизни спасъ-бы ее, только вѣдь этого не случится, чуть не съ сожалѣніемъ добавилъ онъ:— а еслибъ и случилось, то грумъ леди Ирисъ раздѣлилъ бы со мной славу. Какой случай найдется въ девятнадцатомъ столѣтіи выказать геройство?

— Пустое, Фулькъ. Пока существуютъ женщины и любовь, герои всегда найдутся.

Любовь соперника сэра Фулька имѣла еще меньше шансовъ на успѣхъ. Джонъ Бардонъ безпрестанно встрѣчалъ молодаго баронета, ѣдущаго то верхомъ, то въ экипажѣ въ Чандосскій замокъ, и это наполняло сердце его ревностью и ненавистью къ сэру Фульку. Самъ же онъ только и думалъ, что о свиданіи съ леди Ирисъ. Цѣлыми днями ѣздилъ онъ по лѣсамъ и полямъ

Digitized by Google

кругомъ Чандоса, въ надеждѣ встрѣтить ее. Иногда удача улыбалась ему, и онъ издали различалъ стройную фигуру молодой дѣвушки. Сердце его сильно билось и онъ не всегда находилъ въ себѣ достаточно мужества подъѣхать и поговорить съ ней. Часто проклиная свою трусость, слѣдилъ онъ за ней, пока не исчезала она изъ виду, и только тогда, вдругъ вооружившись отчаянной рѣшимостью, смѣло скакалъ къ ней и, остановившись подлѣ, осаживалъ лошадь.

Равнодушно учтивая улыбка, нѣсколько словъ дѣлали его счастливымъ на цѣлую недѣлю.

Любовь его къ леди Ирисъ была свѣтлой стороной его жизни, она сіяла чистой звѣздой посреди его недостатковъ, и онъ предался ей беззавѣтно, не думая, что̀ изъ этого выйдетъ.

Наивная мистриссъ Бардонъ спрашивала его: подумалъ-ли онъ о томъ, что̀ она говорила о леди Ирисъ?

— Для моего спокойствія я слишкомъ много объ этомъ думалъ, отвѣчалъ онъ.—Лучше бы я никогда не встрѣчалъ ея.

Мистриссъ Бардонъ улыбалась. Наконецъ сынъ ея влюбился. Сестра его Мери смотрѣла на это иначе.

Указывая разъ брату на бабочку, летающую кругомъ зажженной свѣчи, она сказала:

— Посмотри, Джонъ, она сожжется на смерть,—понимаешь, на смерть.

— Лучше умѣреть, чѣмъ жить изувѣченнымъ, возразилъ онъ. И она поняла, что болѣзнь его была неизлѣчимою.

ГЛАВА VI.

Какимъ-то инстинктомъ почувствовали сэръ Фулькъ и Джонъ Бардонъ, что были соперниками, и питали другъ къ другу почти ненависть. Оба они были людьми совсѣмъ разныхъ типовъ.

Сэръ Фулькъ былъ бѣлокурый, изнѣженный красавецъ, «породистый аристократъ», по отзыву о немъ Джона Бардона, немного фатъ, но искрененъ, великодушенъ и кротокъ. Джонъ Бардонъ былъ смуглый брюнетъ съ огненными глазами, страстный, энергично доводящій до конца всякое дѣло, будь оно хорошо или дурно. Отдавшись весь своей пламенной любви, онъ неутомимо преслѣдовалъ цѣль—чѣмъ-бы то ни было обратить на себя вниманіе леди Ирисъ и, быть можетъ, даже заслужить ея

Digitized by Google

любовь. Не тронется-ли она военной славой? спрашивалъ онъ себя, но какъ покинуть ее? И наконецъ онъ былъ нуженъ отцу и не могъ уѣхать въ дѣйствующую армію. Слышалъ онъ, что дѣвушкамъ нравится военный мундиръ, и такъ какъ тогда открылась вакансія въ полку конной восточной милиціи, онъ. не медля, зачислился въ него.

Немало удивился сэръ Фулькъ, встрѣтивъ его въ блестящемъ мундирѣ.

— Здравствуйте, мистеръ Бардонъ, весело сказалъ онъ ему. Что это вы играете въ солдатики?

— Я никогда ни во что не играю, сэръ Фулькъ, пылко отвѣчалъ онъ:—Вы это увидите!

— Какимъ же образомъ я это увижу, презрительно сказалъ сэръ Фулькъ,—это до меня не касается. Но если вы хотѣли быть военнымъ, отчего прямо не поступили въ дѣйствующую армію и не пошли въ Афганистанъ.

— А потому, что у меня здѣсь есть важное дѣло,—подчеркнулъ слово «здѣсь» Джонъ Бардонъ.

Отъ этого намека на леди Ирисъ, вся кровь бросилась въ голову сэра Фулька.

— Вы дѣлите слишкомъ высоко, берегитесь, чтобъ не промахнуться, бросилъ онъ ему вслѣдъ.

Сэръ Фулькъ задумался. Вспомнились ему слова матери, что леди Ирисъ непремѣнно выберетъ человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей. А развѣ Джонъ Бардонъ походилъ на прочихъ? Сэръ Фулькъ зналъ дѣвушекъ, которыя отдавали Бардону предпочтеніе даже передъ нимъ, сэромъ Фулькомъ. Онъ ѣхалъ въ Кингсфорестъ, но внезапно повернулъ лошадь и поскакалъ по направленію Чандоса. Онъ немедленно рѣшилъ какъ нибудь узнать степень опасности.

Леди Ирисъ сидѣла въ одной изъ прекрасныхъ комнатъ замка и оканчивала эскизъ кедра, когда ей доложили о сэрѣ Фулькѣ.

— Еслибъ судьба не сдѣлала васъ богатой наслѣдницей, она сдѣлала бы васъ художницей, леди Ирисъ, сказалъ молодой человѣкъ, любуясь на рисунокъ.—Я нахожу вашъ эскизъ совершенствомъ.

— Мнѣ пріятно это слышать, сэръ Фулькъ, улыбнулась она. — Каждый человѣкъ гордится своимъ произведеніемъ.

Google

— И ваше произведеніе стоитъ, чтобъ имъ гордиться, съ увлеченіемъ говорилъ сэръ Фулькъ.

Она была особенно привѣтлива съ нимъ. Утро было такое великолѣпное, что располагало къ благодушію. Никогда сэръ Фулькъ не могъ бы найти лучшаго случая заслужить ея благосклонность, но передъ глазами его неотвязно стояла могучая фигура въ военномъ мундирѣ, и онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать.

— Сейчасъ по дорогѣ къ вамъ я встрѣтилъ нѣчто очень смѣшное, сказалъ онъ вдругъ.

— Что такое? спросила леди Ирисъ.

— Ворону въ павлиньихъ перьяхъ, иначе сказать—Джона Бардона въ мундирѣ конной восточной милиціи.

— Чѣмъ же это смѣшно? Это прекрасный полкъ.

— Но какой-же онъ воинъ? замѣтилъ презрительно сэръ Фулькъ.

— Правда, что мундиръ не дѣлаетъ воина, такъ-же, какъ и ряса—монаха, но все-таки не понимаю, зачѣмъ вы называете сэра Бардона смѣшнымъ? спросила леди Ирисъ.

— Я боюсь сказать о немъ что-нибудь болѣе рѣзкое, разъ вы къ нему благоволите.

— Я не заявляла, что благоволю къ нему, холодно сказала она.

— Но вы заступаетесь за него.

— Я всегда заступаюсь за отсутствующихъ.

— Я бы желалъ, чтобы въ моемъ отсутствіи кто нибудь говорилъ противъ меня, ради того, чтобы вы защищали меня.

— А вы увѣрены, что я найду что нибудь въ вашу защиту? улыбнулась она.

— Я на это надѣюсь. Однако, леди Ирисъ, если вы мнѣ скажете, что принимаете подъ свое покровительство Бардоновъ, я буду стараться ихъ полюбить.

— Вамъ нечего трудиться, сэръ Фулькъ, сказала леди Ирисъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ къ нимъ расположены? не отставалъ сэръ Фулькъ.

— На этотъ вопросъ я не расположена вамъ отвѣчать, сэръ Фулькъ, твердо сказала она, и онъ принужденъ былъ оставить ее, не узнавъ ничего относительно ея чувства къ Джону Бардону.

Digitized by Google

Леди Ирисъ никогда не задумывалась ни объ одномъ изъ своихъ поклонниковъ. Ей нравился сэръ Фулькъ за его изящество, поэтическую натуру, но не любила она въ немъ проблесковъ фатовства и эгоизма. Въ Джонѣ Бардонѣ она подозрѣвала, подъ тонкимъ слоемъ свѣтскаго лоска, необузданный характеръ. При ней соперники еще ни разу не встрѣчались.

Пріятельница леди Клифордъ, леди Мойра, гостила въ замкѣ Клифъ-Галль, и по этому случаю леди Клифордъ устраивала въ своемъ паркѣ маленькій праздникъ, на который пригласила всѣхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и семью Бардона.

Сэръ Фулькъ прочелъ списокъ приглашенныхъ.

— Какъ, мама? Вы также и Бардоновъ пригласили? Но они совсѣмъ испортятъ нашъ праздникъ, говорилъ онъ матери.

— Леди Мойра желаетъ ихъ видѣть, и я не думала, что это будетъ тебѣ непріятно.

— Да развѣ ихъ можно терпѣть, исключая миссъ Бардонъ, конечно. Сынъ ихъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ мундиръ, сталъ невыносимъ.

— Ты обязанъ только привѣтствовать его, затѣмъ можешь и не замѣчать. Я не знала, что это раздосадуетъ тебя.

— Нѣтъ, мама, мнѣ вовсе не досадно, сказалъ онъ нѣжно,— только я не люблю его, вотъ и все.

Клифтонскій паркъ былъ очень великъ и замѣчательно хорошъ. Въ день праздника, 1-го мая, онъ какъ-бы принарядился и былъ лучше обыкновеннаго. Прекрасный оркестръ музыки игралъ посреди зелени. День былъ очень хорошъ, и все располагало къ веселью. Графъ съ дочерью пріѣхали первыми. Леди Ирисъ была прелестна въ блѣдно-розовомъ платьѣ, украшенномъ цвѣтами боярышника: костюмъ артистически-изящный, безъ малѣйшаго драгоцѣннаго украшенія. Сэръ Фулькъ казался болѣе влюбленнымъ, чѣмъ когда либо, и, сіяя отъ счастія, шелъ къ ней на встрѣчу.

— Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ я буду съ ней, говорилъ онъ себѣ.

— Клифъ облекся въ самые лучшіе свои цвѣты, леди Ирисъ, для вашего пріѣзда, привѣтствовалъ онъ ее:—Все лучшее изъ растеній цвѣтетъ и благоухаетъ. Будьте милостивы, позвольте мнѣ сегодня показать вамъ паркъ.

Digitized by Google

— Я очень охотно пойду съ вами, отвѣчала леди Ирисъ.

Но не такъ-то легко было залучить царицу праздника, она была постоянно окружена и каждый добивался счастія говорить съ ней. Сэръ Фулькъ отчаявался, что ему не представится удобнаго случая побесѣдовать съ красавицей.

Онъ стоялъ подлѣ леди Ирисъ, когда пріѣхала семья милліонера и Джонъ Бардонъ уже искалъ ее глазами.

— Полагаю, леди Ирисъ, что вы не пожелаете, чтобы вамъ надоѣдалъ этотъ человѣкъ, сказалъ ей быстро сэръ Фулькъ.

— Какой человѣкъ? спросила леди Ирисъ.

— Джонъ Бардонъ. Вотъ онъ направляется прямо къ вамъ, какъ будто имѣетъ на это право.

— Такое же право, какъ всякій другой, спокойно замѣтила леди Ирисъ.

Молодые люди обмѣнялись холоднымъ поклономъ. Леди Ирисъ сказала нѣсколько привѣтливыхъ словъ Джону Бардону; ободренный этимъ, онъ вооружился всѣмъ своимъ мужествомъ завязалъ съ ней разговоръ, которому сэръ Фулькъ рѣшилъ положить конецъ.

— Вы не забыли вашего обѣщанія, леди Ирисъ, сдѣлать мнѣ честь посмотрѣть нашъ паркъ?

— Пойдемте, равнодушно отвѣчала она, но не приняла предложенной имъ руки; ей показалось, что сэръ Фулькъ не былъ достаточно вѣжливъ съ Джономъ Бардономъ.

Продолжая начатый разговоръ, молодой милліонеръ пошелъ съ ними, не замѣчая нахмуренныхъ бровей сэра Фулька.

«Нѣтъ, во что бы то ни стало, думалъ послѣдній, все болѣе и болѣе раздражаясь,—надо ему показать, что онъ лишній». Онъ бросилъ краснорѣчивый взглядъ на смуглое лицо соперника которое нисколько не выражало, что чувствуетъ себя лишнимъ; и дѣйствительно, Джонъ Бардонъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія уйти. Впервые заговорилъ онъ съ леди Ирисъ и такъ удачно, что даже заинтересовалъ ее разговоромъ. Такимъ образомъ они прошли нѣкоторое разстояніе, но терпѣніе сэра Фулька не могло больше выдержать. Воспользовавшись первой паузой въ разговорѣ, онъ внезапно остановился и, вѣжливо приподнявъ шляпу, обратился къ Джону Бардону:

Digitized by Google

— Вы меня извините, мистеръ Бардонъ, но я заручился обѣщаніемъ леди Ирисъ, что поведу ее осматривать паркъ.

Джону Бардону приходилось остановиться, что̀ онъ и сдѣлалъ, поблѣднѣвъ отъ сдержанной ярости.

— Прикажете удалиться, леди Ирисъ? спросилъ онъ.—Если я помѣшалъ, то прошу извинить меня.

Хотя леди Ирисъ не допускала мысли, что оба они могли быть ея поклонниками и соперниками, но она чувствовала себя между ними какъ-то неловко и тотчасъ сообразила, что малѣйшее ея предпочтеніе одному передъ другимъ поведетъ къ ссорѣ.

— Вы нисколько не мѣшаете, мистеръ Бардонъ, только дѣйствительно я обѣщала сэру Фульку осмотрѣть съ нимъ паркъ, спокойно сказала она.

Джонъ Бардонъ низко поклонился и ушелъ, успокоенный ея яснымъ, ласковымъ взглядомъ.

Леди Ирисъ продолжала идти, молчаливая и холодная; сэръ Фулькъ долженъ былъ сознаться, что сдѣлалъ оплошность.

— Нельзя-ли насколько возможно сократить осмотръ парка, сэръ Фулькъ? сказала она:—я устала.

«Устала! когда прогулка только началась», думалъ онъ.—Это все изъ-за этого человѣка!—не выдержавъ, сказалъ онъ. Леди Ирисъ молчала.

— Онъ просто не воспитанъ, горячился сэръ Фулькъ,—да и чего-жъ можно ожидать...

— Изъ всѣхъ признаковъ невоспитанности, самый худшій—обижать кого нибудь незаслуженно, холодно проговорила леди Ирисъ.—Но я устала, вернемтесь, прошу васъ.

Сэръ Фулькъ внутренно терзался; онъ ясно видѣлъ, что потерялъ благосклонность леди Ирисъ, изъ-за кого-же? Изъ-за этого Бардона. Неужели онъ ей нравится? съ ужасомъ думалъ онъ; но одинъ взглядъ молодой дѣвушки успокоилъ его насчетъ этого предположенія. Когда онъ привелъ ее на лужайку, гдѣ все общество, раздѣленное на группы, весело разговаривало и смѣялось подъ звуки музыки, она отпустила его холоднымъ наклоненіемъ головы и, въ продолженіе этого дня, ни разу не удалось ему обратить на себя ея вниманія, между тѣмъ какъ Джонъ Бардонъ нѣсколько разъ говорилъ съ ней.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХРАМЪ ПЛУТОНА.

(Письмо изъ Парижа).

«Да, это жизнь!» думаетъ про себя путешественникъ, проходя по тротуарамъ парижскихъ бульваровъ. И въ первый, и въ десятый разъ, его въ одинаковой мѣрѣ волнуетъ видъ этого кипучаго движенія, среди этихъ великолѣпныхъ декорацій. Безконечная аллея деревьевъ окаймлена сомкнутыми линіями дворцовъ, уходящихъ въ высь рядами этажей. Кое-гдѣ зданія разступаются, чтобы дать мѣсто болѣе или менѣе эффектной площади. Налѣво—Новая Опера, зданіе, въ которомъ величественность соперничаетъ съ граціозностью; направо—элегантная широкая улица—Avenue de l'Opera, въ перспективѣ которой виднѣются части Палерояля и Лувра; тутъ-же, немного правѣе, открывается богатая Rue de la Paix, въ концѣ которой, вдали, вырисовывается стройный силуэтъ Вандомской колонны. Далѣе, прямо, тянутся знаменитые центральные бульвары: Итальянскій, Пуассонньеръ, Монмартръ и др. Огромныя зеркальныя стекла магазиновъ приковываютъ взоръ. Въ нихъ сверкаютъ золото и брильянты, пестрѣютъ дамскіе наряды, останавливаютъ прохожаго выставки дорогой бронзы или истинныя чудеса фарфороваго издѣлія. Между магазинами расположились рестораны; кафе-Ришь, Кардиналь и др., блестя позолотой, выдвинули на тротуаръ шеренги воздушныхъ столиковъ и стульевъ... И все это кишитъ неугомоннымъ движеніемъ. Ряды экипажей, встрѣчающихся, перегоняющихъ другъ друга, или вытягивающихся въ длинныя вереницы, покрываютъ улицу; между ними, точно громоздкіе ковчеги, лавируютъ двухъ-этажные омнибусы, которыхъ размѣры—подъ силу только мощи впряженныхъ въ нихъ, чудовищныхъ троекъ. Пѣшій людъ скользитъ среди лошадей и

Digitized by Google

наполняетъ широкія панели. Синяя блуза сталкивается здѣсь съ изящнымъ пальто послѣдняго фасона; цилиндры, шляпы обыкновенныя и совершенно необыкновенныя, своей циркуляціей, производятъ головокружащую рябь большаго муравейника. Все это разступается и снова смыкается, вѣжливо давая дорогу дамскимъ маленькимъ токамъ или широчайшимъ «рембрандтамъ». Лица молодыя, неопредѣленныя и старыя, черные нафабренные усы и сѣдыя расчесанныя бородки, напудренныя физіономіи, подкрашенныя губы и подведенныя брови, темные завитые чубы и великолѣпныя золотистыя косы (существуетъ безподобная краска), изящные, неизмѣнно роскошные бюсты,—все это стремится вокругъ, разговариваетъ, смѣется, посматриваетъ газеты и отдыхаетъ на пути, подъ гостепріимною тѣнью ресторанныхъ навѣсовъ.

Такова вѣчная картина центровъ «столицы столицъ».

Оглушенный непривычнымъ шумомъ и сутолокой, путешественникъ сворачиваетъ съ бульвара Монмартръ въ первую улицу направо — Rue Vivienne. Здѣсь движеніе значительно меньше. Путешественникъ переводитъ духъ и медленно подвигается впередъ, разсматривая магазины и останавливаясь передъ выставками портретовъ. Но вотъ до его слуха доносится отдаленный шумъ. Тысячи голосовъ, о чемъ то и гдѣ-то кричащихъ наперерывъ другъ передъ другомъ, образуютъ смѣшанный гулъ, который становится все болѣе и болѣе явственнымъ. Еще одинъ или два переулка—и путешественникъ выходитъ на небольшую площадь, лѣвая сторона которой занята весьма величественнымъ зданіемъ. Окруженное желѣзной рѣшеткой, опираясь на грандіозную колоннаду, поддерживающую строгій портикъ, это зданіе производитъ впечатлѣніе классическаго греческаго храма. Изъ этого-то храма слышится несмолкаемый гулъ голосовъ и криковъ. Широкая лѣстница, занимающая всю ширину зданія, и все мѣсто между колоннами и самымъ зданіемъ—покрыты массой чѣмъ-то волнующихся людей. Нѣкоторые сидятъ на стульяхъ, поставленныхъ кружкомъ, среди тѣснящейся къ нимъ и напирающей толпы; другіе, стоя, образуютъ меньшія группы. Всѣ съ маленькими записными книжками въ рукахъ. Большинство выкрикиваетъ какія-то цифры, то обращаясь другъ къ другу, то куда-то, въ пространство. Кричатъ до изнеможенія, до хрипоты. Нѣкоторые таинственно шепчутся на ухо. Кое-кто, отъ времени до времени, входитъ или выходитъ въ дверь, ведущую внутрь зданія. Проникая туда, путешественникъ видитъ себя въ обширной залѣ, съ хорами строгаго стиля, безъ всякихъ орнаментовъ. Часть залы огорожена желѣзнымъ прутомъ и входъ сюда

Digitized by Google

охраняется солдатами. Здѣсь группа старыхъ и нестарыхъ особъ образуетъ кругъ, сообщающійся посредствомъ записокъ съ массами людей, тѣснящихся къ кругу и наполняющихъ залъ. Здѣсь шумъ и гамъ достигаютъ невѣроятной степени, здѣсь люди бросаются изъ стороны въ сторону въ ажитаціи, непонятной для непосвященнаго, и парижскіе джентльмены забываютъ свою обычную вѣжливость. Напряженность запечатлѣна на всѣхъ лицахъ; кое-гдѣ она замаскирована напускнымъ хладнокровіемъ, но часто она откровенно говоритъ о таящихся подъ нею тревогѣ, отчаяніи, надеждѣ или унынія. Замѣчательно, что между этими оживленными или, вѣрнѣе, искаженными лицами, попадаются лица, совсѣмъ молодыя. Одинаковый лихорадочный румянецъ вспыхиваетъ здѣсь на совершенно юныхъ чертахъ и пробивается въ морщинахъ стариковъ; въ общемъ нестройномъ хаосѣ не рѣдкость услышать надрывающіеся звуки голоса 17-ти или 18-ти-лѣтняго юноши. Все съ одинаковымъ азартомъ спѣшитъ, задыхается, говоритъ, кричитъ, реветъ, какъ дикое животное, или блѣднѣетъ, какъ осужденная жертва. Дѣйствуютъ всѣмъ; руки, ноги и глаза помогаютъ языку, чтобы заявить то или другое желаніе и быть услышаннымъ среди общаго смятенія. Наконецъ, ударъ колокола полагаетъ конецъ суматохѣ, прекращаетъ битву и разъединяетъ борцовъ до завтра.

Такова, въ общихъ чертахъ, физіономія парижской биржи, представляющей собою весь Парижъ въ миніатюрѣ. Здѣсь представители всѣхъ слоевъ населенія, всѣхъ отраслей торговли, начиная мелкимъ разнощикомъ и кончая негоціантомъ, почивающимъ на лаврахъ, покончивъ дѣла. Къ нимъ примыкаютъ артисты, дѣльцы, нерѣдко—ученые. Весь этотъ людъ волнуется изо дня въ день подъ строгими сводами греческаго храма, вступаетъ въ сдѣлки, которыхъ исходъ и результаты для большинства составляютъ, конечно, трагическую загадку. Выигрывающіе гордо считаютъ себя финансистами, проигрывающіе обращаются къ мысли о смерти. Всѣ же вмѣстѣ, за извѣстными исключеніями, они составляютъ массу предназначенныхъ къ гибели; каждый день производитъ въ этой массѣ опустошенія, но она пополняется опять и смыкаетъ ряды, чтобы снова нести на жертвенный алтарь сбереженія старости, наслѣдства дѣтей, иногда—насущный хлѣбъ семействъ.

Было бы странно оспаривать важность современнаго значенія биржи. «La Bourse—справедливо говоритъ Прудонъ — est le monument par excellence de la société moderne». «Ни въ древности, ни въ новое время, не существовало болѣе могучей силы: Александры, Цезари, Кар-

Digitized by Google

лы Великіе, Наполеоны, во всей ихъ славѣ, не болѣе какъ пигмеи, сравнительно съ нею». Не оспаривая значенія биржи, мы не имѣемъ точно также намѣренія подвергать критическому разсмотрѣнію доводы въ пользу «великихъ дѣлъ» спекуляціи, пролагающей, будто бы, новые пути прогресса для дѣятельности народа и изливающей на трудовой людъ неизмѣримыя сокровища производительности и благоденствія. Замѣтивъ вскользь, что бываютъ времена и страны, въ виду которыхъ рѣчь объ этихъ «благоденствіяхъ» звучитъ насмѣшкой,—мы остановимся лишь на контрастѣ между удручающимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ «храмъ Плутона» на посторонняго зрителя, и доводами устной и письменной апологіи биржеваго дѣла*). Между пріемами этой апологіи, едва-ли не единственно вѣскій составляетъ ссылка на господствующій характеръ современнаго экономическаго строя. Биржа, безъ сомнѣнія, не есть «случайное зло»: она является логическимъ завершеніемъ нашего хозяйственнаго склада, она имѣетъ подъ собою почву въ господствующихъ нравахъ, она живетъ тѣмъ же духомъ, которымъ проникнуты и всѣ другія экономическія отправленія нашего времени. Въ этомъ отношеніи, защита биржевой спекуляціи имѣетъ полную убѣдительность на своей сторонѣ. По крайней мѣрѣ, едва-ли можно возражать защитнику биржи, который обращается къ намъ съ такою рѣчью: «Міръ—говоритъ онъ—судилъ-бы иначе, еслибы, съ цѣлью добросовѣстнаго сравненія, взглянулъ на себя въ правдивое зеркало. Міръ видитъ въ биржевой игрѣ общественную язву, тогда какъ самъ онъ, во всемъ своемъ существѣ, представляетъ лишь сплошную игру и спекуляцію. Человѣкъ деревни играетъ на счетъ невѣжественности крестьянина. Фабрикантъ и лавочникъ питаются легковѣріемъ публики, тортовцы хлѣбомъ, мукою, масломъ и т. д. спекулируютъ на счетъ людей, поставленныхъ въ зависимость отъ нихъ; артистъ, адвокатъ, докторъ, модистка, портной,—до булочника включительно, пускаютъ въ оборотъ свою репутацію и сколачиваютъ деньги, пользуясь моментомъ увлеченія публики. О, моралисты! вы видите, что все вокругъ—игра и что самая мораль служитъ нерѣдко орудіемъ спекуляціи для васъ же самихъ!» Такъ можетъ говорить защитникъ биржи и мы не найдемъ основаній отказать ему въ достаточной степени истины. Съ этой точки зрѣнія, но только съ *этой*,—

*) Существуютъ апологетическія «книги» и «книжки»; нѣкоторыя изъ послѣднихъ написаны довольно бойко; такова, напримѣръ, лежащая передъ нами: «L'art de gagner à la bourse sans risquer sa fortune».

Digitized by Google

исходя изъ признанія, что весь міръ охваченъ горячкой любостяжанія разнузданныхъ апетитовъ и эгоистическихъ интересовъ,—дѣйствительно, можно запастись нѣкоторымъ мужествомъ, чтобы хладнокровно наблюдать все происходящее у подножія алтаря современнаго Молоха. Съ этой точки зрѣнія, мы проникаемся фаталистическимъ спокойствіемъ при видѣ жертвъ спекуляціи. Насъ не трогаетъ преждевременная старость человѣка, являющагося каждый день, на одно и тоже мѣсто греческой залы, чтобы проклинать минуту, когда онъ впервые переступилъ ея порогъ. Онъ сгибается подъ тяжестью своего отчаянія, онъ блѣденъ, судорожная дрожь проникаетъ его тѣло, неподвижный взоръ устремленъ въ пространство. Что рисуется передъ этимъ взоромъ? Быть можетъ, разбитое счастье, бездна нищеты, готовая поглотить жену и дѣтей. Весьма вѣроятно, что его горе превышаетъ страданія преступника, осужденнаго на казнь; весьма вѣроятно, что муки Тантала и работа Сизифа не сравняются съ бѣдами его судьбы; но—пытаемся мы прибѣгнуть къ защитѣ холоднаго разума,—коль скоро жизнь есть война, убитые и раненые неизбѣжны.

Далеко не такъ убѣдительна оправдательная рѣчь, когда она старается снять со всего, что происходитъ въ храмѣ Плутона, характеръ нравственно-неблаговидной жестокой азартности. Напрасно намъ говорятъ, что биржевикъ—«мужественный боецъ, сражающійся добросовѣстно, грудь съ грудью, лицомъ къ лицу, приблизительно равнымъ оружіемъ» и пр. Думаемъ, что въ этомъ опредѣленіи существуетъ нѣкоторое уклоненіе отъ истины. Обыкновенные пріемы биржеваго дѣятеля нѣсколько иные. Тщетно мы искали бы великихъ образцовъ «добросовѣстности» и другихъ моральныхъ чертъ, изучая повседневный modus agendi денежнаго спекулянта. Биржевой дѣлецъ дѣйствительно энергиченъ. Съ утра онъ пробѣгаетъ десятокъ газетъ и обдумываетъ планъ предпріятій. Затѣмъ онъ одѣвается, выходитъ изъ дому, завтракаетъ, и къ одиннадцати часамъ является подъ портикомъ биржи. Тутъ-то начинаются его «дѣйствія», среди беззаботной, повидимому, болтовни и шутокъ. Играя на повышеніе, онъ говоритъ направо и налѣво: «Дѣла обстоятъ благополучно, политическій горизонтъ совершенно ясенъ, государственные финансы поправились и казна переполнена деньгами; невозможно придумать лучшаго времени для покупки». И надо отдать ему справедливость: его жесты, его голосъ, его физіономія не идутъ въ разрѣзъ съ словами, выражая самую неподдѣльную бодрость. Онъ дѣлится со всѣми и каждымъ своими соображеніями. Приходится не жа-

Digitized by Google

лѣтъ стараній: онъ покупщикъ и ему необходимо во что бы то ни стало, чтобы фонды поднимались. «Спѣшите—кричитъ онъ нерѣшительнымъ—вы упустите минуту»... Въ томъ же случаѣ, если онъ играетъ на пониженіе, его фигура представляетъ нѣчто совершенно противоположное. Движенія медленны, шляпа мрачно надвинута на глаза, руки угрюмо погружены въ карманы. Онъ пожимаетъ плечами, качаетъ головою, и разсуждаетъ самъ съ собой. Что съ вами?—«Бѣда, все идетъ вверхъ дномъ; пахнетъ войною, кругомъ застой...» Въ доказательствахъ не стѣсняются: самая наглая ложь, фальшивыя телеграммы, умышленный обронъ проэктовъ биржевыхъ предпріятій,—все это употребляется въ видахъ достиженія цѣли. Такимъ образомъ ведутся мины и контръ-мины; ближній уловляется ближнимъ; ловецъ находитъ свою жертву, потому что, при самомъ полномъ взаимномъ недовѣріи, люди все-таки, въ сущности, весьма легковѣрны. Само собою разумѣется, что «нравственность» здѣсь не причемъ. Но этого мало. Говоря о «добросовѣстности и равенствѣ оружія биржевыхъ борцовъ», необходимо принять во вниманіе состоящую всегда на лицо группировку дѣятелей спекуляціи. Существуютъ, какъ извѣстно, «цари биржи»—въ лицѣ перворазрядныхъ банкировъ, Ротшильдовъ и иныхъ подобныхъ «великихъ моголовъ»; затѣмъ идутъ «князья», олицетворяемые массой болѣе или менѣе крупныхъ банковъ; въ самомъ низу, наконецъ, толпится финансовая чернь,— вся разношерстная смѣсь, несущая съ собою свою лепту, въ которой кристаллизуются трудъ и сбереженія, потъ и кровь мелкаго, скромнаго люда. Такимъ образомъ, на одной сторонѣ группируются титаны, всегда имѣющіе десятки средствъ направлять по произволу денежный курсъ, на другой—толпится стадо напередъ обреченныхъ жертвъ. «Равенство оружія» между этими борцами—само собою—разрѣшается въ жосткое зрѣлище систематическаго поглощенія слабыхъ сильными. Это уже не борьба, а поголовное избіеніе, убійство «по командѣ», правильная дань богу Плутону, идущая на поживу его жрецамъ. Какъ крупная рыба всегда сыта, благодаря плавающей кругомъ мелюзгѣ, такъ точно и биржевые великаны имѣютъ въ своихъ мелкихъ собратьяхъ всегда готовый матеріалъ безпрепятственнаго утучненія. Напрасно, поэтому, прилагать моральный масштабъ къ явленіямъ, возникающимъ въ своей самостоятельной, отъ нравственности особленной, сферѣ.

Не менѣе неосновательно отдѣлять биржевую дѣятельность отъ того, что носитъ названіе «азартной игры». Напрасно доказывать, будто она

составляетъ арену продуманныхъ и строго разсчитанныхъ предпріятій. Сложность ея механизма предъявляла бы въ такомъ случаѣ чрезвычайныя, сверхъестественныя требованія отъ спекулянта. Человѣкъ, желающій выступить сознательнымъ и разсчетливымъ биржевымъ борцомъ, долженъ быть одновременно солиднымъ финансистомъ, прозорливымъ политикомъ и глубокимъ сердцевѣдомъ. Онъ долженъ знать характеръ своего народа и нравы страны, онъ долженъ понимать духъ правительства, пути его дѣйствій и предначертаній, онъ долженъ въ совершенствѣ владѣть собою, онъ долженъ, словомъ, обладать невѣроятной волей и универсальнымъ умомъ. Нужно-ли говорить, насколько дѣйствительность далека отъ подобнаго идеала, выходящаго изъ предѣловъ человѣческой возможности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на сценѣ дѣйствія царитъ не разумъ, а страсти, не преднамѣренность шаговъ, а самое безпомощное шатаніе ощупью. Каждый шагъ начинающаго биржеваго игрока производитъ на сторонняго зрителя впечатлѣніе пролога трагедіи съ неизбѣжнымъ печальнымъ развитіемъ и развязкой. Сперва тревога и сомнѣнія. Начинающій видитъ всѣ опасности предпринимаемой борьбы. Временами въ немъ шевелится сожалѣніе о сдѣланномъ шагѣ, но жадность дѣлаетъ свое дѣло: онъ собирается съ мужествомъ и шепчетъ на ухо своему агенту два слова. Съ этой минуты союзъ между нимъ и биржей заключенъ, и сатана уже держитъ въ когтяхъ его душу. «Продать»—«купить», эти два слова отнынѣ рѣшаютъ его судьбу; ошибочно думать, будто они являются строгими умозаключеніями изъ безконечнаго ряда провѣренныхъ (что и невозможно) посылокъ; здѣсь трепещущій разумъ отходитъ въ сторону и настоящимъ дѣятелемъ становится «рискъ». «Удача» вызываетъ въ «счастливомъ» спекулянтѣ безмѣрную радость: на весь міръ онъ смотритъ глазами Панглосса; возвращаясь домой, онъ спѣшитъ подѣлиться радостью со всѣми; ночью, золотые сны рисуютъ ему золотыя горы. Но «счастье» измѣнчиво: проигрышъ замѣняетъ тотчасъ же золотые сны жестокой дѣйствительностью. Мрачный, свирѣпый, входитъ бѣднякъ къ себѣ; попытки вывести его изъ молчаливости вызываютъ въ немъ раздраженіе. Все пропало. Тщетно онъ призываетъ сонъ заглушить его страданія. Если глаза его наконецъ смыкаются, то кошмаръ не отстаетъ отъ него и во снѣ. Онъ видитъ картину разрушенія, онъ ищетъ и не находитъ помощи, онъ проситъ, умоляетъ; его отталкиваютъ. Онъ плачетъ, рыдаетъ и просыпается въ холодномъ поту. Онъ радуется, что проснулся, потому что дѣйствительность все же еще не такъ ужасна. Можно остановиться на

Digitized by Google

первой потерѣ. Такъ утѣшаетъ онъ себя, не зная, что остановиться уже нельзя: начатое дѣло не выпускаетъ человѣка изъ рукъ и страсть толкаетъ его дальше, по пути служенія «слѣпому случаю».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что биржевая спекуляція заключаетъ въ себѣ всѣ признаки «игры», опредѣленіе которой довольно вѣрно намѣтилъ Dr. Decaisne въ одной изъ парижскихъ газетъ. «Игра—говоритъ онъ—это страсть, черствящая сердце и боготворящая случай; это борьба, гдѣ человѣкъ видитъ въ ближнемъ только добычу, которую необходимо поглотить, чтобы не быть самому поглощеннымъ ею; это моральная болѣзнь, наиболѣе заразительная и имѣющая источникомъ жажду денегъ, призрачныя надежды, закоренѣлое празднолюбіе и потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ». Заключая въ себѣ свойства, одинаковыя съ свойствами «игры» вообще, биржевая дѣятельность одинаково печально отражается на человѣкѣ. Въ биржевой залѣ мы видимъ въ сущности тѣ же фигуры, которыя группируются и у колеса рулетки, и вокругъ зеленаго карточнаго поля. Повсюду здѣсь передъ нашими глазами весьма опредѣленный типъ, нѣсколько варьирующійся въ массѣ индивидуальностей,—типъ «игрока», очерченный у помянутаго автора приблизительно слѣдующимъ образомъ:

«Стоикъ по виду, но всегда преисполненный иллюзій, истинный игрокъ, не смотря на волнующія его чувства, старается выносить съ невозмутимымъ видомъ шансы судьбы. Беззаботный и въ то же время пугающійся будущаго, неспособный къ сосредоточеннымъ размышленіямъ,—такъ какъ его преслѣдуетъ боязнь самого себя,—онъ избѣгаетъ уединенія, какъ злѣйшаго врага. Но развлеченія онъ ищетъ не среди обыкновенныхъ удовольствій. Эти послѣднія для него черезчуръ блѣдны и вялы; ему необходимы непрерывныя лихорадочныя ощущенія, которыя онъ можетъ испытывать лишь посреди грудъ золота, манящихъ его жадность. Здѣсь его счастье и идолъ, къ которому онъ ежедневно приходитъ съ новыми надеждами и съ новыми жертвами. Поучительно наблюдать такого маньяка у игорнаго стола: его лицо блѣдно, его пристальный взоръ горитъ нетерпѣніемъ, печальная суровость сковываетъ его черты; отрывочныя слова слетаютъ съ его молчаливыхъ устъ. Временами его глаза начинаютъ странно вращаться,—физіономія принимаетъ тогда ужасный характеръ; уныніе, ярость, подлая радость, смѣшанная съ безпокойствомъ, быстро смѣняются; не стыдясь выражать свои ощущенія, онъ старается замкнуться подъ маской хладнокровія. Въ теченіе полусутокъ онъ пріобрѣтаетъ и спу-

Digitized by Google

скаетъ суммы, достаточныя для обезпеченія десятковъ семействъ. Но страсть его не насыщается; напротивъ, она приходитъ все въ большее и большее возбужденіе. Измѣнчивость шансовъ, горячка, производимая этимъ въ его крови и мозгу, все болѣе и болѣе раскаляютъ страсть, которая убиваетъ въ немъ всѣ остальныя потребности. Въ эту минуту его сердце, умъ, чувство, все существо его охвачено игрою; землетрясеніе, молнія, упавшая къ ногамъ, не могли бы его отвлечь: онъ способенъ слышать только звонъ золота. Но жадность его не ведетъ къ скопленію: счастливые дары случая идутъ на жертву несчастію».

Таковъ типъ этихъ продуктовъ страсти, имѣющей за собою почти столь же долгую исторію, какъ и исторія самого человѣчества. Путешественники разсказываютъ о страсти къ игрѣ у дикарей. Проявленія той же страсти у классическихъ грековъ—извѣстны. Еще въ большей степени азартъ игры владѣлъ римлянами. Августъ былъ большимъ игрокомъ, Неронъ проигрывалъ сестерціи безъ счету, Клавдій игралъ и въ экипажѣ. У германцевъ нерѣдко ставилась на ставку даже личность игрока, его свобода. Гунны играли на самую жизнь. Въ позднѣйшее время, игорная страсть никогда не переставала свирѣпствовать на всемъ протяженіи Европы. Во Франціи, съ Карла VI, карты завладѣли всѣми классами общества. Вокругъ зеленаго стола стирались всѣ сословныя и нравственныя различія; гордый графъ и авантюристъ, знатная маркиза и куртизанка, честный человѣкъ и негодяй,—всѣ смѣшивались въ одну безобразную массу. Съ Людовика XIV начали учреждаться публичныя лотереи, которыя, съ своей стороны, открывали широкій просторъ игорной страсти. Находились весьма горячіе защитники подобныхъ лотерей и рулетокъ: эти учрежденія—говорили они—приносятъ государству финансовую пользу, оплачивая право своего существованія. Но—основательно возражали имъ—если государственная польза требуетъ денегъ во что бы и откуда бы то ни было, то почему же не наложить промысловую подать на женщинъ легкаго поведенія и не взять монополію притоновъ разврата?.. Въ настоящее время, страсть къ азартной игрѣ даетъ себя чувствовать какъ въ центрахъ, такъ и въ захолустьяхъ европейскихъ государствъ. Въ Парижѣ болѣе трехъ сотъ игорныхъ мѣстъ. Въ 1869 г. было исчислено, что общая сумма денегъ, проигрываемыхъ и выигрываемыхъ, простирается здѣсь до милліона франковъ въ день. Въ Cercle impérial выходило ежедневно болѣе 14,000 франковъ только на оплату стои-

Digitized by Google

мости картъ. Не ограничиваясь клубами, играютъ дома, въ ресторанахъ, въ общедоступныхъ будуарахъ, и т. д. Арки мостовъ d'Alma, des Arts и другихъ,—служатъ мѣстомъ свиданія для игроковъ, не имѣющихъ жилища... Мы не говоримъ объ указанныхъ выше биржевыхъ спекуляціяхъ, гдѣ уже игра и ея послѣдствія идутъ en grand.

Въ силу такой распространенности и живучести пагубной страсти къ игрѣ, должны-ли мы отнести ее къ свойствамъ, присущимъ человѣческой природѣ? Должны-ли мы видѣть въ ней нѣчто такое, безъ чего человѣческая жизнь перестаетъ быть настоящей жизнью? Безспорно, нѣтъ. Она коренится въ умственной и нравственной слабости, понынѣ владѣющей людьми. Въ основѣ ея лежатъ двѣ главныя черты: неумѣніе правильно считать жизненные барыши и ничѣмъ не уравновѣшенный эгоизмъ. Тяжелая борьба за существованіе, отчаянная защита своего «я», въ продолженіе тысячелѣтій, выработала въ людяхъ пріемы жизненныхъ приспособленій въ интересахъ собственной личности. Эгоистическія стремленія являются понынѣ господствующими. Но извѣстно, что человѣкъ, — существо общительное; «ближній» ему близокъ по природѣ; въ его душѣ живутъ природныя нити, связывающія его съ существами, ему подобными. «Симпатія» отражаетъ въ немъ чужія радости и страданія, «нѣжная эмоція» толкаетъ его на участіе къ чужой судьбѣ. Наряду съ мотивами, побуждающими человѣка быть эгоистомъ, въ немъ есть мотивы сдѣлаться другомъ ближнихъ. Эти послѣдніе мотивы отстали въ своемъ развитіи, но, существуя въ зародышѣ, они должны расти и возстановить нарушенную пока гармонію человѣческой души. Въ этой надеждѣ и вѣрѣ сходятся почти всѣ, размышлявшіе надъ судьбою человѣческаго рода. Затѣмъ, во-вторыхъ, какъ ни велика ловкость, пріобрѣтенная людьми въ достиженіи эгоистическихъ цѣлей, однако же весьма часто разсудокъ не въ силахъ направить ихъ на настоящую дорогу. Такова, между прочимъ, измѣна разсудка въ разсматриваемомъ явленіи—въ склонности къ азартной игрѣ. Само собою ясно, что игра привлекаетъ къ себѣ человѣка, какъ арена, на которой онъ можетъ проявить свою силу (въ преодолѣніи соперниковъ) и пріобрѣсти матеріальное благополучіе. Въ «самосущую цѣль» (игра для игры) она обращается лишь путемъ косвеннаго процесса; по существу же своему, она несомнѣнно есть только «средство» въ видахъ указанныхъ стремленій. Но тутъ-то именно и проявляется слабость разсудка, руководящаго человѣческими дѣйствіями; онъ впадаетъ въ аберрацію: желая идти направо, поворачиваетъ налѣво;

Digitized by Google

стремясь къ могуществу и благополучію, онъ уклоняется отъ сферы добросовѣстнаго труда, здоровой экономіи душевныхъ эмоцій и предусмотрительности, не желающей ничего предоставить случаю,—другими словами, ото всего, на чемъ именно и зиждется искомый предметъ. Позволительно думать, что и эта вторая основа игорной страсти—печальная аберрація разсудка—также уступитъ дѣйствію дальнѣйшаго развитія умственной природы людей. По крайней мѣрѣ, ростъ альтруистическихъ чувствъ и замѣна жизненныхъ блужданій руководствомъ яснаго сознанія—составляютъ двѣ главныя черты, полагаемыя лучшими представителями современной европейской науки въ основу ихъ философскаго credo.

К. Ярошъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Высочайшіе рескрипты. — Раскольничья реформа. — Брачный вопросъ. — Раскольничій семейный бытъ.—Улучшеніе положенія православной церкви и духовенства.

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное»!... Русская жизнь, дѣйствительно, нуждается въ настоящее время въ такихъ сѣмянахъ едва-ли не больше, чѣмъ въ какое-либо другое время.

«Развитіе и улучшеніе разнообразныхъ условій народной и государственной жизни Россіи вызываютъ необходимость соотвѣтственныхъ въ законодательствѣ нашемъ усовершенствованій»,—говорится въ высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя государственнаго совѣта, великаго князя Михаила Николаевича. Далѣе, въ томъ же рескриптѣ выражается надежда, что «постепенное, опытное, *свободно* и строго обдуманное обсужденіе такихъ усовершенствованій — поведетъ къ достиженію истинныхъ пользъ русскаго народа». Въ другомъ рескриптѣ, на имя министра иностранныхъ дѣлъ, читаемъ: «Мирное развитіе силъ Россіи, преуспѣяніе сыновъ ея на разнообразныхъ поприщахъ гражданской жизни, процвѣтаніе всякаго полезнаго труда составляютъ исключительно предметы государственныхъ попеченій Нашихъ и всегда будутъ служить предпочтительными побужденіями миролюбивой политики Нашей». Въ рескриптѣ же на имя министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго, такъ опредѣляются «истинно-государственныя цѣли» въ дѣлахъ внутренняго управленія: «призвавъ васъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, Я не сомнѣвался, что ваша обширная опытность, строгая правдивость и крайнее трудолюбіе превозмогутъ

Digitized by Google

многочисленныя и разнообразныя препятствія, затрудняющія достиженіе лежащихъ въ основѣ ввѣреннаго вамъ управленія истинно-государственныхъ цѣлей: порядка, спокойствія и безопасности, обезпечивающихъ мирное развитіе трудовой жизни всѣхъ Моихъ вѣрноподданныхъ». Наконецъ, въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія выражается надежда — «окончательно установить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основахъ не одного только расширенія научныхъ средствъ, но еще и яснаго пониманія достигаемыхъ этими средствами истинно-человѣческихъ цѣлей: правды, добра и любви къ ближнему».

Итакъ, разнообразныя условія народной и государственной нашей жизни подлежатъ «развитію и улучшенію», а законодательство — соотвѣтственному «усовершенствованію». Значитъ, не только можно, но и должно думать и говорить объ этомъ «развитіи», «улучшеніи» и «усовершенствованіи»; иначе, при всемъ желаніи верховной власти, невозможно будетъ достигнуть «истинныхъ пользъ русскаго народа». Съ другой стороны, всякій полезный трудъ долженъ быть огражденъ, — должно быть обезпечено «мирное развитіе трудовой жизни всѣхъ вѣрноподданныхъ» и «преуспѣяніе сыновъ Россіи на разнообразныхъ поприщахъ гражданской жизни». Гарантіею же, въ этомъ случаѣ, для каждаго и всѣхъ должна служить «*законность*» и «*строгая правдивость*» во всемъ, преслѣдованіе «истинно-государственныхъ», но ни въ какомъ случаѣ не личныхъ или партіонныхъ цѣлей. Наконецъ, въ виду того, что одною изъ главнѣйшихъ задачъ народнаго образованія считается обоснованіе школы на величайшемъ общечеловѣческомъ принципѣ «*правды, добра и любви къ ближнему*»,—этотъ же принципъ обязательно долженъ быть проводимъ во всѣ сферы практической жизни, во всѣ слои управленія.

Короче говоря, «сѣять разумное, доброе, вѣчное» не только можно, но и должно; все, что проникнуто «правдой, добромъ и любовью къ ближнему», не можетъ не имѣть права гражданства въ жизни. Но какъ отличить «сѣятелей» этого рода отъ другихъ?—Очень просто: кто стоитъ за законъ и на почвѣ закона,—тотъ имѣетъ право «сѣять». Если обстоятельства и условія вырываютъ изъ рукъ сѣмена «разумнаго, вѣчнаго и добраго» и насильственно вталкиваютъ въ руки кошницу съ плевелами,—нельзя не протестовать, нельзя не искать защиты. Но не объ этомъ рѣчь. Приведенныя нами мѣста изъ высочайшихъ рескриптовъ по поводу коронованія не даютъ никакого права думать, что въ русской жизни должна произойти задержка или остановка въ «развитіи» и «усовершенствованіи» гуманныхъ началъ, насажденныхъ Освободителемъ русскаго народа. Напро-

Digitized by Google

тивъ, всѣ выдающіеся дѣятели прошлаго царствованія отличены особыми монаршими милостями; какъ видно изъ высочайшихъ рескриптовъ, и въ законодательной государственной дѣятельности, и въ направленіи внутренней и внѣшней политики остаются тѣ же начала гуманности, та же заботливость о «пользахъ русскаго народа», которыя положены въ основу нашей государственности во-вѣки незабвеннымъ въ памяти русскаго народа Александромъ II-мъ.

На долю нынѣшняго царствованія выпало осуществленіе двухъ великихъ дѣлъ, намѣченныхъ въ прошломъ: учрежденіе крестьянскаго земельнаго кредита и дарованіе раскольникамъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ. Вопросъ о крестьянскомъ кредитѣ и о той формѣ, въ которую вылилось это въ высшей степени полезное въ государственной экономіи дѣло, имѣетъ въ настоящее время довольно обширную литературу, требующую спеціальнаго разсмотрѣнія, что и будетъ сдѣлано нами въ другой разъ. Въ данномъ же случаѣ мы остановимся, въ общихъ чертахъ, на раскольничьей реформѣ.

Болѣе 200 лѣтъ прошло уже, какъ народился русскій расколъ. Основная причина образованія раскола,—какъ это положительно разъяснено въ настоящее время исторіею, — невѣжество бывшаго въ то время православнаго духовенства и повальное безграмотство населенія. Дѣло началось съ чисто внѣшняго, грубо формальнаго пониманія религіи, т. е. иначе съ препирательствъ о «двуперстномъ знаменіи», «хожденіи по̀солонь» и т. п. Все это облекалось въ туманную, ничего въ сущности не выражающую, формулу—желаніе «спасти древлее благочестіе». И вотъ, изъ такой-то неопредѣленной формулы выродились, въ концѣ концовъ, такія раскольничьи секты, какъ духоборцы, молоканы, штундисты и нѣкоторыя другія, отличающіеся совершенно опредѣленнымъ и стойкимъ раціонализмомъ въ религіозномъ мышленіи. Это тѣмъ болѣе замѣчательно и поучительно, что, во все время существованія раскола, приверженцы его оставались внѣ правъ гражданскихъ и не могли даже отбывать религіозныхъ требъ, согласно раскольничьимъ вѣроученіямъ. Значитъ, репрессивныя мѣры, въ сущности дѣла, способствовали не уничтоженію, а распространенію и развитію раскола до степени раціонализма въ религіозномъ мышленіи. А, между тѣмъ, какъ ужасны были эти репрессивныя мѣры, особенно на первыхъ порахъ!..

Такъ, напримѣръ, въ послѣднюю четверть XVII вѣка явилось распоряженіе, узаконявшее пытки и «огненную смерть» для тѣхъ, которые «не принесутъ покоренія св. церкви». Православные, укрывавшіе у себя раскольниковъ и не доносившіе объ нихъ, осуждались «на смерть безъ всякаго милосердія». За-

Digitized by Google

тѣмъ начались противъ раскольниковъ «военныя экзекуціи», о которыхъ раскольничьи лѣтописи повѣствуютъ намъ, какъ о «лютомъ нападеніи», «суровомъ свирѣпствѣ», «звѣриной наглости». Подъ вліяніемъ экзекуцій, одни раскольники наводняли собою Польшу, Швецію, Турцію, Пруссію, Австрію, Кавказъ и отдаленнѣйшія мѣстности Сибири, другіе—живьемъ *сжигали* себя. Количество раскольниковъ, сжигавшихъ себя въ одномъ мѣстѣ, за одинъ разъ, доходило отъ 500 до 2,700 человѣкъ. Въ высшей степени характерно, напримѣръ, донесеніе іеромонаха Игнатія св. Дмитрію Ростовскому, что въ одномъ его приходѣ, въ 1709 году, «сожглося душъ обоего пола и всякаго возраста 1,920, кромѣ иныхъ окрестныхъ селъ и деревень, въ коихъ безчисленное множество народа пожглося», такъ что «наполняшеся воздухъ, отъ труповъ сгорающихъ, смрадной вони на многи дни».

Не прекращалось гоненіе на расколъ и во все послѣдующее время, то усиливаясь, то ослабѣвая и сохраняя, въ общемъ, весьма жосткую форму до послѣдняго времени. Со времени зарожденія раскола и до нашихъ дней, раскольники не переставали наполнять собою тюрьмы, казематы и болѣе или менѣе отдаленныя мѣста. Но какой результатъ?—Расколъ начался даже и *не* «горстью», а всего лишь нѣсколькими единицами невѣжественныхъ ревнителей «двуперстнаго знаменія», «хожденія посолонь» и т. д.; теперь же, по прошествіи двухъ вѣковъ, ихъ числится, по оффиціальному счету, около 16.000,000 человѣкъ, а по частному—до 20.000,000. Не беремся судить, которая изъ этихъ цифръ вѣрнѣе; но несомнѣнно, что въ настоящее время раскольники представляютъ собою цѣлый слой населенія, слой многомилліонный, составляющій, въ общей сложности, изрядный процентъ по отношенію къ общей массѣ государственнаго населенія.

Дарованіе такой массѣ населенія правъ гражданскихъ и по отбываніо духовныхъ требъ — дѣло огромной государственной важности. Не говоря ужь о прекрасномъ нравственномъ значеніи этой мѣры, вліяніе ея не менѣе важно и благодѣтельно въ экономической и общественной жизни государства. Какъ извѣстно, раскольники, говоря вообще, представляютъ собою наиболѣе трезвый, нравственный, трудолюбивый, дѣятельный и предпріимчивый слой населенія. Двѣ рядомъ стоящія деревни — раскольничья и православная (или даже двѣ половины въ одной и той же деревнѣ) отличаются другъ отъ друга, какъ небо и земля. Въ раскольничьей деревнѣ (или въ части деревни) опрятность, порядокъ, сравнительный достатокъ, если не зажиточность; постройки глядятъ прочно, даже щеголевато, отличаются уютностью, удобствомъ и приспособленностью въ гигіе-

Digitized by Google

ническомъ отношеніи; раскольничья телѣга и упряжь въ порядкѣ; скотъ выхоленъ и сытъ; земля взбита пухомъ и даетъ относительно хорошій урожай, когда на сосѣдней крестьянской землѣ хлѣбъ не родится; раскольничье населеніе рѣзко выдѣляется опрятностью одежды, здоровьемъ, статностью, красотою, развитостью и разсудительностью. Даже въ лучшей, наиболѣе зажиточной изъ православныхъ деревень вы не встрѣтите такой цѣльной и полной картины порядочности въ складѣ и строѣ сельской жизни, какая невольно бросается въ глаза и въ самомъ скромномъ раскольничьемъ притонѣ, въ какой-нибудь лѣсной глуши, т. е. при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, при полной зависимости отъ произвола мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, при неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Для мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей раскольники были неизсякаемыхъ источникомъ дохода, своего рода «естественнымъ богатствомъ», чѣмъ-то въ родѣ *залежи* земнаго сокровища. Раскольничьи уѣзды и приходы, какъ «въ доброе старое время», такъ и въ наши дни, считались самыми «доходными», независимо отъ численности приходовъ и уѣздовъ и отъ ихъ торгово-промышленныхъ оборотовъ. Какой-же огромный запасъ нравственной энергіи необходимо имѣть, чтобы существовать при такихъ условіяхъ, существовать притомъ же лучше другихъ, пользующихся всѣми гражданскими и общественными правами!.. Даже самая несимпатичная изъ раскольничьихъ сектъ—скопцы,—какъ секта противоестественная и вредная съ государственной точки зрѣнія, заброшенная судьбою на отдаленную окраину Россіи, въ Восточную Сибирь, принесла немалую пользу мѣстному населенію, доказавъ, вопреки существовавшему предразсудку, что даже и на границѣ съ тундрою могутъ процвѣтать хлѣбопашество, огородничество и пчеловодство, если приложить къ землѣ умѣнье, трудъ и заботливый уходъ, какъ это сдѣлали скопцы. Теперь духовная и свѣтская администрація Восточной Сибири лакомится арбузами и дынями, разводимыми скопцами въ «*суровой* Сибири», и похваливаетъ ихъ «трудолюбіе». Да, *трудолюбіе!* «*Дѣлай такъ*, чтобы трудъ доставлялъ тебѣ удовольствіе», «ищи наслажденія въ трудѣ»—одно изъ основныхъ раскольничьихъ ученій, общее всѣмъ безъ исключенія сектамъ. Вотъ поэтому-то и спорится въ рукахъ раскольника работа, на которую любо-дорого глядѣть даже со стороны. Раскольникъ «живетъ на работѣ»—по собственному его выраженію. Работая методично, не торопясь, онъ весь уходитъ въ работу,—не манкируетъ, не лежебочничаетъ, всей душой сосредоточивается на ней, изучаетъ ее до мельчайшихъ подробностей и, такимъ образомъ, совершенствуется въ работѣ. Вотъ въ чемъ секретъ успѣха и хорошихъ результа-

Digitized by Google

товъ всякой раскольничьей работы, вотъ почему раскольникъ—желанный рабочій для всякаго хозяина, и цѣна на раскольниковъ всегда высоко стоитъ на русскомъ рабочемъ рынкѣ. Но раскольникъ—врагъ рабскаго, подневольнаго житья и обзаводится самостоятельнымъ дѣломъ, въ которомъ всегда имѣетъ успѣхъ. Этотъ успѣхъ—право честнаго труда и любви къ труду. Въ той сосредоточенности, съ которою относятся раскольники ко всякому дѣлу, коренится и причина поразительнаго успѣха въ развитіи раскольничьихъ вѣроученій.

И вотъ такой-то мощный, производительный слой населенія, въ теченіе вѣковъ, находился въ самыхъ ненормальныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ относительно производительности и промышленности, не говоря ужь о религіозной сторонѣ дѣла. Не смотря на многомилліонную численность раскольниковъ, они представляли собою нѣчто въ родѣ государственной контрабанды. Ни получать паспорты на отлучки внутри имперіи, ни заниматься торговлею и промыслами, а тѣмъ болѣе исполнять какія-либо общественныя обязанности—раскольникамъ не дозволялось. А если и были исключенія относительно паспортовъ, торговли и промысловъ, то это имѣло характеръ «попущенія»,—и въ то время, какъ одна рука творила это «попущеніе», другая грозила *запрещеніемъ*. Право свободнаго передвиженія—простѣйшее и естественнѣйшее изъ природныхъ человѣческихъ правъ. Отнынѣ всѣ раскольничьи секты, кромѣ скопцовъ, имѣютъ право получать паспорты на отлучки внутри имперіи, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Не менѣе важно также и разрѣшеніе «всѣмъ вообще раскольникамъ производить торговлю и промыслы». При сравнительной честности, добросовѣстности и предпріимчивости раскольниковъ, равноправность ихъ въ торгово-промышленномъ дѣлѣ должна принести добрые результаты и не замедлитъ благотворно отразиться на нашей сельской производительности и промышленности. Первое, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи, это—подъема и развитія сельскихъ рынковъ и обузданія сельской міроѣдски-кулацкой тли. До сихъ поръ, раскольники, какъ безправные и безгласные люди, ничѣмъ не могли проявить себя въ смыслѣ обузданія; они ограничивались молчаливымъ протестомъ противъ порядковъ сельской жизни, который выражался во всемъ складѣ и бытѣ раскольничьей жизни, какъ семейной, такъ и общинной. Теперь же, ставъ въ положеніе равноправныхъ, они обязательно должны проявить себя, какъ здоровую сельскую силу, сравнительно развитую, справедливую, трудящуюся и наиболѣе опрятную (за исключеніемъ, конечно, хлыстовъ) въ нравственномъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія, въ высшей степени важно предоставленіе раскольникамъ права занимать общественныя должности. Сель-

Digitized by Google

ское и волостное управленіе слишкомъ запружено въ послѣднее время кабацкимъ и ростовщическимъ элементомъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, чрезвычайно характерно проявилось стремленіе крестьянъ выбирать сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ изъ раскольниковъ, не смотря даже на то, что эти выборы отвергались всегда, какъ незаконные. При счастливыхъ обстоятельствахъ, если не будетъ искусственныхъ преградъ, раскольники, безъ сомнѣнія, не замедлятъ выдвинуться въ мѣстномъ общественномъ управленіи, и это можетъ принести огромную пользу, въ видахъ наисправедливѣйшаго удовлетворенія мѣстныхъ пользъ и нуждъ и обузданія хищнической разнузданности.

Словомъ, раскольники представляютъ, въ общемъ, огромную экономическую и нравственную государственную силу; возможно полная утилизація этой силы, — утилизація во всей широтѣ тѣхъ рамокъ, которыя установлены высочайшимъ повелѣніемъ «о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ»,—обѣщаетъ много добра и пользы въ интересахъ государства. Предоставленіе раскольникамъ права «творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно и въ предназначенныхъ для сего зданіяхъ»—мѣра величайшей и гуманнѣйшей вѣротерпимости. Та вѣротерпимость, которая разрѣшаетъ каждому оставаться въ той вѣрѣ, въ какой онъ родился, есть только вѣротерпимость на половину. Но признаніе за многомилліоннымъ раскольничьимъ населеніемъ права свободы совѣсти и вѣроученія—великій государственный актъ безусловной вѣротерпимости въ полномъ смыслѣ слова. Не смотря на частный характеръ этой мѣры, нравственное значеніе ея такъ велико, что она не замедлитъ отразиться оздоровляющимъ образомъ въ болѣе широкомъ нравственномъ смыслѣ.

Между раскольниками весьма сильно развита самопомощь и благотворительность. Раскольничья благотворительность чужда кастоваго духа; отъ этой благотворительности немалая доля перепадаетъ и на пользу православныхъ. Есть города (напримѣръ, по Волгѣ), гдѣ отъ щедротъ раскольниковъ содержится добрая часть благотворительныхъ заведеній общественнаго призрѣнія. Наконецъ, было немало попытокъ со стороны раскольниковъ учреждать общеобразовательныя заведенія. Школы, устроенныя на средства раскольниковъ, были лучшими начальными школами, какъ по капитальности постройки и приспособленности школьныхъ зданій, такъ и по богатству учебныхъ пособій. Но, къ сожалѣнію, этимъ школамъ, устроеннымъ безразлично, какъ для раскольничьихъ, такъ и для православныхъ дѣтей, не да-

Digitized by Google

вали возможности существовать. Матеріальная помощь раскольниковъ, какъ наиболѣе состоятельнаго слоя русскаго населенія, въ дѣлѣ образованія въ высшей степени желательна. Эта помощь едва ли заставитъ себя ждать, если не встрѣтится какихъ-либо непредвидѣнныхъ препятствій. По словамъ одной петербургской газеты, возбуждавшійся неоднократно уже вопросъ о предоставленіи раскольникамъ права учреждать для ихъ дѣтей особыя школы, въ виду дарованія имъ новыхъ правъ, вновь поднимается петербургскими старообрядцами, которые намѣрены ходатайствовать о дозволеніи устроить имъ школу, приспособленную къ потребностямъ торговаго сословія. Въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства, нѣкоторые изъ представителей старообрядчества изъявили готовность образовать капиталъ, необходимый для обезпеченія существованія школы. Въ виду направленія и духа раскольничьей реформы, трудно допустить, что это ходатайство можетъ быть отвергнуто. Еслибы даже раскольники, почему-бы то ни было, пожелали учить своихъ дѣтей въ особыхъ раскольничьихъ школахъ,—трудно подобрать мотивы, почему бы имъ нельзя было дозволить этого. Распечатывая раскольничьи молельни и допуская возможность устройства новыхъ молитвенныхъ зданій, было бы непослѣдовательно ставить запретъ раскольничьимъ школамъ.

Весьма немного наберется въ послѣднее время такихъ мѣръ, по поводу которыхъ печать высказалась бы съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ, какъ по поводу раскольничьей реформы. «Была пора, когда стѣсненіями и ограниченіями полагалось возможнымъ образумить заблудшихъ и вернуть ихъ въ лоно православія; на дѣлѣ, однако, достигался результатъ противоположный: раскольники только болѣе ожесточались противъ церкви, приписывая ей принудительныя мѣры, которыя принимала государственная власть, охраняя церковь... Съ отмѣной полицейскихъ стѣсненій, духъ раздраженія долженъ мало-по-малу ослабѣвать; уши и сердца упорствующихъ въ отчужденіи должны стать болѣе доступными къ духовнымъ увѣщаніямъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего принудительнаго». Это говорятъ «Моск. Вѣдомости». Во истину такъ: «духъ раздраженія» не только ослабѣетъ, но и совершенно уничтожится. Это совершится тѣмъ скорѣе и полнѣе, чѣмъ съ большею цѣлостностью и непосредственностью будетъ проведено въ жизнь высочайшее повелѣніе. И такъ во всемъ. Отмѣна «полицейскихъ стѣсненій»—это первое и главнѣйшее, что необходимо для жизни; все же остальное приходитъ само собою, безъ всякихъ предварительныхъ загадокъ и предвзятыхъ направленій и теорій, безъ навязыванія жизни какихъ бы то ни было шаблоновъ. Намъ помнится,—и это было сравнительно очень недавно,—что «Московскія Вѣдо-

Digitized by Google

мости» весьма рѣзко и даже подозрительно относились къ тѣмъ, которые ратовали за предоставленіе раскольникамъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ, усматривая въ этомъ не только анти-религіозныя, но даже и анти-государственныя поползновенія. Тѣмъ пріятнѣе видѣть на страницахъ «Вѣдомостей» такой рѣшительный отказъ отъ «полицейскихъ стѣсненій» во имя *ослабленія* «духа раздраженія». Еще больше чести было бы «Московскимъ Вѣдомостямъ», еслибы, послѣ многолѣтняго исповѣданія ими теоріи жесточайшихъ «полицейскихъ стѣсненій», онѣ поняли, наконецъ, что «отмѣна стѣсненій» — одно изъ самыхъ вѣрныхъ и рѣшительныхъ средствъ для парализированія всяческихъ «раздраженій и отчужденій», во всемъ безъ исключенія. «Стѣсненія» вгоняютъ внутрь «отчужденія и раздраженія», осложняютъ ихъ, плодятъ ихъ подобно тому, какъ репрессивныя мѣры плодили до сихъ поръ расколъ. Съ отмѣною же репрессалій, само собою уничтожается всякое «отчужденіе», открывается просторъ мирному согласованію противорѣчій и розни во взглядахъ,—и «духъ раздраженія» умираетъ естественною своею смертью, потому что нѣтъ пищи для него, потому что переработана и культивирована въ сторону добра и пользы та почва, которая плодила «раздраженіе».

Великимъ государственнымъ актомъ, даровавшимъ раскольникамъ права гражданскія и по отбыванію духовныхъ требъ, узаконяется, вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданскій бракъ въ отношеніи многомилліоннаго раскольничьяго населенія, гдѣ, послѣ вѣковой почти переработки, бракъ окончательно сдѣлался гражданскимъ актомъ, такъ что вошло даже въ обычай составлять особыя свадебные контракты, подписанные женихомъ и невѣстою. Прошло болѣе 20-ти лѣтъ уже, какъ брачный вопросъ въ Россіи ждетъ и не можетъ дождаться своего разрѣшенія въ томъ смыслѣ, чтобы дѣла о расторженіи браковъ вѣдались властью гражданскою, а не духовною. Какое-то упорное недоразумѣніе мѣшаетъ разрѣшенію этого вопроса, пріобрѣтающаго съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе острую форму. Въ послѣднее время, примѣшиваются даже обвиненія въ «разгромѣ семьи и въ соціальной революціи» тѣхъ, кто подаетъ свой голосъ за разрѣшеніе брачнаго вопроса. А между тѣмъ русская семейная жизнь болѣе и болѣе переполняется скандаломъ и самымъ глубокимъ, потрясающимъ трагизмомъ. Мужья колотятъ, калѣчатъ и убиваютъ женъ; жены отравляютъ и удушаютъ мужей; родители истязаютъ или даже прямо убиваютъ своихъ дѣтей. Русская судебная хроника очень обильна процессами этого рода. Въ виду этихъ фактовъ, запугиваніе «разгромомъ семьи и соціальною революціею» представляется не только неблагоразумнымъ, но и въ высшей степени недобросовѣстнымъ, по своей явной т е н д е н ц і о з н о с т и. Рос-

Digitized by Google

сія отстала отъ Европы съ реформированіемъ брачнаго дѣла ровно на три вѣка. Кто же будетъ настолько дерзокъ по отношенію къ исторіи, что возьметъ на себя смѣлость утверждать, вопреки живымъ и очевиднымъ для всѣхъ фактамъ, будто бы брачная реформа произвела въ Европѣ «разгромъ семьи», будто бы семейственность въ Европѣ менѣе чиста и прочна, чѣмъ въ Россіи!?... Первою ввела у себя реформу брачнаго дѣла (гражданскій бракъ) Голландія, въ XVI-мъ вѣкѣ; ея примѣру послѣдовала Англія. А кто же не знаетъ, какъ прочна семья и чисты семейные нравы у голландцевъ и англичанъ? Если прослѣдить исторію брачной реформы въ Европѣ,— оказывается, что чѣмъ раньше и полнѣе введенъ гражданскій бракъ въ той или другой странѣ, тѣмъ чище семейные нравы, тѣмъ меньше проституціи, тѣмъ здоровѣе и нравственнѣе нація.

Къ сожалѣнію, объемъ статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ подробности исторіи брачной реформы въ Европѣ, и мы остановимся на раскольничьей семьѣ. Раскольничья семья крѣпка; семейный союзъ раскольниковъ полонъ любви, мира, нравственнаго согласія и глубокой солидарности между собою членовъ семьи. Скандалъ, грубыя ссоры и драки не разлагаютъ раскольничьей семьи; истязанія и убійства изъ-за ревности и невѣрности совершенно чужды ей. Раскольничья женщина не забита, не запугана,—она отличается наилучшимъ здоровьемъ и красотою, и пользуется наибольшею долговѣчностью среди остальныхъ русскихъ женщинъ. Она не раба, а другъ мужа, равноправный членъ семьи. Льготныя условія брака не закрѣпощаютъ взаимно мужа и жену, — не толкаютъ ихъ въ развратъ, не насилуютъ ихъ чувства и совѣсти, не доводятъ до убійствъ и самоубійствъ. Такъ какъ мужчины и женщины вступаютъ въ брачный союзъ по взаимной любви и согласію, безъ какого бы то ни было принужденія и даже внѣ какихъ бы то ни было корыстныхъ разсчетовъ (любовь считается непремѣннымъ условіемъ брака и корыстныя цѣли глубоко презираются и строго осуждаются), то семейный разрывъ—явленіе въ высшей степени рѣдкое среди раскольниковъ. А если онъ и случается, въ видѣ исключеній, то происходитъ мирно, полюбовно, съ сохраненіемъ полнаго взаимнаго уваженія.

Раскольникъ живетъ полною жизнью. Трудъ захватываетъ его всего и наполняетъ всю его жизнь, не оставляя даже и уголка для праздности. Онъ отдыхаетъ не иначе, какъ переходя отъ труда физическаго къ труду умственному, — къ чтенію и религіозному умосозерцанію. Семья раскольника, основанная на взаимной любви и нравственной солидарности—завѣтный уголокъ, лучшая часть его жизни, съ которою онъ охотно дѣлится и сбереженіями, и досугомъ, гдѣ онъ отдыхаетъ отъ трудовъ и набирается новой энергіи и силы для безустанной тру-

Digitized by Google

довой дѣятельности. Прямое слѣдствіе такого семейнаго строя—полная невозможность среди раскольниковъ разврата, продажной любви, омерзительной торговли человѣческимъ тѣломъ. ПерероЙте всѣ статистики, и вы не найдете ни одной проституткн изъ раскольницъ, не найдете ни одного подкидыша изъ раскольничьихъ дѣтей. Едва ли въ другой какой-либо средѣ дѣти имѣютъ такой нѣжный, заботливый уходъ, какъ у раскольниковъ. Какъ извѣстно, наименьшій процентъ дѣтской смертности—именно въ раскольничьемъ слоѣ. Даже повальныя болѣзни, какъ дифтеритъ, скарлатина и другія, не дѣлающія, какъ извѣстно, большаго различія между чертогами магнатовъ и хижинами бѣдняковъ, — и тѣ, говоря вообще, минуютъ раскольничьи семьи. Заботливый, нѣжный, любовный материнскій уходъ за дѣтьми застраховываетъ ихъ отъ заразы. Богатъ-ли, бѣденъ-ли раскольникъ,—онъ не тяготится дѣтьми. Ни искусственные выкидыши, ни обращеніе къ медицинскимъ средствамъ противъ беременности и рожденія—совершено неизвѣстны среди раскольниковъ. «Дѣти — плодъ любви, даръ Божій», — говорятъ раскольники. Они, дѣйствительно, относятся къ дѣтямъ, какъ къ «плодамъ любви и дару». Раскольничьи семьи и общины вкладываютъ, можно сказать, душу свою въ наростающія поколѣнія, и въ этомъ, между прочимъ, тайна того, почему такъ прочно и плодотворно двухвѣковое прошлое раскольниковъ. Не гроза и кара, а любовь воспитываетъ раскольничьихъ дѣтей, и согласіе между отцами и дѣтьми полное: дѣти понимаютъ родителей, родители — дѣтей. Родители смотрятъ на дѣтей, какъ на «даръ Божій»; дѣти гордятся и считаютъ «особой милостью и благословеніемъ Бога», если имъ удается «призрѣть и успокоить старость родителей». Въ отплату за заботливость, нѣжное и любовное отношеніе къ дѣтямъ, какъ со стороны раскольничьей семьи, такъ и общины, старость пользуется почетомъ и уваженіемъ у наростающихъ поколѣній. Это—хорошая, бодрая старость, съ яснымъ, неугасающимъ умомъ, какъ результатъ здоровой, нормальной, строгой жизни. Дѣти, поднимающія руку на родителей, отказывающія престарѣлымъ родителямъ въ пріютѣ и насущномъ кускѣ хлѣба—явленіе невозможное среди раскольниковъ. Невозможно, наконецъ, чтобы какая-либо раскольничья община допустила бездѣтныхъ престарѣлыхъ людей пойти по міру. Нищенство совершенно чуждо раскольникамъ.

Какъ ни обширна литература по раскольничьему вопросу, но бытъ раскольниковъ, складъ ихъ общинной жизни требуютъ еще тщательнаго изученія. Тѣмъ не менѣе, и въ томъ, что̀ изучено уже, можно найти самыя рѣшительныя доказательства, безусловно отвергающія тотъ односторонній и ложный взглядъ на расколъ, что, будто бы, въ основаніи ухода населенія въ расколъ

Digitized by Google

лежитъ только одна религіозная сторона дѣла. Безъ сомнѣнія, религіозныя ученія играютъ, въ этомъ отношеніи, наиболѣе видную роль; но не подлежитъ сомнѣнію также, что на развитіе и распространеніе раскола имѣютъ вліяніе и другія стороны жизни, въ числѣ которыхъ недостатки семейнаго быта играютъ чрезвычайно важную роль. Семья безспорно служитъ одною изъ главныхъ основъ государственности, общественной и личной производительности. Раскольничья семья—одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ этого. Расколъ крѣпокъ и силенъ, прежде всего складомъ и бытомъ семьи, откуда получаетъ свои устойчивые задатки и раскольничья община. Тѣ, что противятся разрѣшенію брачнаго вопроса и печатно выступаютъ съ недостойными обвиненіями противъ лицъ, ратующихъ за наисправедливѣйшее разрѣшеніе этого вопроса,—должны бы, по крайней мѣрѣ, поберечься, если не стыдиться, въ виду тѣхъ примѣровъ и фактовъ, которые даетъ намъ расколъ.

Даруя права раскольникамъ, необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, позаботиться и объ улучшеніи положенія господствующей церкви въ государствѣ. Намъ неоднократно уже приходилось касаться этого вопроса, и, въ данномъ случаѣ, не вдаваясь въ подробности, мы только намѣтимъ тѣ мѣры, которыя необходимы для того, чтобы улучшить положеніе господствующей церкви и увеличить вліяніе ея, въ религіозно-нравственномъ смыслѣ, на массу населенія. Прежде всего, необходимо поднять духовное образованіе, среднее и высшее. Для этой цѣли нужно, во-первыхъ, уничтоживъ кастовый характеръ духовнаго образованія, поставить спеціальное среднее духовное образованіе такъ, чтобы оно слѣдовало за общимъ; во-вторыхъ, учредить при университетахъ богословскіе факультеты, вмѣсто духовныхъ академій; въ третьихъ, допустить къ прохожденію какъ средняго, такъ и высшаго духовнаго образованія всѣхъ желающихъ, т. е. какъ дѣтей лицъ духовнаго званія, такъ равно и всѣхъ другихъ сословій.

Одновременно съ поднятіемъ духовнаго образованія, необходимо улучшить и бытъ духовенства въ матеріальномъ отношеніи. Всѣ священники и церковно-служители, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, должны быть переведены на жалованье, такъ чтобы за совершеніе обязательныхъ для прихожанъ таинствъ и требъ не взималось духовенствомъ никакой платы. Духовенство должно быть обезпечено настолько, чтобы могло посвятить все свое время заботамъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи паствы. Когда будетъ поднятъ образовательный уровень духовенства, когда духовенство перестанетъ находиться въ унизительной зависимости отъ паствы въ матеріальномъ отношеніи и будетъ имѣть возможность посвящать все время пастыр-

Digitized by Google

скому служенію, а не заботамъ о кускѣ насущнаго хлѣба для себя и семьи,—естественно поднимется авторитетъ и вліяніе духовенства въ глазахъ населенія. Но ограничиться только этимъ въ измѣненіи положенія духовенства невозможно, такъ какъ это значило бы остановиться на полумѣрѣ. Одинъ изъ самыхъ капитальнѣйшихъ недостатковъ въ положеніи православнаго духовенства—низведеніе высокаго пастырскаго служенія на степень чиновничьей службы, а самихъ пастырей—до положенія чиновниковъ. Канцелярія орудуетъ дѣлами церкви,—притомъ такая закоснѣлая и затхлая канцелярія, какъ консисторія. Пастырская дѣятельность регулируется указами, циркулярами, предписаніями и отношеніями. Все основано на отпискахъ; все на бумагѣ. Какъ-бы ни улучшался бытъ духовенства, но пока надъ православною церковью будетъ тяготѣть чиновно-канцелярскій формализмъ,—она будетъ безсильна въ борьбѣ съ расколомъ. Формализмъ-же этотъ такъ всеобъемлющъ и жестокъ, что наложилъ свою руку даже и на живое слово церковной проповѣди—этотъ могущественный рычагъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія массы населенія. Говоря вообще, церковная проповѣдь не только подчинена извѣстнаго рода шаблонамъ, но въ немалой мѣрѣ зависитъ также отъ указовъ, инструкцій и предписаній. Между тѣмъ, первое условіе авторитета и вліянія церковной проповѣди состоитъ въ томъ, чтобы пастырское слово было свободно въ предѣлахъ свободы человѣческой совѣсти. Худа-ли, хороша-ли раскольничья проповѣдь, но она свободна,—и въ этомъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ поразительнаго ея успѣха въ массѣ населенія. Вотъ почему, одновременно съ поднятіемъ образовательнаго уровня духовенства и улучшенія матеріальнаго его положенія, необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавить церковь отъ тяготѣющаго надъ ней чиновно-канцелярскаго формализма и сдѣлать церковную проповѣдь настолько свободною, насколько требуетъ этого человѣческая совѣсть. Тогда церковь явится главною насадительницею христіанскихъ началъ въ жизни. Предъ величіемъ авторитета православной церкви преклонится расколъ,—и будетъ, какъ была прежде, единая православная церковь, безъ всякаго отщепенства. Наконецъ, въ интересахъ наибольшей нравственной солидарности между церковными пастырями и паствою, необходимо желать, чтобы прихожанамъ былъ предоставленъ голосъ въ выборѣ духовенства. Если считается неудобнымъ держать на службѣ чиновника, потерявшаго нравственный кредитъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, то какимъ образомъ можетъ быть допущено, чтобы мѣста церковныхъ пастырей занимались людьми, утратившими уваженіе въ глазахъ пасомыхъ?.. Между тѣмъ, теперь эти факты встрѣчаются сплошь и рядомъ. Съ одной стороны, епархіальныя власти не церемо-

Digitized by Google

нятся съ перемѣщеніями изъ прихода въ приходъ священниковъ, любимыхъ и уважаемыхъ прихожанами,—съ перемѣщеніями, притомъ, вопреки просьбамъ и заявленіямъ прихожанъ оставить священниковъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ. Съ другой стороны, прихожанамъ, вообще говоря, нелегко бываетъ упросить епархіальное начальство устранить священника, заявившаго себя рядомъ фактовъ, роняющихъ пастырское достоинство.

Намѣчая эти мѣры къ улучшенію положенія господствующей церкви въ государствѣ и поднятію нравственнаго авторитета духовенства, считаемъ необходимымъ оговориться, въ виду чего именно мы признаемъ безотлагательнымъ примѣненіе этихъ мѣръ. Прошло болѣе пятидесяти лѣтъ уже, какъ въ расколѣ произошелъ довольно крутой поворотъ въ сторону раціонализма въ религіозномъ мышленіи. Въ послѣднія 10 лѣтъ этотъ поворотъ сдѣлалъ поразительные успѣхи, и, вслѣдъ за штундистами, возникъ цѣлый рядъ раціоналистическихъ сектъ. Какъ прямое слѣдствіе раціоналистическаго движенія въ расколѣ—образовалась масса новыхъ сектъ между старообрядцами въ самое позднѣйшее время. Наконецъ единовѣрчество, которое упрочилось было настолько, что образовались правильные приходы, въ послѣдніе годы такъ пошатнулось подъ вліяніемъ раціоналистическаго движенія, что пришлось «закрыть нѣкоторые единовѣрческіе приходы за отсутствіемъ прихожанъ». Въ виду такого рода фактовъ, необходима особенная заботливость и вниманіе, чтобы какъ можно тщательнѣе устранить изъ православной церкви и быта духовенства все то, что умаляетъ религіозно-нравственное воздѣйствіе на массу населенія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Европа въ Москвѣ на коронаціи.—Общія ожиданія.—Впечатлѣнія, вынесенныя англичанами, французами и нѣмцами.

Коронаціонныя празднества въ Москвѣ были, положительно, празднествомъ и для всей Европы, составляли главный, всепоглощающій интересъ дня. На весь конецъ мая мѣсяца и почти половину іюня (по новому стилю) Москва сдѣлалась какъ-бы средоточіемъ европейской жизни. За торжественными событіями, совершавшимися въ Москвѣ, слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ, полнымъ то искренняго, то напуснаго сочувствія къ русскому народу и государю, словно ожидая отъ этихъ событій великихъ милостей и благополучія не только для Россіи,

Digitized by Google

но и для всей остальной Европы, словно съ вѣнчаніемъ на царство русскаго царя, вѣнчался на новую жизнь среди европейской семьи и весь русскій народъ. За границей всѣ мѣстныя злобы дня на цѣлыя три недѣли какъ бы утратили всякій интересъ; въ иностранныхъ газетахъ только и было рѣчи, что о московскихъ торжествахъ; въ нихъ ежедневно печатались самыя подробныя,—даже подробнѣе, чѣмъ въ нашихъ,—самыя обстоятельныя извѣстія о ходѣ праздничныхъ событій, печатались телеграммы въ нѣсколько столбцовъ, въ сотни и тысячи словъ. Ничего подобнаго прежде не бывало. Уже одинъ съѣздъ газетныхъ корреспондентовъ, не говоря о присутствіи многочисленныхъ представителей отъ иностранныхъ государствъ, показываетъ, какое великое значеніе придавали за границей акту коронованія императора Александра III. Влекло ихъ не одно любопытство взглянуть на невиданныя и рѣдкія зрѣлища; нѣтъ, ими руководили другія, болѣе серьезныя цѣли: желаніе ближе ознакомиться съ русской землей, собственными глазами провѣрить искренность отношеній между царемъ и народомъ, угадать виды на будущее. Положительно нѣтъ ни одного государства въ Европѣ, которое не выслало бы въ Москву одного или нѣсколькихъ корреспондентовъ. Изъ Англіи явились представители отъ газетъ: Times, Daily News, Daily Telegraph, Morning Post, Standard, Illustrated London News; изъ Франціи и Бельгіи представители газетъ: l'Indépendance Belge, Temps, République Française, Journal des Débats, Voltaire, Clairon, Evénement, Moniteur Universel, Monde Illustré, Constitutionnel, Le Jour, Gaulois, Paris, la Nouvelle Revue, le Soir, Don Fabrice, Nouvelliste de Lion, Nouvelliste de Bordeaux, Panteon de Normandie, Figaro, Gazette de la France, Illustration, Drapeau; изъ Германіи представители газетъ: Koëlnische Zeitung, National Zeitung, Vossische Zeitung, Norddeutsche Allgemeine Zeitung, Post, Provinzial Correspondenz, Kreuzzeitung, Бреславльская газета, Познанская газета; отъ Австро-Венгріи представители газетъ: Politische Correspondenz, Presse, Neue freie Presse, Politik, Tagblatt, Pester Lloyd, Oriental и т. д. Словомъ, почти до сотни западно-европейскихъ (считая и Сѣв. Америку) органовъ печати имѣли своихъ корреспондентовъ въ Москвѣ. Конечно, русской публикѣ будетъ не безъинтересно ознакомиться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое вынесла Европа изъ своего трехнедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ, съ тѣми заключеніями, къ которымъ она пришла на основаніи всего видѣннаго и слышаннаго, и съ тѣми упованіями, какія она возлагаетъ на Россію.

Мы никогда не видѣли такого теплаго и сочувственнаго отношенія,

Digitized by Google

какое выказала къ намъ европейская печать за время коронаціонныхъ празднествъ. Всѣ старые счеты, обычныя опасенія и недовѣріе—временно были забыты; всѣми руководило одно общее чувство: желаніе счастія русскому народу и русскому государю. Съ того самого момента, какъ начался съѣздъ иностранныхъ гостей въ Россію, тонъ заграничныхъ газетъ видимо измѣнился, принявъ какой-то напряженно-восторженный характеръ. Разумѣется, и прежде всего, импонировала торжественность грядущаго событія въ центрѣ обширной русской земли, этого неимовѣрнаго государства, которое, по извѣстному выраженію прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV, даже не можетъ быть названо государствомъ, а цѣлою частью свѣта; импонировала перспектива увидать русскаго самодержца среди представителей отъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ подданныхъ, отъ польскихъ окраинъ и до береговъ Тихаго океана, отъ Ледовитаго моря и до далекихъ туркменскихъ степей. Эта восторженность какъ-бы усугублялась ожиданіями дальнѣйшихъ счастливыхъ послѣдствій высоко-символическаго акта, которымъ должно было освятиться единеніе царя съ народомъ. Не ради однихъ торжествъ и народныхъ увеселеній стеклись члены царствующихъ домовъ, сановники и иные представители отъ всѣхъ государствъ Европы въ Москву, «въ этотъ неизмѣримый городъ, имѣющій больше 5 миль въ окружности, а безчисленные церкви и монастыри котораго, съ ихъ, странными по виду, золотыми, синими, зелеными куполами и башнями, словно перенесятъ европейца въ самую глубь Азіи». Нѣтъ, ими руководила и мысль, что съ помазаніемъ на царство русскаго императора, Россія окончательно вступитъ въ европейскую семью, сбросивъ съ себя послѣднія азіятскія пеленки. Долгое и славное царствованіе покойнаго императора Александра II, ознаменовавшееся освобожденіемъ крестьянъ и рядомъ другихъ благихъ преобразованій, не могло не привести къ убѣжденію, что однѣ разрозненныя реформы, какъ бы велики онѣ ни были, не въ силахъ дать желанныхъ результатовъ, если въ основу ихъ не положена одна общая система. Такъ говорятъ европейцы, которые стремились въ Москву, полные ожиданій.

Съ другой стороны, напряженность восторженнаго состоянія, которымъ дышатъ отзывы иностранцевъ, обострялась еще опасеніями, которыя невольно должны были сложиться въ виду печальныхъ событій, омрачившихъ конецъ прошлаго царствованія и начало нынѣшняго,—событій, не перестающихъ въ той или иной формѣ проявляться и въ остальной Европѣ. Продолжительная отсрочка коронаціонныхъ торжествъ

Digitized by Google

какъ-бы подтверждала основательность этихъ опасеній. Даже формальное извѣщеніе о днѣ коронованія не уничтожило всѣхъ сомнѣній. Зато какую искреннюю радость почувствовали всѣ, когда благополучно совершился торжественный въѣздъ государя въ Москву, при колокольномъ звонѣ и оглушающихъ крикахъ «ура» всего народа. Словно, тяжелое бремя свалилось съ души каждаго.

Особеннымъ сочувствіемъ и какимъ-то добродушіемъ отличается большинство англійскихъ газетъ, даже тѣхъ, которыя обыкновенно не выказывали большаго расположенія къ Россіи. Онѣ положительно восторгаются всѣмъ, все находятъ прекраснымъ, всему радуются, находятъ даже такія достоинства въ нашей жизни, въ которыхъ мы, русскіе, наиболѣе сомнѣваемся. Такой восторженностью дышатъ, напримѣръ, описанія одного изъ корреспондентовъ Daily News, пріѣхавшаго въ Москву съ юга, изъ турецкой Арменіи, слѣдовательно, проѣхавшаго черезъ весь Кавказъ, черезъ Ростовъ на Дону, Воронежъ и Рязань. Первое впечатлѣніе, которое онъ осязательно испыталъ на себѣ, это необъятность земли русской. Но не столько самая громадность разстояній поразила его, сколько сопряженная съ нею неисчерпаемая масса богатствъ и непочатыхъ, здоровыхъ силъ; правда, замѣчаетъ онъ, богатства и силы эти находятся пока только на степени возможности, но все ясно говоритъ за то, что возможность эта превратится, въ скоромъ будущемъ, въ дѣйствительность и своей самобытностью дастъ могучій толчекъ дальнѣйшему развитію человѣчества. Таящіяся въ Россіи силы и богатства возбуждаютъ въ корреспондентѣ еще другое впечатлѣніе,—впечатлѣніе прекрасной организаціи, предусмотрительности, чего-то обдуманнаго и ясно опредѣленнаго. Неудивительно послѣ этого, если все встрѣчаемое имъ по дорогѣ возбуждаетъ въ немъ неописанный восторгъ: и громады Кавказа, и привольная ширь степей, и казачьи станицы, и широкій Донъ, который нравится ему даже больше Нила, и наши города, которыми мы, однако, похвалиться не можемъ. Воронежъ, напр., онъ называетъ «жемчужиной степей». Хвалитъ и наши желѣзныя дороги, комфортъ, дешевизну, роскошь и прекрасное устройство какъ вагоновъ, такъ и станцій, даже ставитъ наши желѣзнодорожные порядки (относительно, конечно, удобства ѣзды) несравненно выше, чѣмъ въ Германіи, Англіи или Франціи. Таковъ, впрочемъ, отзывъ вообще всѣхъ иностранцевъ, отзывающихся съ восторгомъ объ удобствахъ путешествія по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго: за границей вагоны и станціи приноровлены къ неболь-

шимъ передвиженіямъ не желѣзнымъ дорогамъ, потому они и дурны и неудобны; не нашимъ же приходится оставаться въ пути нѣсколько сутокъ, проѣзжать тысячи и тысячи верстъ.

Единственное обстоятельство, которое нѣсколько охлаждало восторженное настроеніе англичанъ, это—видъ курящихъ русскихъ дамъ и дѣвицъ, не только простыхъ дамъ и дѣвицъ, но и самыхъ чопорныхъ изъ нихъ, самыхъ благовоспитанныхъ (the most sternly irreproachable of them). Истому англичанину, которому и на умъ не придетъ закурить сигару въ присутствіи прекраснаго пола, конечно, должно было казаться какою-то невѣроятностью видъ дамы, не выпускающей папиросы изо рта. Но самое куреніе англичане еще готовы простить русской женщинѣ, еслибъ она курила сдержанно, прилично, а не пускала дымъ изъ ноздрей:—этотъ дымъ, клубами выходящій изъ дамскаго носа, ниспровергаетъ всѣ ихъ понятія о пристойности и женственности. Читатель не посѣтуетъ, если мы приведемъ буквально выдержку, написанную въ траги-комическомъ тонѣ, изъ писемъ вышеупомянутаго корреспондента по данному сюжету. Распространившись о предосудительности куренія для женскаго пола вообще, онъ затѣмъ говоритъ: «Завзятый курильщикъ изъ англичанъ воображаетъ, что онъ достигъ совершенства въ искусствѣ куренія, если, проглотивъ невѣроятное количество дыма и продержавъ его долгое время въ себѣ, начинаетъ затѣмъ мало-по малу выпускать изо рта и изъ ноздрей. Однако, пусть онъ еще поучится у русскихъ дамъ, какъ слѣдуетъ пускать табачный дымъ черезъ носъ. Во время долгаго пути къ Воронежу, я долго наблюдалъ за одной молодой, хорошенькой дамой, всю дорогу практиковавшей способъ куренія носомъ,—и мнѣ стало не по себѣ, я почувствовалъ всю свою несостоятельность въ искусствѣ этого рода. Уже одинъ видъ голубоватой, полупрозрачной струйки дыма, исходящей между выхоленныхъ зубовъ или изъ краешка нѣжно обрисованнаго рта, производитъ удручающее впечатлѣніе; но клубъ дыма, выходящій изъ маленькаго, аристократическаго носика молодой леди, есть зрѣлище до того несообразное, до того поражающее, что его не вынесетъ ни одна впечатлительная натура»...

Разумѣется, болѣе всего интересовало любознательныхъ иностранцевъ—поближе познакомиться съ русскимъ народомъ, съ русскимъ мужикомъ, о которомъ сложилось столь нелестное представленіе за границей, особенно благодаря разсказамъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Грубость, неотесанность, вѣчное пьянство, тупоядство, неряшливость во

всемъ—являлись въ представленіи иностранцевъ какъ-бы синонимами русскаго крестьянства. И вотъ, проѣзжая по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, пересаживаясь изъ любопытства въ третій классъ, толкаясь промежъ народа въ Москвѣ, присматриваясь къ нему безъ предвзятыхъ мнѣній, они увидѣли, что ошибались и составили себѣ ложное понятіе о русской жизни вообще и о будущихъ задачахъ русскаго народа. Англійскіе корреспонденты не скрываютъ своего удивленія, увидѣвъ обходительность и добродушіе русскаго мужика. По словамъ одного изъ нихъ, нарочно проѣхавшаго тысячи двѣ верстъ въ третьемъ классѣ, нигдѣ въ Европѣ нельзя найти въ простомъ народѣ такого вѣжливаго обхожденія, столько приличія и добросердечія, какъ въ Россіи; по крайней мѣрѣ, за все свое долгое путешествіе, онъ лично не испыталъ на себѣ ни единой мало-мальски грубой выходки со стороны мужиковъ. За это время ему пришлось видѣть только двухъ-трехъ, не то что пьяныхъ, а порядкомъ выпившихъ,—и это обстоятельство тоже спутало всѣ прежнія его представленія. Судя по количеству видѣнныхъ имъ въ Россіи пьяныхъ, онъ приходитъ къ заключенію, что въ Шотландіи и въ большихъ фабричныхъ городахъ Англіи пьянство развито гораздо сильнѣе. «Я былъ несказанно пораженъ, говоритъ корреспондентъ Daily News,—прекраснымъ обхожденіемъ русскихъ крестьянъ и рабочихъ, которые во множествѣ ѣхали вмѣстѣ со мной по желѣзной дорогѣ, съ женами и дѣтьми, частью отправляясь на лѣтніе заработки, частью на празднества въ Москву. Порою вагоны были до того переполнены народомъ, словно на лондонскихъ поѣздахъ во время оксфордской и кембриджской гонки судовъ; а между тѣмъ масса эта держала себя безъ всякихъ грубыхъ проявленій, которыми такъ отличается лондонская толпа. Я съ любопытствомъ слѣдилъ, какъ эти «неотесанные мужики», во время своего долгаго и далеко не комфортабельнаго пути, ухитрялись въ тѣснотѣ закусывать и пить чай—водки не было и въ поминѣ—и затѣмъ укладывались спать, стараясь всячески не стѣснить сосѣдей. Одно только плохо, это—ихъ непритязательность къ чистотѣ воздуха и неаккуратное употребленіе мыла и воды для умыванія: но и въ этомъ «мужикъ» со временемъ исправится».—Съ тою-же похвалой къ русскому народу относятся и французы. Они, видимо, тронуты его благодушіемъ и, такъ сказать, благонравіемъ, излишество котораго ставятъ ему даже въ укоръ, и тоже не скрываютъ своего изумленія, что не замѣтили особеннаго пьянства среди народа, хотя-бы на Ходынскомъ полѣ, напр., гдѣ однако толпѣ въ 400,000 человѣкъ предоставленъ былъ полный прос-

Digitized by Google

торъ пить и гулять вволю. «Истинное удовольствіе, говоритъ корреспондентъ Journal des Débats,—толкаться среди этой добродушной толпы, смотрѣть на эти честныя и спокойныя лица, прислушиваться къ дѣтски-незлобивому смѣху. И ни разу, за все время празднествъ, народъ не измѣнилъ этимъ своимъ врожденнымъ качествамъ, кротости и благодушію, которыя, положительно, достойны войти въ поговорку. Ни разу не доводилось намъ видѣть уличной драки или безобразно пьяныхъ. Все время былъ полный порядокъ, какая-то тихая веселость, и поминутно, изо всякаго пустяка, раздавались то крики наивной радости, то смѣхъ... Но эти симпатическія черты въ народѣ являются, къ сожалѣнію, послѣдствіемъ ребяческой безпечности и инертности. Въ сущности, народъ не принималъ живаго, дѣятельнаго участія въ празднествахъ: онъ только глядѣлъ, смирно стоялъ шпалерами, да кричалъ «ура». Отсутствіе иниціативы сказывалось во всемъ, хотя-бы, напримѣръ, въ устройствѣ иллюминаціи. Прекрасное зрѣлище представляли одни лишь общественныя и казенныя зданія; иллюминація же частныхъ домовъ ограничивалась, въ большинствѣ случаевъ, лишь возженіями плошекъ, разставленныхъ на подоконникахъ и тумбахъ и заражавшихъ воздухъ невыносимымъ смрадомъ». Въ данномъ случаѣ, иностранцамъ, конечно, неизвѣстно, что нашъ народъ издавна привыкъ устраивать празднества по распоряженію начальства, что онъ не имѣетъ права украшать улицы и дома, если предварительно не отданъ приказъ отъ полиціи: «разрѣшается обывателямъ вывѣсить флаги и возжечь иллюминацію». Вѣчное нахожденіе подъ опекой у полиціи и всякаго иного начальства развили въ немъ и эту инертность, и эту болѣзнь почина, на которыя справедливо указываютъ иностранцы. Французовъ больше всего поражало отсутствіе того праздничнаго движенія, того шумливаго веселія, какимъ отличаются, напримѣръ, ихъ соотечественники. «Мужикъ» постоянно былъ только зрителемъ, а не участникомъ празднествъ. Очевидно, что-то его гнететъ, не дозволяетъ ему веселиться на распашку, опутываетъ его натуру, въ сущности живую и экспансивную. Благодаря этому, говоритъ корреспондентъ газ. Voltaire, «мужикъ является какимъ-то воплощеніемъ толпы печальной (incarnation de la foule triste)».

Но возвратимся къ англичанамъ. Та восторженность, съ какою они привѣтствовали въ Россіи все встрѣчаемое ими на пути въ Москву, продолжалась, еще въ усугубленной силѣ, и во все время коронаціонныхъ торжествъ. Они разсказываютъ, что ничего подобнаго не видѣли и не могли видѣть въ Европѣ, что русскіе всегда умѣли все устра-

Digitized by Google

вать на широкую ногу, но что на этотъ разъ они превзошли самихъ себя, что ни одна страна въ цивилизованномъ мирѣ не могла выставить столько богатства и великолѣпія, потому что только подъ властью самодержавнаго монарха является возможность сдѣлать такія колоссальныя затраты, обнаружить столько обрядоваго блеска и роскоши. Но не одна блестящая внѣшность увлекаетъ англичанъ: всей этой обрядовой пышности, всѣмъ этимъ грандіознымъ празднествамъ и процессіямъ они придаютъ глубокое символическое значеніе. Указывается, во-первыхъ, на неоспоримый и знаменательный фактъ,—на неподдѣльное сочувствіе, съ какимъ чуть-ли не полміра отнеслось къ торжеству коронованія на царство императора Александра III. Въ этомъ видятъ доказательство измѣнившихся обстоятельствъ какъ въ самой Россіи, такъ и въ ея отношеніяхъ къ Европѣ, видятъ основаніе для тѣхъ широкихъ упованій, которыя возлагаются нынѣ на русскій народъ и русское государство. Цѣлыя полтора столѣтія, говорятъ они, человѣчество съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, взирало на сѣвернаго колосса; оно старалось проникнуть въ его загадочныя судьбы, но, главнымъ образомъ, боялось его. Нынѣ міръ начинаетъ относиться къ нему хотя и съ прежнимъ интересомъ, но съ меньшимъ страхомъ и бо̀льшими надеждами. Для своихъ сосѣдей Россія перестала быть одной грубой силой,—силой могущественной и вседавящей. Тамъ начинаютъ съ довѣріемъ относиться къ верховной власти въ Россіи, какъ-бы неограниченна она ни была, потому что стали понимать, какъ тяжела отвѣтственность, доставшаяся въ удѣлъ преемникамъ Петра Великаго, отвѣтственность за счастіе и благосостояніе 90 милліоновъ человѣческихъ существъ. Наконецъ, какъ-бы неудовлетворительно ни было (съ европейской точки зрѣнія) русское государственное устройство, оно все-же далеко не то, какимъ было еще лѣтъ 20—25 тому назадъ, и de facto народъ уже начинаетъ принимать на себя долю той отвѣтственности, которая, прежде, всею непомѣрной тяжестью своей лежала на плечахъ одного только его государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развившіяся внутри Россіи гражданскія и общественныя отношенія значительно сбавили опасенія за границей, что въ каждый данный моментъ страшныя полчища, по одному мановенію ихъ верховнаго вождя, могутъ двинуться на западъ и наводнить Европу. Словомъ, Россію стали понимать и, переставъ ее бояться, какъ стихійную, неразумную силу, начали признавать въ ней законнаго члена общеевропейской семьи. Недаромъ же она прожила время послѣ оскорбительной для національной гордости, но въ высшей степени благотворной для національнаго развитія, крымской войны.

Digitized by Google

Великія начала европейской цивилизаціи, воспринятыя Россіей въ минувшее царствованіе,—мѣстное самоуправленіе, свободный судъ, задатки свободы печати,—не остановятся на полдорогѣ, а получатъ дальнѣйшее развитіе въ настоящее время. Такъ думали иностранцы, отправляясь въ Москву. Самыя коронаціонныя торжества являлись въ ихъ глазахъ символомъ сліянія верховной власти съ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія, обновленная внутри, становилась и въ новыя, болѣе тѣсныя отношенія съ западомъ, становилась нравственной, осмысленной силой въ политическомъ мірѣ. Съ этой двойной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія благодѣтельныхъ преобразованій внутри русскаго государства и его международныхъ отношеній, англичане и взглянули на московскія празднества.

«Церемонія торжественной встрѣчи императора въ Москвѣ, говоритъ «Times», не была одной формальностью, не была пустымъ, хотя и прекраснымъ, но только оффиціально устроеннымъ зрѣлищемъ. Нѣтъ, это было великимъ историческимъ событіемъ, полнымъ глубоко-знаменательнаго значенія для русскаго народа, а съ нимъ и для Европы вообще». Газета видитъ въ этомъ самое счастливое предзнаменованіе для будущности Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, органъ Сити привѣтствуетъ русскій народъ и его императора отъ имени всего англійскаго народа, который не изъ одной оффиціальной вѣжливости выслалъ такое высокое представительство въ Москву, но какъ «прямое свидѣтельство уз тѣсной дружбы и близкаго родства, соединяющихъ многихъ членовъ двухъ изъ сильнѣйшихъ въ мірѣ царствующихъ домовъ. Оба народа часто расходились въ политикѣ, и въ сущности между ними мало общаго во всѣхъ отношеніяхъ, и въ нравахъ, и въ политическомъ развитіи, и въ государственномъ устройствѣ... Но каждому изъ нихъ предстоитъ идти своимъ опредѣленнымъ путемъ, совершить свою собственную задачу, развить свою собственную цивилизацію;—а на землѣ найдется достаточно мѣста для обоихъ».

Та же газета проводитъ далѣе параллель между коронаціей императоровъ Александра II и Александра III. «Въ сентябрѣ 1856 года Европа собралась въ Кремлѣ, чтобы протянуть руку примиренія русской имперіи послѣ тяжелой годины смертельной борьбы съ нею. И вотъ, 27 лѣтъ спустя, Европа снова въ Москвѣ, не лишь затѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свои симпатіи русскому народу. Положимъ, не мало разнорѣчій существуетъ и доселѣ между политикой Россіи и политикой другихъ государствъ; но разнорѣчія эти нынѣ смолкли. И Европа, и сама

Россія отлично понимаютъ, что у послѣдней слишкомъ много своей домашней, внутренней работы, чтобы возбуждать международныя распри. Къ тому-же Европа признаетъ теперь общность интересовъ, связующихъ ее съ могущественной сѣверной имперіей, а потому не можетъ не радоваться, когда радуется русскій народъ».

Другія англійскія газеты проводятъ ту мысль, что Россія, сплотившись съ своимъ вѣнчаннымъ государемъ на общій имъ гражданскій подвигъ, принесетъ немалую пользу общеевропейскому дѣлу, особенно въ виду настоящаго, далеко не успокоительнаго положенія въ политическомъ мірѣ. Взаимное недовѣріе и неувѣренность въ прочности существующихъ международныхъ отношеній—вотъ тѣ условія, которыя гнетутъ и тревожатъ Европу. Куда ни обратишь взоры, вездѣ недоразумѣнія, вездѣ тревожныя опасенія за будущее, вездѣ брацаніе запасаемаго на всякій случай оружія. Милитаризмъ,—эта страшная язва, разъѣдающая современную намъ цивилизацію,—принимаетъ такіе ужасающіе размѣры, какихъ міръ, конечно, не видалъ доселѣ. Милитаризмъ грозитъ понизить уровень гражданскихъ и общественныхъ идеаловъ, уровень настоящей культуры, грозитъ въ концѣ подорвать благосостояніе европейскихъ народовъ. А, между тѣмъ, спорныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ накопляется все болѣе и болѣе... При такихъ печальныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ, событія въ Россіи получаютъ особенное значеніе. «Daily News», напримѣръ, какъ-бы провидитъ въ торжественно-засвидѣтельствованномъ въ Москвѣ актѣ единенія русскаго государя и народа—залогъ государственной прочности и мира не только для Россіи, но и для всей остальной Европы.

Вотъ съ какими мыслями ѣхали англичане въ Москву и вотъ тѣ надежды, которыя возлагались ими на коронаціонныя празднества. Въ этомъ—причина ихъ симпатій къ Россіи и искренности ихъ пожеланій счастливаго царствованія русскому императору и блага русскому народу.

Тою-же восторженностью, но еще большимъ сочувствіемъ, проникнутымъ подчасъ какой-то сердечной теплотой къ русскому народу, дышутъ отзывы французской прессы о московскихъ торжествахъ, особенно въ началѣ, когда многое представлялось въ болѣе розовомъ цвѣтѣ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Эти симпатіи казались тѣмъ искреннѣе, что сопряжены были съ нѣкоторымъ себялюбивымъ чувствомъ, съ чувствомъ всепоглощающей любви французовъ къ ихъ дорогой родинѣ, съ глубокой вѣрой, что судьбы Франціи и Россіи тѣсно переплетены между собой, что въ близкомъ или далекомъ будущемъ, но имъ суждено идти

Digitized by Google

рука объ руку. Къ намъ, въ Москву, французы ѣхали, какъ на праздникъ, хотя и исключительно русскій, но на которомъ они будутъ тамыми желанными, самыми излюбленными гостями; ѣхали съ упованіями и надеждами, хотя и неясными, но все-же сильными, и упованія эти съумѣли отчасти сохранить до конца, не смотря на многія разочарованія. Словно и они ожидали чего-то для себя, ожидали съ той дѣтской наивностью, съ той душевной простотой, которыя такъ типичны въ живомъ, впечатлительномъ французскомъ народѣ, такъ привлекательны въ немъ. Эти мечты и надежды легко объясняются той обособленностью, въ которое поставлена нынѣ Франція, благодаря катастрофѣ 1871 года и ошибкамъ своихъ правителей. Она стоитъ теперь совершенно одиноко, безъ единаго союзника, вынужденная бороться со всепоглощающей конкурренціей Великобританіи и имѣя противъ себя союзъ трехъ державъ, управляемый тяжелой рукой желѣзнаго канцлера. Французы не могутъ забыть утраченнаго престижа, поблекнувшаго ореола, которымъ такъ любила окружать себя la grande nation. Но всепоглощающимъ чувствомъ каждаго кровнаго француза, какого-бы возраста, пола или состоянія онъ ни былъ,—это ненависть къ нѣмцу, ненависть, которая съ каждымъ лишнимъ пережитымъ годомъ становится все болѣзненнѣе, все острѣе. И вотъ, невольно взоры французовъ обращаются къ далекой Россіи, къ русскому народу, который, дѣйствительно, скорѣе симпатиченъ, чѣмъ недружелюбно относится къ Франціи, не смотря на нашествія обоихъ Наполеоновъ, не смотря на то, что Франція—республика, а Россія — самодержавное государство; невольно возникаютъ надежды на возможность болѣе тѣсной, болѣе существенной дружбы между обоими государствами, на возможность, въ виду общей грозящей имъ опасности, союза между ними...

Въ такомъ радужномъ настроеніи представители французской прессы переступаютъ русскую границу. Съ первыхъ-же шаговъ они отовсюду видятъ проявленія симпатіи къ французской націи. Ненавистные имъ шишаки прусскихъ касокъ остались позади; они смѣнились ополченскими шапками. Касокъ нѣтъ даже на офицерахъ, все шапки и шапки. Новая форма обмундировки нашихъ войскъ производитъ на французовъ самое пріятное впечатлѣніе. Они радуются, слыша вокругъ себя французскій говоръ; радуются, въѣзжая въ Петербургъ, при видѣ города, разцвѣтившагося флагами краснаго, синяго и бѣлаго цвѣтовъ, напоминающихъ имъ трехцвѣтный флагъ французской республики. Нечего говорить, что все видѣнное и пережитое ими, въ особенности въ теченіе московскихъ

Digitized by Google

празднествъ, производитъ на нихъ глубокое впечатлѣніе, но не одною своей внѣшностью, а тѣмъ символическимъ смысломъ, который они угадывали или желали видѣть. Быть можетъ, описанія французскихъ корреспондентовъ не столь обстоятельны, какъ англійскія, но они живописнѣе, увлекательнѣе. Это не простые пересказы, добросовѣстно записанные корреспондентомъ, сухіе и объективные; они проникнуты искренней симпатіей къ русскому народу, котораго французы готовы полюбить, какъ друга и союзника; проникнуты надеждой на осуществленіе благихъ пожеланій счастія и внутренняго усовершенствованія русскому государству; въ нихъ сквозятъ ожиданія того, чѣмъ разрѣшатся празднества. Вотъ, напримѣръ, образчикъ описанія корреспондентомъ газеты «Voltaire» картины, которая представлялась его взорамъ по окончаніи церемоніи вѣнчанія на царство:

«Церемонія кончилась. Императоръ Александръ поднялся на Красное крыльцо и троекратно поклонился народу и присутствующимъ, а громъ орудій далеко разнесся по всей русской землѣ, оповѣстивъ по всѣмъ угламъ ея о привѣтствіи государемъ своего народа. Зрѣлище, по истинѣ, было величественное. Сквозь растворенныя двери Успенскаго собора виднѣлась залитая огнями церковь, на паперти стояло духовенство въ блестѣвшихъ золотомъ и серебромъ ризахъ; кругомъ, подъ сѣренькимъ небомъ, ослѣпительное разнообразіе всевозможныхъ цвѣтовъ и красокъ; воздухъ стоналъ отъ возгласовъ народа, колокольнаго трезвона и пушечной пальбы. Затѣмъ, на минуту воцаряется глубокая тишина: императоръ вступилъ въ Кремлевскій дворецъ. Но не въ старыя царскія палаты, въ эту смѣсь византійскаго, арабскаго, готическаго и китайскаго стиля, не туда, гдѣ въ мрачные, извилистые переходы не проникаетъ ни единаго луча свѣта, гдѣ отъ стѣнъ вѣетъ холодомъ и страшной таинственностью;—а въ новый дворецъ, просторный и свѣтлый, залитый солнечнымъ блескомъ, изъ оконъ котораго открывается широкій, безпредѣльный горизонтъ,—туда, во дворецъ новой жизни и новыхъ понятій! Не въ крѣпость—непроницаемую твердыню власти, а въ замокъ, широко открытый для надеждъ и желаній. Императоръ теперь тамъ, въ этомъ новомъ дворцѣ. Стоитъ царю Александру открыть лишь окно—и, окинувъ взоромъ всю Москву у своихъ ногъ, онъ угадаетъ и эти желанія, и эти надежды. Съ одной стороны—безчисленныя толпы народа, еще не вышедшаго изъ подъ опеки, съ другой—умы, жаждущіе идти по пути прогресса. Да будетъ онъ справедливъ! да будетъ одинаково милостивъ и къ тѣмъ и другимъ!.. Нынѣ торжество коронаціи прошло; царь

Digitized by Google

снялъ съ себя вѣнчальные доспѣхи, духовенство сложило свои праздничныя ризы. Но остался народъ, который всѣ свои упованія возлагаетъ на своего государя».. Другой корреспондентъ, описывая иллюминацію съ кремлевской террасы, говоритъ: «Ничего подобнаго я никогда не видывалъ. Вся Москва у нашихъ ногъ, освѣщенная *a giorno*. Что-то чарующе-восточное во всей дивной картинѣ. Да, это—все та-же Москва! Она снова горитъ передъ нами; но на этотъ разъ огнями радости и веселія; во дворцѣ слышится родной французскій говоръ; насъ окружаютъ сочувствіемъ, насъ любятъ здѣсь»...

Фраза «насъ, французовъ, любятъ»—служитъ какъ бы постояннымъ припѣвомъ ко всѣмъ французскимъ корреспонденціямъ; она повторяется при всякомъ удобномъ случаѣ. Для доказательства сочувствія русскихъ къ французамъ передается масса случаевъ, анекдотовъ, разсказовъ. Такъ, одинъ изъ корреспондентовъ пишетъ, какъ народъ, узнавъ въ какомъ-то иностранцѣ, ѣхавшемъ на извозчикѣ, французскаго офицера, сдѣлалъ ему овацію. Фактъ, самъ по себѣ, можетъ быть, и вѣренъ, такъ какъ во время празднествъ народъ бѣгалъ за всякимъ придворнымъ или посольскимъ экипажемъ и кричалъ «ура». Въ большомъ ходу былъ также разсказъ, будто на торжественномъ пріемѣ французскаго чрезвычайнаго посла Вашингтона, государь императоръ, какъ бы преднамѣренно забывъ надѣть орденскую ленту почетнаго легіона, приказалъ ее себѣ принести. Разсказъ этотъ произвелъ необычайную сенсацію въ Европѣ и испортилъ не мало крови нѣмцамъ. «Симпатіи русскихъ на нашей сторонѣ,—это чувствовалось на каждомъ шагу, говоритъ корреспондентъ газеты «Voltaire»,—и въ оффиціальныхъ пріемахъ нашихъ посланниковъ и журналистовъ, и въ задушевныхъ тостахъ, и въ крикахъ «ура». Надо замѣтить, что въ настоящее время Россія болѣе чѣмъ когда либо наводнена нѣмцами; въ ихъ рукахъ всѣ лучшія, наиболѣе доходныя, наиболѣе вліятельныя мѣста, преимущественно въ чиновничьемъ мірѣ; они проникаютъ всюду, все поглощая собой, совершенно какъ и у насъ во Франціи; Россію они словно считаютъ продолженіемъ своего vaterland'a. Неизвѣстно, къ чему все это приведетъ, но пока русскій народъ не скупится на выраженія своего сочувствія Франціи, которая дорожитъ ими и цѣнитъ»... «Всѣмъ бросаются въ глаза, замѣчаетъ съ своей стороны корреспондентъ газеты «Temps», замѣтно усиливающаяся въ русскихъ симпатія къ французамъ и возрастающая ненависть къ нѣмцамъ, которая нынѣ чувствуется сильнѣе, чѣмъ когда либо».

Взаимныя симпатіи эти настолько искренни, проистекаютъ такъ

Digitized by Google

естественно изъ прирожденныхъ свойствъ обоихъ народовъ, что французы могли, нимало не смущаясь, присутствовать на освященіи Храма Спасителя, памятника изгнанія изъ Россіи двунадесяти языковъ. Они взглянули—и вполнѣ основательно—на это празднество, какъ на воспоминаніе великихъ историческихъ событій, а вовсе не какъ на свидѣтельство бывшей вражды между Франціей и Россіей, къ тому-же исторически случайной и мимолетной. «Грандіозныя событія 1812—1814 года, справедливо замѣчаютъ французы, только усугубили славу обоихъ народовъ, не оставивъ ни малѣйшихъ задатковъ ко взаимной ненависти. Событія эти были настолько необычайны, настолько стояли выше обычныхъ историческихъ явленій, что главные герои ихъ не могли не почувствовать другъ къ другу взаимнаго уваженія. Въ нихъ все было одинаково велико: и замыслы, и арміи, и вожди, и битвы, и катастрофы... Въ этой борьбѣ тирановъ, русскіе и французы не наносили другъ другу тѣхъ неизлѣчимыхъ ранъ, боль отъ которыхъ остается навѣки. Взирая на прошлое, въ нихъ пробуждается не съ трудомъ сдерживаемое чувство мести, а чувство взаимнаго восхищенія, которое порождаетъ реальную и живую симпатію. Вотъ почему французы могли безъ всякихъ признаковъ горькаго чувства присутствовать на освященіи памятника войны, въ которой оба народа научились понимать и цѣнить другъ друга». Какъ на свидѣтельство отсутствія всякой взаимной вражды или взаимнаго недоброжелательства, указывается на крымскую войну, когда русскіе и французскіе солдаты, пользуясь мимолетными перемиріями, дружески сходились и даже братались между собой. Фактъ этотъ, дѣйствительно, подтверждается всѣми участниками славной севастопольской обороны.

«Несомнѣнно, говоритъ корреспондентъ «Temps», что мы располагаемъ въ Россіи солиднымъ капиталомъ симпатій, и нашъ прямой интересъ—позаботиться о его приращеніи. Положимъ, эти симпатіи прорываются въ русской печати лишь изрѣдка, но, по своему несвободному положенію, она не въ силахъ являться точною выразительницей общественнаго мнѣнія... Изъ разговоровъ же и личнаго съ нами обращенія мы видѣли только сочувствіе и благопожеланія Франціи... Для людей развитыхъ, свободомыслящихъ, Франція—очагъ, откуда зародились идеи свободы и человѣчности, во имя которыхъ эмансипируется мало-по-малу весь цивилизованный міръ; для военныхъ она — желанный союзникъ. Русское правительство, конечно, не думаетъ о войнѣ и не желаетъ ея: военное начальство опасается войны, зная незаконченность русской воен-

Digitized by Google

ной организаціи, люди просвѣщенные,—видя тяжелое матеріальное положеніе народа; тѣмъ не менѣе, въ офицерскихъ сферахъ ею занимаются, какъ возможною случайностью. Берлинскій конгрессъ переполнилъ чашу старинной племенной вражды, и Россія вынесла изъ него убѣжденіе, представляющееся тяжелымъ испытаніемъ для народа молодаго и гордаго: что его свобода дѣйствій скована могуществомъ сосѣда»...

Безспорно, многое угадано вѣрно французскими корреспондентами. Невозможно отрицать симпатій русскаго общества къ Франціи; да и въ русскомъ народѣ нѣтъ нерасположенія къ французамъ. Что нѣмецъ не пользуется у насъ популярностью—также несомнѣнный фактъ. Типъ нѣмца-управителя, типъ чиновника изъ нѣмцевъ, съ ихъ девизомъ, особенно непереваримымъ для русской натуры: fiat justicia et pereat mundus; наконецъ, сложившійся у нѣмцевъ взглядъ на Россію, какъ на землю, уготованную для ихъ культуртрегерскихъ цѣлей и насажденія интересовъ vaterland'a,—всѣ эти явленія достаточно ясно говорятъ сами за себя. Но отъ душевнаго расположенія до проявленія его на дѣлѣ осязательнымъ образомъ еще очень далеко. И въ частной, и въ общественной жизни немыслимо руководствоваться одними личными симпатіями или антипатіями, а тѣмъ паче въ совмѣстной жизни народовъ. Ни одинъ уважающій себя народъ не ринется легкомысленно въ войну изъ-за того только, что такой-то сосѣдъ ему нравится, а такой-то нѣтъ. Къ тому же война—такое ужасное бѣдствіе, на которое можно рѣшиться только въ крайнемъ, безъисходномъ случаѣ. Разумѣется, французы, ѣхавшіе въ Москву, полные надеждъ и упованій, вскорѣ должны были убѣдиться, что взаимныя симпатіи не могутъ пока перейти изъ области чувствъ и благихъ пожеланій въ область болѣе реальную, и это разочарованіе замѣтно поохладило ихъ пылкіе восторги. Тонъ корреспонденцій нѣсколько измѣнился и подъ конецъ, вмѣсто прежняго, чуть не ребяческаго увлеченія, стали проглядывать въ нихъ и чувства недовѣрія и сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ, настроеніе осталось прежнимъ, и корреспондентъ газеты «Voltaire», подводя итоги своему пребыванію въ Россіи, справедливо замѣчаетъ: «Мы вынесли одно твердое убѣжденіе,—что французамъ оказано было не простое гостепріимство, но-что и сердцемъ русскіе—за Францію».

Какъ разъ обратное теченіе замѣтно въ отчетахъ нѣмецкихъ корреспондентовъ. Они ѣхали въ Москву съ видимымъ недовѣріемъ и съ какимъ-то плохо скрываемымъ недоброжелательствомъ къ Россіи. Въ особенности всполошилъ нѣмцевъ,—возбудивъ ихъ мелочную подозритель-

Digitized by Google

ность и развитую до болѣзненности мнительность,—сочувственный Россіи тонъ французской прессы. Но, съ ходомъ событій въ Москвѣ, эта подозрительность мало-по-малу исчезала и подъ конецъ установилось полное благодушіе, а въ извѣстныхъ прусскихъ сферахъ возникло даже какое-то ликованіе, словно благополучно-совершенное вѣнчаніе на царство русскаго царя явилось предзнаменованіемъ возрожденія старыхъ порядковъ и въ Германіи.

Въ началѣ, еще передъ наступленіемъ коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, опасенія, раздѣляемыя всей вообще Европой, съ особой силой и какъ бы тенденціозностью высказывались среди нѣмцевъ. Они утверждали, что опасенія эти навѣрное омрачатъ готовящіяся празднества, и что тревожное чувство страха «не будетъ заглушено ни колокольнымъ звономъ, ни громомъ орудій»; что съѣхавшіеся въ Москву гости не смогутъ «безпечно наслаждаться и веселиться» и что у всѣхъ у нихъ будетъ только одно на умѣ: «поскорѣй бы все это кончилось, и кончилось благополучно»; такъ какъ изъ исключительныхъ мѣръ предосторожности, принимаемыхъ русской полиціей, явствуетъ, что «какое нибудь покушеніе или иное злодѣйство лежитъ въ сферѣ возможнаго». Къ счастью, такого сорта опасенія, доходившія чуть не до цинизма, испытывали только нѣмцы; другіе иностранные гости отнеслись съ бо́льшимъ довѣріемъ и къ русскому гостепріимству, и къ здравому смыслу русскаго народа.

Эти опасенія еще усугубляютъ тягостное настроеніе, о которомъ передаютъ корреспонденты, переѣзжая черезъ русскую границу, какъ со стороны Пруссіи, такъ и Австріи. Все имъ кажется чуждымъ и непривлекательнымъ. Они горько жалуются на таможенныя стѣсненія, на визировку паспортовъ и досмотръ вещей, въ особенности книгъ; однако отзываются съ похвалой о предупредительности таможенныхъ и пограничныхъ чиновниковъ. Жалуются также на непривѣтливость и недостатокъ любезности со стороны русскихъ, которые не изъявляютъ никакой готовности въ чемъ либо помочь иностранцу, не знающему мѣстнаго языка и чувствующему себя крайне неловко въ совершенно чуждой ему странѣ. Наоборотъ, какъ мы видѣли, англичане и французы не нахвалятся любезнымъ съ ними обращеніемъ. Далѣе, нѣмецкіе корреспонденты передаютъ то безотрадное впечатлѣніе, какое произвелъ на нихъ внѣшній видъ Россіи, ея бѣдность и безконечныя, необработанныя или запущенныя пространства. «Невольно находитъ тоскливое чувство, говоритъ корреспондентъ вѣнской Presse, когда въ продолженіе нѣсколькихъ

Digitized by Google

часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ только и видишь справа и слѣва заброшенныя поля, голыя степи, непроходимыя болота, да тощіе, плохо содержимые лѣса; и ни малѣйшихъ слѣдовъ человѣческаго труда»! Преимущественно ихъ поражаетъ жалкій видъ нашихъ деревень, «подобныхъ которымъ нѣтъ въ другихъ странахъ». Далѣе, прибывъ въ Петербургъ, нѣмецкіе корреспонденты жалуются на затрудненія, съ которыми была сопряжена добыча билетовъ на проѣздъ въ Москву. Мѣры предосторожности, принятыя вдоль всей Николаевской желѣзной дороги, дѣйствуютъ на нихъ удручающимъ образомъ,—и съ чувствомъ, еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ при переѣздѣ черезъ русскую границу, въѣзжаютъ они въ Москву, которая предоставляется имъ городомъ дикимъ, несимпатичнымъ, чѣмъ-то не то полуазіятскимъ, не то архирусскимъ, но во всякомъ случаѣ непривлекательнымъ и совершенно чуждымъ нѣмецкому духу. Даже праздничное убранство города не облегчаетъ ихъ тягостнаго настроенія.

Но по мѣрѣ того, какъ развивается ходъ коронаціонныхъ торжествъ, постепенно проясняется и чело нѣмецкихъ корреспондентовъ. Имъ нетрудно было убѣдиться, что тонъ французской прессы взятъ былъ слишкомъ высоко. Чрезмѣрныя опасенія ихъ смѣняются болѣе спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу и пріятною увѣренностью, что все остается по старому. Интересъ къ празднествамъ растетъ; растетъ и сочувствіе, если не къ русскому народу, то къ русскому монарху и его правительству. Какъ и слѣдовало ожидать, съ самаго начала празднествъ, съ момента въѣзда государя въ Москву, въ Берлинѣ стали съ какимъ-то трепетнымъ вниманіемъ слѣдить за московскими событіями. Императоръ Вильгельмъ по нѣскольку разъ на день получалъ телеграммы изъ Москвы, съ самыми подробными описаніями. Такое живое участіе въ московскихъ празднествахъ проистекало не изъ-за однихъ родственныхъ связей, соединяющихъ августѣйшія семейства Россіи и Германіи, но, какъ объясняетъ Allgemeine Zeitung, и изъ-за политическихъ отношеній между обоими государствами,—отношеній, которыя, благодаря нахожденію во главѣ русскихъ иностранныхъ дѣлъ г. Гирса, возстановились на прежнихъ началахъ. То есть, въ Германіи убѣдились, что Россія, по крайней мѣрѣ, оффиціальная, не измѣнила своего къ ней отношенія.

Наряду съ этимъ усиливается и благорасположеніе къ русской публикѣ. Жалобы на нелюбезность русскихъ болѣе не повторяются. Напротивъ того, жалобы смѣнились похвалами русскому радушію и гостепріимству, предупредительности русскихъ, въ особенности должностныхъ

лицъ, которыя дѣлали все возможное, чтобы угодить иностраннымъ гостямъ и сдѣлать имъ пребываніе въ Москвѣ пріятнымъ и удобнымъ. Возникаетъ и желаніе познакомиться съ русскою жизнью вообще, и въ особенности съ русскимъ народомъ, къ которому нѣмцы привыкли относиться съ какою-то брезгливостью, смѣшанною съ чувствомъ страха. «Русскіе справедливо жалуются, говоритъ берлинская National Zeitung, что сужденія западно-европейцевъ о жизни и народѣ въ Россіи обусловливаются полнѣйшимъ незнаніемъ дѣйствительныхъ отношеній въ ней. Самыя невѣроятныя представленія до того сильно укоренились въ мозгу многихъ, что удалить ихъ оттуда нелегко. Теченіе такой массы представителей печати и ихъ сообщенія о видѣнномъ и пережитомъ, навѣрное, положатъ начала новому фазису въ сношеніяхъ славянскаго востока съ романскимъ и германскимъ западомъ. Во всякомъ случаѣ, можно надѣяться теперь, что фантастическія сужденія и представленія иностранцевъ о Россіи превратятся въ нѣчто болѣе реальное».

Всѣ вообще корреспонденты, а въ особенности нѣмецкіе, преимущественно вращавшіеся въ оффиціальныхъ сферахъ, съ искреннею благодарностью отзываются о томъ почетномъ положеніи, которымъ пользовались представители печати во время празднествъ. Всѣ двери имъ были открыты, всюду имъ былъ широкій доступъ. Стѣсненій никакихъ. Хотя и требовалось визированіе телеграммъ и корреспонденцій, но оно дѣлалось съ необычайной предупредительностью и съ полнымъ довѣріемъ, притомъ визированіе происходило въ любой часъ дня и ночи. Словомъ, русское правительство отнеслось къ корреспондентамъ съ тѣмъ-же широкимъ гостепріимствомъ, какое оно оказало имъ и въ войну 1877—78 года. «Печать, говорятъ нѣмецкія газеты,—которая, однако, въ Россіи далеко не служитъ такой выразительницей общественнаго мнѣнія, какъ въ западной Европѣ, тѣмъ не менѣе, во время празднествъ, положительно поставлена была на степень великой державы. Было-бы чистой несправедливостью думать, что хотѣли только очаровать корреспондентовъ блескомъ торжествъ и доступностью ихъ,—ослѣпить имъ глаза. Имѣлась въ виду болѣе высокая цѣль, обусловливаемая глубокимъ значеніемъ самыхъ событій; цѣль эта—благо страны и народа... Къ тому-же высоко-торжественный характеръ празднествъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ отзывовъ печати: онъ бы остался такимъ и безъ хвалебныхъ гимновъ газетъ». Тѣмъ съ бо́льшею горечью отзываются нѣмецкіе корреспонденты о нелюбезности своего собственнаго начальства, а именно объ отношеніи къ нимъ представителя германскаго императора,

Digitized by Google

Швейница. Генералъ Швейницъ, съ обычной прусскимъ властямъ безцеремонностью и ихъ презрительнымъ отношеніемъ ко всякаго рода «писакамъ», наотрѣзъ отказался пустить корреспондентовъ на балъ, данный имъ въ честь русской императорской четы.

Разумѣется, всѣ эти отзывы о почетномъ положеніи печати во время коронаціонныхъ празднествъ не относятся къ русской. Она поставлена была въ нѣсколько иныя условія...

Къ концу майскихъ празднествъ, тонъ нѣмецкой прессы сталъ безусловно торжественный. Нѣмецкія газеты, наравнѣ съ нашими, празднуютъ великій актъ коронованія; особенно возликовали такъ называемые оффиціозные органы печати, т. е. органы теперешняго германскаго правительства. Въ этомъ торжественномъ актѣ они какъ-бы провидятъ глубокое знаменіе и для ближайшей будущности Германіи, къ которой ведетъ ее желѣзная рука имперскаго канцлера. Подобно всей вообще иностранной печати, они смотрятъ на коронаціонныя празднества въ Москвѣ, какъ на событіе, не лишенное значенія для всего политическаго міра; только значенію этому придаютъ особенную, специфическую окраску. «Если нѣмецкій народъ, говоритъ Provinzial Correspondenz, присоединяетъ и свой голосъ къ пожеланіямъ другихъ народовъ блага русскому царю и государству, то потому, что интересы Россіи считаетъ неразрывно связанными со своими и съ мирнымъ развитіемъ всей остальной Европы. Одни только фанатики могутъ утверждать, будто развитіе какой либо народности противоположно и враждебно всѣмъ другимъ національностямъ. Напротивъ того, для каждаго трезваго наблюдателя, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея, должно быть очевиднымъ, что всякое покушеніе, направленное противъ установленныхъ въ русскомъ государствѣ порядковъ, является въ то-же время и покушеніемъ противъ спокойствія и порядка въ другихъ, покушеніемъ противъ общеевропейскаго мира... Торжество коронованія въ Москвѣ будетъ отпраздновано, какъ праздникъ мира, въ истинномъ значеніи этого слова, вездѣ, гдѣ только дорожатъ дѣломъ порядка». Еще яснѣе выражается Norddeutsche Allgemeine Zeitung. Она усматриваетъ въ московскомъ торжествѣ коронованія поворотный пунктъ въ судьбахъ русской имперіи, а пожалуй, и сосѣдней съ нею германской, и выражается такъ: «Торжественно миропомазанный и коронованный въ Москвѣ, всероссійскій самодержецъ равнозначущъ въ русскомъ народномъ сознаніи съ воплощеніемъ въ лицѣ монарха всей божественной и человѣческой власти. Такое воззрѣніе даетъ могущественную поддержку дѣлу мира, законности и государственнаго порядка. Видѣть Россію крѣпко и

Digitized by Google

продолжительно связанную съ этимъ дѣломъ—это искреннѣйшее желаніе всѣхъ, кому дѣйствительно дорога будущность не одной только Россіи, но и всей Европы. Въ этомъ именно смыслѣ германскій народъ и обращаетъ свои взоры на первопрестольный градъ дальняго Востока. Да послужитъ-же московское торжество началомъ новой эры народнаго счастія и народнаго мира»!

Но вотъ празднества миновали. Появился давно и всѣми одинаково жданный высочайшій манифестъ; опубликованъ рескриптъ на имя нашего министра иностранныхъ дѣлъ, произведшій наилучшее впечатлѣніе за границей. Уѣхалъ изъ Москвы дворъ, а затѣмъ разъѣхались и иностранные гости. Москва приняла свой обычный будничный видъ и все вошло въ свою прежнюю колею, словно изъ нея никогда и не выходило. И странное дѣло! Не успѣли замолкнуть послѣдніе отголоски праздничнаго трезвона, не успѣли погаснуть послѣднія плошки московскихъ иллюминацій, какъ моментально смолкли въ иностранной печати и всякіе разговоры про коронацію. Коронаціонное празднество прошло, какъ чудное, волшебное видѣніе, оставившее по себѣ лишь пріятное, но смутное воспоминаніе, какъ сонъ, значеніе котораго остается загадкой. Реальнымъ свидѣтельствомъ для иностранцевъ тѣхъ событій, которыхъ они были очевидцами въ Москвѣ, остался одинъ высочайшій рескриптъ на имя г. Гирса. Вездѣ за границей онъ принятъ былъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. «Мы убѣждены, говоритъ берлинская National Zeitung, что политика, исключающая всякіе завлекательные планы, имѣющая въ виду лишь мирное развитіе внутреннихъ силъ Россіи, благо ея сыновъ на всѣхъ поприщахъ гражданской жизни, развитіе всякаго полезнаго труда и поддержаніе дружественныхъ отношеній съ другими державами окажетъ великую услугу Россіи и ея государю. Дай Богъ русскому государю найти надлежащіе пути для реальнаго осуществленія столь возвышенныхъ и благихъ намѣреній»! А «Times» въ свою очередь замѣчаетъ: «Эра мира, торжественно возвѣщенная императоромъ Александромъ съ высоты своего московскаго трона, облагодѣтельствуетъ его имперію и упрочитъ ея внутреннее преуспѣяніе. Интересы царя и его народа—одни и тѣ-же; это—благосостояніе государства и развитіе народной свободы».—Высочайшій манифестъ обходится въ иностранной печати больше молчаніемъ. За границей смотрятъ на него, какъ на обычный актъ милосердія, совершаемый всѣми русскими государями въ ознаменованіе дня своего вѣнчанія на царство.

Digitized by Google

Въ общемъ, въ иностранцахъ осталось, судя по послѣднимъ отзы-

вамъ ихъ печати, какое-то неудовлетворенное чувство, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствующее тѣмъ пылкимъ ожиданіямъ и восторгамъ, съ которыми они ѣхали въ Москву. «Мы не думаемъ, говоритъ одна изъ вѣнскихъ газетъ, чтобы конечныя впечатлѣнія, вынесенныя всѣми корреспондентами, по существу своему разнились между собой. Коронація, по пышности придворной и церковной, превзошла все, что только могла измыслить самая смѣлая фантазія. Западно-европейскій вкусъ сочетался съ чарами востока, чтобы создать нѣчто невиданное и неслыханное. Все дышало мощью, пышностью и великолѣпіемъ, какъ въ волшебной сказкѣ. Но оно и было волшебной сказкой. Пока горѣла волшебная Аладинова лампа, все сіяло чудодѣйственнымъ блескомъ; но она погасла—и воцарилась прежняя мгла и остался все тотъ-же, полуазіятскій, полуевропейскій, но во всякомъ случаѣ, диковинный городъ Москва. Тотъ волшебный мостъ, который соединялъ высшія сферы съ народомъ, разсѣялся, какъ дымъ въ воздухѣ... Движеніе смѣнилось тишиной. Но не той благодатной тишиной, которая сбираетъ новыя силы на новое дѣло; а той равнодушной тишиной, въ которой глохнутъ силы, притупляются чувства, а духъ отсутствуетъ. Только иностранцы, послѣ чуднаго отдохновенія на празднествахъ, возвратятся домой, чтобъ съ освѣженными силами приняться за новые труды. Русскіе-же вернутся въ свою прежнюю колею».

Такое настроеніе за границей наглядно сказалось на европейской биржѣ, этомъ самомъ чуткомъ термометрѣ общественной температуры. Вѣянія изъ Россіи не только не повысили, а даже понизили эту температуру. Довѣріе къ нашимъ финансамъ не возстановилось, а, напротивъ того, курсъ нашего рубля упалъ, и довольно значительно. И это, не взирая на благопріятныя вѣсти объ ожидаемомъ у насъ обильномъ урожаѣ, а слѣдовательно, не взирая и на предстоящій усиленный вывозъ хлѣба изъ Россіи...

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»).

Оселъ и Соловей.

(Варіація на басню Крылова.)

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ: «Послушай-ка, почтенный!
Ты, говорятъ, пѣвецъ отмѣнный...
Хотѣлъ-бы очень я
Твое услышать пѣнье,
Чтобъ высказать о немъ свое сужденье.
Я опытный судья, въ искусствахъ я знатокъ...
Я слышалъ множество пѣвцовъ:
И попугаевъ, и сорокъ,
И ласточекъ, и совъ...
А вотъ съ тобой, признаться,
Не приходилось мнѣ встрѣчаться.
Пожалуйста, не трусь и не робѣй...
И что нибудь мнѣ спой, любезный соловей!»
На рѣчь ослиную въ отвѣтъ
Запѣлъ восторженно поэтъ...
Любовью и тоской та пѣснь была полна,
Дика, какъ буря, какъ гроза ужасна,
Какъ ночь осенняя грустна,
Какъ утро вешнее прекрасна!
Отважный гулъ кровавой битвы
И звуки тихіе молитвы,
Мѣняясь съ дивной красотой,
Звучали въ пѣснѣ той.
Внимало всё пѣвцу любви,
Внимало всё пѣвцу свободы:
Притихли рѣзвые ручьи
И прослезились неба своды!..

Digitized by Google

Пѣвецъ умолкъ... Уставясь въ землю лбомъ,
Оселъ сказалъ: «Поешь ты славно... и притомъ
Такъ смѣло, громко, внятно...
Но пѣснь твоя мнѣ что-то непонятна...
Беретъ сомнѣніе меня,
Ужь нѣтъ-ли въ этихъ трелях непонятныхъ
Какихъ нибудь «идей превратныхъ»?..
Поешь прекрасно ты, не спорю я,
Но надобенъ надзоръ, мой милый, надъ тобой...
Городовой, городовой!..
Сведи въ участокъ Соловья...
Тамъ разберутъ, братъ, эти пѣсни
И ужь найдутъ, хоть ты тамъ тресни,
Законъ для всѣхъ твоихъ затѣй...»
Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей!..

Горесмѣховъ.

Моя бабушка.

Ахъ, бабушка моя ужасно экономна:
Не только что рубли, копѣйки бережетъ,
И счетъ имъ въ книгѣ преогромной
Съ отмѣннымъ рвеніемъ ведетъ!
Но что-же? все не въ прокъ: бѣднѣетъ годъ отъ году
Старушка скромная, едва сводя концы...
Отъ фабрики лишь прахъ остался, отъ заводу—
Одни щипцы.
Имѣнье все въ долгахъ... Диковина, и только!..
Но какъ-то къ бабкѣ я проѣздомъ заглянулъ,
И мигомъ все смекнулъ
Настолько,
Что ахнулъ и вздохнулъ:—
Увы! стремясь душой наивной къ сбереженью,
Рабочихъ бабушка метлой съ двора гнала,
А нѣмца, кучеровъ и прочій людъ въ имѣньѣ
Всѣхъ въ *сторожей* произвела!..

А. Д—скій.

Digitized by Google

Политическому поэту.

(На мотивъ изъ Гейне).

Поэтъ, поешь ты, какъ Тиртей,
Исполненъ мужества и силы;
Но все-же, вѣрь, своихъ идей
Не воплотишь ты до могилы:
Ты выбралъ времячко не то
Для строфъ и грозныхъ, и могучихъ;
Вѣрь,—не послѣдуетъ никто
Призыву пѣсенъ этихъ жгучихъ,
Хотя, быть можетъ, и прочтутъ
Ихъ съ удовольствіемъ нескрытымъ
И даже болѣе—вздохнутъ
Вслѣдъ за поэтомъ ядовитымъ...
Но тѣмъ и кончится! Не жди,
Что за тобой въ огонь и воду
Готовъ читатель твой идти,
Борясь, какъ должно, за свободу...
О, нѣтъ! читаетъ онъ твои
«Плоды любви и вдохновенья»,
Чтобы убить часы свои,
Иль облегчить пищеваренье!..

А. Д.

Крыса въ редакціи.

Современная басня.

Одна изъ крысъ, какихъ теперь немало
Въ Россіи развелось на общій всѣмъ скандалъ,
Зашла въ редакцію и тамъ, принявши зало
За благодѣтельный «подвалъ»,
А гонораръ—за сало,—
Разлакомилась всласть.
И надо вамъ сказать, что крыса та шальная
Не то, чтобы была ученая большая,
А просто грызть имѣла страсть,
Какъ воры—красть.

Digitized by Google

Такъ вотъ она и въ книгѣ гонорарной
Зубокъ свой поточить задумала коварный.
Но, на бѣду, забыла эта тварь,
Что у редакціи бываетъ секретарь,
Обязанность котораго прямая—
Не разсуждая,
Беречь сію скрижаль,—
И онъ замѣтилъ крысѣ:
«Уймися»!
Но видно ей разстаться было жаль
Съ знакомымъ лакомствомъ (кому оно не мило!)—
И пискъ такой проказница пустила,
Что потревожилъ даже онъ
Газетъ россійскихъ мирный сонъ! *)
Но тѣ признали хоромъ
Все дѣло—вздоромъ.
А крыса, между тѣмъ, съ позоромъ
Ушла домой,
Унесши, впрочемъ, въ видѣ дара,
«Излишекъ» малый гонорара
Съ собой.

Нравоученіе отсюда:
Не кушай лакомаго блюда;
А если ѣшь, такъ ужь отнюдь
La modestie не позабудь!!

Журнальный Котъ.

---

*) Удивительно, право, какъ еще эта блудливая крыса не вздумала требовать «суда чести», по примѣру недавняго казуса съ г. Модестовымъ.
Примѣч. наборщика.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“,

ВЫШЕДШИХЪ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ

1883 г.

ЯНВАРЬ № 1.

Стр.

I. Въ наше смутное время. Романъ въ 3 ч. П. Лѣтнева. ч. 1-я. 3
II. Наша литературная критика. П. Д. Боборыкина. 63
III. На арестантскомъ пароходѣ. (Путевыя впечатлѣнія). Ф. Д. Нефедова. 82
IV. Уличный букинистъ. (Изъ Сырокомли). Стихотвореніе Омулевскаго. 114
V. О средней школѣ и университетѣ. В. И. Модестова. . . 118
VI. За роялемъ. Стихотвореніе П. В. Быкова. 140
VII. Сфинксъ. Стихотвореніе Н. Щедрова. 141
VIII. Заграничные очерки. I. Прага. Е. П. Карновича. 142
IX. Два пути. Стихотвореніе Ф. Андреева. 167
X. Приспособлять или приспособляться? Л. К. Попова. 169
XI. Она его любила (Замокъ Монтреаль). Романъ въ 2-хъ частяхъ. М-съ Бреддонъ. 188
XII. Зимой. Стихотвореніе А. В. Круглова. 227
XIII. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ю. Г. Завистицкаго.
XIV. За ночь любви. Разсказъ Эмиля Зола. 270

Современное обозрѣніе.

XV. Наши внутреннія дѣла. 1
XVI. Политическая хроника. 27
XVII. Научная хроника. И. Д. 47
XVIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго. (Буквы). 64
2) Риемованные отголоски. Стихотворенія Н. Мизантропова, Духа и М. К. 77

Digitized by Google

ФЕВРАЛЬ № 2.

Стр.

I. Въ наше смутное время. Романъ П. Лѣтнева. Часть вторая. 3
II. По поводу предстоящей кодификаціи гражданскихъ законовъ. А. Загоровскаго. 50
III. Два креста. Стихотвореніе А. Круглова. 74
IV. Зимой. Стихотвореніе П. Быкова. . . . . —
V. Лѣсной вопросъ на югѣ Россіи и цѣль искусственнаго лѣсоразведенія въ степяхъ. М. В. Неручева. 76
VI. Горе. Стихотвореніе Г. Альтера. 85
VII. Изъ Мицкевича. Стихотвореніе Н. П. Семенова. 86
VIII. Она его любила. (Замокъ Монтреаль). Романъ М-съ Бреддонъ. 88
IX. На мигъ. Стих. А. Днѣпровскаго. 156
X. На мотивъ изъ Гюго. Стих. Л. Павловскаго. 157
XI. Герои и жертвы преступленій (изъ уголовной хроники Петербурга). В. О. Михневича. 158
XII. Приспособлять или приспособляться. (Съ естественно-исторической точки зрѣнія). Л. К. Попова. 185
XIII. Пѣсня молота. Стих. Е. Вернера. 206
XIV. Вѣчный студентъ. Галиційскій очеркъ. Захеръ-Мазоха. . . 207
XV. Заграничные очерки. II. Дрезденъ. Е. П. Карновича. . . . 220
XVI. Пѣсенка о правдѣ. Стих. С. Гореико. 244
XVII. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ю. Г. Зависѣцкаго. . 246

Современное обозрѣніе.

XVIII. Парижскія письма. IV. Л. Левиса. 1
XIX. Наши внутреннія дѣла 9
XX. Политическая хроника 28
XXI. Иностранная литература 49
XXII. Новыя книги. 61
XXIII. Научная хроника. И. Д. 71
XXIV. Балканскія письма. II. С. С. 88
XXV. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Анатоля Незабудкина, А. Д—кагои А. Меженинова 103

МАРТЪ № 3.

Стр.

I. Въ наше смутное время. (Оконч.). Романъ П. Лѣтнева. . 3
II. Вопросы желѣзнодорожнаго хозяйства. Е. Е. Карцева. 83
III. Два стихотворенія (изъ Мицкевича): I. «Разговоръ» и II. «Сонъ». Н. П. Семенова. 10

Digitized by Google

IV. Николай Александровичъ Бестужевъ по его письмамъ. С. В. Максимова 102
V. Два стихотворенія: I. «Иди» и II. «Судьба». А. Орлова. 122
VI. Борьба въ философіи. Статья 1-я В. И. Модестова. . . 125
VII. Панихида. Стихотвореніе М. В. Ватсонъ. 150
VIII. Она его любила. (Замокъ Монтреаль). Романъ М-съ Бреддонъ. (Конецъ 1 части). 151
IX. Царица-Нужда. Стихотвореніе Е. Вернера. 219
X. Изъ жизни лѣсной стороны. Вологдина. 220
XI. Въ лѣсу. Стихотвореніе П. В. Быкова. 249
XII. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ю. Г. Зависѣцкаго. 250
XIII. Въ походъ и изъ похода. (Воспоминанія 1866 года). Очерки Де-Амичиса. 278

Современное обозрѣніе.

XIV. Наши внутреннія дѣла. 1
XV. Политическая хроника. 26
XVI. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя») Стихотворенія Н. Мизантропова и Θ. Ч. 45

АПРѢЛЬ № 4.

Стр.
I. Изъ жизни лѣсной стороны (окончаніе). Вологдина. 3
II. Боги юга и сѣвера. Стих. Л. Цальмина 22
III. О правѣ экзекуціи, по актамъ начала XVIII ст. И. Е. Андреевскаго. 24
IV. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ю. Г. Зависѣцкаго. . 35
V. Узникъ. Стихотвореніе А. Днѣпровскаго. 69
VI. Борьба въ философіи. (Статья 2-я). В. И. Модестова 71
VII. Она его любила. (Замокъ Монтреаль). Романъ М-съ Бреддонъ. Часть II. 97
VIII. Воспоминаніе. Стих. Е. Вернера. 162
IX. Слетовъ. Разсказъ Ф. Д. Нефедова. 163
X. Герои и жертвы преступленій. II. (Честные убійцы). В. О. Михневича. 221
XI. Два стихотворенія: 1) Передъ бурею и 2) Пѣсня нищихъ дѣтей (изъ Ришпена). А. Тамбовцева. 243
XII. Въ минуту раздумья. Стих. М. Лачинова 244
XIII. Влюбленныя дѣти. Эпизодъ изъ романа Э. Золя. Переводъ П. Лѣтнева. 246

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

XIV. Наши внутреннія дѣла 1
XV. Политическая хроника 26
XVI. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя"):
1) Рябь и зыбь роднаго прогрѣсса. И. Ф. Василевскаго. . 39
2) Стихотворенія Бригадира, Карая Незлобиваго поэта 54

МАЙ № 5.

Стр.
I. Кошмаръ. Романъ Ю. Г. Зависелцкаго 3
II. Борьба въ философіи (оконч.). В. И. Модестова 73
III. Огонь и пламя. Разсказъ Катреля 93
IV. Заграничные очерки. III. Берлинъ. Е. П. Карновича . . . 133
V. Моя пташка (изъ Мицкевича). Стих. Н. Н. Семенова . . . 143
VI. Раннею весною. Два стихотворенія. Горесмѣхова 144
VII. Рабочій классъ въ Парижѣ. Соціальные эскизы. Луи Поліа. 145
VIII. Изъ дневника. Стих. А. Крутикова 170
IX. *** Стих. Е. Вернера 171
X. Мечты и жизнь. Очеркъ. К. Назарьевой 172
XI. Она его любила. (Замокъ Монтреаль). Романъ М-съ Бреддонъ. 191
XII. Въ сумерки. Стих. Н. Щедрова 244

Современное обозрѣніе.

XIII. Наши внутреннія дѣла 1
XIV. Политическая хроника 22
XV. Новыя книги 42
XVI. Научная хроника. И. Д. 46
XVII. Польскій театръ въ Петербургѣ. Р. Сементковскаго. . 63
XVIII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):
1) Камчадальскія мелодіи, обращенныя къ россійскимъ запѣвалямъ. Камчадала 73
2) Въ альбомъ современникамъ. Стих. Н. Мизантропова . 77

Digitized by Google

ІЮНЬ № 6.

Стр.

I. Кошмаръ. Романъ Ю. Г. Зависѣцкаго 3
II. Вечерняя звѣзда. Стих. Л. Пальмина. 37
III. Памяти Царя-Освободителя. Стих. К. Ш. 38
IV. Заграничные очерки. III. Берлинъ (оконч.). Е. П. Карновича. 39
V. Фарисъ. (Изъ Мицкевича). Стих. Н. П. Семенова 53
VI. Мечты и жизнь. Очеркъ. (оконч.). К. Назарьевой. . . . 59
VII. *** Стихотвореніе Е. Вернера 105
VIII. Братья. (Изъ Роберта Пруца). Стих. С. Бердяева 106
IX. Рабочій классъ въ Парижѣ. Соціальные эскизы. Луи Поліа. 108
X. Она его любила (окончаніе). Романъ М-съ Бреддонъ. . . . 134
XI. Герои и жертвы преступленій. (Изъ уголовной хроники Петербурга). III. Воры. В. О. Михневича. 198
XII. Два стихотворенія: «Истина» и «Русской женщинѣ». П. Синицкаго. 222
XIII. Крикетъ. Романъ Л. Галеви 226

Современное обозрѣніе.

XIV. Высочайшій Манифестъ . . . . . I—XVII
XV. Наши внутреннія дѣла 18
XVI. Политическая хроника. 39
XVII. Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»):
1) Свинья и Оселъ. (басня). Ив. Безкрылова. 54
2) Подъ акомпанементъ гуслей. Атома 55
3) Рабъ. А. Д. 57
4) Камчадальскія мелодіи . . . . . —
5) Риѳмованные отголоски. Н. Мизантропова 59

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 7-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Галлюцинатъ. Разсказъ Я. П. Полонскаго 3
II. Удовольствія и страданія. (Съ біологической точки зрѣнія). Л. К. Попова. 47
III. На родинѣ. Стихотвореніе А. В. Круглова. 65
IV. Бѣднякъ. (Изъ Сырокомли). Стихотвореніе В. К.-К. 66
V. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Ю. Г. Зависѣцкаго. 69
IV. Рабочій классъ въ Парижѣ. Соціальные эскизы. Луи Поліа. (Продолженіе) 119
VII. *** Стихотвореніе А. Днѣпровскаго. 139
VIII. На Дону. Стих. Н. Щедрова. . . . . —
IX. Крикетъ. Романъ Л. Галеви. (Продолженіе). 141
X. Два стихотворенія. Ф. Андреева. 217
XI. Крестьянскія переселенія. (Историческій очеркъ). Л. В—на. . . 218
XII. Носить съ честью. Романъ М. С. Б. Переводъ съ англійскаго. . 233

Современное обозрѣніе.

XIII. Храмъ Плутона. (Письмо изъ Парижа). К. Ярошa 1
XIV. Наши внутреннія дѣла 11
XV. Политическая хроника 24
XVI. Фонографъ: (фельетонъ «Наблюдателя»):
1) Оселъ и Соловей. (Варіація на басню Крылова). Горсмѣхова 45
2) Моя бабушка. Стихотвореніе А. Д—скаго. 46
3) Политическому поэту. (На мотивъ изъ Гейне). А. Д. 47
4) Крыса въ редакціи. Современная басня. Журнальнаго Кота . . . . . —
XVII. Содержаніе книгъ «Наблюдателя за январь—іюль 1883 г. 49

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Въ 1883 ГОДУ.

(пятнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярiи по учрежденiямъ Императрицы Марiи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1883-мъ году на прежнихъ основанiяхъ, при участiи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованiю.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторiя народнаго образованiя.** IV) **Критика и библiографiя.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнiю» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцiй—систематическiй обзоръ (подъ названiемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленiй въ области народнаго образованiя въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованiя въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«разныхъ извѣстiй»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнiя по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенiя** къ журналу, куда входятъ: а) политическiя извѣстiя для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событiяхъ за границею; б) чтенiя для народа по всѣмъ предметамъ знанiя и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участiе своими трудами: *и. Акатовъ, д-ръ А. С. Виренiусъ, В. П. Воленсъ, Т. В. Докучаевъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, П. Мочульскiй, Я. Т. Михайловскiй, П. Новицкiй, С. Нурминскiй, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, И. С. Ремезовъ, Н. Смирновъ, И. О. Фесенко* и другiе.

Въ распоряженiи редакцiи имѣется много новыхъ матерiаловъ, которые частiю вошли въ первыя семь книжекъ (январь—iюль).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1883 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложенiями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Поварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета. Редакцiя отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтенiе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79 и 82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакцiя предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13½ р. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1883 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

Редакторъ-издатель **А. Пятковскiй.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и посылками*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. 7) Въ лѣтніе мѣсяцы, за отсутствіемъ редактора, для личныхъ объясненій редакція проситъ обращаться къ секретарю. Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google